

BOOK IN FASHION

Нуждаюсь в

НЕЙ

СЕРИЯ "ЛЕНСИНГТОН"

Элли Эверхарт ЛОНН

Элли Эверхарт

Нуждаясь в ней (Кенсингтон #1)

Пирс Кенсингтон. Двадцать пять лет. Миллиардер. Выпускник Лиги Плюща. Будущий генеральный директор. Член могущественного тайного общества. Его жизнь сложная. Беспросветная. Одинокая. Опасная. Поэтому, когда он встречается Рэйчел, добрую, милую, красивую студентку, он велит себе держаться подальше. Он ей не подходит. И все же, она идеальна для него. Луч света в его темном мире. Она все, что он когда-либо хотел, но не думал, что это возможно. Но быть с ней означает привести в свой мир. Мир, который ей не принадлежит. Мир, из которого он хочет сбежать. Мир, который ему придется прятать, чтобы защитить ее. Он должен отпустить ее. Но не может. Он уже ее любит. Она нужна ему. Так что он рискнет всем, чтобы быть с ней.

Содержание

#1.....	0005
ГЛАВА 1 ПИРС.....	0006
ГЛАВА 2 ПИРС.....	0008
ГЛАВА 3 РЭЙЧЕЛ.....	0013
ГЛАВА 4 ПИРС.....	0022
ГЛАВА 5 РЭЙЧЕЛ.....	0031
ГЛАВА 6 РЭЙЧЕЛ.....	0036
ГЛАВА 7 ПИРС.....	0045
ГЛАВА 8 РЭЙЧЕЛ.....	0049
ГЛАВА 9 ПИРС.....	0057
ГЛАВА 10 РЭЙЧЕЛ.....	0066
ГЛАВА 11 ПИРС.....	0076
ГЛАВА 12 РЭЙЧЕЛ.....	0084
ГЛАВА 13 ПИРС.....	0094
ГЛАВА 14 РЭЙЧЕЛ.....	0103
ГЛАВА 15 ПИРС.....	0110
ГЛАВА 16 РЭЙЧЕЛ.....	0115
ГЛАВА 17 ПИРС.....	0126
ГЛАВА 18 ПИРС.....	0132
ГЛАВА 19 РЭЙЧЕЛ.....	0138
ГЛАВА 20 ПИРС.....	0146
ГЛАВА 21 РЭЙЧЕЛ.....	0156
ГЛАВА 22 ПИРС.....	0165
ГЛАВА 23 РЭЙЧЕЛ.....	0172
ГЛАВА 24 ПИРС.....	0181
ГЛАВА 25 РЭЙЧЕЛ.....	0190
ГЛАВА 26 ПИРС.....	0200
ГЛАВА 27 РЭЙЧЕЛ.....	0210
ГЛАВА 28 РЭЙЧЕЛ.....	0217
ГЛАВА 29 ПИРС.....	0223
ГЛАВА 30 ПИРС.....	0233
Заметки.....	0236

**Элли Эверхарт
Нуждаясь в ней**

Переводчик: Ольга Вожова-Савченко

Редактор: Виктория Кузина

Вычитка: Ms. Lucifer

Художественное оформление: Ms.Lucifer

ГЛАВА 1

ПИРС

Лимузин проезжает ту часть Нью-Хейвена, в которой я никогда раньше не был. Полицейские сирены стихают вдали, и я вижу только старые кирпичные здания с окнами, которые либо разбиты, либо заколочены картоном. Граффити покрывают почти каждую поверхность: скамейки, рекламные щиты, дорожные знаки. Мы медленно проезжаем мимо женщины, толкающей тележку, заполненную картонными коробками и прикрытую одеялами. Ее волосы сальные и спутанные, и, похоже, что она не принимала душ вот уже несколько недель.

— Что мы здесь делаем? — спрашиваю я отца.

На его лице слабое подобие улыбки.

— Сейчас увидишь.

Мне не нравится, когда он улыбается. Когда другие люди улыбаются, это хорошо. Это означает, что они счастливы. Но когда улыбается мой отец, это либо потому, что он на публике и должен соблюдать правила приличия, принятые в обществе, либо произойдет что-то плохое. Поскольку я единственный человек в салоне лимузина, ему нет необходимости улыбаться. И это означает, что он что-то задумал.

У меня скручивает желудок, мышцы деревенеют. Не знаю, что он собирается делать, но отец привез меня сюда по какой-то причине. И я знаю, что это не хорошо.

Смотрю на него, сидя напротив.

— Скажи мне, что мы здесь делаем.

Он указывает в боковое окно.

— Ты видишь этих людей? Двое мужчин и женщина?

Он кивает на несколько бездомных людей в рваной одежде, их кожа потная от августовской жары и влажности. Женщина рыщет в мусорной корзине, а двое мужчин стоят так близко, шепчутся, вероятно, проворачивают какую-то сделку с наркотиками.

— И что с ними? — спрашиваю я.

Его взгляд задерживается в окне, когда мы проезжаем мимо еще парочки бездомных.

— Это отбросы общества. Остатки, которые всех нас тянут на дно. Занимают пространство и тратят ресурсы. Напрягают нашу экономику за счет своей зависимости от правительства.

Его взгляд возвращается ко мне.

— И все же они нужны. Они позволяют таким людям, как мы, хорошо выглядеть в глазах масс. Мы жертвуем деньги в приюты. Создаем рабочие места. Устраиваем благотворительные мероприятия. И взамен мы поставлены на пьедестал за наши добрые дела.

Я занервничал, когда он заговорил. Что-то должно произойти. Что-то плохое.

— Скажи мне, что мы делаем. Пожалуйста, отец. Просто скажи мне.

Мы остановились на знаке «стоп», и он лениво наблюдает, как бездомный мужчина, несущий сумку, пересекает улицу.

— Они служат другой цели. Той, которую я собираюсь тебе продемонстрировать.

— Я хочу уйти отсюда, — говорю я. — Поехали домой.

— Мы так и сделаем. Позже.

Его глаза все еще направлены на человека, идущего через улицу.

— Но сначала мы должны выполнить свою миссию.

— О чем ты?

Мое сердце забилося быстрее, а рука сжала сиденье.

Отец смотрит на меня.

— Расслабься, сынок. С каждым разом становится легче.

— Что становится? Пожалуйста, просто скажи мне, что мы здесь делаем.

Отец поднимается и слегка постукивает по стеклу, отделяющее нас от водителя.

Лимузин притормаживает, когда мы проезжаем приют для бездомных. Уже вечер, люди выстроились в очередь, вероятно, в ожидании еды. Наш водитель сворачивает на право, в переулок. Затем машина останавливается, а сам он выходит наружу.

— Пришло время, Пирс.

Теперь мой отец довольно улыбается, но его глаза темные, почти черные. Я вижу, как он запускает руку в карман у окна и вытаскивает пистолет с прикрепленным глушителем.

Мое сердцебиение снова ускоряется, в затылке покалывает от страха.

— Отец, что ты делаешь?

Он не отвечает. Нажимает кнопку, стекло ползет вниз. Я вижу человека спиной к нам, мочившегося на угол здания. Его седые волосы торчат в разные стороны, он в рваных джинсах, забрызганных грязью, испачканной белой футболке, покрытой пятнами.

Перевожу взгляд на отца, он пистолетом указывает на того человека. И потом, словно в замедленной съемке, его палец нажимает на курок, а затем отпускает.

— Нет! — Слышу собственный крик.

Но уже слишком поздно. Пистолет выстрелил. Звук, который он издал, просто тупое «хлоп», а не громкое, отражающееся эхо, как это было бы без глушителя. Я гляжу на человека, стоявшего у здания, но его тело теперь распростёрто на земле, а футболка пропитывается кровью, вытекающей из дыры от пули, прошедшей через его спину прямо в сердце.

Картинка смазывается, когда тонированное стекло поднимается. Я чувствую, как лимузин отъезжает. Медленно поворачиваюсь, чтобы посмотреть на отца. Пистолет исчез, а он наливает себе стакан скотча.

Смотрит на меня, а улыбка все еще, как приклеенная, на его лице.

— И это, мой сын, то, что значит быть Кенсингтоном.

ГЛАВА 2 ПИРС

Ранее в 1990 – х

Я лежу в постели, моя голая грудь скользкая от пота, а сердце колотится. Зажмуриваюсь, затем открываю глаза и вижу картину напротив моей кровати, а прямо под ней комод из темного дерева. И тогда звук Бетховена наполняет помещение. Это срабатывает будильник.

Снова закрываю глаза и потираю лоб. Это был просто сон, или, скорее, кошмар. Я годами не думал о том дне. Но вчера, по дороге на встречу с клиентом, когда машина притормозила на светофоре и, посмотрев направо, я увидел бездомного. Он справлял нужду на угол здания, и память о том, что тогда произошло, захлестнула меня.

Мне было шестнадцать, когда это случилось, и после того дня моя жизнь изменилась. Я изменился. Мой отец сказал, что это был мой первый шаг в становлении, как мужчины. Тогда я даже не подозревал, что дальше все станет только хуже. И что у меня не было выбора.

Моя жизнь была распланирована с того дня, как я родился. Наверное, даже прежде, чем я родился. И до сих пор я следовал плану. Сопrotивляться не было смысла. Даже если бы я каким-то образом смог избежать подобной жизни, то не уверен, что поступил бы так. Это единственная жизнь, которую знаю. Я даже не знаю, что означает жить, как нормальный человек. Человек, который просто живет своей повседневной жизнью, без всяких секретов. Не зная, что убивают, лишь бы доказать свою точку зрения. Чтобы показать, что ты мужчина. Член тайного общества. Кенсингтон.

— Выключи его, — бормочет голос рядом со мной. — Еще слишком рано.

Я поворачиваюсь, и нахожу в своей постели девушку. Она смотрит на меня, ее длинные светлые волосы рассыпаны по подушке. Глаза закрыты, и она улыбается.

— Выключи будильник и иди сюда, — говорит она, ее рука двигается вверх по моей ноге, направляясь к промежности. — Я еще не закончила с тобой.

Внутри меня разгорается ярость. Какого черта она все еще здесь? Я не позволяю им ночевать. Это не их правило. Это мое правило. Но, очевидно, прошлой ночью я его нарушил. Слишком много выпил и, должно быть, уснул, и эта особа решила, что может спать в моей постели.

Я убираю ее руку.

— Тебе нужно уйти. Мне пора на работу.

Она стягивает с себя покрывало, выставляя свое обнаженное тело.

— Ты не можешь опоздать?

Мои глаза скользят по ней. Она великолепна. Большая грудь, плоский живот, длинные ноги, золотистый цвет кожи. Она может легко стать моделью. Это тело сможет продать что угодно. Одежда. Аромат. Кошельки. Обувь. Она из тех женщин, которых другие хотят убить, лишь бы выглядеть, как она. Я не уверен, насколько она реальна. Уверен, она пашет, как проклятая, чтобы так выглядеть. Ее груди определенно подделка, но кто бы это ни сделал, он отлично справился. Они смотрятся естественно. Их сделали с должным профессионализмом.

— Я не могу опоздать, — говорю ей, когда встаю с кровати. — Мне нужно привести себя в порядок. Ты можешь воспользоваться гостевой ванной, если хочешь.

Она пялится на мое обнаженное тело, и мне от этого некомфортно. Мне не нравится чувствовать себя незащищенным. Моя жизнь - это утаивание определенных вещей. Секреты. Ложь. Реальность о том, кто я и чем занимаюсь. Отворачиваюсь от нее и иду к шкафу за своей одеждой.

— Не одевайся, — слышу ее голос. — Такое тело должно быть на виду. Восхитительное. Мускулистое. — Она делает паузу. — Щедро одаренное.

Я игнорирую ее комплименты. Знаю, что она говорит их только потому, что обязана. Уверен, она говорит то же самое всем остальным, даже дряхлым старикам.

Я надел халат и развернулся, она стояла прямо передо мной. Голая. Ее рука пробирается под мой халат, в районе талии, и двигается южнее.

— Давай. Еще один раунд?

Она ласкает меня, демонстрируя свои навыки. И они у нее в этой области определенно есть. Опять же, она делает это постоянно. У нее много практики, знает, как физически угодить мужчине. Если бы она не была так хороша, они бы не держали ее в штате.

Я не знаю имя этой девушки, но она работает на нас. На организацию, секретную группу, частью которой я являюсь. Небольшая, но избранная община богатых, влиятельных людей, которые контролируют мир. Или, по крайней мере, так нам нравится думать.

— Разве тебе не хорошо? — она шепчет, ее мягкая рука все еще гладит меня.

Мои плечи расслабляются, и я наклоняю голову назад.

— Да.

Организация нанимает таких девушек, чтобы заботиться о потребностях своих членов. Большинство из них женаты по расчету, но жены не более чем ширма. Они занимают место рядом со своими мужьями на мероприятиях в высшем обществе или всякий раз, когда выходят в люди. Затем, за закрытыми дверями, они расходятся в разные стороны, удовлетворяя свои потребности за пределами супружеской кровати. Но у большинства мужчин нет времени, чтобы найти женщину хотя бы для того, чтобы переспать с ней, по крайней мере, правильную женщину. Мы не можем выбрать незнакомку в баре. Мы должны быть осторожными. Когда ты богатый и могущественный, ты не доверяешь никому, особенно девушке, которую только что встретил.

Таким образом, чтобы облегчить нам ситуацию, девушки идут бонусом с членством в обществе. Проходят психологический и физический осмотры, дабы убедиться, что они подходят для работы. В резерв кандидатов входят красивые женщины всех рас и национальностей. Некоторые бы сказали, что они элитные девушки по вызову, но мы называем их коллегами. Это кодовое слово, которое мы можем использовать в повседневной беседе, не опасаясь, что нас подслушивают. Только участники организации знают, и это стало чем-то вроде внутренней шутки. Я сегодня выпиваю с коллегой. Мы все знаем, что это означает. Даже жены знают.

В отличие от коллег, жены — одни из нас. У них правильное имя, хорошее образование, порядочная родословная. У большинства отцы или братья, которые входят в состав общества. Вот почему они в паре с нами. Они знают свое место. Они знают свое предназначение. И большинство с радостью приняли свою роль, даже если это означает жизнь в браке без любви.

— Боже, ты чувствуешь так хорошо, — я слышу ее слова, девушка прижимается ко мне, обвивая меня ногами.

Я не собирался трахаться с ней, но она меня завела, и теперь мы снова в постели, чтобы закончить начатое. Ее груди подпрыгивают перед моим лицом, но я закрываю глаза и пытаюсь представить себя в другом месте. С кем-то, кто мне дорог. Кто что-то ко мне чувствует. Я не знаю, почему это делаю. Почему я представляю подобное, зная, что такого у меня никогда не будет. Я даже не уверен, что настоящая любовь существует. Если это так, я знаю, что никогда ее не испытаю.

Это мое будущее. Такая женщина, как она. Кого я не знаю. Кто-то, кто более чем счастлив меня развлечь, но кому наплевать на меня. Она просто выполняет свою ра-

боту. И завтра вечером она будет ублажать кого-то другого.

Так будет до конца моей жизни. Я всегда буду с такими женщинами, как она, даже если меня снова заставят жениться.

Мне выбрали жену в двадцать два года. Ей было столько же, и она только окончила Вассар по специальности «Русская литература». Я закончил Йельский университет по специальности «Финансы». Никто из нас не хотел жениться, но мы были молоды, послушны, и делали то, что нам говорили.

Ее звали Кристина, и она мечтала провести свои молодые годы, путешествуя за границей, а не играя роль жены Пирса Кенсингтона. И у меня не было желания играть роль ее мужа. Я был сфокусирован на прохождении аспирантуры в Гарварде и старался учиться как можно усерднее, чтобы когда-нибудь доказать своему отцу, что я лучше управляю нашей компанией, чем он.

После нашей с Кристиной свадьбы, смехотворно стилизованной под летнюю, и на которой присутствовали шестьсот ближайших друзей наших родителей, мы переехали в Бостон, где я учился в Гарварде и начал работать над своей MBA¹. Как и у других пар, у которых были браки по расчету, мы с Кристиной жили отдельными жизнями. Она проводила время, читая или принимая участие в благотворительных мероприятиях высокого класса, пытаясь занять свое место в качестве светской львицы. Я же посещал университет и проводил свободное время с одногруппниками, некоторые из них также были членами организации.

Мой брак с Кристиной был далек от реального. Мы с ней занимались сексом только один раз, в нашу брачную ночь. Мы думали, что должны хотя бы попытаться, учитывая, что мы были мужем и женой. Но это было неловко и дискомфортно, а закончилось тем, что мы оба решили никогда больше не сближаться. Мое влечение к ней было нулевым. Она среднего роста с рыжеватыми волосами до плеч, стянутыми в пучок на затылке, что делало ее в глазах окружающих намного старше, чем было на самом деле. Она не любила гулять или вообще какую-либо физическую активность, предпочитая сидеть дома и читать. Образ жизни, который не шел на пользу ее телу. Ее кожа была бледной, и сама она была очень худой, без намека на мышцы.

Брак завершился год спустя после того, как Кристина призналась, что она лесбиянка. Я подозревал нечто подобное, когда впервые встретил ее, но она умело скрывала это десять месяцев нашей супружеской жизни. Организация решила, что Кристина не сможет адекватно притвориться моей женой, учитывая ее сексуальные предпочтения, и поэтому позволила нам развестись. Это была лучшая новость за последние годы. Кристина была достаточно милой девушкой, но я с облегчением расторгнул брак, как и она.

Я больше никогда не хочу жениться, но знаю, они заставят меня. Быть холостяком не принято в моем мире. Не только среди моих богатых друзей, но и в моей деловой жизни. Когда-нибудь я буду генеральным директором «Кенсингтон Кемикал», и наши клиенты, и деловые партнеры, скорее всего, будут доверять генеральному директору со стабильной семейной жизнью, чем одинокому холостяку. И мне нужно, чтобы кто-то сопровождал меня на светские мероприятия.

Но после моего развода почти два года назад, я ни с кем не встречался. Думаю, они хотят, чтобы я достиг высот в карьере, прежде чем они подтолкнут меня к другому браку. Или, может быть, они думают, еще слишком рано. Мой мир - это внешний вид, и было бы лучше, если бы я выждал несколько лет, прежде чем снова жениться.

После моего развода с Кристиной я получил MBA, а затем вернулся в Коннектикут. Меня ждала должность в «Кенсингтон Кемикал» под руководством отца, генерального директора. Мне сейчас двадцать пять, и я провел последний год, работая и изучая бизнес.

Мыслями возвращаюсь к женщине, которая делает то, что она умеет лучше всего.

Мое тело инстинктивно напрягается, когда я кончаю, а затем расслабляется, когда я скатываюсь в сторону. Она отодвигается от меня и просто лежит на кровати.

— Ты ведь не собираешься им рассказывать? — спрашивает она.

— Тебе не стоило этого делать. — Я встаю с кровати, надевая халат. — Ты знаешь правила. Не спать здесь.

Она садится на колени, чуть не плача.

— Я слишком много выпила. Устала. И заснула. Это была случайность. Я не хотела. И я пыталась заглядеть свою вину этим утром.

— Я не просил об этом. А что касается алкоголя, то твоя обязанность - ограничить себя, чтобы подобное не происходило.

Она кивает и смотрит в пол.

Полагаю, в ее глазах я веду себя как редкостный мудака. Она молода и красива, но каким-то образом вынуждена выполнять подобную работу. Мне любопытно, как давно она в деле. Вербовка может быть выполнена любым из членов, хотя я сам ни разу этого не делал. Как это работает? Партнер находит красивую молодую девушку и предлагает воплотить ее мечты в реальность за определенную цену. Для некоторых из этих девушек мечта - стать моделью или актрисой. Другие просто хотят много денег, чтобы тратить, как им угодно.

Независимо от мечты, цена заключается в том, что они должны заботиться о физических потребностях членов организации. Я уверен, что эта девушка не хочет этого делать. Но теперь она завязла. Она никогда не выберется. Когда потеряет внешнюю привлекательность, что сделает ее нежеланной для остальных, ее все равно будут контролировать, лишь бы убедиться, что она не раскроет свой рот и не выболтает наши секреты.

— Как тебя зовут? — обращаюсь к ней. Я же не знаю их имен.

Она осторожно смотрит на меня.

— София.

— София, ты должна уйти. И я больше не хочу тебя видеть. Если ты заметишь мое имя в списке, другая девушка придет вместо тебя. Я не скажу никому, что ты провела здесь ночь, но в следующий раз ты должна быть более осторожной. Они очень строги по отношению к Правилам. Если бы это был кто-то другой, ну, ты знаешь, что могло бы случиться.

Она качает головой.

— Нет. Не знаю. Что могло бы случиться?

Разве они не сказали ей? Может, она новенькая. Это первый раз, когда я был с ней, и она выглядит примерно на двадцать или двадцать один. Тем не менее, они должны были озвучить ей правила и наказание за их нарушение.

— Ты можешь пострадать.

Мне нужно быть с ней честным. Нарушение правил послужило причиной смерти других девушек. Я не знаю наверняка, но предполагаю, именно это и случилось, когда я больше никогда не видел ни одну из них.

Она встает с кровати, прикрываясь простыней.

— Они никогда не говорили об этом. Когда я начала работать, никто ничего не говорил о...

— София, у меня нет времени на обсуждения. Мне нужно на работу.

Она кивает.

— Хорошо. Прости меня, я уйду.

Подхватив свое нижнее белье с пола, в спешке одевается.

Я иду мимо нее в уборную.

— Водитель ждет внизу. Он отвезет тебя обратно.

— Спасибо.

Я оглядываюсь назад, она пытается застегнуть платье. Возвращаюсь и помогаю ей. Она поворачивается, касаясь моей руки.

—Ты хороший человек, Пирс. Не такой, как остальные.

И затем она наклоняется, хватая свои туфли и исчезает за дверью.

Хороший человек. Она заблуждается. Если бы она только знала, что я сделал.

Я не хороший человек. Я Кенсингтон.

ГЛАВА 3 РЭЙЧЕЛ

Я тащу продукты вверх по трем лестничным пролетам в свою квартиру, пот стекает с моего лба. В такие моменты я отчаянно мечтаю, чтобы в этом доме был лифт. Это старое, очаровательное здание, и мне оно нравится, за исключением лестницы. И обычно я не возражаю, но сегодня снаружи ужасно жарко и влажно, и подниматься по ступенькам - смерти подобно.

В Коннектикуте осень, почему же так жарко? Технически еще не совсем осень. Только первое сентября. Может через неделю или две станет прохладнее.

Мой телефон звонит, когда добираюсь до квартиры. Быстро открываю дверь и мчусь на кухню, бросая четыре тяжелых пакета на стойку.

Хватаю телефон со стены, дергаю за шнур, пытаюсь распутать.

— Привет?

— Привет, милая, это мама.

— Привет, мам. Я только пришла. Немного запыхалась.

— Ты должна переехать в место получше. Туда, где есть лифт.

— Мне он не нужен. Ходьба по лестнице сродни физкультуре. И моя квартира близко к школе.

Я аспирант Хиршфилда, небольшого колледжа гуманитарных наук в Нью-Хейвене. При нем не так уж и много студенческого жилья, и квартиры рядом все заняты, так что мне пришлось поискать апартаменты недалеко от Йеля, но, благо, до Хиршфилда всего несколько миль.

— Мы с твоим отцом уже соскучились по тебе, — говорит мама. — Две недели недостаточно.

— Я знаю.

Начинаю выгружать продукты, первая на очереди морозильная камера.

— Я тоже скучаю по вам, ребята, но возобновляются занятия, и я не могу уделять вам больше времени.

Моя специальность - история, и я работаю неполный рабочий день в музее. Главенствую на стойке регистрации, но также провожу туры, которые являются моей любимой частью.

— Я вернусь на День Благодарения. Осталось всего несколько месяцев. Надеюсь, папа не планирует снова жарить индейку.

Мои родители живут на ферме, и в прошлом году мой отец почти сжег сарай, пытаясь приготовить индейку. Мама не позволила ему установить фритюрницу где-нибудь рядом с домом, поэтому он отнес ее туда, и он загорелся. К счастью, папа потушил огонь до того, как был нанесен реальный ущерб.

— Дни, когда твой отец жарил индейку, закончились.

Она смеется.

— В этом году индейка займет место в духовке. Пока я не забыла, твой отец хочет, чтобы я купила билеты, и мы прилетели на твой выпускной. Но если ты возвращаешься, я подумала, может, мы с твоим отцом просто поедем туда и поможем с переездом.

Я выпускаюсь в декабре, и моя мама открыто намекала, что я должна сразу же вернуться в Индиану. Она хочет, чтобы я жила рядом, а она могла постоянно меня контролировать. Мама стала гиперопекающей после того, как моя сестра-близнец умерла от рака. Это произошло, когда мне было шесть лет, и мама думала, что я тоже заболею. Она брала меня к врачу всякий раз, когда у меня был хоть малейший намек на простуду.

Даже сейчас она постоянно беспокоится обо мне. И не только о моем здоровье.

Обо всем. Она не любит, когда я езжу или хожу куда-нибудь одна. Она не хочет, чтобы я гуляла ночью. Она против, чтобы я встречалась с парнем, если она не знает его семью.

У нее так много правил и так много ограничений, что я чувствовала, как задыхаюсь, живя с ней под одной крышей. Я люблю ее и знаю, что она желает мне только добра, но мне нужно было немного личного пространства. Поэтому, я втайне обрадовалась, когда Хиршфилд предложил мне стипендию, покрывающую половину стоимости моего обучения. Это дало мне повод покинуть Индиану и, наконец, стать самостоятельной.

Я живу здесь уже год, и мне нравится. Все в новинку и совсем иначе, чем дома. И я чувствую, что нахожусь в своем собственном мини-приключении. Мне только что исполнилось двадцать четыре, и я, наконец, живу в полную силу. С родителями я всегда чувствовала себя ребенком, потому что они отказывались позволить мне повзреть.

— Мама, давай, купи билеты на самолет. Я не знаю, что буду делать после окончания школы. Моя аренда продлится до конца декабря, и я надеюсь получить к тому времени работу, так что не буду переезжать обратно.

— В Индиане тоже есть исторические музеи. Ты должна хотя бы попытаться подать заявление.

Мама предложила это, когда я была дома на прошлой неделе. Даже дала мне несколько брошюр о музеях Индианы, проехав до туристического информационного киоска на шоссе, чтобы их заполучить. Я просто взяла их и ничего не сказала. Она знает, что я не хочу возвращаться домой. Хочу устроиться на работу в большой исторический музей в мегаполисе, таком, как Нью-Йорк.

Когда я не отвечаю, она говорит:

— Ну, думаю, я куплю билеты. Мы всегда можем задержаться и помочь тебе собрать вещи.

Я тянусь вглубь пакета за мороженым. Коробка уже мягкая, она хлопает в руке, и спадает крышка. Итог – сладкая масса повсюду.

— Мама, мое мороженое растаяло, и теперь от него огромный беспорядок. Нужно прибраться. Я позвоню тебе позже. Передай папе привет.

— Передам, милая. Пока.

Мороженое - в раковину. Ополаскиваю руку и хватаю бумажное полотенце, чтобы высушить воду, затем иду к кондиционеру, размещенному в окне, и включаю его на максимум. Вентилятор ускоряется, но воздух, выходящий из него, все еще теплый.

Выгружаю оставшиеся два пакета, убирая все, кроме шоколадного печенья. Достая миску, наполняю растаявшим мороженым, затем вскрываю пакет с печеньем и крошу его. Это мой любимый десерт. Мне особенно нравится, когда мороженое тает в печенье, поэтому тот факт, что мое мороженое подтаяло, на самом деле хорошо. Просто мне так больше нравится. Сейчас 6:15, так что я должна нормально поесть, но пока достаточно и этого.

Ложусь на диван и включаю телевизор. У меня нет кабельного, поэтому мои возможности ограничены. Когда клацаю каналы, слышу сирены за окном. Такое случается часто. Полицейские сирены всегда слышны. Моя квартира не в самом безопасном месте. Побег из дома имеет свою непривлекательную сторону. Но у меня никогда не было никаких проблем с законом, может потому, что я всегда осторожна, запираю дверь и не выхожу ночью.

Мои родители были здесь несколько раз, и когда моя мама увидела, где я живу, она стала еще больше беспокоиться за меня. Мама убеждена, что меня убьют, если я останусь здесь.

Есть много бездомных, которые тусуются в моем районе. Я предполагаю, что, по

крайней мере, некоторые из них были в тюрьме, и им было некуда идти, когда они вышли на свободу, поэтому оказались на улицах. И есть некоторые парни, которые живут в моем здании. Они похожи на обычных парней из колледжа, но я почти уверена, что они наркоторговцы.

Знаю, что здесь опасно, но я не позволяю себе переживать. Может быть, я наивна или слишком оптимистична, но предпочитаю верить, что люди по своей природе хороши, но потом что-то происходит, и они сворачивают на кривую дорожку. Я не оправдываю преступников. Просто говорю, что каждый заслуживает второго шанса, и мы не должны судить людей на основе ошибок, которые они совершили в прошлом. Это просто заставляет их идти неправильным путем, и они никогда не находят дорогу обратно.

Вот почему я работаю волонтером в приюте для бездомных раз в неделю. Я учу читать и писать тех, кто хочет учиться. Многие из этих людей никогда не заканчивали школу и не умеют читать, поэтому они не могут найти работу и живут на улицах. Некоторые из них были в тюрьме, но теперь они пытаются изменить свою жизнь, и я хочу им помочь.

Я не рассказывала родителям о своей волонтерской работе. Они бы одобрили, что я помогаю людям, но не тогда, когда увидели бы район, где расположен приют. Та часть города просто ужасна.

Кондиционер начинает охлаждать мою квартиру, но я все еще чувствую себя потной, мне жарко, и я быстро принимаю душ. Выйдя из ванной, чувствую, что голодна и пора поесть чего-нибудь существенного. Как аспирант, который работает неполный рабочий день, я ограничена в средствах, поэтому стараюсь не увлекаться едой на вынос. Но сегодня я слишком устала, чтобы что-то готовить, и я действительно хочу пиццы. Это ночь перед началом занятий, так что я могу насладиться своей последней ночью свободы с фаст-фудом.

Заказываю большую комбинированную, сажусь на диван, листая каналы, и пытаюсь найти фильм для просмотра. Я видела все, что показывали ранее. В старших классах мы с друзьями пересмотрели кучу фильмов. В маленьком фермерском городке больше нечем было заняться.

— Дерьмо!

Я слышу женский голос в коридоре.

— Проклятье!

Вскакиваю с дивана и мчусь, чтобы посмотреть в глазок. Девушка моего возраста, кажется, переезжает по соседству. У нее полно коробок. Все апартаменты меблированы, что делает переезд легче, так как вам не придется заморачиваться с мебелью.

Я выхожу в холл.

— Нужна помощь?

Девушка подпрыгивает, когда я обращаюсь к ней. Она, должно быть, не видела, как я выходила из квартиры.

— Возможно.

Она дернула ручку двери, пытаясь ее открыть.

— Эти двери хитрые. Ты должна держать ручку очень неподвижно, а затем повернуть ключ.

Она смеется.

— А я делаю прямо противоположное?

Я тоже смеюсь.

— Да, вроде как. Хочешь, покажу тебе?

Она протягивает мне ключ, и я открываю дверь без проблем.

— Ты просто должна попрактиковаться несколько раз.

— Спасибо.

Она берет ключ назад и засовывает его в карман своих шорт.

— Я Шелби. Твоя новая соседка.

— Я Рэйчел. Живу здесь чуть больше года. Я аспирантка в Хиршфилде.

— О, да?

Она хихикает.

— Так я живу рядом с гением.

Улыбаюсь.

— Я сказала Хиршфилд, а не Йель. Я не гений.

— Хиршфилд так же хорош, как Йель, так что, если ты учишься в Хиршфилде, ты гений. Вряд ли туда принимают всех подряд. И я это знаю, потому что раньше работала в приемной комиссии. Секретарем. Сейчас работаю в юридической фирме. Тоже в качестве секретаря.

— И как тебе, нравится?

Она пожимает плечами.

— Нормально. Это просто работа. Что-то, что помогает оплачивать счета. Я работаю только три дня в неделю.

Я киваю на стопку коробок у ее двери.

— Тебе нужна помощь с ними?

— Конечно. Не откажусь.

Шелби заправляет волосы за ухо, а затем дергает мочку.

— Дерьмо. Я потеряла сережку.

— Как она выглядит?

Она показывает мне свое другое ухо. Это крыло ангела с фальшивым бриллиантом в центре.

— Это дешевые серьги, так что ничего страшного.

— Я могу помочь найти ее.

— Все хорошо. Я думаю, она в машине. Позже поищу.

Она указывает на пол.

— Смотри под ноги. Из коробки выпала ваза. Вот поэтому я и кричала.

Я смотрю вниз и вижу зеленые осколки стекла вокруг ее сандалий.

— Я помогу убрать. Только совок возьму.

— Не обращай внимания. Потом сама уберу. Заходи.

Мы обе берем по коробке и заходим в ее квартиру. Она похожа на мою, но здесь жарче и намного более душно, потому что ее кондиционер не работает.

Она включает его, затем стоит прямо перед ним. От воздуха с вентилятора ее длинные светлые волосы развеваются. Она одета в обтягивающие красные шорты, которые открывают ее длинные ноги. Шелби ростом около ста восьмидесяти см, такого же роста, как и я. У нас похожее телосложение; худощавое, но с плавными изгибами в нужных местах, хотя ее груди намного больше, чем мои. Плотная белая майка едва их прикрывает.

— Что не так с этой погодой? — спрашивает она — Почему так чертовски жарко?

— Если хочешь, пошли ко мне, пока тут не станет прохладнее.

Шелби смотрит на меня.

— Ты откуда?

— Индиана. А что?

— Я знала, что ты не местная. Слишком милая. Итак... Индиана. Это считается средним Западом, верно?

— Да. Я выросла на ферме. Мои родители все еще живут там.

— Фермерская девчонка из Индианы, — говорит она с фальшивым южным акцентом. — Там все такие порядочные.

Я знаю, она шутит, но мне это не нравится. Ненавижу, когда люди смеются над

тем, откуда я родом. Достаточно пренебрежения со стороны моих профессоров, они ведут себя так, будто я менее умна и трудолюбива, чем студенты с восточного побережья.

Это совсем не так. Я работаю больше, чем кто-либо другой в моей аспирантуре, и у меня самые высокие показатели. У меня есть работа, в то время как мои одноклассники и вовсе не работают. Большинство выходцы из богатых семей и не нуждаются в деньгах.

— Возьму еще несколько коробок.

Я иду к двери.

— Эй!

Она бежит за мной, хватая за руку.

— Прости. Это было грубо, не так ли? Я не это имела в виду. Совсем. Я просто нервничаю, когда встречаю умных людей, потому что я даже не закончила среднюю школу. У меня есть GED². В любом случае, я не должна была смеяться. Я ничего не знаю о людях из Индианы. Ты первый человек оттуда, которого я встретила. Вроде неплохая, но можешь быть сумасшедшей шлюхой, которая продает наркотики на улице.

Я смеюсь.

— Класс, теперь это точно оскорбление. Я похожа на чокнутую шлюху, продающую наркотики?

Я одета в шорты, белую футболку и кроссовки, мои длинные каштановые волосы все еще мокрые после душа, и я без макияжа.

Она глянула на меня и постучала пальцем по губам.

— Хм. Я передумала насчет наркотиков. Но с таким телом ты можешь легко...

— Стоп.

Я шутливо толкаю ее в плечо.

— Я не продаю свое тело на улицах. Я даже не сплю с кем попало. Я не такая. Ты права. Я порядочная девушка со Среднего Запада.

Она наклоняет голову и хитро ухмыляется.

— Насколько порядочная? Что, никогда раньше...?

Я закатываю глаза.

— Не настолько. В смысле, да ладно, мне двадцать четыре.

— Ты делала это с мальчиками на ферме? Какие они? Они клевые?

Я иду в холл и хватаю коробку.

Она догоняет меня.

— Дерьмо! Я опять тебя обидела? Я идиотка.

— Ты меня не обидела. Просто я не рассказываю о своей личной жизни.

Возвращаюсь обратно и ставлю коробку на полу гостиной, затем сажусь на ее диван.

— Но да, я делала это с парнями. С несколькими, по правде говоря.

— Что это значит?

Она бросает коробку, которую несла, и мчится на диван.

— Ты не можешь ляпнуть нечто подобное, а потом просто замолчать.

— Нет. Извини.

Кладу ноги на ее журнальный столик.

— Ничего тебе не скажу.

— Это был секс втроем? С двумя парнями? — Она забавно морщится. — Это очень непорядочно.

Я смеюсь.

— Никакого секса втроем. Я просто так сказала, чтобы разрушить тот образ святой, что ты обо мне уже сложила.

Хватаю декоративную подушку, дергая за боковые швы.

— Я просто имела в виду, что у меня были парни, которые выросли на ферме.

Она забирается с ногами на диван.

— У вас все было серьезно?

— Эм, да, наверное. Я встречалась с одним из них почти год.

— Расскажи мне о нем.

Я отложила подушку в сторону.

— Я бы не хотела.

— Почему? Неужели он обманул тебя?

— Нет. Я просто не люблю говорить о нем.

Кто-то стучит в дверь в коридоре. Я встаю с дивана.

— Мне нужно идти. Пиццу доставили. Эй, хочешь присоединиться ко мне? Она огромная.

— Ты предлагаешь мне ужин? — Шелби вскакивает с дивана. — Ты такая милая! Я решила, что люблю людей из Индианы.

Я смеюсь.

— А ты откуда родом?

Она вздыхает.

— Нью-Хэйвен. Я отсюда не уеду. Наверное, никогда.

Я иду к двери.

— Пошли. И не переживай о напитках. У меня ледяной поп в холодильнике.

— Какой поп?

Я слышу, как она удивленно переспрашивает, когда иду в комнату.

— Содовая!

Я зову ее за собой.

Всегда забываю и говорю «поп», и люди здесь понятия не имеют, о чем это я. Как только я заказала поп в закусочной кампуса, официант сказал мне, что они не продают фруктовое мороженое. С тех пор я всегда прошу газировку, но в повседневной жизни иногда забываюсь и называю ее «поп».

Доставщик пиццы нетерпеливо ждет у моей двери.

— С вас \$11.59.

— Да, простите.

Я протискиваюсь мимо него, он не сдвигается ни на дюйм, и открываю дверь. Зайдя внутрь, беру немного налички и отдаю ему.

— Сдачу оставьте себе.

Забираю пиццу, а он разворачивается и спускается по лестнице, пересчитывая деньги на ходу.

Шелби появляется в коридоре, и мы заходим в мою квартиру.

— Клевое место, — говорит она в шутку, так как моя квартира выглядит в точности, как и ее. Та же планировка. Та же мебель. Тот же цвет стен.

— Да, я думаю, тебе понравится. — Ставлю коробку с пиццей на кухонный островок. — Если хочешь, я могу помочь тебе обустроить себе такое же.

Она смеется, когда достает стаканы из шкафчика. Наполняет их льдом, пока я достаю из холодильника содовую.

— Не против, если мы поедим перед телевизором?

— Конечно, это будет здорово.

Я хватаю тарелки и салфетки.

Она берет кусочек пиццы.

— Спасибо за ужин. Я очень голодна.

Мы берем тарелки и стаканы с содовой, переносим все на диван. Я вручаю ей пульт.

— Ты мой гость, так что можешь выбрать, что мы смотрим.

— Серьезно? — Она качает головой. — Ты слишком добрая. Я не могу поверить, что ты все еще остаешься такой, после того, как прожила здесь год.

Пожимаю плечами.

— Я просто вежлива. Вот и все.

Она листает каналы, выбирая кино.

— Смотри. Это один из тех романтических фильмов, адаптированных для телевидения. Это ужасно, но я почему-то их люблю.

— Я тоже. Давай посмотрим.

Через несколько минут мы в один голос говорим: «любовный треугольник».

Она смеется, указывая на экран.

— Я знала, как только этого парня приняли на работу в ресторан.

— Ага. Он тут же начал флиртовать с ней.

— Почему в таких фильмах всегда есть любовный треугольник? У большинства девушек достаточно проблем с поиском одного парня. Кто, черт возьми, пытается встречаться с двумя?

— Это просто кино. На самом деле в реальной жизни такого не случается.

Фильм прерывает рекламный блок, и я разворачиваюсь к Шелби.

— Так у тебя есть парень?

— Нет.

Она делает глоток содовой.

— Я не очень люблю отношения. Я просто приятно провожу время.

— Когда у тебя было настоящее свидание?

— Я не помню.

Она поднимает пульт и переключает на другой канал.

— Ненавижу ждать, пока закончится реклама.

— Это было так давно?

— Что?

— Твое свидание.

Она снова пялится в телевизор.

— Я не хожу на свидания. Большинство парней - мудаки. Трудно найти хорошего.

Она даже не смотрит на меня, когда отвечает.

Похоже, ей неудобно говорить об этом. Интересно, почему. Может быть, ей в прошлом причинили боль, и она решила отдохнуть от свиданий.

Я вроде как тоже. После того, как мы с Адамом расстались, я хотела вообще перестать встречаться с парнями. Не видела смысла. Все заканчивалось, как только парень понимал, что я не могу дать ему то, что он, в конце концов, хочет. Но потом я подумала, что, если парень действительно любит меня, может это не имеет значения. Может быть, он поймет и поддержит меня.

Несмотря на то, что я сама себя убеждаю в этом, мне все еще трудно ходить на свидания. Я встречалась с парнем из Йеля в прошлом году, но это не зашло дальше пары встреч. Потом я согласилась встретиться с парнем, обычным посетителем музея. Он учитель и привез туда своих учеников на экскурсию. Отличный парень, но на нашем третьем свидании он сказал мне, как сильно любит детей и хочет, по крайней мере, четырех своих. Когда-нибудь. Так что все закончилось практически сразу.

Все нормально. Мне не нужен парень. У меня все равно нет времени. Я слишком занята школой и работой.

Шелби указывает на телевизор. Фильм только что закончился, и на экране пробегают титры.

— Думаешь, она должна была выбрать Люка?

Люк - друг детства главного героя и часть любовного треугольника.

— Нет. Он ей не нравится. Она любит его, но только как друга.

— Да, должна быть химия, иначе не сработает.

— И, если есть только химия, то все равно ничего не выйдет.

У меня были оба этих варианта. У меня не было ничего, кроме искр с моим первым серьезным парнем, но мы не были друзьями. А потом с Адамом у нас была дружба, но не было искр.

— Как они находят друг друга? — спрашивает Шелби.

— В смысле?

— Просто, кажется, невозможно найти кого-то, кого ты любишь в качестве друга, но кого ты также безумно привлекаешь. И этот человек просто живет в том же городе, что и ты? И ты просто случайно с ним пересекаешься?

— Когда ты так говоришь, это звучит невыполнимо.

— Может быть, наши идеальные половинки на другой стороне планеты, и мы никогда не встретимся с ними.

— Это уныло.

Она вздыхает.

— Да. Согласна.

— Нам нужно мороженое. И печенье. Хочешь немного? Я уже ела, но сегодня я гуляю.

— Печенье и мороженое? — Она смеется. — Ты чертовски порядочная!

Я тоже смеюсь.

— Хватит меня так называть!

— Хорошо, но могу я называть тебя фермерской девчонкой?

Она съезживается, как будто я собираюсь ударить ее.

Вместо этого я игриво толкаю ее.

— Нет! Можешь звать меня Рэйчел. Вот и все.

Когда я иду за мороженым, она направляется к двери.

— Шелби, куда ты собралась?

Она останавливается на полпути.

— Мне нужно немного алкоголя. Вся эта сладость вызвала у меня жажду выпить. Крепкого ликера. Но для твоего изысканного вкуса принесу немного вина.

— Изысканного? Я обычная.

— Ты учишься в Хиршфилде, дорога-а-а-я.

Она говорит это, как богатые люди говорят по телевизору.

— Это значит, что ты утонченная.

Я качаю головой, улыбаясь, когда она исчезает в холле. Мне нравится Шелби. Она забавная. Я уже могу сказать, что мы поладим. Не только как соседи, но и как друзья. Их здесь у меня не так уж и много. В прошлом году я проводила время с людьми в моей магистерской программе. Мы ходили ужинать или выпивать, но я не называла их друзьями. Больше похоже на одноклассников. И все они закончили магистратуру в мае прошлого года, поэтому к настоящему времени нашли работу и разъехались. Моя выпускная программа должна была длиться только год, но поскольку мне пришлось работать, я не смогла вовремя закончить занятия.

— Извини, у меня только пиво.

Шелби возвращается с шестью банками.

— Пиво не сочетается с мороженым.

— Тогда мы съедим мороженое, а потом выпьем пиво. Все равно ему надо охладиться.

Она кладет его в мой холодильник, затем вытаскивает пейджер. Проверяет его и расстраивается, ее взгляд устремлен в никуда.

— Что случилось?

Она моргает.

— Ничего.

— Зачем тебе пейджер?

— Моя мама заставила меня купить. Я не часто бываю дома, и ей нравится, что в любой момент она может со мной связаться.

А я-то думала, что это моя мама слишком опекающая. Я бы возненавидела ее, если бы она заставила меня повсюду таскать с собой пейджер.

— Итак, что мы дальше смотрим? Есть еще какие-нибудь фильмы?

— Да, в коробке рядом с телевизором.

Она идет туда, и я замечаю напряжённость в ее теле, скованность ее плеч. Тот, кто послал сообщение на пейджер, должно быть, был тем, кого она не хотела ни видеть, ни слышать. Может, бывший?

Когда она просматривает фильмы, ее пейджер снова сигналил. Она проверяет его и становится еще более взвинченной.

— Черт, — бормочет она.

— Что случилось?

Она возвращается на кухню.

— Мне нужно идти.

— Что насчет мороженого?

Я указываю на две чаши, которые наполнены мороженым и посыпаны печеньем.

Она берет ложку и пробует.

— Мне нравится, но я не могу съесть его прямо сейчас. Можешь положить в морозилку, я завтра заберу?

— Эм-м, конечно.

— Спасибо за пиццу. Следующая с меня. Еще увидимся.

Она выбегает за дверь. Смотрю на часы, уже за десять. Куда она собирается так поздно? И почему она так отреагировала на сообщение? Ее рука дрожала, когда она взяла ложку, чтобы попробовать мороженое. С ней что-то не так.

ГЛАВА 4 ПИРС

Мое внимание рассеивается, пока мой отец довольно бурно обсуждает контракт с одним из наших дистрибьюторов. Я сижу в зале заседаний с восемью другими мужчинами, все из которых, по крайней мере, лет на тридцать старше меня. Но как сыну владельца мне дозволено участвовать в этих собраниях. На самом деле, «дозволено» означало бы, что я хочу быть здесь. «Обязан» - более точный термин.

У меня нет никакого интереса к химическим веществам, или к их производству или распространению. Но это семейный бизнес, и поэтому я, как ожидается, являюсь его частью и возглавлю в будущем. Последнее, чего мне хочется, это управлять компанией отца, но меня никто не спрашивает. Даже если он освободит меня от обязательств, секретная организация, к которой я принадлежу, заставит меня взять бразды правления.

Так как мой отец и я являемся ее членами, организации предоставляется полный доступ к продукции, которую мы производим. Они могут брать любые химические вещества, которые захотят, и использовать их для любых целей. Иногда нам говорят, каковы эти цели, а иногда нет. Мы не в том положении, чтобы спрашивать, и поэтому мы этого не делаем.

Если кто-то, кроме моего отца или меня, будет управлять «Кенсингтон Кемикал», они узнают, что происходит, и все закончится. Вот почему компания должна оставаться в семье, но так как я не планирую оставлять наследника, и когда я уйду, она перейдет одному из членов организации.

— Я больше не буду вести с ним переговоры, — говорит мой отец Ричарду, человеку, сидящему рядом со мной. — Передай ему, что таковы мои условия. И если он не согласится, наши отношения закончатся, как только истечет срок контракта.

— Но он наш единственный вариант на юго-западе, — говорит Ричард. — И он это знает, вот почему играет жестко.

Мой отец стучает кулаком по столу.

— Я не отступлюсь. Ты заставляешь его согласиться с нашими условиями, или ты уволен!

Люди за столом смотрят на отца со страхом в глазах. Ричард слишком напуган, чтобы перечить. Я единственный, кто расслаблен, делая пометки в блокноте. Я привык к тому, что мой отец ведет себя таким образом, и его сотрудники тоже должны, но судя по их реакции, очевидно, что нет.

— Каковы его требования? — Я обращаюсь к Ричарду.

Он делает паузу, как будто боится ответить, но затем говорит:

— Он хочет, чтобы мы внесли свой вклад в его страховые расходы. Затраты на перевозку вредных химикатов весьма высоки и продолжают расти каждый год.

Я поворачиваюсь к своему отцу.

— Не думаю, что его просьба неразумна.

Мой отец стреляет в меня глазами, чтобы я замолчал. Позже он будет в бешенстве. Я никогда не должен подрывать его авторитет, особенно перед другими людьми. Но если я собираюсь получить какое-либо уважение в этой компании, мне нужно начать делиться своим мнением и идеями. Я не могу просто сидеть на этих собраниях и ничего не говорить.

— Мы могли бы предложить заплатить двадцать процентов его страховых расходов, — говорю я. — Но взамен он должен найти для нас больше новых клиентов, чтобы покрыть наши расходы на страховку. Возможно, мы могли бы выиграть от покрытия расходов. Возможно, мы даже заработаем на этом.

Тишина. Мой отец молчит несколько очень долгих мгновений, а затем направля-

ет свое внимание на директора, сидящего в конце стола.

— Кавано, проанализируй затраты и выгоды плана, описанного Пирсом. Верни мне его в течение часа.

Он смотрит на человека рядом с Кавано.

— Сондерс, мне нужна детальная разбивка наших продаж и прибыли на юго-западе и сроки, когда истекают наши контракты.

Наконец, он обращается к Ричарду.

— Не думай, будто земля не горит у тебя под ногами. Пирс только что купил тебе немного времени. Если мы решим следовать выбранному курсу, тебе нужно будет заставить дистрибьютора согласиться с нашими пересмотренными условиями. Если он не хочет оказаться на улице.

Он встает.

— Пирс, иди за мной.

Я следую за отцом по коридору в его кабинет. Когда мы доберемся туда, я буду готов к предстоящему бою. Знаю, он в ярости, но мне пришлось кое-что сказать на той встрече. Не могу продолжать работать здесь и никогда не высказывать свое мнение. Я не могу молчать до тех пор, пока мой отец не уйдет на пенсию, и я не займу его должность. Тогда никто и никогда не станет меня слушать.

Он закрывает дверь и подходит к окну, спиной ко мне.

— Это интересный подход к делу, который ты только что предложил. Учитывая то, что твоего мнения никто не спрашивал.

— Я просто задал вопрос и выдвинул варианты. Это просто предложение. Окончательное решение по этому вопросу остается за тобой.

— Очень актуальное предложение. Оно заслуживает рассмотрения.

Он поворачивается ко мне лицом, его глаза сузились.

— Тем не менее, ты никогда больше не будешь бросать мне вызов перед нашими сотрудниками.

— Я не бросал тебе вызов. Я был...

— Я еще не закончил! — Он подошел ближе ко мне. — Ты застал меня врасплох, и я не терплю такого поведения. Я не собираюсь выглядеть дураком! Являясь владельцем и генеральным директором этой компании, мой авторитет не должен быть оспорен! Особенно каким-то неопытным ребенком.

— Я не ребенок. Я взрослый человек с MBA из Гарварда. Я не глуп и не буду вести себя так, как ты хочешь. У меня есть идеи, как сделать эту компанию лучше, и я не собираюсь ждать, пока ты уйдешь на пенсию, чтобы их озвучить.

Мой отец глубоко вдыхает, пытаюсь успокоиться. Он не любит проявлять эмоции, даже гнев. Думает, это показывает отсутствие самоконтроля, а он человек, который контролирует всё и вся. Поэтому, когда он позволяет себе разгневаться, это означает, что он в ярости. И в данный момент на пределе.

— Если у тебя есть чем поделиться, — говорит он. — Идея. Предложение. Я готов выслушать. Но ты не будешь открывать рот на заседаниях. Ты обсудишь это здесь, в моем офисе или в другом уединенном месте.

— Если я когда-нибудь стану генеральным директором, мне нужно заработать уважение не только от наших сотрудников, но и от клиентов и отрасли в целом. И я никогда этого не добьюсь, если ты не позволишь мне делиться своими мнениями или рекомендациями с остальными. Я нуждаюсь в собственных решениях. Мне нужно, чтобы люди знали, что они исходят от меня.

Он размышляет мгновение, а затем говорит:

— На будущее, все свои мысли и идеи ты озвучиваешь мне в частном порядке. Если я соглашусь с ними, мы обсудим способы представить их в публичной обстановке, которая не повредит моей репутации или не подорвет мой авторитет. Если я ре-

шу представить их как свои собственные, я это сделаю. И ты даже не пикнешь. Ты понял?

Это не то, чего я хочу, но начало положено. По крайней мере, теперь я получу кредит на некоторые из моих идей.

— Да. Понял.

— Завтра за обедом мы поговорим обо всех твоих идеях и предложениях.

Он никогда не спрашивает, свободен ли я. Он просто ставит меня перед фактом, будто все мое время принадлежит только ему.

— Завтра не могу. У меня доклад в Йеле в полдень.

— Почему ты выступаешь в Йеле?

— Они попросили меня принять участие в их лекции. Они спросили несколько своих алум, все из разных областей.

— Какова тема твоей лекции?

— Этика в бизнесе, и как она развивалась со временем.

Он смеется, но это не очень похоже на смех. Обычно он даже улыбается с трудом.

— Этика. Интересно.

Он произносит это насмешливо, потому что в нашей компании этикой и не пахнет. Мы обманываем и лжем, и делаем все, что нужно, чтобы заработать деньги.

— Будь по-твоему, сынок. — Он садится за стол. — Это хороший пиар для нас. Заставить их думать, что мы следуем правилам. Когда эти студенты попадут в реальный мир, они узнают для себя, что этика - самый быстрый способ вылететь из бизнеса.

— Да, хорошо. Мне нужно вернуться к работе.

Я уйду, пока отец все еще в нормальном настроении. Я не ожидал, что все пройдет так гладко. Он, казалось, согласился с тем, что мне нужно начинать работать на полную, и высказывать свое мнение.

Мой отец редко со мной соглашается. Или если он это делает, то попытается скрыть. Для него согласие со мной означает, что он лишается контроля, а это для него неприемлемо. Вот почему он загнал меня в угол, велел встречаться с ним наедине, прежде чем я озвучу свои идеи на публике. Но ранее на той встрече я взял ответственность на себя. Я сделал то, что хотел, несмотря на то, что знал о грядущих последствиях. Это моя маленькая победа. Я противостоял отцу. И я победил.

Это было чертовски классно. Я, наконец, чувствовал, себя личностью, а не просто сыном Холтона Кенсингтона. Было приятно бросить ему вызов. И победить. Нужно сделать это снова.

Я проигрываю эту встречу в своей голове, что дает мне такой прилив адреналина, что больше не могу сидеть за столом. Сейчас 5:30 и я обычно на работе до восьми или девяти, но сегодня мне необходимо выбраться отсюда и отпраздновать свою маленькую, но важную победу.

Я еду в Уэстпорт, в один из моих любимых ресторанов, славящихся кухней из морепродуктов.

— Ваш обычный столик, мистер Кенсингтон? — интересуется хозяйка, едва я переступаю порог.

— Да, но сначала я выпью в баре.

— Конечно. — На ее лице улыбка. — Следуйте за мной.

Ресторан переполнен, и я приятно удивлен, что владелица всегда держит для меня столик. Это лишний раз доказывает, что означает быть Кенсингтоном.

— Скотч, пожалуйста, — делаю заказ бармену. — Неразбавленный.

Он кивает, как будто уже знает. Обычно я не сижу в баре, но я видел его раньше. Он примерно моего возраста. Я заметил, что он никогда не смотрит мне в глаза. Всегда нервничает, когда я рядом. И я не знаю, почему.

— Пирс Кенсингтон. — До меня доносится женский голос, и я чувствую руку на своем плече.

Оборачиваюсь. Вижу женщину немного старше меня в черном платье и на шпильках. Ее светлые волосы коротко подстрижены, обрамляя миниатюрное лицо.

— Да, а вы?

— Риэль Ханнифорд. Будущий генеральный директор Ханнифорд-групп.

Меня забавляет ее уверенность.

— Да неужели?

Ханнифорд-групп успешная инвестиционная компания, со штаб-квартирой в Гринвиче. Отец Риэль - генеральный директор, и у нее есть три старших брата, претендующие на эту должность, когда тот выйдет на пенсию. Я познакомился с ними на вечеринке в Хэмптонсе несколько лет назад, но до сегодняшнего дня не встречал Риэль.

Она садится рядом со мной.

— Ты сомневаешься в моих способностях?

— Нисколько. Твой отец скоро уходит на пенсию?

— Он думает над этим. Хочет уйти в политику.

— В качестве кого?

— Надеется баллотироваться в президенты.

— Амбициозно с его стороны.

Я делаю глоток скотча. Если бы она только знала, какая это трата усилий, она могла бы сэкономить отцу много времени и денег.

— Мы амбициозная семья.

Ее нога задевает мою.

— Мы ставим цель и добиваемся ее, поэтому я планирую стать генеральным директором.

— Тебе придется соперничать с братьями. Я слышал, они очень конкурентоспособны.

— Слишком уж для собственного блага. Вот почему я обгоню их и заберу компанию. Я более убедительна с клиентами. — Она потирает руки и улыбается.

Поворачиваюсь к бару, поигрывая скотчем в бокале.

— О моих инвестиционных потребностях уже позаботились.

— А о других твоих потребностях тоже?

Подношу бокал ко рту, глотая обжигающую жидкость. Я едва пробыл здесь пять минут, и мне уже предлагают секс. Еще одно преимущество быть Кенсингтоном.

Она все еще ждет ответа, поэтому я отвечаю:

— Я не завожу отношений.

— Хорошо. Я тоже. — Она машет бармену. — Разбавленный скотч.

Он выполняет заказ и пока наливает напиток, я мысленно рассматриваю ее предложение. Это безопасно, если придерживаться девушек, которые были предварительно одобрены. Тех, кто работает на нас. Но я знаю некоторых членов группы, выходящих за рамки заранее утвержденного списка. И сегодня я хочу попробовать что-то новое.

Я медленно потягиваю скотч.

— Покажи мне свои документы.

— Что? — Она смеется. — О чем ты говоришь?

— Я должен знать, что ты та, за кого себя выдаешь. Мне нужны твои документы, прежде чем мы продолжим.

— Ты серьезно?

Я человек, который любит риск, но я не идиот. Насколько знаю, эта женщина может быть проституткой или кем-то, кто пытается заработать денег или умудриться

забеременеть, чтобы получить их позже.

Я жду, пока она достанет бумажник. Покажет мне свои водительские права и идентификационный пропуск, предназначенный для доступа к офисному зданию своего отца. На ней есть ее имя и фотография.

— Теперь счастлив?

Она притворяется оскорбленной, но я думаю, что это игра. Некоторые женщины могут считать, что я задница, но многие из них, как мужчины, говорят, что думают.

Я не играю в игры с женщинами. Я говорю им, чего хочу, и не оставляю места для иного толкования. Если им не нравится, они могут уйти. Я не ищу девушку или жену. Мы лишь двое людей, удовлетворяющие потребности друг друга.

— Пошли. — Я бросаю полтинник на стойку, встаю рядом с Риэль, придерживая ее локоть. Наклоняюсь, чтобы прошептать ей на ухо. — Я не люблю ждать.

Она улыбается, когда я помогаю ей подняться. Мы покидаем ресторан и направляемся в сторону стоянки. Я следую за ней на своей машине. Не хочу, чтобы она знала, где я живу, и поехать к ней будет еще одним способом проверить, Ханнифорд ли она. Когда мы приехали, я узнал, что она живет в поместье Ханнифорд, но в гостевом доме, а не в главном.

— Это была еще одна проверка? — интересуется Риэль, когда я выхожу из своей машины. — Пойдем ко мне, а не к тебе?

— Осторожность не бывает излишней.

Мы заходим внутрь дома, который для гостевого слишком большой. Он оформлен в белом цвете. Белые стены, белые стулья, плюшевый белый ковер и мягкий белый диван. Слишком много белого.

— Хочешь чего-нибудь? — Она становится передо мной, ослабляя мне галстук. — Может, еще виски?

— Я здесь не для того, чтобы пить.

Снимаю пиджак и бросаю его на спинку дивана. Замечаю двери главной спальни.

— Идем.

— Сразу к делу, не так ли?

Я повел ее в спальню. Как только мы там окажемся, я сам сниму одежду прежде, чем Риэль попытается это сделать. Мне не нравятся женщины, раздевающие меня. Это слишком интимно. То же самое с поцелуями. Я стараюсь избегать их, когда это возможно, что не является проблемой для коллег. Они готовы на все. Но Риэль будет ждать поцелуя.

Она разворачивается, и я расстегиваю ее платье. Под ним очень дорогое белье. Я знаю, потому что мы покупаем такое же для коллег. Организация против, чтобы они выглядели как дешевые проститутки, поэтому мы предоставляем им высококачественное белье и одежду, которые можно носить только с нами.

Риэль поворачивается ко мне и тянется, чтобы поцеловать, пока я стаскиваю с нее белье. У нее отличное тело, но ее грудь определено подделка. Я не думаю, что когда-либо был с женщиной, у которой она была настоящей, кроме Кристины, но она не в счет.

Поцелуй жесткий, яростный, язык девушки как плеть у моего рта. Она ужасно целуется. И чем дольше это продолжается, я напрягаюсь. Я противник поцелуев, и мне не нравится, когда меня целуют, особенно те, кто даже не знает, как это делается.

Мне нужно остановить ее и уложить на кровать. Презерватив уже в моей руке. Я положил его в карман брюк, прежде чем выйти из машины, чтобы мне не пришлось потом рыться в бумажнике. Я всегда пользуюсь своими презервативами. Не хочу, чтобы партнерша продырявила их в надежде забеременеть. Это случилось с одним из членов организации много лет назад, поэтому мой отец научил меня носить собственные.

Я вскрываю пакет и надеваю его.

— Пирс, пока нет. — Риэль дуется, это раздражает. — Ты не поцеловал меня.

Она умоляет. Ненавижу, когда происходит подобное. Если бы я узнал об этом раньше, я бы сюда не пришел. Подумываю уйти, но в данный момент мне нужно не это.

— Нет сил терпеть, ты сводишь меня с ума, — говорю я, подпитывая ее эго. — Я больше не могу сдерживаться.

Она улыбается.

— Тогда вперед.

Вхожу в нее, медленно, чтобы дать ей время привыкнуть. У нас обычная договоренность, и мы оба должны получить удовольствие. Опускаю руку вниз, касаясь ее тела. Но Риэль отталкивает мою руку и прижимает меня ближе, впиваясь в мою спину ногтями, обхватывая ногами. Она говорит двигаться быстрее, что я и делаю, но прежде понимаю, что она уже кончила. Либо она притворялась, либо очень быстро достигает оргазма. Я жду, когда она уберет ногти с моей спины, а потом заканчиваю то, ради чего пришел.

Секс был неплох. Ничего выдающегося. Опять же, когда вы привыкли спать с профессионалками, у вас более высокие ожидания.

— Это было невероятно. — Риэль устраивается на моем плече, прижимаясь к моему боку. Мне это не нравится. Это слишком интимно. Я пришел сюда для секса, а не для обнимашек. Я не из тех, кто лежит в постели и обнимается. Когда мы заканчиваем, я встаю и ухожу. Или если я с коллегой, которая знает, что должна уйти, едва все закончилось. За исключением Софии, она не следовала протоколу.

— Мне нужно идти. — Высвобождаю руку и встаю с кровати.

Она привстает, подхватывая сползшую на ноги простынь.

— Почему бы нам не поужинать, а после повторить?

— Я не могу, — отвечая, надеваю брюки. — Мне нужно подготовиться к завтрашней встрече.

Теперь сожалею о том, что принял ее предложение. Это того не стоило. Риэль смотрит на меня, будто я первостатейный ублюдок, просто потому, что ухожу. Ей непонятен мой поступок. Раньше надо было думать, она не может менять правила по своему усмотрению.

Одевшись, я возвращаюсь в гостиную.

Риэль следует за мной, накинув халат. Белый. Кто бы мог подумать.

— Могу я дать тебе свой номер?

— Я предупреждал, отношения меня не интересуют.

Забираю свой пиджак со стула и обуваюсь.

— Окей. Тогда до свидания. Приятной тебе жизни.

Она смотрит вниз. Хочет, чтобы я пожалел ее, надеюсь, что я передумаю, и мы снова увидимся. Девушки проворачивали подобное со мной в колледже, и я попадался на это несколько раз. Но теперь я стал умнее. Риэль знала, на что шла.

— Прощай, Риэль.

Выхожу из дома, направляясь к своей машине.

Я голоден из-за пропущенного ранее обеда, поэтому останавливаюсь в ресторане, быстро перекусываю, а затем возвращаюсь к себе.

Не так я хотел провести сегодняшний вечер. Я должен был праздновать свою победу, но вместо этого я дома, чувствую вину за то, из-за чего в принципе вообще не должен переживать. Вот поэтому я использую услуги эскорта и избегаю реальных знакомств и отношений.

На следующий день я прихожу в офис рано, чтобы сделать кое-какую работу, прежде чем поеду в Йель. Мероприятие начинается в полдень, но это сорок пять ми-

нут езды до Нью-Хейвена, и я не хочу опоздать.

Я с нетерпением его жду. В отличие от большинства людей, мне нравятся публичные выступления. Я выступал в течение многих лет для различных мероприятий и участвовал в дебатах в средней школе. Никогда не читал лекции о деловой этике, но меня это не беспокоит. Я просто напомним о том, что прописано в бизнес-книгах об этике. Как сказал мой отец, мало кто на самом деле соблюдает ее в бизнесе, но студенты по-прежнему вынуждены изучать эту дисциплину.

Я добираюсь до Йеля в 11:45, позже, чем я планировал, но всему виной пробка на дороге. Ставлю свои вещи на трибуну, которая расположена в большом лекционном зале с многоуровневыми сиденьями. Студенты уже заполнили первые пять рядов, доходя свои обеды, ожидая начала. Эта серия лекций открыта для всех, но я предполагаю, что все присутствующие здесь учатся в бизнес-школе.

Здесь ничего не изменилось с тех пор, как я был студентом. Кроме меня. Я видел многое и делал не меньше за последние несколько лет. То, что заставило меня повзрослеть слишком быстро.

В полдень один из профессоров знакомит меня со слушателями, и я начинаю свое выступление. Этика - скучная тема, поэтому я стараюсь сделать ее интересной. Добавляю в речь примеры из реального мира, ссылаясь на компании, недавно оказавшиеся по уши в проблемах из-за этических нарушений. Моя лекция удерживает внимание восьмидесяти или около того студентов, находящихся в аудитории. Выступление длится всего полчаса, задаются вопросы, но в 12:15 я обращаю внимание, как дверь в лекционный зал открывается и кто-то заходит. Людям разрешено приходить и уходить, когда им вздумается, но напрягает, когда меня прерывают.

Я продолжаю говорить, и мой взгляд останавливается на опоздавшем. Это молодая девушка, возможно, ей около двадцати. Она высокая, с длинными темно-каштановыми волосами, в желтом платье. Найдя сзади свободное место, садится.

— А с недавними инцидентами в бухгалтерии... — Запинаюсь, когда вижу ее лицо. Она невероятно красива. Ошеломляюще. До такой степени, что я не могу оторвать от нее глаз.

Ее внимание сосредоточено на сцене, и я понимаю, что больше не говорю.

— Прошу меня простить. — Очищаю горло и пью воду, ведя себя так, как будто пауза была преднамеренной. — Как я уже говорил, недавние скандалы в...

Девушка наклоняется вперед, чтобы достать ручку из сумки, ее волосы рассыпаются по плечам. Она откидывает их назад, возвращаясь на свое место. Ее глаза устремлены вперед и встречаются с моими. Она слегка улыбается, и я делаю то же самое.

Кто-то кашляет в первом ряду, привлекая мое внимание к другим людям в зале. Дерьмо. Я снова остановился, а делать этого не хотел. Что со мной сегодня? Обычно я не отвлекаюсь так просто. И почему я так запыхался? Такое чувство, что мое сердце пытается вырваться из груди. Может быть, я выпил слишком много кофе этим утром.

Мой взгляд продолжает возвращаться к этой девушке, но я заставляю себя смотреть в сторону, чтобы закончить выступление, не отвлекаясь.

В 12:30 пришло время вопросов, и один из студентов поднимает руку.

— Задавай, — говорю я ему.

— Как вы считаете, как далеко должно зайти правительство, чтобы наказать неэтичные практики частных компаний?

Когда он говорит, я невольно снова смотрю на девушку, и забываю вопрос.

— Не могли бы вы повторить, пожалуйста?

Он выполняет мою просьбу, и на этот раз я смотрю прямо на него и отвечаю.

Еще звучит несколько вопросов, а затем профессор предупреждает, что осталось время только для одного. Девушка в желтом платье поднимает руку. Я игнорирую

все другие поднятые руки и прошу задать свой вопрос.

— Как вы думаете, почему компаниям так трудно быть честными?

У нее приятный голос. Соответствует ее внешности. Мягкий. Невинный. Но соблазнительный.

Мне нужно удовлетворить ее любопытство, но у меня нет ответа, по крайней мере, правдивого.

— Я не хочу показаться наивной, — она продолжает, так как я молчу, — просто расстраивает, что нам должны преподавать в классе и читать лекции о том, как действовать согласно этике. Это должно быть просто дано. Не то, чему нужно учить.

— Я согласен, — отвечаю, — но, к сожалению, деньги являются мощной движущей силой поведения, а деньги питают бизнес. Когда речь идет о деньгах, этика иногда может подвергаться сомнению, и у людей возникают проблемы с различием правильного и неправильного, поэтому мы учим этике, чтобы избежать любой неопределенности. Конечно, в конце концов, люди будут поступать, как им заблагорассудится.

Она кивает, и профессор подходит к трибуне, возвещая об окончании лекции. Он благодарит меня за уделенное время и позволяет студентам покинуть аудиторию.

Все выходят из комнаты, кроме девушки в желтом платье. Она записывает что-то в свой блокнот, а затем засовывает его в рюкзак. Я собираю свои вещи и пробираюсь к выходу. Столкнувшись с ней, придерживаю дверь открытой.

— Спасибо тебе. — Она улыбается, и в моей груди что-то ёкает. Игнорирую это ощущение.

— Ты учишься в бизнес-классе? — говорю я, прежде чем она уйдет.

— Нет. Я получаю степень магистра американской истории в колледже Хиршфилд. Но я живу здесь, так что иногда я обедаю в кампусе Йеля.

— А тебя интересует бизнес?

Она смотрит в сторону, ее щеки немного покраснели.

— На самом деле, у меня было свободное время, и я заметила, что это публичная лекция, поэтому решила заглянуть.

Ее глаза встречаются с моими. Это самый великолепный оттенок синего. Как яркое голубое небо в солнечный день.

— Мне очень жаль, что я опоздала. Я ошиблась, думая, что лекция началась в 12:15.

— Это неофициальное мероприятие. Люди могут приходить и уходить. — Я не могу перестать смотреть ей в лицо. Эти большие голубые глаза. Эти высокие скулы. Мягкие розовые губы. И эта улыбка может осветить комнату. Или, может быть, это она освещает все вокруг меня. Она обладает энергетикой, столь заразной, что теперь я тоже это чувствую.

— Что ж, было очень приятно познакомиться, мистер Кенсингтон. — Она протягивает руку.

Я пожимаю ее в ответ и улыбаюсь.

— Пирс. Мне всего двадцать пять. Я слишком молод, чтобы быть мистером, и, если ты не одна из моих сотрудниц. Все остальные зовут меня Пирс.

— Тебе всего двадцать пять? Ты выглядишь старше.

Когда она видит выражение моего лица, ставящее под сомнение ее комментарий, то кладет пальцы мне на предплечье.

— Я не имею в виду, что ты выглядишь старым.

Заметив, что трогает меня, быстро убирает руку.

— Это удивительно, чего ты достиг в свои всего двадцать пять лет.

Она смотрит на меня, и мы пристально друг друга разглядываем.

— Ну, я должна идти. Приятного дня.

Она уходит, и мое сердце колотится, как это было ранее, когда я выступал. Что со мной происходит? У меня сейчас проблемы с сердцем?

— Подожди.

Я достаю одну из своих визиток с кармана пиджака и вручаю ей.

— Если у тебя когда-нибудь возникнут вопросы по бизнесу, смело звони. Я обычно в офисе с шести до десяти, это отличная возможность застать меня.

— С шести утра до десяти вечера? Это шестнадцать часов. Ты действительно так долго работаешь? Каждый день?

— Да, но по выходным я работаю меньше.

— Ты тоже работаешь по выходным? Поразительно. Теперь я чувствую себя лентяйкой. — Она все еще улыбается. Должно быть, она много улыбается. — Спасибо за визитку. Пока, Пирс.

— До свидания. Подожди, как тебя зовут?

Она оглядывается, но продолжает идти.

— Рэйчел. Рэйчел Эванс.

Рэйчел. Даже ее имя мне нравится.

Наблюдаю, как она уходит, волны темно-каштановых волос струятся по спине ее желтого хлопкового сарафана. Мои глаза спускаются к ее узкой талии и длинным загорелым ногам.

Сердцебиение снова ускоряется. Думаю, мне нужно к врачу.

Или может мне просто необходимо снова увидеть Рэйчел.

ГЛАВА 5 РЭЙЧЕЛ

Я выхожу из здания и направляюсь к скамейке, мне срочно надо присесть. Я запыталась, мое сердце колотится от того, что я нервничаю.

Я только что говорила с одним из горячих мужчин на планете. О Боже. Самым горячим. В этом нет ни капли сомнений. Я не знала, что существуют такие люди.

Согласно объявлению о проведении серий лекций, Пирс - выпускник Гарварда и Йеля, занимающий должность исполнительного директора в «Кенсингтон Кемикал», компании его семьи. Я мало что знаю о ней, кроме того, что она очень большая, и что семья, владеющая ей, очень богата. На плакате также перечислены все журналы, для которых Пирс давал интервью. Его даже показывали по телевизору. Значит, он умный, богатый, известный бизнесмен. Зачем ему разговаривать с кем-то вроде меня? Я не утверждаю, что со мной что-то не так. Я просто не могу поверить, что такой парень смог меня заметить. Он, вероятно, окружен богатыми, красивыми, влиятельными женщинами каждый день, а я просто обычная студентка.

Почему я задала ему тот вопрос? Он, должно быть, думает, что я крайне наивна. Я знаю, почему компании не этичны, это очевидно. А его спросила только потому, что хотела услышать, что он скажет. Но теперь я сожалею об этом. Надо было придумать вопрос получше.

А потом я еще вдобавок опоздала. Как неловко! Неудивительно, что он продолжал пялиться на меня, когда я вошла. Он выглядел, как профессионал. Бьюсь об заклад, Пирс никогда никуда не опаздывает, и, вероятно, очень раздражается, когда другие люди так поступают.

Какое же ужасное впечатление я произвела. Обычно я оставляю о себе лучшее мнение.

Ох, ладно. Я его больше никогда не увижу. Уже сегодня он забудет, что я вообще существую. В то время как я думаю о нем, замечаю его выходящим из здания и направляющимся вниз по тротуару к парковке.

Он очень высокий. Может быть, сто девяносто два сантиметра? Широкоплечий, похож на футболиста. Когда я прикоснулась к его руке, она была крепкой. Сплошные мышцы. Я люблю высоких, сильных мужчин. Мне также нравятся темные волосы, и у него густые, темно-коричневые волосы, короткие, но не слишком. Его лицо жесткое, мужественное, с твердым волевым подбородком. И его глаза. Я не могла перестать пялиться в них. Они такого невероятного оттенка синего. Почти серовато-голубой. Стальной голубой.

Он сейчас на парковке, а я все так же слежу за ним. Одет в черный костюм, идеально подчеркивающий каждую часть его тела. Я люблю мужчин в костюмах. Но этот? У меня просто нет слов. Я смотрю, как он садится в черный «мерседес». Надевает солнцезащитные очки, и, клянусь, становится еще сексуальнее. Я далека от него, но мое сердце все еще выбивает чечетку.

Это смешно. Я никогда так не реагирую на парней. Когда он уезжает, я встаю со скамейки и возвращаюсь в свою квартиру. Я приехала в Хиршфилд на дневные лекции, а затем сходила в музей и провела экскурсию для группы пожилых людей из дома престарелых. Я говорила очень громко, и не думаю, что многие из них меня слышали. Но они улыбались и были очень милыми, так что, возможно, им понравились те части, которые они все же слышали.

Когда я возвращаюсь домой, то сначала смотрю телевизор, а затем выполняю задание для завтрашнего занятия. Но мне трудно сосредоточиться, потому что я не могу перестать думать о Пирсе. Я уверена, он так влияет на всех женщин, а не только на меня. Он умный, утонченный и очень красивый.

Я использую это оправдание на следующий день, чтобы объяснить, почему он все еще в моей голове. Постоянно думаю не только о его внешности, но и о поведении. За время нашей короткой встречи он вел себя очень уверенно, но ничуть не высокомерно. Больше похоже, что он знает, чего хочет, добивается поставленных целей, и я считаю это очень сексуальным. Он следил за мной все время, пока мы разговаривали, тогда, как мои глаза смотрели куда угодно, только не на него. Может поэтому мое сердце так быстро бьется при воспоминании о нем. Может, он заставил меня нервничать своим пристальным разглядыванием.

Я достала его визитку, и нахлынуло желание ему позвонить. Но что бы я сказала? Он, наверное, уже забыл обо мне. И зачем мне звонить ему? Я бы не пригласила его на свидание. Если бы я это сделала, он бы, вероятно, сказал «нет». Такой красавец, вероятно, уже с кем-то встречается. Кроме того, я не ищу себе парня. Хотя и прошло больше года с тех пор, как мы с Адамом расстались, я не готова к другим отношениям. Не сейчас. Может, никогда.

Неделя проходит, и мои занятия становятся более загруженными, поскольку профессора нагружают нас заданиями, включая групповой проект, который я обязана выполнить с пятью другими людьми. Я не люблю подобные проекты, но они распространены в аспирантуре. Профессорам нравится заставлять нас работать всем вместе, но почти невозможно выделить для этого время. Ну не можем мы встретиться за пределами аудитории. В первую же встречу, в воскресенье, ни один человек не явился. Я уже боюсь этого группового проекта.

Прошло семь дней с тех пор, как я ходила на лекцию в Йель, и я все еще думаю о Пирсе. Понятия не имею, почему. У меня столько всего происходит, что я не должна тратить время, думая о парне, которого больше никогда не увижу. Но мой разум просто продолжает вообразить эти стальные голубые глаза, широкие плечи, глубокий голос, уверенное поведение. Уже дошло до того, что я просто не могу мыслить здраво.

Шелби я о нем не рассказывала. Не хочу, чтобы она подумала, будто я одна из тех девушек, одержимой парнем. Особенно парнем, с которым встречалась один раз и с тех пор не разговаривала. Тем не менее, я очень хочу рассказать ей о нем. Может, если я это сделаю, он наконец-то исчезнет из моей головы.

Я пойду к Шелби на ужин сегодня вечером. Мне нравится проводить с ней время. Она смешная, но и милая, по-своему, уникальная. Она пытается притвориться, что жесткая, но на самом деле это не так. Я думаю, она ведет себя так из того, что ей причинили боль в прошлом.

Мы становимся хорошими друзьями, но недостаточно близкими, чтобы она рассказала мне, что с ней происходит. Мы тусуемся вместе каждую ночь, но она продолжает внезапно уходить.

Я неоднократно спрашивала ее, есть ли у нее парень, но она продолжает отнекиваться. Ничего не рассказывает мне о своих бывших. Всякий раз, когда возникают предпосылки к этому разговору, она меняет тему. Мне интересно, может быть, у нее действительно есть парень, и это тот, кто продолжает звонить ей каждый вечер. Но почему она не скажет мне о нем? Может, это не очень хорошие отношения. Она всегда нервничает, когда сигналист ее пейджер.

Может быть, парень контролирует ее или угрожает, и она чувствует, что не может уйти от него. Надеюсь, это неправда. Но то, как она паникует, и, бросив все, исчезает, получив сообщение, заставляет меня думать, что это вполне возможно.

Я не просила ее откровенничать, потому что я сама умалчиваю о личной жизни. Нечестно заставлять ее говорить о своей. Но я беспокоюсь за Шелби. Если она в опасности, я хочу помочь ей, но не смогу, если она не скажет мне правду. Может быть, если я расскажу ей о себе, она откроется и скажет мне, кто продолжает звонить ей, и почему она уходит почти каждую ночь.

В 6:30 я стучусь в дверь Шелби. Когда она открывает, я бросаю ей пакет хот-догов, в дополнение к макаронам с сыром, которые она готовит. Это единственная еда, доступная одному из нас в данный момент. Мне нужно найти другую работу. У меня не хватает часов в музее, чтобы заработать достаточно денег для оплаты счетов. Я видела объявление в продуктовом магазине, что им требуется помощник. Можно попробовать заполнить заявление.

— Привет. — Шелби улыбается и вручает мне пиво.

— Мы сегодня пьем? — Я сажусь на табуретку рядом с высокой стойкой, прикрепленной к кухонному островку.

— Мы празднуем. — Она салютует своим пивом, пока перемешивает в кастрюле макароны. На ней майка и ее, по обыкновению, короткие шорты. Я бы хотела, чтобы она меньше выставляла себя напоказ. Видела я парней на улице возле нашей квартиры, уставившихся на нее, и это заставляет меня беспокоиться за ее безопасность, особенно потому, что она всегда выходит ночью.

— Что мы празднуем? - Интересуюсь, пока пью свое пиво.

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Я просто хотела выпить пива, а мисс Порядочность не будет пить в середине недели, если нет повода для праздника.

— То, что я не пью, не означает, что и ты не можешь. Алкоголь просто расслабляет меня, и я не могу себе этого позволить в течение недели. У меня слишком много дел.

Она хватает коробку с крекерами из буфета и ставит их между нами. Открывает, высыпая немного на стол.

— Закуска. — У нее во рту уже несколько штук.

— Что же нам отпраздновать?

— Придумай что-нибудь.

Я снова пью пиво и улыбаюсь.

— Ладно, это звучит глупо, и не особо что праздновать, но...

Я не должна говорить ей об этом. Мне стыдно признаться, что я была одержима каким-то парнем на прошлой неделе.

— Но что? — У нее во рту снова крекеры. — Говори уже, Рэйчел. Я могу сказать, что ты умираешь от желания выболтать все, о чем думаешь.

Я все еще улыбаюсь. Постоянно, когда думаю о Пирсе. Это так жалко. Я не знаю, что со мной не так.

— Я встретила парня на прошлой неделе, — признаюсь, наконец, уставившись на крекеры. Беру один и засовываю в рот.

— Рэйчел! — Шелби шутливо толкает меня в плечо. — Ты встречалась с каким-то парнем и не сказала мне?

— Я не встречалась с ним. Поэтому глупо даже говорить об этом. Но дело в том, что я не могу перестать о нем думать, и это сводит меня с ума. Я подумала, если расскажу кому-нибудь о нем, может, тогда смогу выкинуть его из головы.

— Как он выглядит?

— Он горячий. Чертовски горячий. Самый обалденный парень, которого я когда-либо видела. Парень - даже не подходящее слово. Он мужчина. Целиком и полностью. Сто процентный. Высокий. Темные волосы. Стальные голубые глаза. Очень глубокий голос.

Она тащит меня в гостиную, чтобы сесть с ней на диване.

— Где вы познакомились с этим парнем? В смысле, мужчиной?

— Он был в Йеле на прошлой неделе, выступая в рамках серии лекций в школе бизнеса.

— И ты пошла туда? Ты же в Хиршфилд поехала.

— Каждый может пойти на лекцию. Она доступна для публики. Я не собиралась.

Просто была хорошая погода, и я пошла в кампус Йеля, чтобы пообедать.

— Я думала, твой профиль - история.

— Да, но у меня было свободное время, и я увидела плакат о серии лекций, когда шла мимо, поэтому решила зайти и послушать. Но я ошиблась со временем начала, и все закончилось тем, что опоздала на пятнадцать минут, заявившись прямо посреди его выступления. Я была унижена.

— Значит, этот парень был спикером? Так как вы с ним познакомились?

— Мы одновременно выходили из лекционного зала, и он придержал дверь открытой, а потом пошел за мной. Затем поинтересовался, учусь ли я в бизнес-классе, и мы поговорили пару минут. Я ужасно нервничала. Я даже не помню, что сказала ему.

— Почему это ты нервничала?

— Если бы ты его увидела, то поняла бы. Он из тех мужчин, вокруг которых ходят на цыпочках. И он приятно пахнул. Я не знаю, каким одеколоном пользуется, но пахнет он потрясающе.

— Ты пригласила его на свидание?

Я смотрю на нее так, будто она рехнулась.

— Нет, конечно.

— Почему нет? Похоже, твои трусики намокли от одного только упоминания о нем.

— Шелби! Фу, обязательно быть такой грубой?

Она смеется.

— Да. Обязательно. Моя грубость уравнивает вашу порядочность. — Улыбнувшись мне, переспрашивает: — Так у него получается?

— Что именно?

— Сделать твои трусики мокрыми? — Шелби едва может удержаться от хохота.

— Прекрати говорить об этом!

Я чувствую, как мои щеки краснеют, когда я смеюсь.

— Хорошо, я больше не буду. Но тебе нужно пригласить этого парня на свидание.

— Даже если бы я хотела, то не знаю, смогу ли. Я никогда не приглашала парня на свидание. Кажется, это не для меня.

Она закатывает глаза.

— Это не тысяча девятьсот пятидесятый год, Рэйчел. Это девяностые. Девушки постоянно приглашают парней.

Из кухни доносится громкое шипение. Мы обе спрыгиваем с дивана.

— Паста! — Шелби бежит обратно к плите и выключает конфорку.

— Довольно. Уверена, макароны уже готовы.

— Тебе нужна помощь?

— Нет, сама справлюсь. — Она сливает пасту в дуршлаг в раковине. — Возвращаясь к этому парню, я думаю, тебе стоит пригласить его на свидание.

Я сижу на барной стойке и жую парочку крекеров.

— Я не приглашу его на свидание.

— Почему нет? Между вами явно возникла химия.

— Он не интересуется мной. Я уверена, что у него есть девушка или даже несколько. Такой мужчина, как он, может иметь любую. Он, наверное, встречается только с моделями или актрисами. Он не только горячий, но также богат и известен в деловом мире.

— Так ты думаешь, что недостаточно хороша для него?

— Дело не в этом. Просто я не такая эффектная, как женщины, с которыми он обычно встречается. Они носят дорогую одежду, ювелирные украшения и посещают эксклюзивного стилиста.

— Откуда ты знаешь, с какими женщинами он встречается?

— Не знаю. Я просто...

— Не выдумывай на ровном месте. Только потому, что он богат и суперсексуален, не означает, что он не пойдет с тобой на свидание. И, кроме того, почему только богатые девушки должны встречаться с такими парнями, как он? Мы тоже должны получить хоть один шанс. Я предлагаю его пригласить.

Макаронны с сыром приготовлены, и Шелби раскладывает их по тарелкам. Она забыла хот-доги, но это нормально. Мы съедим их в другой раз.

Она ставит тарелки на стойку, хватая вилки и подходит ближе, садясь рядом со мной.

— Так что ты думаешь? — Протягивает мне вилку.

— Я еще не пробовала, но уверена, что это вкусно.

— Я не о макаронах с сыром. А о парне, с которым ты познакомилась. Ты собираешься пригласить его на свидание?

Я смеюсь.

— Нет. Я видела его один раз. И мы разговаривали около двух минут.

— Но ты все еще думаешь о нем. Это что-то значит, верно?

— Только то, что он горячий. Вот и все. Кроме того, я не ищу бойфренда.

Ту же сожалею о последних словах. Теперь Шелби обязательно спросит, почему.

Она тянется за бумажными полотенцами и отрывает две штуки от рулона. Один отдает мне и берет другой для себя.

— Почему ты не хочешь ни с кем встречаться? Ты пытаешься кого-то забыть? Я думала, твои последние серьезные отношения были больше года назад.

— Так и было. Это просто... — Двигаю макароны по тарелке. — Кое-что случилось между мной и парнем в прошлом, и я все еще переживаю.

Моя соседка всем корпусом поворачивается ко мне.

— Что именно?

Медленно кладу вилку на стол.

— Это тяжело даже вспоминать.

Но я должна. Мне нужно поговорить об этом. Я посещала консультанта после того, как все случилось, но это не помогло. Пожилой мужчина, достаточно приятный в общении, но он не понимал, через что я прохожу. Доктор тоже не принес пользы. Он просто использовал медицинский жаргон, назвав мое состояние клиническим.

— Ты можешь рассказать мне, Рэйчел. — В ее глазах беспокойство за меня. — Что бы ни случилось, ты можешь мне все рассказать. Я действительно хороший слушатель.

Мой взгляд упирается в стойку.

— На выпускном курсе колледжа я забеременела.

ГЛАВА 6 РЭЙЧЕЛ

— Ох, — говорит Шелби очень тихо. — Так ты отдала ребенка?
— Нет. — Я зажмуриваюсь, пытаюсь сдержать слезы. — Я потеряла его. На десятой недели беременности.

— Я сожалею, — слышу, как Шелби обращается ко мне.

Открываю глаза, вытирая слезы.

— Я сильнее. Я не просто потеряла ребенка. Я... — С трудом сглатываю, тяжело дыша.

— Что случилось, Рэйчел?

— После того, как я потеряла ребенка, мой врач обследовал меня и узнал, что я... что я не могу иметь детей.

Она колеблется, затем снова говорит:

— Я не понимаю. Ты только что сказала, что была беременна.

— Он сказал, что я могу забеременеть. Я просто не могу выносить ребенка.

Слезы еще сильнее бегут из глаз. Я не плакала месяцами. Я стараюсь не думать об этом, потому что, когда так делаю, всегда плачу. Я наполнена всепоглощающей печалью и потерей за то, чего у меня никогда не будет. Я люблю детей и хотела, по крайней мере, двух или трех своих, но знать, что мне это не дано, разрывает на части.

Шелби нежно гладит меня по руке.

— Возможно, доктор ошибся. Они постоянно ошибаются. В передачах я видела людей, попавших в автокатастрофу, и доктора сказали им, что они никогда не смогут ходить. Но они смогли.

Я киваю.

— Я знаю. И я думала о том, чтобы узнать мнение других врачей, но я не могу. Я боюсь, что они скажут мне то же самое, а я не хочу это слышать. Я не готова.

Она упирается собственной рукой в бок.

— Что сказал твой парень, когда это случилось? В смысле, когда ты потеряла ребенка.

— Он расстроился. Когда мы узнали, что я беременна, срок был шесть недель. После того, как первоначальный шок прошел, мы оба были взволнованы новостью. Начали готовиться. Мы даже обручились через несколько дней после того, как узнали. Я не готова была выйти замуж, но чувствовала, что должна. Что это правильно. Наши родители ожидали, как и все знакомые, что мы обязательно поженимся. Мы с Адамом выросли вместе. Ходили в одну церковь. Наши семьи дружат. Я жила в маленьком консервативном городке. У нас не было выбора, кроме как обручиться.

— Значит, ты не хотела выходить за него?

— Нет. Он устраивал меня, как парень, но я не хотела, чтобы он был моим мужем. Я вообще не хотела замуж. Я уже подала заявление в аспирантуру и планировала уехать осенью. Даже не думала о браке. Мы с Адамом только начали встречаться. Ничего серьезного. Мы учились в одном колледже. Впервые сходили на свидание летом перед выпускным годом и, когда вернулись в кампус осенью, мы просто продолжали видеться. Никогда не говорили о браке, и он знал, что я собираюсь пойти в аспирантуру. Затем в мае, за две недели до окончания школы, я узнала, что беременна. Мы не соблюдали осторожность, и я забеременела.

— И он с тобой расстался после того, как ты потеряла ребенка?

— Нет. — Я встаю и иду в гостиную, отвернувшись от подруги. — Он расстался со мной, когда узнал, что я не могу иметь детей.

Мой голос надламывается, и еще больше слез льется по моим щекам.

Шелби подошла, обняла меня и отвела на диван, заставив присесть. Она молчит. Наверное не знает, что можно сказать. Тема разговора слишком тяжела, и она, вероятно, больше не хочет ни о чем говорить. Обычно мы шутим и веселимся. Не обсуждаем серьезные темы. И, может быть, я должна была сохранить нашу непринужденную атмосферу. Но сейчас уже слишком поздно.

Вытираю лицо, притворившись, что улыбаюсь.

— Извини, я не хотела расклеиться. — Встаю и иду в кухню. — Давай уже поужинаем.

Шелби выглядит грустной.

— Прости меня, Рэйчел. Не очень хорошо получилось. Я никогда не знаю, что сказать. — Она вымученно улыбается. — Хотя, нет, знаю. Твой бывший - полный придурок, раз бросил тебя в таком состоянии. Я просто не была уверена, стоит ли мне это говорить, потому что не знаю, есть ли у тебя к нему чувства.

Качаю головой.

— У меня нет к нему чувств. Когда-то были, но прошли. Я просто рада, что не вышла за него замуж. Это была бы ошибка.

— Он хотел жениться? Или сделал предложение только из-за ребенка?

— Хотел. Он сказал мне, что купил обручальное кольцо за месяц до того, как мы узнали о беременности. Что собирался сделать предложение в июне и сыграть свадьбу год спустя. Все спланировал и подумал, что наши желания совпадают. Он даже не удосужился уточнить, просто предположив, что я забуду об аспирантуре, откажусь от своих мечтаний и выйду за него замуж. — Перевожу дух. — Когда мы потеряли ребенка и узнали, что я не могу иметь детей, Адам сказал, что ему нужно время. Для того чтобы подумать. Мы не виделись неделю, и когда мы снова встретились, я собиралась сказать, что помолвка отменяется. Знала, что не хочу за него замуж. Но прежде чем я успела ему об этом сказать, он сам разорвал помолвку, сказав мне, что не может жениться на той, у кого не будет детей.

Слезы ручьем льются по моему лицу, но я быстро стираю их и пытаюсь улыбнуться.

— В любом случае, вот почему я избегала свиданий в прошлом году. Я не готова к новым отношениям. Не знаю, хочу ли я этого. В чем смысл?

— Что ты имеешь в виду?

— Каждый парень захочет, когда-нибудь стать отцом, а я не смогу дать ему это. Если я серьезно отношусь к парню, мне придется признаться, а потом он порвет со мной, как и Адам.

— Рэйчел, это неправда. Прежде всего, тебе нужно пройти еще обследование, чтобы ты точно знала, можешь ли иметь детей. И даже если результаты совпадут, всегда находятся новые способы лечения. К тому времени, когда ты захочешь детей, возможно, они смогут помочь тебе, и ты станешь мамочкой.

— Может быть. — Я благодарна Шелби, она так старается, чтобы мне стало лучше.

— А что касается парней, то не каждый хочет детей. И если он действительно любит тебя, он не будет переживать на счет ребенка.

— Хотелось бы, чтобы это было правдой, но не думаю, что так и будет. — Я уставилась глазами в пол. — Адам говорил, что любит меня. И бросил, после того как узнал.

— Рэйчел. — Она ждет, когда я посмотрю на нее. — Он действительно любил тебя?

Я стесняюсь, не знаю, как ответить. Раньше я не задумывалась об этом. Когда Адам сказал, что любит меня, я ему поверила. Он произнес эти слова, и я предположила, что он вкладывал в них тоже смысл, что и я. Но оглядываясь назад, понимаю, что зря надеялась. Я никогда не чувствовала того же, что и он. Опять же, я никогда не была влюблена, поэтому не знаю, как должны проявляться подобные чувства. Но я знаю Адама, и я знаю, что он тот тип парня, который женится на мне, потому что это

был следующий логический шаг в наших отношениях. Он все планирует наперед. Подчиняется голосу разума, а не зову сердца. Мы встречались год, оба закончили колледж, наши семьи знали друг друга, и мы из одного города. Для него было в порядке вещей жениться на мне, потом купить дом и завести детей. Но когда наличие ребенка стало невозможным, что нарушило его планы, и он больше не видел будущего со мной.

— Нет, — говорю я тихо, когда впервые все осознаю.

— Нет, что?

— Ты права. Адам не любил меня. Он просто думал, что должен жениться на мне.

Она опускает свою руку на мою.

— Мне жаль, Рэйчел. Действительно жаль.

— Все в порядке. — Вытираю глаза и смотрю на нее. — Вообще-то, я рада, что мы поговорили. Ты заставила взглянуть правде в глаза. Адам никогда меня не любил.

— Но когда-нибудь кто-то будет. И когда ты найдешь его, он захочет жениться на тебе несмотря ни на что.

Я улыбаюсь.

— Не знала, что ты такой романтик.

Она пожимает плечами.

— Я виню в этом своих родителей. Они женаты тридцать лет и до сих пор влюблены друг в друга. И если бы моя мама тогда сказала отцу, что не может иметь детей, он бы все равно женился на ней. Она для него единственная во всем мире. Никаких вариантов, что он бы ее отпустил.

— Твоей маме повезло. Большинство мужчин не такие.

— Некоторые из них. Тебе просто нужно найти правильного.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Потому что я не хочу, чтобы ты стала старой девой с пятидесятью кошками из-за какого-то мудака, бросившего тебя в колледже. — Она стаскивает меня из дивана. — Пошли уже, поедим.

Я смеюсь.

— Я не собираюсь превращаться в старую деву. Я просто отдыхаю от отношений.

— Это ужасная идея. — Она тащит меня к кухонному островку и садится рядом на табуретку. — Ты в самом расцвете сил, Рэйчел. Самое время, чтобы развлекаться. — Схватив вилку, тычет ею в меня. — Посмотри на себя, ты великолепна. Любой парень хотел бы с тобой встречаться.

— Да, верно. Я вряд ли когда-нибудь приглашу кого-то на свидание.

— Потому что ты закрылась в себе, и парни чувствуют это. Мужчины как собаки. Они нюхают вокруг, и, если чуют, что ты не заинтересована, двигаются дальше.

Я глотаю теплое пиво.

— Поверь мне, Шелби. Никто меня не нюхал.

— Тебе надо пригласить того парня на свидание.

— Какого парня?

— Того, с лекций. Горячего богатого парня.

— Я не приглашу его на свидание. Он, скорее всего, посмеется надо мной.

Она вскакивает и, обойдя стойку, достает из ящика телефонную книгу.

— Как его зовут? Я найду его номер.

— У меня он уже есть. Он дал мне его, когда мы познакомились.

Она бросает телефонную книгу на пол.

— Он дал тебе свой номер? Это значит, что он хочет встретиться с тобой!

— Сомневаюсь. Он только дал мне визитку. Вероятно, он их постоянно раздает.

— Рэйчел. — Шелби подходит ближе, опустив руки мне на плечи. — Этот мужчина заинтересовался тобой. Он дал тебе свой номер, потому что хочет, чтобы ты ему по-

звонила.

— Нет. Это не так. Он сказал, что, если у меня возникнут вопросы, я могу ему позвонить. Элементарная вежливость.

Она отступает, уперев руки в бедра.

— Ты сказала ему, что ты историк?

— Конечно.

— Он знает, что ты не позвонишь ему с вопросом о бизнесе. Он дал тебе свой номер, надеясь, что у тебя будет другая причина. Такая, как свидание.

— Не поэтому, нет. Он похож на человека, контролирующего и себя, и других, а это значит, что он не из тех мужчин, которые хотят, чтобы их пригласила на свидание девушка.

— Послушай меня, Рэйчел. Он бы не дал тебе свою визитку, если бы не хотел, чтобы ты ему позвонила. Он хотел увидеть тебя снова. И, судя по твоему виду, я могу сказать, что ты тоже хочешь его увидеть.

— Какому виду? Все как обычно.

Она закатывает глаза.

— Когда ты говоришь о нем, у тебя такой мечтательный взгляд, и ты постоянно улыбаешься.

— Я все время так делаю.

— Не так. — Она указывает на мое лицо. — Это другой вид улыбки, и она появляется только тогда, когда ты вспоминаешь того парня. Ты должна пригласить его на свидание. Тогда точно будешь знать, почему он дал тебе свой номер, и, если поймешь, что он не заинтересован, вышвырнишь его из головы.

— Хм. — Прикусываю губу и задумчиво отвожу в сторону. — Идея неплохая. Но вместо того, чтобы пригласить его на свидание, я пойду окольными путями. Может, приглашу его выпить кофе. Скажу ему, что я хотела бы узнать больше о том, чем он занимается. Это как задавать ему деловые вопросы, но более личные. И, честно говоря, меня интересуют и его работа, и семейный бизнес. Я никогда не встречала никого, кто бы руководил такой крупной компанией. Ну, это его отец управляет, но он, вероятно, когда-нибудь его заменит.

— Так ты собираешься пригласить его на свидание?

— Да, но это не свидание. Просто два человека беседуют за чашкой кофе.

— Звони ему прямо сейчас. Можешь воспользоваться моим телефоном.

— И не подумаю. Сначала нам нужно поесть. Я умираю с голоду.

Мы разогреваем еду в микроволновой печи и заканчиваем ужин. Потом, пока мы мыли посуду, я заметила пейджер Шелби на столике. Интересно, сегодня вечером парень снова скинет ей сообщение с вызовом? Думаю, я не должна предполагать, что это парень, но почему еще она уходит поздно ночью? Причина в нем, как мне кажется.

Когда я убираю тарелки, будто невзначай спрашиваю:

— Хочешь прогуляться в пятницу вечером? Может, в клуб или еще куда-нибудь?

Я никогда не посещаю клубы. У меня нет лишних денег на алкоголь, и даже если бы были, я не пью. Но я думаю, если мы вырвемся из дома, может, Шелби встретит кого-нибудь и забудет об этом парне, настойчиво звонившем ей каждую ночь.

Она вытирает руки кухонным полотенцем.

— Даже представить тебя в клубе не могу.

— Почему это? — Я указываю пальцем на нее. — И не смей напоминать, что я порядочная фермерская девушка.

Она смеется.

— В точку. Это именно то, что я собиралась сказать.

Я покачала головой, не переставая улыбаться.

— Так идем или нет?

— Почему ты хочешь пойти в клуб?

— Потому что ты можешь там с кем-то познакомиться.

— Да-а-а-а. Пьяные парни, в поисках быстрого перепахона в туалете.

Наверное, это правда. Несколько раз, когда я была в клубе, они были переполнены желающими подцепить кого угодно, лишь бы развлечься.

— Как насчет кого-то на работе? Есть кто-нибудь, кто тебе интересен?

— Почему ты пытаешься найти мне парня?

— Я просто подумала, что ты захочешь сходить на свидание. Если ты подталкиваешь меня, тебе тоже это не помешало бы. Ты сказала, что последнее было очень давно. Кстати, почему? Уверена, тебя часто приглашают.

— Да, но я отказываюсь. Парни, которых я привлекаю, не хотят со мной встречаться. Для них я всего лишь развлечение на одну ночь. Вот и все.

— Тогда ты встречаешься не с теми парнями. Почему бы тебе не попробовать познакомиться с одним из студентов? Начни обедать в кампусе. Ребята всегда там тусуются между занятиями.

Она закатывает глаза.

— Да, очень смешно.

— Почему?

— Рэйчел, у меня диплом о среднем образовании. Парень из Йеля не будет встречаться с девушкой с GED.

— А богатый, успешный бизнесмен не будет встречаться с девушкой с фермы из Индианы. Но ты все равно советуешь мне пригласить его на свидание.

— Наши ситуации нечего и сравнивать. Ты учишься в аспирантуре в престижном частном колледже. Неважно, где ты выросла. Ты умна и успешна, и у тебя есть будущее. Единственное, у тебя нет денег. И этого недостаточно, чтобы тот парень от тебя отвернулся.

— Шелби, почему ты избегаешь свиданий? — Я спрашиваю очень осторожно. — Это потому, что ты уже встречаешься с кем-то?

Она вытирает стойку бумажным полотенцем.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты постоянно ночью пропадаешь. И иногда я слышу, что ты возвращаешься домой только в три или четыре утра.

Она бросает полотенце и смотрит на меня.

— Ты теперь моя нянька? Ждешь всю ночь, чтобы увидеть, когда я вернусь домой?

— Нет. Но стены тонкие, и я слышу, как дверь открывается и закрывается. И я просыпаюсь.

Моя соседка скрещивает руки над грудью.

— Тогда в следующий раз я буду вести себя тише.

— Шелби, мне плевать на шум. Я просто беспокоюсь о тебе. Если какой-то парень заставляет тебя делать то, что тебе не нравится, или причиняет боль, или, не дай Бог, угрожает тебе, если ты уйдешь, то...

— О чем ты говоришь? — Она срывается с места и убегает в гостиную. — Никто не заставляет меня ничего делать! Ты не можешь остановиться?

Следую за ней.

— Я просто пытаюсь помочь. Рядом с кампусом есть женский центр. Там люди, которые могут помочь тебе уйти от этого парня. Ты не можешь позволить ему контролировать тебя.

Она поднимает руку вверх.

— Ладно, притормози. Нет никакого парня. Никто не контролирует меня и не издевается надо мной.

— Тогда почему ты продолжаешь уходить ночью? И зачем тебе пейджер? Она колеблется.

— Потому что моя мама должна быть в состоянии связаться со мной. — Она отворачивается, но я обхожу ее.

— Зачем? Я не понимаю.

Шелби вздыхает.

— Мой отец болен, ясно? У него рак. Последняя стадия. Врачи уже ничего не могут поделать, поэтому он дома, и ему нужен постоянный уход. Иногда моей маме нужен перерыв, особенно ночью, поэтому я наблюдаю за отцом, чтобы она могла спать.

Теперь я понимаю, почему Шелби всегда нервничает и паникует, когда ее пейджер пищит. Она думает, что ее мама звонит, чтобы сказать, что с отцом случилось что-то плохое.

Я отвожу ее на диван, помогая присесть.

— Шелби, мне очень жаль. Почему ты мне не сказала?

— Потому что мне нравится притворяться, что ничего страшного не происходит. Мы с отцом очень близки, и я не готова к его смерти. Эгоистично с моей стороны, ему очень больно, и, возможно, будет лучше, если он умрет. — Две большие слезинки капают по ее щекам. — Но мне страшно. Я еще не готова.

Протягиваю руку и обнимаю ее.

— Мне очень жаль. Я понятия не имела, что ты прошла через подобное. Я могу что-нибудь сделать? Все, что угодно. Просто скажи мне.

Она отстраняется.

— Мне нужно, чтобы ты вела себя нормально. Притворись, что не в курсе происходящего. Я не могу грустить и быть подавленной двадцать четыре часа в сутки. Я серьезно, Рэйчел. Я не могу этого сделать. Слишком много всего. Заполучить такую соседку, как ты, здорово, потому что ты забавная, постоянно улыбаешься и все время смеешься. И хотя твоя постоянная потребность обнимать меня немного раздражает, я привыкла. У всех нас есть свои недостатки.

Она улыбается.

— Эй! — Я выпрямляю спину и сажусь ровно. — Обниматься - это не недостаток.

— Это когда ты не контролируешь себя.

— Я могу себя контролировать.

— Нет, не можешь. Ты обнимаешь всех. Людей, которых ты даже не знаешь. Это что, фишка среднего Запада? Потому что я скажу тебе правду, люди здесь будут думать, что ты сумасшедшая.

— Я не обнимаю людей, которых не знаю.

— Ты вчера обняла почтальона!

— Потому что он доставил посылку от моей мамы. Она послала мне домашнее печенье, и я была взволнована, когда получила ее.

— Тогда позвони и скажи спасибо маме. Не надо обнимать почтальона.

— Он старый, и ему пришлось нести коробку вверх по лестнице, и я подумала, что ему не помешают объятья.

Она смеется.

— Клянусь, ты чертовски милая. Я, правда, никогда не встречала никого похожего на тебя.

Я накрыла ее руку своей.

— Ты уверена, что в порядке?

— Что я только что сказала? Ты должна вести себя так, как будто я тебе ничего не говорила. Давай просто посмотрим телевизор.

— Хорошо, но, если тебе что-нибудь понадобится, просто скажи. Или если тебе нужно выговориться, я здесь. Я знаю, каково тебе.

— У твоего отца был рак?

— У сестры. Она мой близнец. — Еще одна тема, о которой я избегаю говорить. Еще одно болезненное воспоминание из моего прошлого. Но если это утешит Шелби, тогда я готова с ней поделиться. — У моей сестры был лейкоз³, и она умерла, когда нам было шесть. — Я смаргиваю слезы и вздыхаю. — Несмотря на то, что я была маленькая, я понимала, что происходит. Наблюдать, как моя сестра проходит через все это... а потом потерять ее... Это убивало меня. Она была моей второй половинкой, а потом ушла. Мне больно говорить об этом, но я подумала, что это поможет тебе, я знаю, что ты чувствуешь. Я понимаю, как это тяжело... и как это больно. Так что, если ты захочешь поговорить, я рядом.

— Спасибо.

Она выглядит так, будто ей некомфортно, и я больше ничего не говорю. Шелби переключает каналы, ищет, что можно посмотреть. Я бы хотела, чтобы она позволила мне ей помочь, но, опять же, я не знаю, как и чем. Когда умерла моя сестра, никто ничего не мог сказать или сделать, чтобы утешить меня и облегчить боль потери. И прошло очень много времени, прежде чем она хоть немного притупилась.

Мы с Шелби посмотрели фильм, и когда он закончился, я ушла к себе. Мне еще нужно сделать домашнее задание на завтра. Но сначала я достаю из рюкзака визитку Пирса. С одной стороны на ней логотип компании, а с другой стороны она выглядит следующим образом.

Пирс Кенсингтон

Директор по стратегическому развитию

«Кенсингтон Кемикал», Inc.

Ниже написан номер. Мне стоит его набрать? Я не собиралась этого делать. Я просто сказала Шелби, что сделаю, чтобы она перестала доставать меня со свиданием. Но теперь я думаю, что смогу. Я очень хочу увидеть его снова.

Может быть, уже слишком поздно. Я должна была позвонить сразу же. Он подумает, что это странно, если я звоню ему аж через неделю?

Беру визитку и подхожу к телефону на кухне. Я сделаю это. Я позвоню ему, прежде чем передумаю.

Телефон звонит, по крайней мере, семь раз, и я уже собираюсь повесить трубку, но слышу.

— Алло.

— Пирс? — У меня пересохло в горле, и я едва выдавила из себя только одно слово. Почему я так нервничаю?

— Да. Это Пирс Кенсингтон. — Он говорит очень серьезно, по-деловому. Может, сейчас неподходящее время для звонка. — Могу я вам помочь?

— Может, ты и не помнишь меня, но мы встретились на прошлой неделе в Йеле. Ты дал мне свою визитку и...

— Рэйчел. Рэйчел Эванс. — Его тон смягчается, серьезность уходит. — Девушка, которая приехала в 12:15. Как я мог забыть?

Я съезживаюсь. Вот что он помнит обо мне? Опоздание? Мне нужно повесить трубку.

— Да. Опять же, мне очень жаль, что я так поздно.

Он смеется, кратко, но глубоко.

— Я просто пошутил. Как твои дела, Рэйчел?

Пирс спрашивает, как у меня дела? Я не была готова к такому вопросу. Я думала, он просто молча выслушает меня, пока я приглашаю его на свидание, а потом скажет «нет», но в вежливой форме.

— Все хорошо, — отвечаю я.

— Как твои занятия?

— Нормально. Я хотела позвонить тебе раньше, но была занята учебой и работой.

— Где ты работаешь?

— В небольшом музее возле кампуса. Я сижу за стойкой регистрации, а также провожу экскурсии.

— Я хотел бы принять участие в одной из них. Они ежедневные?

Он хочет поехать в один из моих туров? Он серьезно? Человек, вероятно, был в музеях по всему миру, и он хочет пойти в мой маленький, крошечный музей, в котором вряд ли есть хоть какая-нибудь коллекция достопримечательностей?

— Туры только для специальных групп, таких как школы, колледжи или людей в возрасте. Обычно они не каждый день.

— Я понял. Могу ли я организовать специальную экскурсию? Я был бы рад сделать щедрое пожертвование музею.

— Они бесплатны, но да, ты, конечно, можешь это сделать, если хочешь. Мы ограничиваем группы до двадцати человек. Скольких людей ты планируешь пригласить?

— Двое. Или если ты не считаешь себя, то один.

— О. Так ты хочешь сказать, что хочешь частную экскурсию?

Это звучит грязно? Как будто я на что-то намекаю? Боже, надеюсь, что нет. Но почему-то так и прозвучало, когда я спросила.

— Да. Я хотел бы частный тур с тобой, как моим гидом. Я свободен в эту пятницу, в четыре часа дня, подходит?

Все происходит очень быстро, я не успеваю даже подумать. Он только что пригласил меня?

— Рэйчел, ты все еще здесь?

— Да. Четверг - идеальный вариант.

— Отлично. Так вот, причина, по которой ты позвонила, есть вопрос касательно бизнеса, и ты хочешь его задать?

Похоже, он опять пошутил. Когда я встретила его в Йеле, он не был похож на человека, который шутит. Он был весь такой серьезный. Но мне нравится эта его сторона. Она не заставляет меня нервничать.

— Да. То есть, нет у меня вопроса, по крайней мере, конкретного. Я позвонила, потому что подумала: мы могли бы встретиться, выпить кофе. Я хотела бы узнать, чем занимаешься ты и твоя компания.

— Тебя интересует моя компания? Ты ведь в курсе, что мы производим химикаты?

Он снова шутит, и на этот раз я не могу сдержаться и смеюсь.

— Конечно. Но мне интересно узнать об этом подробнее. И о тебе.

Я снова съезживаюсь. Нельзя было говорить последнюю фразу. Прозвучало, будто я флиртую, а это не так. Ладно, может быть немного, но я не должна, потому что не знаю Пирса, и ему, может, не понравится мое поведение. Но он же хочет экскурсию со мной, так что, может быть, я ему и симпатична.

— Я бы очень хотел выпить с тобой кофе, Рэйчел. Встретимся завтра?

— Я бы очень хотела с тобой завтра встретиться, Пирс, — копирую его официальный тон.

Он смеется.

— Замечательно. Значит завтра. Встретимся в шесть?

— Конечно. В центре города есть кофейня под названием «Barista's». Там не так много людей, как возле кампуса.

— Да, я бывал там.

— Ты поедешь прямо с работы? Потому что, если ехать слишком далеко, я могу встретиться с тобой где-нибудь поближе.

- Нет, все в порядке. Нью-Хейвен всего в сорока пяти минутах езды от офиса.
- Это долгая поездка. Я могу встретиться с тобой на полпути.
- Не беспокойся об этом. Я не против проехаться. Встретимся там.
- Подожди, я думала, ты сказал, что работаешь до десяти.
- Не тогда, когда у меня есть планы получше. Спокойной Ночи, Рэйчел.

Он отключился, а я медленно повесила трубку. Меня бросило в жар. От того, что я нервничаю, или, может это голос Пирса заставил меня буквально расплавиться изнутри. Его голос такой глубокий и сексуальный. Я могла бы слушать его часами.

Не могу поверить, что позвонила. Что пригласила парня на свидание. Я никогда раньше не делала подобного. Но рада, что, наконец, решилась. В Пирсе есть что-то, что мне очень нравится. И дело не только в его внешности. Это еще кое-что, что я не могу распознать. Это как когда ты встречаешься с кем-то, и, бац, в голове щелкает, что это правильно. Как в случае с Шелби. У меня возникло ощущение, что мы подружимся, так и произошло. Так что, возможно, я права и насчет Пирса. Может быть, кофе приведет к чему-то большему.

О чем я думаю? Никакого «больше». Я не ищу отношений. Это всего лишь свидание. Точнее, даже не свидание. Только кофе. Мы просто поговорим о делах. И все.

ГЛАВА 7 ПИРС

Я ни с кем и никогда не встречаюсь. А еще, у меня сегодня свидание. Технически - не совсем. Рэйчел позвонила мне вчера вечером и пригласила встретиться за кофе. Сказала, что интересуется моим бизнесом. Может быть, она надеется пройти стажировку в компании, но учиться же на историческом, так что это не имеет смысла. Почему же она хочет встретиться?

Мой разум перечисляет возможные причины, и все они сводятся к деньгам. Мне не нравится то, о чем я думаю, но моя семья - лакомый кусок для мошенников, пытающихся заполучить наши деньги, поэтому, естественно, в первую очередь я склоняюсь к подобному варианту.

Никому нельзя доверять. Даже самым близким тебе людям. Я узнал, что именно так и должен себя вести, чтобы выжить. Я даже родителям своим не доверяю, а особенно отцу.

Как бы мне ни хотелось верить, что Рэйчел просто хочет поговорить за чашкой кофе, я опасаюсь ее намерений. Обязан. Я не знаю эту девушку, а даже если бы и знал, все равно не мог бы ей доверять.

Никому. Никогда. Это все, что я знаю.

Сейчас 2:30, я только что пришел с собрания, и теперь сижу за своим столом, рассматривая стопку контрактов. Но не могу сосредоточиться. Как только начинаю читать, я отвлекаюсь, мои мысли возвращаются к Рэйчел. К ее ярким голубым глазам. Её теплой улыбке. Она уже неделю у меня в голове, и я не понимаю - почему. Я встретил ее всего один раз. Но не могу перестать о ней думать.

Это не очень хорошо. Мне непозволительно отвлекаться на женщину. И я никогда так не делал. До сих пор.

Сосредотачиваюсь на бумагах передо мной. Строка за строкой юридического жаргона, выглядевшего одинаково. Итак, Рэйчел работает в музее. Я не помню, чтобы упомянула название. Интересно, как долго будет длиться экскурсия? Она удивилась, когда я захотел посетить одну из них. А как я удивился, что ее об этом попросил. Но я действительно хочу снова ее увидеть, и это единственное оправдание, пришедшее мне в голову, когда она позвонила.

Я не думал, что она позвонит. Многие женщины меня боятся, или, скорее всего, моего состояния или имени Кенсингтон. Но Рэйчел, похоже, не такая. Она немного нервничала в начале разговора прошлой ночью, но потом расслабилась.

Интересно, почему она так долго не звонила? Я дал ей свою визитку неделю назад, и когда через несколько дней звонка так и не было, я предположил, что ждать дальше не имеет смысла. Тогда мне пришлось поднапрячься и перестать думать о Рэйчел, но нерослось. Как бы я ни старался, она поглощала все мои мысли.

Когда Рэйчел мне позвонила, я был удивлен, но и одновременно доволен. Просто ее голос снова вызвал странное, ускоренное сердцебиение. Мне действительно нужно обратиться к врачу. Это не может быть нормальным.

Проклятье! Я снова отвлекся, а надо сосредоточиться на поставленной задаче. Иду в комнату отдыха, и беру себе чашку кофе. Затем возвращаюсь обратно к столу, хватаю ручку и начинаю делать пометки в контракте.

Проверяю свои часы. Сейчас только 2:45. Сегодняшний день - как улитка в спячке. Обычно я занят настолько, что даже не слежу за временем, но сегодня осознаю очень остро, мечтая, чтобы на циферблате были другие цифры. Желательно, шесть часов.

Мой мобильный звонит, что означает только одно. Они. Никто больше не звонит по этому телефону. Никто не знает номер, кроме других членов организации. Каждому из нас дали мобильный для связи в любое время. Я пытаюсь пользоваться им

незаметно, потому что сотовые телефоны такие странные, и, если его увидят другие люди, это вызовет массу вопросов. Я уверен, что когда-нибудь у всех будет мобильный телефон, но на данный момент они редкость, поэтому, как правило, привлекают ненужное внимание.

— Да, Пирс, — отвечаю, нажав на соединение.

Записанный голос требует:

— Введите свой номер.

Я набираю в телефоне - 1479.

Снова доносится механический голос:

— Уведомление о встрече. В субботу, 11 утра по восточному времени. Выход 128.

На этом вызов завершается.

Телефон замолкает, а я прячу его в карман пиджака. Прошел месяц с последней встречи, так что я решил, что скоро состоится новая. К сожалению, сегодня именно суббота. У меня так много работы, столько всего необходимо наверстать, что я планировал находиться в офисе весь день, а также приехать в воскресенье. Но ты не можешь пропускать встречи. Они накажут тебя, если ты не явишься.

«Они» те, о которых я говорю, - это организация. Тайное общество, к которому я принадлежу. Это невероятно эксклюзивно. Есть участники, размещенные по всему миру, но большинство из них находятся в США. Хотя организация и не считает себя тайной, это именно то, что она собой представляет. Мы работаем конфиденциально, скрытно от окружающих. Остаемся за кулисами, чтобы контролировать, как функционируют страны. Как деньги меняют владельцев. Как оцениваются валюты и как выбираются лидеры. Мы контролируем весь мир, или, по крайней мере, мы так думаем.

Организация была создана в тысяча семисотых годах, когда европейские инвесторы осознали потенциал огромного богатства земли, которая вскоре станет Соединенными Штатами Америки. Люди, осуществляющие инвестиции, уже были богаты, но они хотели большего. Больше денег, больше власти. Власть, которая пришла от контроля за богатыми и огромными ресурсами этой Новой Земли, и от транспортировки этих самых ресурсов. Они хотели первыми развивать города, диктуя архитектуру и планируя размещение улиц. Они хотели создавать компании, которые будут привлекать людей, чтобы жить в этих городах. А как только они были построены и заселены, они учредили газеты, контролирующие сообщения, которые они хотели передать.

Лишь немногие могут себе позволить подобное, и эти люди стали членами-основателями. Со временем привлекались новые участники, на основе того, какую пользу они могут принести. Организация вербовала владельцев крупных компаний в различных отраслях промышленности, - нефть, электричество, железные дороги, банковское дело, - чтобы власть группы была разносторонней. Поскольку эти отрасли взялись регулировать государство, общество осознало необходимость в принятии мер контроля и в этой области. Использовались деньги и власть, чтобы заполучить некоторых членов, избранных в Конгресс, что привело к росту их власти и влияния в геометрической прогрессии. Они могут делать то, что хотят, без вмешательства правительства.

Не все в высших эшелонах власти являются частью организации. Мы бы знали, будь оно иначе. За политиками постоянно следят, их подноготную изучают вдоль и поперек жаждущие сенсаций журналисты. Поэтому, в настоящее время, на этом посту находится лишь несколько наших людей. Но это все, что нам нужно, если они размещены стратегически правильно.

Это должности в ключевых комитетах Конгресса, таких как Комитет по Ассигнованиям, курирующим, где тратятся деньги, или Комитет по обороне, который контролирует не только наше участие в войнах, но так же сбор и хранение информации

почти о каждом человеке на планете. Наличие наших людей внутри этих двух очень влиятельных правительственных структур оказалось весьма полезным, и сделало нас самым могущественным тайным обществом в мире. Фактически, мы также контролируем президентство. Для этого потребовались годы, но мы весьма результативно разместили трех последних президентов.

Хотя эта группа и берет истоки в Соединенных Штатах, она росла, включая в себя новых членов по всему миру. Она нуждалась в их влиянии, чтобы выйти за пределы границ США. Мировые лидеры не были готовы просто передать власть группе, поэтому потребовались переговоры, в частности взятки и шантаж. Но поскольку членство ограничивается несколькими избранными семьями, имеющими надлежащую родословную, наши члены в зарубежных странах были тщательно отобраны, а затем там же встали у руля.

Причина, по которой я член организации, и мой отец тоже, заключается в том, что мои предки были одними из тех самых инвесторов в Америке. У них были деньги, позволившие им начать свой бизнес. Они решили заняться изготовлением химикатов, необходимых для производства материалов в разных отраслях. Как только был построен наш первый завод, мы стали востребованы, и нам пришлось строить еще один. И с тех первых дней только продолжали расти.

Химические вещества весьма полезны, но их можно также использовать в разрушительных целях. Они могут убивать. Уничтожать что угодно. Разрушать здания. Взрывать машины. Зная это, остальные увидели преимущество включения Кенсингтона в свою группу. И так как членство передается сыновьям по наследству, мой отец и я - члены общества.

Принадлежность к организации - это не выбор. Вы часть ее с того дня, как родились, но не знаете о ней, пока не станете старше, обычно к двадцати или двадцати одному годам, когда уже достаточно взрослые, чтобы сохранить секрет. Мой отец решил рассказать об этом, когда мне было шестнадцать. В тот самый день, когда он отвез меня в Нью-Хейвен и застрелил бездомного, я узнал об организации и моем членстве в ней.

Организация - не настоящее имя. Это имя, которое мы используем с посторонними. Внештатными работниками. Людями, которых мы нанимаем для грязной работы. Иногда мы вынуждены заниматься этим сами, но в большинстве случаев мы просто используем наемников. Как основатели, мы должны держать свои руки в чистоте. Мы не можем допустить, чтобы наши имена были испачканы.

Хранить секреты становится все труднее. Особенно по мере того, как быстро прогрессируют технологии. Скрытые камеры, микрофоны и другое оборудование могут быть использованы против нас, чтобы доказать общественности сам факт нашего существования. Мы были уличены много раз, иногда случайно кем-то, кто появлялся в неправильном месте в неправильное время. Когда это происходило, проблему решали - называли заботой о свидетеле. Это фраза, которую мы используем, потому что она более цивилизована, чем говорить, что на самом деле происходит. Правда в том, что его убивают. Он мертв. Благодаря одному из наших наемников.

Учитывая то, что мы делаем, вы верно думаете, что некоторые люди не захотят быть членом организации, но удивительно, многие считают это честью. Это престижно. Заставляет людей чувствовать себя особенными. Также существует множество льгот, таких как доступ в клинику, в секретную медицинскую группу, предназначенную только для самых богатых и влиятельных людей в мире. Там используют методы лечения и лекарства, недоступные для широких масс. Будь иначе, некоторые болезни исчезли бы с планеты, а мы не можем этого допустить. Лекарства - это бизнес. Очень прибыльный бизнес. И много работы. На самом деле, многие члены считают, что мы делаем миру одолжение, сохраняя наши разработки в тайне. Миллио-

ны людей остались бы без работы, научись медицина справляться с болезнями, от которых ранее не было панацеи.

Я не согласен с такой философией. По моему мнению, каждый имеет право на доступ к лекарствам, но вслух об этом не говорю. Как член Совета я обязан соглашаться с их идеалами. Молчать. Спор ничего не изменит. А насчет клиники, в действительности я не знаю, на что они способны. Что могут лечить, а что нет. Не думаю, что они могут вылечить рак. Их лечение немного лучше, чем общедоступное. По крайней мере, это то, что я говорю себе. И я не испытываю чувства вины, которое чувствовал бы, если бы знал наверняка, что они реально могут вылечить болезнь, считавшуюся смертельной.

«Дюнамис». Название группы, к которой я принадлежу. Оно никогда не должно произноситься вне официальных встреч. Даже общее название, организация, не должно быть озвучено никому, кроме наших наемников, но я слышал, как остальные произносят его время от времени. Правила не всегда соблюдаются. Но что касается настоящего имени, незамедлительно последует строгое наказание, если вы когда-либо проговоритесь вне компании посвященных.

«Дюнамис» - в переводе с греческого означает «сила для власти». Не просто любая, но и высшая степень ее проявления. Некоторые даже связывают ее с божественной, такой, как у самого Бога. Это просто показывает вам, что основатели о себе думали, выбирая название. Они считали себя Богами. Может быть, не так уж категорично, но определенно организацией, наделенной божественной силой. Уверены, что обладают не только силой, а еще и возможностью ее использовать. Они способны на все, что угодно.

Так что, да, название подходящее, может быть, даже больше, чем любое другое.

Не смотря на льготы, власть, престиж - я ненавижу быть членом этой группы. «Дюнамис» разрушили мою жизнь. Уничтожили меня, как личность, и кем я был до того, как узнал, что они существуют. Они - причина, почему у меня нет, и не будет нормальной жизни. Причина, по которой я до самой смерти буду управлять компанией, в которой не заинтересован. Из-за нее я не сплю по ночам, и у меня постоянные головные боли, язва желудка и напряженные мышцы, никогда не расслабляющиеся. Они - причина, по которой у меня нет надежды.

И их вина, что я никогда не узнаю, что значит любить и быть любимым.

ГЛАВА 8 РЭЙЧЕЛ

Я прихожу в кофейню в 5:45. Специально приехала пораньше, потому что трудно найти свободное место на парковке в центре города, в связи с чем, мне потребовалось обойти квартал несколько раз, прежде чем я смогла оставить машину. Не хотелось опаздывать после того случая на лекции, на прошлой неделе. К счастью, припарковав машину прямо напротив кофейни, теперь я сижу внутри, застыв в ожидании.

Я не была уверена, что мне надеть, поэтому схватила первое попавшееся повседневное летнее платье. Сегодня жарко, а его ткань легкая и прохладная. Платье синее, без рукавов и облегает сверху, а к низу расширяется в юбку. Когда я смотрю на себя, то возникает ощущение, что оно в стиле ретро, который вряд ли когда-либо выйдет из моды. По крайней мере, я себя в этом убеждаю, переодеваться уже слишком поздно, и у меня не настолько богатый гардероб. Я обута в белые сандалии с небольшим каблукком. Макияж без изысков, как всегда. Просто румяна и тушь для ресниц. Мне не нравится помада, поэтому я редко ей пользуюсь. Плюс, отвратительно, когда она оставляет след на кофейной чашке.

Если бы это было свидание, я, возможно, добавила бы больше макияжа, но не хотелось выглядеть вызывающе для встречи за чашкой кофе. Гламур - это не мое. Я больше похожа на обыкновенную девушку по соседству. Пирс, вероятно, привык к более изящному типу женщин, но я не собираюсь притворяться кем-то другим. Буду чувствовать себя некомфортно, а я и так достаточно нервничаю.

Пирс приходит в 5:55. Я знала, что он из тех людей, кто пунктуален до невозможности. Встаю, чтобы меня было заметно. Я выбрала столик сбоку, для уединения. А не поторопилась ли? Это же не свидание. Или все-таки свидание?

Наблюдаю, как он подходит к столу. Снова в костюме. На этот раз в темно-сером. Образ завершает идеально накрахмаленная белоснежная рубашка и серебристо-голубой галстук, под цвет его глаз.

— Рэйчел. Рад тебя видеть. — Пирс протягивает мне свою ладонь.

— Я тоже. — Намереваюсь ответить на его рукопожатие, но он подносит мою руку к губам и целует тыльную сторону ладони, его глаза устремлены на мои.

Это может быть, самая крутая вещь, которую парень когда-либо для меня делал. Просто поцелуй руки, но то, как это сделал он, было... я не знаю, как это описать, кроме как... идеально. И совершенно неожиданно. Я имею в виду, кто в наше время так делает? Парни все еще целуют девушке руку? Девушке, которую они только что встретили? Возможно, но лично я раньше никогда с таким не сталкивалась. И хотя уверена, что поцелуй моей руки был неторопливым, в моем сознании он казался очень-очень медленным. Пирс притягивает мою руку к своим губам, они нежно касаются моих пальчиков. И его глаза. Они все это время пристально следили за мной.

Теперь он стоит позади, ждет, когда я сяду. Выдвигает для меня стул. Опять же, идеально. Безупречно. Другие парни пробовали подобное, но выбор момента был неудачным. Они либо двигали стул слишком быстро, и я ударялась о его край ногами, либо слишком медленно, и я едва с него не падала.

— Ты долго ждала? — интересуется Пирс, занимая место напротив меня.

— Всего несколько минут. Приехала немного раньше. Клянусь, обычно я не опаздываю. На прошлой неделе была аномалия.

Он улыбается, потянувшись к моей руке и накрывая ее своей.

— Рэйчел. Нет необходимости оправдываться. Я не должен был по этому поводу тебя дразнить. Пожалуйста, прости меня.

Я киваю, уставившись на его ладонь, которая все еще лежит поверх моей.

— Ты упоминал, что бывал здесь раньше?

— Да. — Он медленно убирает руку. — Я иногда делал здесь домашнее задание, будучи студентом Йеля.

— Я не часто сюда прихожу, но слышала, у них великолепный капучино.

— Это то, чего ты хочешь?

Я бросаю взгляд на доску с меню. Капучино дорогой. Наверное, мне стоит выпить кофе.

— Думаю, я выпью обычный кофе.

— А я думаю, ты предпочла бы капучино. Бери все, что пожелаешь, я заплачу.

— О, нет, не нужно. Я и так вынудила тебя проделать такой длинный путь, чтобы со мной встретиться. И не собираюсь заставлять еще и кофе мне покупать.

Пирс откинулся на спинку стула, на его лице играет улыбка.

— Я не буду покупать тебе кофе. Я куплю тебе капучино. Хочешь еще что-нибудь?

Я улыбаюсь в ответ.

— Нет. Только капучино. Спасибо.

Он подзывает официанта.

— Капучино и двойной эспрессо.

Я смотрю на Пирса через стол между нами. В последний раз, когда я видела его, он был чисто выбрит, но сегодня у него плотная пятичасовая щетина, которую я нахожу чрезвычайно сексуальной.

— Рэйчел, что-то не так?

Я моргаю, возвращаясь в реальность.

— Эм, нет. Все хорошо.

— Ты же не расстроилась, что я сделал заказ за тебя, не так ли? Некоторые женщины считают это унижительным. Но я не специально, просто привычка. Каюсь, я немного старомоден. Открываю двери для женщин, придерживаю стул, беру их пальто, заказываю еду для них в ресторане. Меня к таким манерам с детства приучали, но, если ты обижаешься, пожалуйста, дай мне знать.

— Я не считаю такое поведение оскорбительным. Вообще-то, мне даже нравится. Все это немного романтично.

Пирс снова улыбается.

— Полагаю, с твоей точки зрения - это может и выглядит романтично, но для меня обычные хорошие манеры.

Вот, он просто вежлив. Я знала, что это не свидание, и должна сосредоточиться на том, почему мы здесь.

— Я уверена, твое время на вес золота, поэтому, расскажи мне о «Кенсингтон Кемикал».

— Рэйчел. — Он ждет, пока я не посмотрю на него. — Ты действительно хочешь разговаривать о химической компании?

— Конечно. Я имею в виду, у меня нет конкретных вопросов, но это твой семейный бизнес, и я уверена, ты им гордишься и любишь о нем рассказывать.

— Не люблю. Я провожу там столько времени, что мне необходим перерыв. Так что, если ты действительно не хочешь слушать о моей кампании, я бы предпочел поговорить о чем-то другом.

— Но я и правда хочу. Прежде мне не доводилось встречать никого, кто владел бы бизнесом такого масштаба. Но, может, ты расскажешь мне об этом в другой раз. Не то, чтобы ты планировал встретиться со мной снова...

— Я был бы рад увидеться с тобой еще раз. И у меня будет достаточно времени, чтобы подготовить что-то интересное о компании, потому что в данный момент я ничего не могу придумать.

Пирс снова шутит, но деликатно, без намерения обидеть. С улыбкой. Она на его

лице с тех самых пор, как он пришел, но скорее неуловимая, а не открытая и дружелюбная. Таинственная, заставляющая меня гадать, серьезен ли он или нет.

Официант приносит наши напитки. Замечаю пену на моем капучино и понимаю, что скоро она будет на моем лице, едва я начну пить. Почему я раньше не подумала об этом?

Пирс пьет эспрессо настолько элегантно, будто ему мастер-класс преподавали. Затем опускает свою чашку на стол.

— Я соглашусь с тобой, мое время ограничено. Но я взял выходной, и мне приятно провести сегодняшний вечер с тобой. Если только у тебя нет других планов.

Он хочет провести вечер со мной? За кофе? Полагаю, это свидание.

— Возможно, я должен объяснить, — продолжает он, когда я не отвечаю. — Немного неловко, что мы пьем кофе, а ты, скорее всего, голодная. Не возражаешь, если я приглашу тебя на ужин, после того как мы здесь закончим?

— Да, было бы неплохо. — Я нервничаю. Почему я так нервничаю? Осматриваю себя. — Я подходяще одета? Могу пойти домой и переодеться.

Его улыбка становится немного шире.

— Твое платье идеально, и выглядишь ты прекрасно.

— Спасибо. — Чувствую, как краснею. Я не ожидала комплимента. Едва ли накрашена, волосы не уложены в прическу. Я просто вымыла их и оставила в естественном вьющемся состоянии, вместо того, чтобы вытянуть и сделать ровными.

Я пью свой капучино и чувствую на носу пену.

Прежде чем достаю салфетку, Пирс протягивает ее и стирает пятнышко.

— Капучино может навести беспорядок.

— Я должна была заказать что-то другое. — Промокаю губы салфеткой. — Ужасно неловко.

— Нет причин для смущения. — Он пьет свой эспрессо, а потом просит: — Расскажи мне о себе. Откуда ты?

— Маленький городок в Индиане.

— Никогда не был в Индиане. Какая она?

— Местность, где я выросла, — в основном сельскохозяйственные угодья. Мои родители — фермеры.

Опускаю голову вниз, ощущая, как кровь снова прилила к щекам. Знаю, что не должна стесняться того, откуда я родом, или факта, что мои родители — фермеры, но трудно этого не делать, здесь люди иногда надо мной смеются.

— Ты покраснела, — констатирует очевидное Пирс. — Могу спросить, почему? На этот раз виноват не капучино.

Я смотрю на него.

— Просто люди здесь, по крайней мере, в моем колледже, склонны осуждать меня за то, что я выросла на ферме.

— Как именно?

— Они просто делают выводы. Ведут себя так, будто я не такая умная, как они, или не такая утонченная.

— Рэйчел, я тебя не осуждаю, — его голос серьезен. — И никогда бы этого не сделал. Те, которые так поступают, либо дезинформированы, либо просто глупы. Я уверен, никто из них даже и близко не был на ферме, поэтому любое суждение относительно таких вопросов просто подчеркивает их невежество.

Я улыбаюсь.

— Интересная точка зрения. Возможно, я использую ее на одном из моих одногруппников.

— Так тебе нравилось жить на ферме?

— Давай поговорим об этом в другой раз.

— Ты избегаешь разговоров о том, где родилась?

— Не совсем. Я предпочитаю не говорить об этом сегодня.

Честно говоря, разговор о доме напоминает о моей чрезмерно заботливой матери и Адаме, о беременности, а я не хочу об этом думать. Пока Пирс рядом. Мы только познакомились, и слишком рано обсуждать такие личные темы.

— Лучше расскажите мне о себе. Ты из Коннектикута?

— Да. Вырос в небольшом городке на побережье, а мои родители до сих там живут. Примерно в полчасе езды отсюда.

— А где ты сейчас живешь?

— У меня лофт⁴ в Уэстоне.

Я проезжала через Уэстон. Очень богатый район. Даже квартира там будет дорогой.

Опускаю ложку в чашку с капучино, а затем немного собираю пену, чтобы опять не запачкаться.

— Расскажи мне о своих родителях. Ты часто с ними видишься?

— С отцом - каждый день.

— Верно, он же твой босс. Это странно для тебя, или наоборот, нравится?

Он покашливает, прочищая горло.

— Я бы предпочел не говорить о своих родителях.

— Может в другой раз? — Лукаво улыбаюсь.

— Да. — Пирс кивает. — Когда ты расскажешь мне о жизни на ферме, я расскажу тебе о своих родителях.

— Договорились. — Я протягиваю руку, просто шутя, но вместо того, чтобы пожать ее, Пирс берет в свою и больше не отпускает. Кладет наши руки на стол, будто это самая естественная вещь на свете. Мое сердце бьется, как сумасшедшее. А он выглядит совершенно спокойным. Для него, встречавшегося с безумным количеством женщин, такой жест не имеет большого значения. Вероятно, он делает так постоянно. Держится за руки с женщиной, которую только что встретил. Машинально, потому что ему явно не впервой.

Пока мы продолжаем разговаривать, он все еще держит меня за руку. Я рассказываю о своих занятиях в Хиршфилде, Пирс рассказывает о своих годах в Йеле. Уже восемь вечера, и мы понимаем, что вероятно, пора отправляться на ужин. Мы находим местечко в квартале от кофейни. Обычный ресторанчик, и я не была уверена, что Пирс захочет туда пойти, но он меня удивляет. Я думала, он привык посещать только элитные рестораны.

После заказа, внимательно изучая меня, он интересуется:

— Ты нервничаешь, когда я рядом, Рэйчел?

Я колеблюсь, прежде чем, признаться.

— Да. Немного.

— Из-за костюма? Мне следовало переодеться во что-то более непринужденное. Они иногда жутко пугающие. Слишком официальные.

— Нет, дело не в нем. Мне нравятся костюмы.

— Тогда что заставляет тебя нервничать?

— Тот факт, что ты известная личность и привык общаться с важными людьми и красивыми женщинами.

Это было жестоко, но честно. Почему я так откровенна с ним? Я должна более комфортно чувствовать себя в обществе Пирса, раз уж говорю, о чем думаю.

— А ты, значит, не важна? Или не считаешь себя красивой?

— Я этого не говорю. Просто я...

— Рэйчел. — Пирс тянется к моей руке, лежащей на столе. — Ты необычайно красива, поэтому я не мог глаз от тебя оторвать последние два часа. И что касается важ-

ности, то все важны. Хотя и говорят, что деньги могут купить уважение, это иллюзия, и их можно потерять так же быстро, как и заработать. Я только что тебя встретил, но уже считаю одним из самых важных людей, которых знаю.

— Правда? Почему же?

Он задумывается на мгновение, потирая челюсть.

— Ты вызываешь во мне незнакомые чувства. Другую часть меня, ту, о которой я признаться, уже почти забыл. Менее серьезную. Не поглощенную работой. Я даже о ней и не вспоминал.

Я мягко улыбаюсь.

— Это твоя менее серьезная сторона?

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— Ты все еще выглядишь довольно серьезным.

— Обычно все гораздо хуже. Я редко улыбаюсь.

— Тогда я думаю, что действительно вижу твою иную сторону, потому что ты сегодня много улыбаешься.

— Так что же еще заставляет тебя нервничать?

— Тот факт, что ты такой собранный. Как ты говоришь. Твоя одежда. Безупречные манеры.

Пирс громко смеется.

— Мне их с детства прививали. Теперь это просто привычка. И я знал, что костюм - плохой выбор. Мне надо было переодеться. — Он снова раздосадовано трет подбородок. — Но я не побрился, так что теперь можешь снизить мне баллы. Я собирался, честно, но забыл. Моя мать бы умерла, узнав, что я пригласил женщину на ужин небритым.

— На мой взгляд, выглядишь ты замечательно. Бриться было бы необязательно.

— Мило с твоей стороны, но я должен был.

Официантка приходит с нашими салатами.

Когда мы приступаем к еде, я задаю волнующий меня вопрос:

— Ты ведь не собираешься идти на экскурсию в пятницу, не так ли?

— Почему бы мне и не пойти? — Он подносит вилку ко рту, но останавливается. Медленно опускает ее обратно на тарелку.

— Потому что это крошечный музей, и в нем мало экспонатов. Я работаю там только из-за практики в проведении экскурсий, и вдобавок близко к кампусу. Ты, вероятно, посещал величайшие музеи мира, так что там попусту потратишь время.

— Оно не будет напрасно потраченным. Я пойду, потому что там будешь ты. И я с нетерпением жду этого тура. Как долго он продлится?

Я не отвечаю. Я все еще осмысливаю, что он только что сказал. *Я пойду, потому что там будешь ты.* Я подозревала, что это и есть истинная причина, почему Пирс попросил экскурсию. Но не могу поверить, что он просто взял и открыто признался. Это было смело. И очень сексуально. Я восхищаюсь его уверенностью. Лично я слишком стесняюсь признаться, когда мне кто-то нравится. Вместо этого делаю намеки, а парни никогда их правильно не воспринимают.

— Рэйчел?

— Да, прости. Экскурсии обычно длятся полчаса.

— Если в музее так мало достопримечательностей, чем ты занимаешь время?

— Отказываюсь от стандартного сценария и добавляю свою собственную подборку исторических фактов. Выбираю самые интересные, адаптируя их к аудитории, конечно.

Он откладывает вилку в сторону и откидывается на спинку стула.

— К какой именно?

— Разной. Дети из начальной школы - мои самые любимые посетители. Я люблю

детей, они задают смешные вопросы. А еще есть старшеклассники, менее любимые, потому что их заставляют посещать музей, а они меня не слушают. Иногда приезжают люди из медицинского центра, у которых синдром Дауна. Некоторые из них не понимают, что я говорю, поэтому я пытаюсь сделать экскурсию для них более визуальной. Использую картинки, рисунки и фотографии вместо того, чтобы просто рассказывать. А другая основная группа - пожилые люди из домов престарелых. Они всегда очень милые и улыбаются, даже когда я все порчу.

Пирс смотрит на меня, не произнеся ни слова.

— Я тебя утомила, да?

Он улыбается.

— Нисколько. Я нахожу это захватывающим. Так ты взяла на себя обязательство разработать программу для каждого тура? Угодить всем посетителям?

— Да, потому что иногда история может быть скучной. Моя цель - сделать ее более увлекательной. И для этого я выясняю, что разные люди считают интересным. Например, маленькие дети любят слушать о чем-то грубом или возмутительном. Или им нравится узнавать о том, каково это - быть ребенком сто лет назад.

— Тебе следовало заняться бизнесом, выявлять потенциальных клиентов. Оценивать их нужды и адаптировать продукцию под их потребности. Некоторые из моих коллег по Гарварду даже понять не могут, как это сделать. А тебе это удастся с легкостью.

— Не совсем понимаю, о чем ты, но мне нравится, что я делаю. И действительно, моя цель - просто заинтересовать людей историей, чтобы они желали узнать больше о ней. Потому что прозвучит как клише, но, тем не менее, история повторяется. А мы продолжаем совершать одни и те же ошибки, снова и снова. Не учимся на прошлых. И, возможно, причина в том, что никто не хочет возвращаться и анализировать их, дабы избежать в будущем повторения. — Я беру стакан воды. — Это взгляд идеалиста, я знаю. На более реалистичном уровне моя цель - просто чуть сильнее заинтересовать людей в истории.

Пирс все еще смотрит на меня, когда я делаю глоток и перевожу дух. Он едва дотронулся до своего салата.

— Ты очень умна.

— Спасибо. — Смотрю себе на колени, разглаживая салфетку.

Чувствую его руку на своей.

— Что-то не так?

Поднимаю голову, наши глаза снова встречаются.

— Нет. Я просто не привыкла к комплиентам. А ты сегодня меня им засыпал.

— На самом деле это не совсем комплимент. Я просто констатирую факты. Ты прекрасна. Умна. Трудолюбива. Ты потрясающая женщина.

Я улыбаюсь.

— Теперь ты заставляешь меня краснеть. Давай сменим тему.

Мы разговариваем во время ужина и десерта. Скоро десять, а время так быстро бежит. Я еще не готова уходить. Наконец расслабившись в обществе Пирса, я обнаружила, что свободно говорю о всевозможных вещах, от детских историй до текущих событий. Мы болтали без умолку. Наша беседа стала настолько легкой и естественной, что я не хотела, чтобы вечер заканчивался.

Но в десять часов мы уходим, и он провожает меня к моей машине.

— Сегодня я отлично провела время, — признаюсь, когда мы останавливаемся. — Спасибо за ужин.

— Не сомневаюсь. Спасибо, что согласилась разделить его со мной. Прости, если не уделил тебе больше внимания.

— Я рада, что ты меня пригласил. Это дало нам больше времени, чтобы погово-

ритель. — Улыбаюсь. — Но ты все равно не рассказал мне о своей компании.

Он кивает.

— В другой раз.

— Увидимся в пятницу? В четыре?

— Да. Я уже освободил место в своем расписании.

— Какой тур ты хотел бы?

— Что порекомендуешь?

— Экскурсии для старшего поколения самые интересные. — Громко смеюсь, когда вижу выражение его лица. — Не то, чтобы ты старый. Я не это имела в виду. Может, мне стоит придумать новую программу? Тур бизнесмена. Тогда ты расскажешь всем своим друзьям, и у меня будет масса новых клиентов.

— Я не хочу, чтобы ты перетруждалась. Обычная программа в самый раз.

— Нет. Я организую новую, только для тебя. Я же пытаюсь сделать так, чтобы тебе понравилась история, помнишь?

— Ладно, хорошо. Жду с нетерпением, — он делает паузу и продолжает, — и с еще большим, встречи с тобой снова.

Я чувствую, как мое сердцебиение ускоряется, когда он так говорит. Мы стоим близко, наши тела почти соприкасаются. Пирс соблюдает дистанцию, вероятно, чтобы я не чувствовала себя неловко. Сегодня я узнала, что он - джентльмен. И мне это нравится. В наши дни редко можно встретить парня с такими хорошими манерами.

Мы смотрели друг на друга все время, пока стояли. Будто не можем разойтись. Словно мы не хотим уходить. Я думаю, он ждет меня, но я не могу. Пока нет.

Не разрывая взгляда, Пирс подошел ближе и провел одной рукой по моей талии, слегка сжимая. Пальцами другой коснулся моего лица. Затем наклонился, и его губы прижались к моим. Мягкие и теплые, их прикосновения нежные, и я расслабляюсь в его объятьях. На мгновение он замирает, обдавая горячим дыханием мои губы. Я жду продолжения, но затем чувствую, что его хватка ослабевает, когда он медленно отступает.

Наши глаза снова встречаются, и я могу сказать, что он тоже это чувствует. Не просто соприкосновение губ. Это было по-другому. Близость, которую я не испытывала с первым поцелуем. Обычно я вообще с первым поцелуем ничего не чувствую, потому что не знаю партнера. И хотя я не знаю и Пирса, я все же ощутила нечто такое... Что-то, с чем раньше не сталкивалась. Это трудно объяснить словами. Это просто где-то внутри, в душе. И хотя поцелуй был немного целомудренным, он разжег внутри меня пожар. Желание большего. Между нами есть химия. Я почувствовала ее, когда мы встретились в Йеле, а затем снова сегодня вечером, в тот момент, когда он вошел в кофейню. Как будто от нас исходит энергия. Влечение настолько сильное, что если бы мы прямо сейчас не стояли на улице, то могли бы в конечном итоге сделать то, что не положено на первом свидании.

— Могу я проводить тебя домой?

Мне нужно немного время, чтобы прийти в себя от поцелуя.

— Эм, не надо. Я на машине.

Очевидно, мой разум все еще поврежден. Мы же стоим рядом с ней.

Пирс усмехается.

— Я имел в виду, могу ли следовать за тобой до дома и проводить до двери?

— О. Нет. В этом нет необходимости.

— Ты уверена?

— Да, но спасибо за предложение.

Он открывает дверь моей машины, но прежде чем сесть за руль, я спрашиваю:

— После музея в пятницу ты не занят?

Его губы расплываются в довольной улыбке.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я просто подумала, может, ты бы хотел потом поужинать. Но если у тебя свои планы, не беспокойся.

Пирс приподнимает мое лицо за подбородок и смотрит мне в глаза.

— Я отменю все планы, которые у меня были. Потому что я снова хотел бы поужинать с тобой.

— Прекрасно! Тогда увидимся в пятницу. — Я пытаюсь казаться невозмутимой, но мое сердце собирается вырваться из груди, и я чуть запыхалась.

Он все еще держит рукой мой подбородок, приподнимая мое лицо к своему. Пристально смотрит мне в глаза и медленно наклоняется, оставляя на моих губах еще один поцелуй. Мягкий, нежный, но вызывающий внутри меня еще больше искр.

Затем он отступает.

— Спокойной ночи, Рэйчел.

Я едва могу дышать, все еще потерянная в поцелуе.

— Спокойной ночи. — Выпалив, быстро сажусь в свою машину, а Пирс стоит и наблюдает, как я уезжаю.

Это было лучшее свидание в моей жизни. Пирс добрый. Щедрый. Хороший слушатель. Джентльмен. Отлично целуется. Я могу продолжать до бесконечности.

Это только наше первое свидание, и я уже влюблена в этого парня. Что я делаю? Это не должно было быть свиданием. Он не должен был мне так сильно нравиться. Я надеялась, что мы встретимся, иллюзия рассеется, и я, наконец, избавлюсь от мыслей о нем. Но вместо этого я теперь буду думать о Пирсе еще больше.

Сомневалась, что между нами что-то может быть. Возможно, я ошибалась. И думаю, что теперь хочу большего.

ГЛАВА 9 ПИРС

Я не знаю, что произошло сегодня. Кажется, я только что сходил на свидание. На свидание с невероятно умной, невероятно красивой женщиной. Это не должно было быть свиданием. Просто разговор за кофе. Но потом я пригласил ее на ужин. Я не планировал этого, но как только снова увидел Рэйчел, я понял, часа в кафе мне будет мало. Мне нужно больше времени с ней. Но даже после четырех часов мне все равно было недостаточно.

Это определенно было свидание. Я не ходил на них со времен колледжа и пообещал себе, что больше никогда не совершу подобную глупость. По крайней мере, в реальной жизни. Зачем? У меня много женщин, удовлетворяющих мои сексуальные потребности, и нет смысла с кем-то встречаться, потому что, в конечном итоге, мне придется жениться на той, кого выберет организация.

Так что на меня нашло? Я не могу быть с такой девушкой, как Рэйчел. Я знаю это, и все же согласился на еще одно свидание в пятницу вечером. И еще более тревожно то, что вечер пятницы теперь кажется очень далеким. Почти среда, остался лишь один день, но я уже хочу снова ее увидеть.

Мне необходимо остановиться. Положить конец тому, что начинается между нами. Но я не могу. Я должен ее увидеть. Никогда не встречал такую, как Рэйчел. Добрую, щедрую и настоящую. Качества, которых не хватает женщинам в моем прошлом, или настоящем. Меня окружают светские львицы, заботящиеся только о своей внешности, о своем положении в обществе. Моя мать такая же. Я вырос, будучи уверенным, что все женщины одинаковы. Конечно, когда я стал старше, изменил свое мнение, но до сих пор никогда не видел ни одну, похожую на Рэйчел.

Сегодня она выглядела красивой. И когда я встретил ее в Йеле, тоже. У нее природная красота, сногшибательная. Ни один пластический хирург никогда не сможет воспроизвести подобный тип красоты. Я знаю женщин, потративших тысячи долларов в попытках добиться совершенства, и все же они - подделка. Нос слишком маленький или слишком острый. Глаза либо раскосые, либо круглые, навывкате. Слишком пухлые губы. Вы просто не сможете выглядеть также безупречно и естественно, как Рэйчел.

Я не хотел пялиться на нее весь вечер, но не мог оторвать глаз. Темные волосы обрамляли ее лицо длинными, мягкими волнами. И мне понравилось ее платье. Непритязательное, но она сделала его элегантным. Без рукавов, не скрывающее руки. Красивые, подтянутые руки. Интересно, занимается ли она спортом? Она об этом не упоминала, но я не знаю, как еще можно держать себя в такой хорошей форме. Платье синее, и его оттенок соответствовал ее глазам. Боже... Я не мог перестать ими любоваться. Они не просто цвет, а тепло и эмоции, которые передают. И ее улыбка освещает комнату. Распространенное выражение, но я не верил ему, пока не убедился на собственном опыте.

Все четыре часа, что мы провели вместе, я не потерял интереса к нашему разговору. И это для меня непривычно. Когда люди так долго говорят, мое внимание рассеивается. Приходится напрягаться, чтобы оставаться сосредоточенным. Но Рэйчел с легкостью пленила все мое внимание.

И этот поцелуй... Я нарушил свое же правило - запрет на поцелуи. Но потом я обнял ее, потерялся в ее глазах, и прежде чем смог остановиться, поцеловал. И я не знаю, что именно произошло, но этот поцелуй что-то со мной сделал. Очевидно, учитывая мое влечение к ней, что он вызвал сексуальную реакцию, но это было нечто большее. Близость, которую я никогда раньше не испытывал, целуя других девушек. Я не хотел, чтобы наш поцелуй закончился. Не думаю, что и Рэйчел этого хотела. Но

почувствовал, что должен отступить.

Я ограничил поцелуй только губами. Я хотел бы поцеловать ее более интимно, но это плохая идея, мы только познакомились. Полная бессмыслица, так как обычно я пропускаю этап с поцелуями и просто занимаюсь сексом с женщиной, уже спустя полчаса после встречи с ней. На самом деле, я так и поступил прошлой ночью с Ризель. Но не с Рэйчел. Это неправильно.

Я также держал ее за руку. А никогда ведь так не делаю. Еще одно нарушенное мною правило. Но я не мог ничего с собой поделать. Должен был к ней прикоснуться, а потом... уже не смог отпустить.

Я настолько поглощен мыслями о Рэйчел, что пропустил вход в здание. Разворачиваюсь и возвращаюсь к воротам, останавливаюсь на посту охраны и опускаю вниз стекло на двери машины.

— Добро пожаловать, мистер Кенсингтон. — Охранник улыбается, нажимая на кнопку, чтобы открыть ворота.

— Спасибо, Джордж.

— Возвращаетесь с работы?

— Нет. Я ужинал.

Он кивает.

— Должно быть, она - особенная девушка.

Изумленно вскидываю брови.

— С чего ты так решил?

— Я никогда раньше не видел, чтобы вы вот так улыбались. И подумал, что тут, должно быть, замешана девушка.

Откашливаюсь, возвращая себе голос.

— Хм, ладно, хорошего вечера, Джордж.

— Вам тоже, мистер Кенсингтон.

Я проезжаю через ворота в подземный гараж и паркуюсь на своем именном месте. Проверяю собственное отражение в зеркале заднего вида. Улыбки нет. Так о чем тогда Джордж говорил? Я улыбался, когда подъезжал? Когда все еще думал о Рэйчел? Интересно... Я не позволяю женщинам влиять на меня таким образом. Я просто занимаюсь с ними сексом. Приглашаю их на ужин, в оперу, на балет, или благотворительный бал. И на этом все. Я с ними не встречаюсь. Мне нравится держать всё под контролем. Тогда почему у меня возникает ощущение, что я теряю его, когда дело доходит до Рэйчел?

На следующий день, в офисе, я стараюсь сосредоточиться на таблицах с последними показателями продаж и прогнозируемым доходом на следующий квартал, но абсолютно ничего не понимаю. Просто море колонок с цифрами. Каждый раз, когда я пытаюсь сосредоточиться на какой-то определенной, мой разум переключается на вчерашний вечер. Я пытаюсь проанализировать, что со мной происходит, когда дело касается Рэйчел. Должно быть логическое объяснение, почему я постоянно о ней думаю.

Я - приверженец логики, и когда не могу найти рациональное объяснение чему-либо, это меня бесит. И нет ничего разумного в моих чувствах к Рэйчел. Единственное, что я могу придумать себе в оправдание - она под запретом. А когда что-то запрещают, то еще сильнее хочется. Это человеческая природа. Базовая психология.

Рэйчел недоступна во многих смыслах. Во-первых, свидания с ней нарушают лично мною установленное правило никогда ни с кем не встречаться. Во-вторых, она никак не вписывается в мой мир. Не богата, не из влиятельной семьи, и не училась в элитных школах. В-третьих, ей запрещено даже приближаться ко мне. Мои родители убьют меня, если узнают, что я с ней встречаюсь, и «Дюнамис» тоже накажет. И, на-

конец, если бы я продолжил видеться с ней и каким-то образом наши отношения развивались, все мигом бы прекратилось, потому что она никогда не смогла бы по-настоящему меня узнать. Рэйчел никогда не увидит ту часть моей жизни, которую я тщательно скрываю. Темную сторону. Она никогда не узнает, что я сделал. Никогда не выяснит о «Дюнамис», о том, чем они занимаются, кто является членом этой группы, или как я вынужден следовать их приказам, даже если мне это не нравится. Рэйчел нельзя знать ничего из этого, поэтому я не имею права и дальше искать с ней встреч.

Уже полдень, и я решил ей позвонить. Надо отменить наше завтрашнее свидание и сказать ей, что я занят. Если она позже мне снова позвонит, я опять скажу, что у меня нет времени, и, в конце концов, до нее дойдет. Я не хочу так поступать по отношению к ней, но должен. Это к лучшему.

Рэйчел отвечает на третьем гудке.

— Привет, это Рэйчел.

Только услышав ее голос, я чувствую, как мои губы расплываются в улыбке. Проклятье! Сажусь, будто мне в позвоночник металлический штырь воткнули, и старательно имитирую строгий, деловой тон.

— Привет, Рэйчел, это Пирс.

— Привет, Пирс. — Ее голос слегка повышается на одну октаву. — Не ожидала, что ты позвонишь. Ты же не собираешься меня продинамить? Я уже провела некоторые исследования и нашла кучу интересных фактов о гражданской войне, о которых раньше даже и не слышала. А еще у меня есть очень увлекательная история об одном из солдат, о котором мало кто знает. Не могу дождаться, чтобы поделиться с тобой. Я с нетерпением жду нашей экскурсии. И, ну, я действительно хочу увидеть тебя снова.

Мой план держаться подальше от Рэйчел только что рассыпался, как карточный домик. Я не могу отказать ей. Не сейчас. Не после того, как она все это сказала. Вообще-то, мне не трудно говорить людям «нет», но я не могу заставить себя поступить так по отношению к Рэйчел. Она милая девушка, и проделала массу работы, готовясь к экскурсии. А когда сказала, что хочет увидеть меня снова, я начал опасаться, что мое лицо треснет от улыбки. Широкой, открытой, непривычной. Но я не мог это контролировать. Наши чувства взаимны. Не могу дождаться, когда снова ее увижу. Даже если бы она сейчас не призналась, что с нетерпением ждет со мной встречи, я все равно не смог бы отменить наше свидание. Логически я знаю, что должен, но логика, кажется, с криком выбрасывается из окна, когда дело доходит до Рэйчел.

— Я тоже хочу тебя увидеть, — говорю ей, а эта чертова улыбка все еще на моем лице. Надеюсь, если кто-нибудь пройдет мимо, то ничего не заметит. Еще подумают, что я с ума сошел. — И ты выбираешь место, где мы потом поужинаем.

— Окей. — Она делает паузу. — Так ты позвонил, чтобы просто поздороваться? Я не дала тебе возможности объяснить, почему ты звонишь.

— Я о тебе думал и хотел узнать, как проходит твой день.

— Все хорошо. Спасибо. А твой?

— Медленно, но тоже неплохо.

— Кстати, я тоже думала о тебе, так что рада, что ты позвонил. Хотела сама это сделать, но ты занят, и я боялась, что буду тебя отвлекать.

— Звони, когда захочешь. Если меня не будет, просто оставь сообщение, и, когда смогу, я перезвоню.

— Ладно, хорошего тебе дня.

— И тебе тоже. Прощай, Рэйчел.

— Пока, Пирс.

Один из секретарей появляется у двери моего офиса.

— Мистер Кенсингтон, только что звонил Джек Эллит, пытался с вами связаться. Вы должны были встретиться с ним десять минут назад. Собирались вместе пообедать.

Я вскакиваю, как ужаленный.

— Да. Совсем из головы вылетело. Спасибо, что напомнили. Я уже выезжаю.

Джек - мой наставник в «Дюнамис». К каждому новичку прикрепляется наставник, когда мы узнаем о нашем членстве в группе. Меня просветили в шестнадцать лет, но еще четыре года не позволяли посещать собрания. Двадцать лет, это тот возраст, когда большинство из нас узнают об организации. Но мой отец считал иначе. Он решил, если я узнаю правду о том, как работает мир, раньше, чем остальные, то это сделает меня настоящим мужчиной.

Ненавижу его за это. Он украл последние годы моего детства. Пока все мои погодки жили без забот, ходили на танцы, вечеринки и футбольные матчи, мне пришлось жить с тем, что мой отец убил невинного человека прямо на моих глазах. Слышать, что такое происходит каждый день, и никому до этого нет дела. Он и другие члены группы совершают ужасные преступления. Лидеры общества убеждают себя, что убивают на благо нации. Благо мира. Услышав все это, остатки моей детской наивности и невинности были уничтожены. И когда мой отец сказал, что я скоро стану частью организации, я лишился последней надежды на нормальную жизнь.

До прошлого года у меня не было наставника. Не было надобности, потому что я учился в Йеле, а потом сразу перешёл в аспирантуру Гарварда. Когда закончил и начал работать полный рабочий день в «Кенсингтон Кемикал», меня, наконец, познакомили с Джеком Эллитом, моим ментором. Ему пятьдесят восемь лет, женат, двое взрослых дочерей, обе замужем за членами группы.

Мы с Джеком редко виделись. Он владеет крупной телекоммуникационной компанией и часто путешествует по работе. Я вижу его на собраниях, мы встречаемся на обед раз в месяц, и это все.

Наставники должны научить нас, как придерживаться приказов и успешно их выполнять. Они учат нас правилам и следят за тем, чтобы мы им следовали. Они так же хорошие психологи, помогают свыкнуться с мыслью, что мы становимся частью организации. Членство включает в себя этические дилеммы, способные вызвать психологический и эмоциональный стресс. Не у всех, но такое бывало. Особенно у новых рекрутов. Иногда просто нужно с кем-то поговорить, а поскольку мы не можем обсуждать группу с кем-то за ее пределами, нам прямая дорога к наставнику. Мой отец разозлился, когда я обзавелся своим. Он хотел сам обучить меня, но это против правил. Родственникам запрещено брать себе учеников. Конечно, это не мешает моему отцу учить меня тому, что, по его мнению, важно. В основном, как уметь отключать эмоции для успешного выполнения заданий, для достижения еще более высокого положения в «Дюнамис». Лично меня это мало волнует, но отцу я не сказал ни слова. Просто позволил все рассказать и притворился, что внимательно слушаю и запоминаю.

Я встречаюсь с Джеком в частной столовой, рядом с его офисом, расположенным в штаб-квартире его же компании. Мы не ходим в рестораны, там высок риск быть подслушанными, а нам необходима полная конфиденциальность и безопасное место.

— Джек, прости, я опоздал. — Направляюсь к нему, стоявшему рядом с небольшим круглым столом, покрытым белой льняной скатертью.

Джек ниже меня, около ста восьмидесяти сантиметров, крепко сбитый. Густые седые волосы подчеркивают ровный загар, он проводит много времени на солнце, играя в гольф или катаясь на паруснике. Он одет в темно-синий костюм с галстуком в желто-голубую полоску. Джек один из немногих членов группы, кто носит такие яр-

кие цвета. Большинство предпочитает серебристые или темно-серые галстуки. И практически все носят черные костюмы, иногда сменяя их на серые, но редко темно-синие.

Джек улыбается, когда мы пожимаем друг другу руки.

— Нет проблем, Пирс. Мы все заняты, и время летит незаметно.

— Это не оправдание. Я должен был приехать вовремя. Еще раз прошу прощения, такого больше не повторится.

Он подводит меня к столу.

— Может, присядем?

Мы занимаем свои места. На столе стоят два стакана воды, рядом невысокие, пузатые стаканы, наполненные скотчем. Наши блюда уже готовы, накрытые серебряными куполами. Персоналу не позволено находиться внутри во время наших встреч, поэтому мы обслуживаем себя сами. На обед у нас бифштекс с жареным картофелем и спаржей. Джек непритязателен в еде, еще одна черта, отличающая его от других. Для него достаточно, если подадут дорогой срез мяса, приготовленный согласно его требованиям и с гарниром в виде картофеля. Другие члены общества предпочитают изысканные блюда, состоящие из ингредиентов, которые трудно достать и, следовательно, они очень дорогие.

Всякий раз, когда «Дюнамис» организовывает встречи или вечеринки, Джек всегда жалуется на еду. Но его претензии игнорируются. Остальные участники смотрят на него с досадой, но он уже привык.

Джек немного бунтарь. Он раздвигает границы, установленные группой, и не боится высказывать свое мнение, когда с чем-то не согласен. Его непокорность мне больше всего в нем и нравится. В глубине души я тоже мятежник. Мой отец постоянно пытается меня сломать и сделать более послушным, что по большей части ему удалось, но я все еще сопротивляюсь. Делаю то, что он не одобряет. Например, общаюсь с Рэйчел. Он был бы в ярости, узнав, что я встречаюсь с такой женщиной, как она.

Репутация Джека, как создателя проблем, бросающего вызов правилам, хорошо известна моему отцу. Именно поэтому он возмутился, когда узнал, что именно Джек станет моим наставником. Попытка заставить организацию выбрать кого-то другого, но потерпел поражение. Я и сам немного удивился, узнав, что они назначили для меня Эллита, учитывая, что у нас обеих проблемы с безоговорочным подчинением. Но, опять же, я скрываю свою мятежную сторону, поэтому, кроме моего отца, другие члены группы о ней не догадываются.

— Так чем ты занимался, Пирс? — Джек разрезает свой стейк, зажаренный сверху, но с кровью внутри.

— Работал. Шестнадцать часов в день, семь дней в неделю. — Я приступаю к своему обеду, предпочитая стейк средней прожарки. В первый раз, когда вы знакомитесь с Джеком, он обязательно интересуется, какой стейк вам по душе. Затем, когда он приглашает вас на обед, будьте уверены, шеф-повар приготовит его именно так, как вам нравится.

— Тебе необходимо обзавестись каким-нибудь хобби, — советует он. — Может получить лицензию пилота? Или заняться парусным спортом. Я могу взять тебя с собой в свой яхт-клуб.

— Отец не позволит, если только это не принесет пользу компании. Одобрена игра в гольф, и то, только потому, что большинство наших клиентов ярые фанаты этого вида спорта.

Джек отрезает кусок своего стейка с кровью, не потрудившись даже прожевать, прежде чем снова заговорить.

— Когда ты перестанешь его слушать? Ты взрослый мужчина. Холтон не должен

тебе указывать, что делать.

Я усмехаюсь. Если бы мой отец услышал слова Джека, он, вероятно, его бы задушил. *«Ты никогда не будешь достаточно взрослым, чтобы мне перечить»*. Это то, что сказал мне мой отец, когда я пытался использовать аргумент «я - взрослый мужчина». Сказать ему, что я способен сам думать своей головой и делать то, что считаю нужным, отличный повод для схватки не на жизнь, а на смерть.

— Джек, думаю, ты знаешь моего отца достаточно хорошо, чтобы быть в курсе, он никогда не изменится. За эти годы я понял, что не выполнять его приказы сложнее, чем следовать им.

— В чем-то ты прав, а в чем-то и нет. — Он вилкой разламывает кусочек картофеля и кладет себе в рот. — Выбирай свою битву. Разве это не то, что говорят они?

— Да. Но с ним все не так просто.

Он берет свой скотч.

— Что еще? У тебя есть девушка?

Я улыбаюсь его внезапной смене темы. Типично для него, но я до сих пор к этому не привык. Иногда его вопросы неуместны, или выбор времени для них неудачен. Другие члены организации осуждают его за прямолинейность, но Джек их просто игнорирует. Его не волнует, что о нем думают люди.

— Нет, я ни с кем не встречаюсь. — Я не могу рассказать ему о Рэйчел. Я не могу никому о ней рассказать.

— Я слышал, у тебя было свидание с Риэль Ханнифорд. — Он засовывает кусок стейка в рот и неторопливо жует.

— Откуда ты знаешь?

— У меня глаза повсюду Пирс. Это моя обязанность. А что касается Риэль, я инвестировал в ее отца некоторые средства, и теперь должен следить за ним и его семьей, чтобы убедиться, что они пользуются их с умом, а не пускают по ветру. Много лет назад я доверил одному человеку свои деньги и в итоге потерял их по схеме Понци⁵. С тех пор я стал более осторожным. Кроме того, шпионаж за Ханнифордом дает мне прекрасную возможность протестировать мое новейшее оборудование для наблюдения.

Телекоммуникационная компания Джека занимается не только телефонными линиями. Они также изготавливают устройства, используемые для слежки за людьми. Его компания является одним из ведущих производителей и обладает всеми новейшими технологиями. Вот почему Джек так полезен нашей группе. Я уверен, что если бы правила позволяли, то другие члены организации попытались бы от него избавиться, чего никогда не случится. Они нуждаются в нем, в доступе к его компании, и ее технологиям.

— Я бы не назвал это свиданием, — насмешливо отвечаю на вопрос Эллита.

Он тоже смеется.

— Да, я знаю, что именно это было. Разве коллеги недостаточно хороши для тебя? Или ты просто хотел попробовать что-то новенькое?

Это пример того, что другие посчитали бы неуместной темой для беседы за обедом, но я не возражаю. Джек тот, кто он есть, и ты не можешь ничего изменить. Я считаю его довольно забавным.

— Она нашла меня в баре и не принимала «нет» за ответ.

Джек подмигивает.

— Я уверен, что ты мог бы избавиться от нее, если бы попытался.

Я улыбаюсь.

— Полагаю, ты прав.

— Трудно отказаться от красивой женщины, не так ли? — Он неторопливо потягивает скотч.

Я ощутил легкий приступ паники. Возможно, его вопрос подразумевает, что он знает о Рэйчел. Если он видел меня с Риэль, то мог увидеть и с Рэйчел? Что, если он шпионит за мной?

— Риэль очень красивая женщина. Слишком молода для меня, но я уверен, она весьма привлекательна для мужчин твоего возраста.

— Я не собираюсь с ней больше встречаться. Это была одноразовая акция.

Джек вытирает рот и подбородок белой салфеткой, а затем кладет ее на стол.

— В эту субботу состоится собрание.

Опять же, его стремительная смена темы потешна. От секса до встреч без какого-либо перехода.

— Да, мне позвонили. Ты знаешь, что на повестке дня?

— Как всегда, ничего особенного. До выборов еще далеко, так что нам некуда торопиться. Спешка в нашей работе только вредит. — Он поднимает тарелку и кладет ее на поднос рядом с нами. Затем вопросительно смотрит на меня. — Ты закончил?

— Да. Спасибо.

Моя тарелка оказывается на том же подносе, рядом с остальной посудой.

Я наблюдаю за Джеком, отмечая, что его настроение изменилось. Он помрачнел и немного опечалился. Когда сказал, что дела движутся в медленном темпе, то имел в виду, что мы не так уж и заняты, пытаюсь скрыть от людей наше существование. Даже несмотря на то, что он уже долгие годы в организации, я уверен, Джеку некомфортно делать то, что ему велят основатели. Вот почему он мне нравится. Похоже, ему удалось сохранить ту часть себя, которую многие другие потеряли. Человеческую сторону. Ту, которая чувствует эмоции. Которая видит людей как личностей, а не как проблемы, нуждающиеся в решении. Перед тем, как я познакомился с Джеком, я думал, что когда-нибудь потеряю свою такую сторону. Я чувствовал, как она постепенно исчезает. Но благодаря Джеку понял, что, если он мог сберечь эту часть себя в живых после стольких лет, возможно, я тоже смогу. Потому что я не хочу ее потерять. Если это произойдет, я стану похожим на отца, а это мой самый худший кошмар.

— У тебя есть ко мне вопросы? — спрашивает Джек.

— Нет. Прости, я должен был подготовиться.

— Чушь. Не обязательно. Я просто спросил, есть ли у тебя еще вопросы.

— Думаю, что меня один возник.

— Тогда вперед.

Я пытаюсь понять, как спросить, чтобы его не оскорбить. Я решил задать вопрос только потому, что мне кажется странным, что каждый раз, когда мы встречаемся, мы просто болтаем. И никогда ничего не обсуждаем.

— Отец упомянул, что наставники, как правило, переходят к конкретике в том, как лучше всего выполнить задание.

— С предыдущими ты справился на отлично. — Он поигрывает кубиками льда в скотче. — Так что тебя еще интересует?

— Не знаю. Вот поэтому и спрашиваю тебя. Мой отец упомянул о правилах, касающихся назначений. Я не уверен, что понял, о чем он.

— Главное правило, — Джек допивает содержимое стакана, а затем ставит его на стол. — Компетентные наёмники. Говоришь им, что делать. Убеждаешься, что все прошло без сучка и задоринки. После платишь. Это все, что тебе нужно знать.

Он прав. Это действительно так просто, а мой отец специально все усложняет.

Джек слегка наклоняется вперед.

— Пирс, мы не настолько хорошо знаем друг друга, но думаю, ты понял, что я использую нестандартный подход к делам.

Я киваю, стараясь не рассмеяться.

— Как твой наставник, я буду учить тебя тому, чему другие своих студентов не учат. У меня иная точка зрения на многое. Любой другой участник научит тебя правилам и тому, как важно им следовать, но это не то, что собираюсь делать я. Мне не нравятся правила. Никогда не нравились. К черту их.

Не могу поверить, что Джек так сказал. Мой отец дышит по этим правилам. Если бы он услышал наш разговор, он бы предупредил организацию и убедился, что Эллита наказали.

— Ты собираешься допивать? — Он указывает на мой скотч, к которому я даже не притронулся.

— Нет, слишком рано, чтобы...

— Еще одно правило. — Протягивает руку и берет мой стакан. — Какой идиот придумал, что нельзя пить до пяти? — Он выпивает скотч одним глотком. Затем опускает стакан на стол и откидывается на спинку кресла.

— Первое, что тебе нужно знать? Правила созданы для того, чтобы их нарушать.

— И жди расплаты.

— Я не говорил, чтобы нарушать их все. Ты сам выбираешь, каким правилам следовать. И когда игнорируешь одно из многих, убедись, что они никогда не узнают.

— Как ты это делаешь?

— Я объясню, когда придет время. — Джек слегка усмехается. — Будучи сыном Холтона Кенсингтона, я уверен, ты не планируешь нарушать никаких правил в ближайшем будущем. Твой отец избил бы тебя до потери сознания, осмелюсь ты бросить ему вызов или нарушить установленные им запреты. Я прав?

Я кашлянул, отводя глаза в сторону.

— Я не хочу это обсуждать.

— Твоя первая ошибка.

— Ошибка? — Я смотрю на него, и его улыбка сменилась строгим, серьезным выражением. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Если хочешь быть сильным, не отрицай своих слабостей. Ты должен их признать, чтобы преодолеть. И твой отец - одна из твоих величайших слабостей.

Это правда, но я ненавижу ее признавать.

— Пирс. Ты согласен со мной?

С трудом киваю.

— Да.

— Моя цель, как твоего наставника - сделать тебя сильнее. Научить тому, что пригодится в жизни. Как альянс, «Дюнамис» обладает властью и силой, позволяющей доминировать над другими и контролировать результаты важных событий. Но когда ты один, тебе не хватает того, чем мы обладаем, как группа. У индивидуумов нет власти. Нет контроля. Нет сил. Мы лишаем вас всего этого, чтобы легче было вами управлять. Какая ирония, не правда ли?

Его объяснение верно, но раньше я никогда об этом не задумывался.

— Мы солдаты, — продолжает Джек. — Мы делаем то, что нам велят. Мы следуем приказам. Нам нельзя задавать вопросы. Мы должны говорить только тогда, когда разрешат. Так было, есть и будет.

— Что ты подразумеваешь под тем, что твоя цель - сделать меня сильнее?

— Я научу тебя быть бойцом. Потому что, если опустишь руки, ты никогда не выживешь.

— И с кем мне бороться?

— Со своими друзьями в «Дюнамис». Любой из них может стать твоим врагом в любой момент. Даже твой отец может им быть. Или я. Но твой самый главный враг - не человек. Это организация в целом. Быть частью этой группы, выполнять их задания, так ты можешь потерять человеческий облик. Но только если ты сам позво-

лишь этому произойти.

— А как же другие? Те, что за пределами альянса?

Утвердительный кивок.

— Ты также научишься противостоять внешним врагам, но бороться с преступниками намного проще, чем с людьми, утверждающими, что они твои союзники. И в тысячу раз легче, чем борьба с самим собой. Всегда есть две стороны, Пирс, хорошая и плохая. В нашем деле, плохие склонны побеждать, если ты не можешь им противостоять. Некоторые из нас пытались и выжили. Другие проиграли или не стремились к победе. Ты выглядишь как боец, Пирс. Верно?

Я настолько загипнотизирован его словами, пытаюсь их осмыслить, что мне нужно немного времени для ответа.

— Да. Я хочу бороться.

— Отлично. — Джек встает со стула. — Надеюсь, обед тебе понравился. Мне нужно возвращаться к работе. Увидимся в субботу. Пирс, пожалуйста, смотри в оба.

Попрощавшись, Джек уходит, а я все еще сижу в кресле, пытаюсь переварить полученную информацию. В моей груди оживает надежда, похороненная с тех пор, как мне рассказали о «Дюнамис». Я всегда буду частью этой группы, но мне не придется стать ими. Я могу сопротивляться. Я могу сохранить в живых ту часть себя, которая, как я думал, умирала. И теперь в моем темном мире, как маяк в штормовом океане, появился крошечный проблеск надежды.

ГЛАВА 10 РЭЙЧЕЛ

Моя экскурсия с Пирсом запланирована на четыре и уже 3:45. Я нервничаю. Сверхмеры. Настолько, что мой желудок сжимается от паники.

Это для меня не типично. Обычно я так не реагирую на парня. Но Пирс не обычный парень. Никогда не встречала такого, как он. Меня никогда так ни к кому не тянуло. Еще никто не поглощал мои мысли так сильно.

Я работаю за стойкой регистрации, жду, пока он приедет. Больше в музее никого нет. Во второй половине дня, в пятницу, такое бывает часто, поэтому я всегда приношу свои книги и конспекты. Мы закрываемся в 4:30, и как только экскурсия с Пирсом закончится, мне просто нужно будет запереть дверь, а затем мы сможем пойти и придумать, чем нам заняться перед ужином.

Сегодня не так жарко, как ранее на неделе, но на улице все еще тепло, и я надела другое платье без рукавов. Оно приталенное, и не расклешенное к низу. Повседневное трикотажное платье, которое я купила в прошлом году за десять долларов. Тотальное воровство со стороны продавцов. Я думаю, его никто не хотел покупать, потому что оно оранжевое, и люди боятся носить яркие цвета. Но с моими темными волосами и загаром, все еще сохранившимся с лета, этот цвет мне подходит. Я захватила с собой легкий белый свитер, на случай, если вечером вдруг похолодает.

Пирс появляется в 3:55. Вместо обычного костюма на нем черные брюки, белая рубашка и синий шелковый галстук. Его галстуки великолепны. Держу пари, они стоят целое состояние.

Мои глаза останавливаются на его лице. На этот раз он побрился, вероятно, прямо перед тем, как ехать сюда. Щеки гладкие, и когда он подходит ближе, я чувствую запах лосьона после бритья или, может быть, одеколона. Что бы это ни было, пахнет восхитительно.

Пирс выглядит так горячо, что я бы хотела взять тайм-аут, просто чтобы на него посмотреть, но это было бы странно.

Вскакиваю со стула и обхожу стойку.

— Добро пожаловать в музей.

Он улыбается.

— Спасибо. А ты не шутила, он действительно небольшой.

— Рада тебя снова видеть. — Я обнимаю его, но он просто стоит, напрягся, вытянув руки по бокам. Ох, Боже, как неловко. Почему я обняла его? Шелби права. Мне нужно контролировать эту штуку с объятиями.

Отпускаю его и отступаю назад, мои щеки краснеют.

— Прости. У меня проблемы с объятиями.

Он все еще улыбается.

— Это не проблема. Все нормально. Я просто не ожидал. Не привык, что люди меня обнимают.

— Совсем?

— Нет. И если честно, то не могу даже вспомнить, когда это было в последний раз. Может в детстве?

— Ты серьезно? — Пирс молчит, и я продолжаю: — Ну, это неправильно. Да, и это говорю я, обнимающая всех. Даже почтальона. Даже людей, которых не знаю. В любом случае, извини, если доставила тебе неудобство.

— Ничего подобного. — Он притягивает меня к себе. — Иди сюда. Давай в этот раз сделаем все правильно.

Я шагаю вперед и снова обнимаю его. На этот раз Пирс отвечает мне тем же. Для того, кто обнимается не часто, у него получается на отлично.

Когда он размыкает объятия, я даю ему совет:

— В следующий раз, попробуй чуть более крепче.

Он смеется.

— Ты только что раскритиковала мои объятия?

— Нет, просто предлагаю. Мое личное предпочтение. Мне нравится крепко обниматься.

— Несколько раз, когда мне доводилось обниматься, я ограничивался легким прижиманием плеч и груди. Для меня сейчас было довольно крепко.

— Хорошо, ну, готов к экскурсии? — Я подхожу к первому дисплею.

— Возвращайся обратно.

Я бросаю на него смущенный взгляд.

— Зачем?

— Потому что мне нравится быть лучшим во всем, что я делаю. Мне нужно снова тебя обнять.

Я стараюсь не смеяться, потому что это действительно смешно. Он воспринимает все так серьезно. Но со мной все в порядке. Я обнимусь с ним еще раз. Мне нравится быть в его руках.

Я обнимаю Пирса снова, и на этот раз он обнимает меня сильнее. Почти идеально, но потом отпускает.

— Как это было? — интересуется он.

— Хорошо. — Я беру его за руку и веду к монитору. — Но в следующий раз не отпуская так быстро. Меня или другую девушку, которую ты обнимаешь, сначала прижми к себе, а потом медленно убирай руки.

— Я и не знал, что существует столько нюансов. — Пирс наклоняется и говорит мне на ухо. — И чтобы все было ясно, единственная женщина, которую я буду обнимать - это ты.

Я замираю, а в животе порхают бабочки. Он медленно отступает назад, оставляя меня окутанной ароматом его одеколона. Я не знаю, смогу ли пережить экскурсию. Я слишком им увлечена.

Мне требуется немного времени, чтобы привести себя в чувство, и затем я шагаю к дисплею.

— Итак, это пистолет эпохи Гражданской войны, который был использован... — Я продолжаю рассказывать в течение следующих полчаса. Пирс выглядит заинтересованным. Задает много вопросов и даже смеется над моими банальными шутками. Я использую их в турах с пожилыми людьми, но решила опробовать и на Пирсе, чтобы посмотреть, будет ли он смеяться. Он всегда такой серьезный, а мне нравится видеть его улыбку.

Мы снова на стойке регистрации. На этом экскурсия оканчивается.

— Тебе понравилось?

— Да. Превосходно. — Он тянется и берет из коробки на столе карточку для жалоб или благодарностей.

— Ты ее заполнишь?

— Почему бы и нет? Я собираюсь сказать твоему боссу, что ты проделала выдающуюся работу, — с этими словами Пирс кладет ее в карман.

— Тебе не обязательно это делать. Мне осталось работать здесь всего пару месяцев.

— Ему все равно надлежит быть в курсе. Возможно, ты получишь повышение.

— Сомневаюсь. Они едва могут позволить себе платить минимальную зарплату.

У него снова очень серьезный взгляд.

— Тебе платят по минимуму?

— Я знаю, это не так много, но мне нужен был опыт работы в музее и проведении

экскурсий. Я хочу подать заявление на работу в продуктовый магазин, мне нужен дополнительный доход. — Беру свою сумочку со стола. — Я закрою дверь, и мы можем идти.

Оказавшись на улице, я запираю замок.

— Так что же нам делать? Для ужина слишком рано. О, рядом есть парк. Мы могли бы там прогуляться.

Пирс смотрит на меня, как на сумасшедшую. Ему не нравятся прогулки? Или, может быть, он опасается запачкать свою красивую одежду?

— Я полагаю, мы можем попробовать, — наконец соглашается он. — Ты имеешь в виду вон тот парк?

— Да. Машину оставим на парковке у музея.

Мы идем к парку. Громко сказано, конечно, просто вымощенная пешеходная дорожка, окруженная деревьями и скамейками, расположенными в ряд. Немного похолодало, и поднялся легкий ветерок. Наконец-то жара начинает спадать.

Когда мы гуляем по парку, я рассказываю Пирсу о сегодняшнем утреннем посещении музея первоклассниками.

— Когда я закончила, один из маленьких мальчиков подошел ко мне и, сказав, что я хорошенькая, вытащил из кармана леденец. Тот был без упаковки, покрыт пушинками, и кто знает, чем еще, но я взяла его, потому что мальчик отдавал его от всей своей души. А потом попросил меня пойти с ним в кино.

— Ты сказала ему, что вечером у тебя свидание?

— Нет, но я обратила его внимание на одну девочку из его класса, которая глаз с него не сводила всю экскурсию. Малышка напомнила мне о сестре. Она всегда заглядывалась на мальчиков.

— А где живет твоя сестра? Все еще в Индиане?

— Нет. Она умерла от лейкемии, когда ей было шесть.

— Ох. Мне жаль это слышать.

— Мы были близнецами. Все делали вместе. Когда ее не стало, я почувствовала, будто вместе с ней ушла и часть меня. — Украдкой вытираю уголки глаз. Даже сегодня я все еще разрываюсь на кусочки, когда говорю о ней. Не хочу портить настроение ни себе, ни Пирсу, так что выдавливаю из себя слабую улыбку: — Извини. Дети рядом со мной всегда напоминают о сестре.

Мы все еще идем, но темп существенно замедлился. Я чувствую пальцы Пирса рядом с моими и поднимаю глаза вверх, на него. Он смотрит на меня с самым милым, самым заботливым выражением. Как будто чувствует боль, все еще живущую внутри меня от потери сестры, и желает, чтобы она исчезла. Заметив, что я наблюдаю за ним, смотрит в сторону, но его рука мягко обвивается вокруг моей, когда мы продолжаем идти по дорожке.

За короткое время, проведенное с ним, я узнала, что Пирс не любит проявлять чувства. Думаю, ему проще выражать себя без слов, что он только что и сделал, взяв меня за руку. Незначительный жест, но со смыслом. Как будто говорит мне, что ему не все равно. И так намного приятнее, чем слышать слова утешения.

После мы молчим, и мне нравится тишина. Мне нравится просто идти рядом с ним, рука об руку, слушать шорох листьев под ногами. Нет ощущения неловкости от того, что мы не говорим. Это как когда ты знаешь кого-то настолько хорошо, что чувствуешь себя комфортно даже без разговора. Но учитывая, что мы только что встретились, удивительно, как нам друг с другом уже уютно.

Когда мы доходим до конца парка, то разворачиваемся и идем обратно. На этот раз мы беседуем, но ни о чем серьезном. Просто обо всем, что приходит на ум. А потом Пирс внезапно останавливается и уводит меня в сторону. Прежде чем я спрашиваю, зачем, он наклоняется и накрывает мои губы своими. Застает врасплох, и едва

оторвавшись, признается:

— Прошло слишком много времени, как я целовал тебя в последний раз. Надеюсь, ты не против.

Я улыбаюсь.

— Нет, не против. Вообще-то, мне было интересно, почему ты так долго терпел.

Он целует меня снова, на этот раз дольше, затем говорит:

— Я продолжу до тех пор, пока мы не доберемся до машины.

Я громко смеюсь. Приятно знать, что я не единственная, кто себя так чувствует. Я хотела целовать его все время, но боялась показаться слишком откровенной. Предпочитаю, чтобы первый шаг сделал парень. И Пирс продолжает удивлять меня, когда я меньше всего этого ожидаю. Поцелуй неожиданный? Да, и определенно горячий.

Мы возвращаемся на асфальтированную дорожку и идем назад, рука об руку, к нашим машинам.

— Знаю, еще рано, — говорю, — но я действительно проголодалась. Не возражаешь, если мы поедем сейчас?

— Нисколько. Куда пойдём?

— В небольшое местечко с итальянской кухней недалеко отсюда. Семейное предприятие. У них действительно хорошая еда.

— Тогда идем. — Он ведет меня к своей машине и открывает дверь. Я никогда не ездила в «мерседесе». Одна из последних моделей. Даже еще пахнет новой, и внутри безупречна.

Я показываю, куда ехать, и когда Пирс видит ресторан, то выглядит обеспокоенным. Снаружи может и не слишком вычурно, но внутри мило, клетчатые скатерти и свечи на каждом столе.

Когда мы садимся, я пытаюсь объяснить:

— Место не очень модное, но, как я сказала, еда вкусная.

— И не нужно, — Он указывает на себя. — Видишь? На этот раз я даже не прихорашивался. Надел, что под руку попало.

Я начинаю смеяться. Я не хотела, честно, просто так вышло.

— Попалось? Брюки, рубашка и галстук?

— А что, не так? — Он абсолютно серьезен.

— Нет. Не совсем. — Стараюсь успокоиться, но продолжаю улыбаться. — Я бы сказала, что твоя одежда - продуманный выбор. Отнюдь не случайный.

— А что ты таковым считаешь?

— Джинсы и футболка.

— У меня их нет. И я ношу футболки только в спортзале.

— У тебя действительно нет джинс? Ни одной пары?

Он качает головой.

— Нет.

— А когда-нибудь были?

Пирс задумывается и отвечает:

— Нет.

— Они тебе просто не нравятся? Или в чем причина?

— Неподходящий наряд для общественных мероприятий.

Я снова почти смеюсь, но сдерживаюсь.

— Например, позволь полюбопытствовать.

— Сбор средств. Благотворительные акции. Аукционы.

— А когда просто ради удовольствия, как в кино?

— Я не хожу в кино.

— Что ты имеешь в виду? В смысле, в последнее время? Или вообще?

— Я никогда не ходил в кино.

— Как такое возможно? Почему?

— Не было желания. Дело не в том, что я не смотрю фильмы. У одного из моих друзей в старшей школе был домашний кинотеатр, мы там и проводили время. Я просто не был в настоящем.

— Итак, если ты не ходишь в кино, что тогда делаешь просто ради удовольствия?

— Я иду в оперу. Послушать, как исполняют симфонию.

Звучит не очень весело, но ему я этого не говорю.

Пирс улыбается.

— Я знаю, о чем ты думаешь, тоже мне развлечение. И ты права. Опера может быть довольно скучной, хотя мне нравится симфония, и я видел несколько хороших пьес.

Официант подходит к нашему столику, оставляя меню. Я открываю свое, и Пирс спрашивает:

— Что бы ты хотела?

— Лазанью, но тебе не обязательно делать заказ за меня. Я могу сама.

— Ты все же считаешь такой поступок оскорбительным.

— Нет, дело не в этом. Просто немного непривычно, я с таким раньше не сталкивалась. Это действительно правило этикета? Что мужчина все решает за женщину?

— Да, но, как я уже сказал, это пережитки прошлого, поэтому, если хочешь сама заказать, то вперед.

Официант возвращается, и по привычке Пирс начинает проговаривать мой заказ, но затем останавливается и просит меня продолжить.

Ужин идеальный, а разговор плавно перетекает из одной темы в другую. Я нахожу Пирса, в своем роде, очень забавным. Мне нравится его чувство юмора. Его смешные комментарии возникают на ровном месте и иногда настолько тонкие, что мне необходима минутка, чтобы понять их смысл. И это всегда действительно смешно. Он очень умен. Даже его юмор интеллектуальный.

Пока мы ждем чек, я рассказываю ему об идее, не дававшей мне ночью спать:

— Так, я кое-что придумала, но сначала мне нужно знать наверняка.

— Окей, что именно?

— Ты планируешь снова пригласить меня на свидание?

Пирс усмехается и тянется, чтобы взять меня за руку.

— Я определенно должен это сделать.

Я спокойно сижу.

Его улыбка меркнет.

— Ты не хочешь, чтобы я пригласил тебя?

— Я хочу, но жду, когда ты это сделаешь.

Он снова расплывается в улыбке, когда подносит мою руку к своим губам для поцелуя.

— Рэйчел Эванс, ты пойдешь со мной на свидание завтра вечером?

— Да, но я хотела бы выбрать место, куда мы идем.

— И какое это место?

— В кинотеатр. Настоящий. Где можно купить ведерко попкорна.

— Там продают еду в ведре? — Пирс выглядит испуганным.

Я смеюсь.

— Да. Продают.

Он медленно кивает.

— Если это то, что ты хочешь, ладно, так и сделаем.

— И перед фильмом, может быть, мы могли бы пойти в торговый комплекс?

— Комплекс? — В его глазах плещется ужас. — Ты имеешь в виду торговый центр?

— Ага. — Не могу удержаться от смеха. — Пожалуйста, скажи мне, что ты был в

торговом центре раньше.

— Я не уверен. У меня есть личный помощник, покупающий всю мою одежду, и он доставляет ее в лофт. — Пирс делает паузу, размышляя. — На самом деле, если подумать, то да, был. Будучи в колледже, я однажды отвез девушку в торговый центр. Но это было всего один раз, и с тех пор не приходилось.

— Нам не надо долго там находиться, если ты не захочешь поужинать. У них есть много ресторанов на выбор.

— Твой план - тебе решать. Но следующее свидание за мной.

Я улыбаюсь.

— Так ты приглашаешь меня на свидание?

— Да. Ты согласна?

— Конечно. Я нахожу тебя очаровательным, Пирс Кенсингтон. Хотя то, что ты не был в кино, немного пугает. Но мы завтра это исправим.

Официант приносит чек, и Пирс оставляет чаевые.

— Итак, ранее ты сказала, что у тебя есть идеи. Можно поподробнее?

— Я хочу научить тебя делать то, что ты раньше не пробовал. Например, сходить в кино. И это только начало. У меня есть все, что тебе нужно.

Проклятье. Это прозвучало грязно, а я не хотела. Может, Пирс не заметит. Или просто не воспримет мои слова в таком ключе.

— Я заинтригован. — Его хитрая ухмылка буквально кричит, что он понял, о чем я говорю.

— Это не то, что...

— Я знаю. Продолжай.

— И не подумай рассказывать о своих планах. Ты просто должен согласиться. Ты готов?

— Не имею привычки останавливаться на полпути, так что да.

— Здорово! Нам уже пора уходить? Но еще так рано... Мы можем поехать ко мне.

Надеюсь, уж это Пирс не воспринимает как приглашение к сексу. Я не это имела в виду. Просто не хотела прощаться с ним, так что подумала, мы могли бы потусоваться в моей квартире.

Он соглашается, не выглядя при этом, словно чего-то ожидает. Мне кажется, в его представлении мое приглашение прозвучало двусмысленно, но будучи джентльменом, он не заставит меня делать что-то, к чему я не готова.

— Просто высади меня у моей машины, и следуй за мной, — прошу я, когда мы отъезжаем от ресторана. — Возле моей квартиры нет парковки, так что придется оставить машину на тротуаре.

Вернувшись к музею, я сажусь в машину и еду к своей квартире, а Пирс - за мной. Когда мы на месте, он хмурится, осматривая окрестности.

— Просто запри машину, — обращаюсь к нему. — Все будет хорошо.

— Я не беспокоюсь о машине. Я беспокоюсь за тебя. Мне не нравится этот район, Рэйчел. Он небезопасный.

— Полиция постоянно патрулирует территорию, так что обычно все в порядке. И я стараюсь не выходить ночью на улицу.

Впускаю Пирса внутрь, и мы неторопливо поднимаемся по трем лестничным пролетам.

— Тут нет лифта? — спрашивает он у меня, когда я открываю дверь.

— Нет, здание старое.

Когда мы заходим внутрь, он осматривает мою дверь.

— Эти замки слишком легко взломать.

— Ты что, эксперт по безопасности?

— Я много о ней знаю. Когда у тебя есть деньги, ты должен быть очень осторожен.

Я втягиваю его в свою квартиру и захлопываю дверь.

— Ну, у меня почти нет денег и ничего ценного, поэтому ни один преступник не захочет сюда вломиться, если только не позарится на макароны с сыром в духовке.

— Рэйчел, я не шучу. Тебе необходимо установить нормальные замки. И сигнализацию. — Он подходит к окну. — И в таком районе, как этот, еще и решетки на окна.

— Пирс, мне ничего из этого не нужно. Я прожила здесь больше года и никогда не испытывала никаких проблем. У меня нет ничего, что можно украсть.

— Да, но есть и другие причины, по которым в твою дверь могут вломиться.

Я знаю, что он имеет в виду, и это заставляет меня содрогнуться.

— Этого не произойдет. Мои двери всегда заперты.

— Позволь мне установить замки и сигнализацию.

— Нет. Я в порядке, правда. Мы с соседкой сдружились, и друг за другом присматриваем. Кстати, я хотела бы тебя с ней познакомить. В последнее время мы виделись редко, и я не уверена даже, что она дома. Проверю по-быстрому. — Набираю номер Шелби, но она не отвечает. — Думаю, я права.

Вешаю телефонную трубку обратно, разворачиваюсь и вижу, как Пирс смотрит на трофеи на моем книжном шкафу.

— Плавание, — я смогла обойтись одним словом.

— Когда ты сказала, что любишь плавать, я подумал, ты имеешь в виду летом, в местном бассейне. Но даже и в голову не пришло, что ты участвовала в соревнованиях. И победила. — Он указывает на мои медали. — Почему ты не рассказала мне об этом?

Я встречаюсь с ним у шкафа.

— Потому что я скучаю по плаванию, и трудно говорить о том, чем уже не занимаешься.

— Ты больше не плаваешь?

— Да, но не так много, как раньше. В старшей школе это было моей жизнью. В колледже тоже, и, как ты можешь видеть, я добилась определенных успехов. Но потом переехала сюда, и между школой, работой и прочими вещами, у меня оставалось мало времени на плавание. А если я еще получу работу в продуктовом магазине, то вообще можно забыть.

Пирс ведет меня на диван, чтобы присесть.

— Рэйчел, не ищи другую работу. Одной достаточно.

— Музей платит мало. Мне нужен дополнительный доход.

— Ты позволишь мне дать тебе немного денег?

— Нет. Я не возьму у тебя ни цента. Ты же не думал, что, говоря о том, что у меня нет денег, я, таким образом, пытаюсь их получить от тебя? Потому что я не просила. Клянусь, даже не думала.

— Конечно, нет. Но если тебе нужна помощь...

— Мне не нужна помощь. Я в порядке.

Мои родители научили меня никогда не просить милостыню. Работать и покупать только то, что ты можешь себе позволить. Поэтому, хотя я изо всех сил и пытаюсь оплатить свои счета, все равно не буду принимать деньги от Пирса, или кого-либо еще.

— Ну, мое предложение остается в силе.

Хватаю пульт, направив его на телевизор.

— Хочешь что-нибудь посмотреть? У меня нет кабельного, но обычно мне удается найти какое-нибудь кино или шоу.

Я разворачиваюсь к нему, чтобы увидеть, как Пирс на меня смотрит. Это больше, чем просто взгляд. Это жажда. Желание. Притяжение. Я знаю, потому что я тоже все это чувствую. Попытки игнорировать ни к чему не приводят, потому что это как бу-

ря, а мы в самом ее эпицентре.

Он не ответил мне насчет телевизора. И прежде чем я снова собиралась что-то сказать, его рука скользит по моим волосам, по шее, и, наклонившись, Пирс меня целует. Я бросила пульт и поцеловала его в ответ, давая понять, что не хочу, чтобы он останавливался. Я хочу больше, чем один поцелуй. Мне нужно больше. Его поцелуи восхитительны.

Я ложусь на диване, а он следует за мной, не отрывая свои губы от моих. Чувствую его дыхание, и разделяю его в приглашении. Его язык медленно танцует с моим, когда он рукой проводит от моей шеи до груди, мягко обхватывая ее, дразня центр большим пальцем. Обжигающее покалывание наполняет мое сердце, концентрируясь между ног.

Развязываю его галстук, затем расстегиваю рубашку. Как и я его, Пирс целует меня в шею. Смотрю вниз на его грудь. Она гладкая и мускулистая. Провожу ладонями по его животу, затем поднимаюсь к широким плечам и стягиваю рубашку. Он ненадолго садится, чтобы ее снять, а затем снова ложится на меня сверху.

Мы продолжаем целоваться, с каждой секундой мое тело воспаляется еще сильнее. Его поцелуи медленные, глубокие, чувственные. Совместите эти опытные поцелуи с тем, как его рука умело двигается по ткани моего платья, и я почти за гранью. Никогда еще не ощущала такого возбуждения, внутри меня все болело.

Он упирается одной рукой в диван, но наши тела все еще соприкасаются, и я чувствую его эрекцию возле своих бедер. Инстинктивно или из чистого желания, я толкаюсь навстречу к нему. Он сдвигается так, чтобы быть между моих ног и вдавливаются в меня. Это только усиливает больную потребность, заставляя меня желать большего. Всего его. Я никогда не оказывалась в подобной ситуации так быстро, после знакомства с кем-то. Раньше я думала, что это неправильно. Часть меня все еще так считает. Но прямо сейчас, с Пирсом, это кажется таким правильным.

Протягиваю между нами руку, чтобы расстегнуть его ремень.

— Рэйчел, — Пирс выдыхает мне прямо в губы. — Нет.

Нет, потому что он не хочет? Я смутилась.

— Ты не хочешь? — Остановившись, я пристально смотрю на него.

Он зажмуривается, а затем открывает глаза.

— Я хочу больше всего на свете, но... слишком рано.

С грустью вздыхаю.

— Я знаю. И я обычно так не поступаю, но что-то в этом кажется естественным.

— Я согласен, но все еще думаю, мы должны подождать. — Пирс игриво приподнимает брови. — Может, еще парочку свиданий?

Я улыбаюсь.

— А какая разница?

Он садится на диван и тянет меня к себе.

— Я знаю, мы только познакомились, но у меня уже есть чувства к тебе, не поддающиеся объяснению. Но это хорошо, и мне нравится. Не хочу, чтобы они исчезли. Я не хочу все испортить. Но секс иногда может это сделать. Так что, думаю, мы должны немного подождать. Даже если это всего лишь несколько свиданий.

Я киваю.

— Ты прав, мы должны. Я просто увлеклась. Честно, я не лгала, когда говорила, что обычно так не делаю. Прошло полгода, прежде чем я переспала со своим первым парнем, в колледже. Это был мой первый раз. — Отворачиваюсь в сторону, мне стыдно за мое признание.

Пирс поворачивает мое лицо к себе, улыбаясь.

— Ты действительно так долго ждала?

Я снова отворачиваюсь.

— Да. И я сделала это только потому, что чувствовала, что так надо. Я не думала, что мой парень будет ждать. Конечно, позже я узнала, что он все время мне изменял. И я решила, что буду ждать, пока не влюблюсь. К выпускному у меня уже были серьезные отношения, и даже тогда мы ждали несколько месяцев до... ну, ты понимаешь.

Зачем я ему рассказываю? Не нужно Пирсу этого знать!

— Значит, ты была влюблена? — интересуется он.

— Нет. Просто думала, что да, но ошиблась.

— Ты когда-нибудь влюблялась? — Очень осторожный вопрос, как будто он действительно не хочет знать ответа.

— Нет. Я не знаю.

Неделю назад я бы ответила иначе. До того, как поговорила с Шелби, я себя убедила, что раньше была влюблена в Адама. Так было правильно. Зачем еще мне было встречаться с ним так долго? И соглашаться за него выйти?

— А ты? — я спрашиваю Пирса. — Когда-нибудь был влюблен?

— Нет. Никогда.

— Хорошо. — Я говорю, даже не задумываясь. Почему я так сказала?

— Хорошо? — неожиданно, но он улыбается. — И почему это хорошо?

— Я не то хотела сказать. Даже не знаю, почему именно - хорошо.

Наши пальцы переплетаются.

— Ты права. Хорошо, что никто из нас не был влюблен. Если бы так, то, скорее всего, мы бы никогда не встретились.

Я улыбаюсь ему.

— Я очень рада, что мы познакомились.

— Я тоже. Никогда не встречал никого похожего на тебя.

— Шелби тоже так говорит.

— Кто такая Шелби?

— Моя соседка. Она сумасшедшая, но в хорошем смысле. Мы друзья, и часто зависаем вместе.

Тут я слышу, как дверь в коридоре закрывается.

— Эй, а вот и она. Хочешь с ней познакомиться? Я точно хочу.

— Давай, но мне лучше одеться. — Пирс встает, и начинает надевать рубашку.

Я хмурюсь, когда он застегивает каждую пуговку.

— Ты мне больше нравишься без рубашки.

Он наклоняется и целует меня.

— Признаюсь, что я тоже хотел бы тебя увидеть без этого платья. Но придется немного подождать.

Мы выходим в коридор, и я стучусь в дверь Шелби. Она открывает практически сразу.

— Привет, я не вовремя? Я знаю, что тебя долго не было...

— Нет, все нормально. Заходи.

— Я кое-кого с собой привела, и хочу тебя с ним познакомить. — Отхожу в сторону, и Пирс появляется рядом со мной. — Шелби, это Пирс Кенсингтон. Тот самый парень, с которым я познакомилась на лекции. И Пирс, это Шелби. Моя подруга и соседка.

Они смотрят друг на друга, но ничего не говорят. Я понимаю, почему молчит Шелби. Пирс такой... вау, что ты напрочь забываешь, как разговаривать. Но я не знаю, почему Пирс так притих.

— Вы двое собираетесь что-нибудь сказать?

Пирс прочищает горло.

— Да, извини. Очень приятно познакомиться, Шелби.

Он пожимает ей руку.

— Мне тоже, — отвечает она.

А потом снова гробовая тишина. Не думала я, что так будет.

ГЛАВА 11 ПИРС

Соседка Рэйчел и ее новый лучший друг - одна из наших коллег. Я переспал с ней пару недель назад. Та самая девушка, которая провела ночь у меня дома, зная, что не должна.

Когда Рэйчел познакомила меня с ней, я не знал, что сказать. Я был слишком шокирован. Какого черта она забыла в этом захудалом здании? Зарабатывает достаточно, и может позволить себе жить в приличной квартире. Большинство наших сотрудников живут в роскошных кондоминиумах. У некоторых есть вообще свой собственный дом. Я знаю, что эта девушка новенькая, но все же. Ей бы дали кредит, когда она подписала контракт.

Интересно, Шелби - ее настоящее имя или тоже фальшивое, как то, что она назвала мне до того, как уехала тем утром. София. Она сказала, что ее так зовут. Все девушки используют поддельные имена, иногда и в реальной жизни, в попытке скрыть темное прошлое, вынудившее их работать на таких людей, как мы.

— Пойдем внутрь, — обращается ко мне Рэйчел, пропуская в квартиру Шелби. Обстановка такая же, как у Рэйчел. Здесь даже одинаковая мебель. Апартаменты полностью меблированы. Квартира Рэйчел была опрятной и чистой, но у Шелби везде валялась грязная одежда и посуда.

— Извините за беспорядок, — говорит Шелби, когда видит, что я осматриваюсь. — У меня не было времени, чтобы прибраться, когда я вернулась.

— Где ты была? — интересуется Рэйчел. — У родителей?

— Эм, да.

Ложь. Я заметил, как Шелби колебалась, прежде чем ответить, и как она смотрит на пол.

Мы слышим телефонный звонок, и Рэйчел говорит:

— Это мой. Я сейчас вернусь.

Она уходит, а я жду, пока не слышу, как дверь ее квартиры закрывается, а потом смотрю на Шелби:

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Я? — Шелби разъяренно шепчет. — Что ТЫ здесь делаешь? И что ты здесь делаешь с Рэйчел?

— Мы встречаемся. Сегодня у нас было свидание.

— Нет! — Она толкает меня грудь. — Держись от нее подальше! Она не одна из твоих шлюх. Она хорошая девушка. Очень милая девушка. И она заслуживает лучшего, чем ты.

Ее слова - как пощечина, потому что это правда. Рэйчел заслуживает лучшего, чем я. Но я стремлюсь стать лучше. И стану.

— Ты говорила, я не такой, как остальные.

Шелби фыркает.

— Очевидно, я ошиблась. Теперь, когда я знаю, что ты используешь таких людей, как Рэйчел, я понимаю, что ничем не отличаешься от них.

— Я не использую ее. Мы встречаемся. Просто узнаем друг друга.

— Ага, для того, чтобы заняться с ней сексом, если ты еще этого не сделал. Зачем? Ты можешь выбрать любую из коллег. Они красивые, обученные и сделают все, что ты скажешь.

— Дело не в сексе. Мне нравится Рэйчел. Очень. И я забочусь о ней.

Шелби угрожающе смотрит на меня.

— Если ты заботишься о ней, то отвали, и оставь ее в покое!

Теперь начинаю злиться и я.

— Я буду делать, что захочу, а ты - держать рот на замке.

— Рэйчел - моя подруга. И я не позволю ей связываться с кем-то вроде тебя.

— Она взрослая женщина. Она может сделать свой собственный выбор.

— Не тогда, когда у нее нет всех фактов. Я скажу ей, кто ты, а потом посмотрим, захочет ли она быть с тобой.

Я приблизился к ней и понизил голос.-

— Если ты это сделаешь, ты же понимаешь, что случится.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, что ты. Просто констатация факта. Когда ты пришла к нам, ты заключила сделку с дьяволом. С того момента твоя жизнь обесценилась. Один промах и все кончено. И рассказывать Рэйчел обо мне или обо всех нас - это больше, чем просто промах. Для тебя это станет концом. Откроешь свой рот, и я не смогу тебя защитить. Я не смогу повлиять на то, что они с тобой сделают.

— Да, я понимаю, и буду молчать. — Голос Шелби дрожит. Я напугал ее. Но она должна осознавать реальность своего положения. Я не знаю, почему она все еще не в курсе. Разве они не рассказывают девочкам об этом?

— Прости, если напугал. Я просто пытаюсь тебя защитить.

Она закатывает глаза.

— Да, верно. Как будто тебе не наплевать на меня. Или на любую другую из нас.

— Это не так, но я не могу изменить правила. И если бы ты не хотела, то не подписывала бы контракт.

— Мне нужны были деньги, — еле слышно бормочет она.

Я пораженно качаю головой.

— Вы все говорите одно и то же. Я этого не понимаю. Действительно ли дизайнерская обувь и сумки стоят отказа от своей свободы?

— Я не для того сплю с вами, чтобы позволить себе дорогие вещи! — Она чуть ли не кричит, но затем успокаивается. — Очевидно же, используй я деньги для себя, то не жила бы в такой дыре.

Я хочу знать, зачем ей нужны деньги, но не спрашиваю. Чем меньше я о ней знаю, тем лучше.

— Рэйчел сказала, тебя долго не было. Из-за работы?

— Да, но я не хочу об этом говорить.

— Почему? Это дело пары секунд.

— Да, из-за работы, доволен? — Она неловко потирает свою руку.

— Как долго?

Шелби вздыхает.

— Я сказала, что не хочу об этом говорить.

Я понижаю свой голос на несколько октав.

— Просто ответь. Сколько ты там пробыла?

— Весь день, — так же тихо отвечает она. — Вчера я не вышла, и теперь мой босс злится.

— Какой босс? У тебя есть другая работа?

— Да, в юридической фирме, несколько дней в неделю. Я секретарь. Когда меня наняла организация, мне сказали, что придется работать только по вечерам. Но последняя встреча затянулась дольше, чем планировалась.

— Выезд за город?

Я не должен задавать вопросы. Это не мое дело, и я чувствую, что мне не понравятся ответы.

— Нет. Просто... он не позволил мне уйти. Я пришла к нему на днях, вечером, и когда собиралась уйти, он... он настоял, чтобы я осталась.

— На всю ночь?

— Да. — Она делает продолжительную паузу. — И на следующий день.

— Это против правил. Ты должна уйти, когда закончишь. Вас не должны видеть вместе на публике.

— Мы и не выходили. Мы пробыли весь день и... ты сам знаешь.

— Тем не менее, правило гласит, что ты выполняешь свои обязанности, и сразу же уходишь. Оно непреложное, поэтому я и промолчал, что ты провела ночь у меня. Мы оба могли быть наказаны.

— Ты меня не слушаешь. Я пыталась уйти, но... — Она пристально следит за мной, когда закатывает рукава. — Он не позволил мне.

Я смотрю на ее руки. На обоих запястьях красные следы. Он связал ее и держал против воли. Дерьмо.

— Кто это сделал? — Я в ярости. Члены организации не должны вредить девушкам. И они определенно не удерживают их против своей воли, привязав как животное.

— Не могу сказать, — шепчет она. — У меня будут неприятности. И ты это знаешь.

— Он причинил тебе боль?

Шелби опускает рукава, прикрывая запястья.

— Только когда связал руки. Кроме этого, не совсем.

— Он не должен был этого делать. Если ты мне скажешь, кто это, я обещаю, я прослежу, чтобы его наказали.

Девушка размышляет над моими словами, и отказывается:

— Нет. Но спасибо за предложение.

Мы стоим в полной тишине ее квартиры. Стены тонкие, и я слышу, как Рэйчел разговаривает по телефону в своей квартире.

— Пирс, я знаю, в тебе есть нечто, что отличает тебя из остальных. Но факт в том, что ты все равно один из них, и всегда будешь. Пожалуйста, я умоляю тебя, оставь Рэйчел в покое. Она добрая, щедрая и у нее самое большое сердце из всех, кого я когда-либо знала. Она все еще думает, что мир - хорошее место, и верит, что люди тоже хорошие. Не отнимай у нее эту веру. Пусть у нее будет нормальная жизнь. Пусть она будет с кем-то, кто достоин ее. Она хочет семью и дом с белым заборчиком. И она этого заслуживает. Ей не место в твоём мире, и, если она попадет туда, то ее сердце будет разбито. — Шелби хватается за мои плечи руками, в ее глазах немая мольба. — Пожалуйста. Просто позволь ей быть счастливой.

— Прости, что так долго. — Рэйчел возвращается, и Шелби быстро убирает руки, делая вид, что поправляет волосы. — Вы, ребята, познакомились?

— Да, — говорю я, искоса глядя на Шелби. — Твоя подруга рассказывала мне о своей семье.

— Как там твой отец? — в голосе Рэйчел слышна грусть, когда она обращается к соседке. — Ему становится хуже?

Она смотрит на меня, а потом на Рэйчел.

— Никаких изменений.

— Твой отец болен? — спрашиваю у Шелби.

Она кивает, избегая моего взгляда. Очевидно, не хотела, чтобы я знал.

— У него рак, — отвечает за подругу Рэйчел. — Шелби часто ездит домой, чтобы помочь маме заботиться о нем. — И тут, заметив выражение лица Шелби, виновато кусает губу. — Мне очень жаль. Я не должна была говорить об этом Пирсу?

— Нет, все в порядке, — заверяет ее Шелби.

Так вот почему ей нужны деньги? Чтобы заботиться об отце? Помогать оплачивать медицинские счета?

Чувство вины наполняет меня, когда я вспоминаю, что ей наговорил. Я обвинил ее в меркантильности, желании носить эксклюзивную одежду и сумки, тогда как она

в действительности нуждалась в деньгах для своей семьи. Она не должна этого делать. Не должна продавать свое тело, чтобы заботиться об отце.

— Я и правда устала, — вздыхает Шелби. — Мне нужно поспать. Приятно было познакомиться, Пирс.

— Мне тоже.

Рэйчел быстро обнимает ее, и прощается.

— Пока, Шелби.

Когда мы вернулись в квартиру Рэйчел, я поднимаю свой галстук с пола.

— Мне пора.

— Но еще только десять. И сегодня пятница. Ты уверен, что не хочешь остаться?

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее.

— Если я останусь, скорее всего, то не уйду никогда. И мы оба знаем, к чему это нас приведет.

Она улыбается.

— Тогда увидимся завтра.

Я целую ее в последний раз.

— Спокойной ночи, Рэйчел.

Добравшись до своей машины, я глубоко вдыхаю, пытаюсь очистить голову от ранее услышанного, но бесполезно. Слова Шелби преследуют меня, напоминая, что то, что я делаю, - неправильно.

Ей не место в твоём мире, и, если она попадет туда, то её сердце будет разбито.

И она права. Рэйчел не принадлежит моему миру. Но это не тот мир, в котором хочу жить я. Мне необходимо уйти. И, возможно, я смогу найти выход. Может, Джек мог бы помочь.

Я знаю, что выдаю желаемое за действительное, но позволил себе немного помечтать, потому что не могу больше не встречаться с Рэйчел. Я не хочу потерять ее. Она заставляет меня что-то чувствовать. Что-то хорошее. Я привык чувствовать только боль и гнев, и когда становится невыносимо тяжело, я использую алкоголь или секс, чтобы заглушить эмоции.

Впервые, когда я чувствую что-то хорошее и не хочу это терять. Рэйчел заставляет меня забыть обо всем. Она поднимает мне настроение, делает меня счастливым. С момента встречи с ней я смеялся больше, чем за всю мою жизнь. И я не могу стереть с лица эту идиотскую улыбку всякий раз, когда она рядом, или даже когда просто о ней думаю.

Так что же мне делать? Эгоистично ли с моей стороны продолжать с ней встречаться? Я втягиваю ее в отношения, зная, что они долго не продлятся? Может и так, но я не готов их закончить. Что означает, что я либо и правда эгоистичный ублюдок, либо ее оптимистическое отношение сбивает меня с толку, потому что часть меня верит, мы можем быть вместе. Я не знаю, как, но убеждаю себя, что это возможно.

Я вернулся в свой лофт, и почти снова пропустил поворот, но вовремя притормозил. Подъезжаю к воротам, и жду, пока Джордж нажмет кнопку.

— С возвращением, мистер Кенсингтон. — Вежливо кивает он. — У вас опять эта улыбка. Вы, должно быть, встречались с той особенной девушкой.

Молча машу ему, когда проезжаю внутрь. Я что, как открытая книга? Если уж Джордж заметил, что со мной что-то не так, другие и подавно смогут. У меня завтра встреча с «Дюнамис» и надо собраться. Нельзя, чтобы остальные заподозрили, что со мной что-то происходит.

В субботу утром я еду в Гринвич, где назначена встреча с группой. Мы часто меняем места, и на этот раз встречаемся в поместье Бьянки, принадлежащее одному из членов организации. Внутри усадьбы скрытая дверь, ведущая к подземному туннелю

и комнате, которую мы используем для наших нужд. Многие из нас строят такие тайные комнаты под своими поместьями. Они так же роскошны, как и номера в главном доме, с богато украшенными коврами на полу и бесценными произведениями искусства, висящими на стенах.

— Кенсингтон.

Ройс Синклер приветствует меня, когда я захожу в комнату. Сейчас только 10:40 утра, а он уже с любимым напитком в руке. Замечаю еще пару человек, в их руках тоже стаканы. Большинство из нас пьют слишком много. Мы шутим, что мы просто мужчины, любящие излишества. Но в действительности, это как защитный механизм. Мы используем алкоголь, чтобы выжить.

- Здравствуй, Ройс. - Я пожимаю ему руку.

Мы с Ройсом учились в одном колледже. На первом курсе жили в одной общежитии в Йеле, на одном этаже. Мне никогда не нравился Синклер, но пришлось с ним дружить, потому что наши отцы знакомы, а семья Ройса очень богата и очень могущественна. Даже больше, чем моя. В мире, в котором я живу, тебя заставляют дружить с теми, кто может помочь повысить статус твоей семьи, и быть друзьями с Синклерами - престижно.

Его семья владеет «Синклер Фармасьютикалс», международной корпорацией, обладающей патентами на некоторые из самых популярных в мире лекарств. Они также лидеры в научных исследованиях и разработках новых медикаментов. «Дюнамис» использует «Синклер Фармасьютикалс» для создания препаратов различного назначения. Некоторые из них получают применение в клинике. Большинство из этих лекарств никогда не будет доступно широкой общественности, а мы, считая себя эксклюзивными, ими пользуемся. Другие препараты созданы, чтобы навредить. Избавиться от врагов, но обставить их смерть так, будто это несчастный случай. У нас есть наркотики, вызывающие сердечные приступы, инсульты, аневризмы. Они весьма полезны для убийства лидеров иностранных государств, не желающих с нами сотрудничать.

Несмотря на то, что семья Синклер вынуждена создавать подобные препараты, тот факт, что они реально это делают, вызывает у меня раздражение. Я не должен их судить, они ничем не отличаются от остальных. Мы все вынуждены идти на компромисс со своей совестью, но я знаю Ройса и знаю, что именно он сделал, и из-за него осуждаю и остальную часть его семьи.

Как и мне, Ройсу не нравится следовать правилам, но он гораздо рискованнее меня. Я только нарушаю их от случая к случаю, а Ройс - постоянно. Он, в основном, делает все, что хочет, но пытается скрывать от своей семьи и других членов. Тем не менее, открыто нарушил правило, гласящее, что он должен взять на себя бразды правления компанией своей семьи. Ясно дал понять, что не хочет иметь ничего общего с лекарствами Синклера. Ройс стремится в политику, и поэтому его брат, Уильям, встанет во главе семейного предприятия, как только их отец уйдет на пенсию. Как правило, оба сына должны работать на компанию, но Арлин, отец Ройса, позволил одному из своих детей пойти другим путем, вероятно, потому, что у него не было выбора.

«Дюнамис» всегда пытается набирать политиков из числа наших членов, но большинство из нас не подходит для такой работы. Она требует определенных навыков, умения с легкостью соврать во время интервью и в дебатах. Ложь должна быть высказана с предельной уверенностью; ваше лицо, тон и манеры никогда не должны вас выдавать. Ройс весьма преуспел в искусстве лицемерия, так что в настоящее время проходит стажировку в офисе сенатора. На следующих выборах он будет работать вместе с ним, чтобы обрести вес в политическом мире.

— Прошло слишком много времени с тех пор, как мы встречались. — Ройс подводит меня к бару. — Давай выпьем.

Я соглашаюсь, мне нужно расслабиться. Эти встречи всегда держат меня в напряжении. Никогда не знаешь, что произойдет.

— Так как дела? — спрашивает он, когда я налил себе бурбона.

— Хорошо. Скоро мы заполучим новых клиентов на юго-западе.

— Ты чем-нибудь занимался, кроме работы?

— Нет.

— Ума не приложу, как ты это делаешь, Пирс, работаешь сутки напролет. Я утром даже не могу вытащить свою задницу из постели. И я определенно не смог бы усидеть за столом, как ты, от рассвета до рассвета. Ты работаешь сейчас, сколько, десять часов в день?

— Шестнадцать.

Ройс недоверчиво качает головой.

— Это идиотизм. Опять же, я не знаю, как у тебя это получается.

— Тебя ждет такой же график, как только стартует твоя кампания.

— У меня еще пара лет в запасе, и всю работу будет выполнять агитационный персонал. Мне просто нужно улыбаться на камеру. Устраивать шоу. — Он подходит ближе и шутливо толкает меня в плечо. — Только представьте себе всех баб, которых я получу, когда воцарюсь на телевидении. У меня их и так достаточно, но едва лучи славы меня согреют, они начнут отираться вокруг стаями. — Ройс довольно улыбается. — Я с нетерпением жду, когда окажусь в самом эпицентре.

— Лучше тебе не попадаться. Люди будут следить за каждым твоим шагом, репортеры дышать в затылок. Тебе следует быть осторожнее, Ройс. Последнее, что нам нужно - это скандал.

Он медленно цедит свой напиток.

— Пирс, твой отец слишком сильно на тебя повлиял. Перестань быть таким послушным и поживи немного для себя.

— Забываешь о последствиях.

Синклер дерзко ухмыляется.

— Именно они и придают остроту. Знать, что тебя могут поймать... Это такой прилив адреналина. Получаешь максимум удовольствия, и жаждешь прочувствовать все снова и снова.

Когда он так говорит, мне интересно, не он ли был с Шелби. Я бы не стал списывать его со счетов, он вполне способен связать женщину. Ройс берет то, что хочет, и не принимает «нет» за ответ.

— Где ты был в четверг?

В его взгляде изумление и непонимание.

— Четверг? О чем ты говоришь? Что было в четверг? Я что-то пропустил?

— Нет. Просто скажи, где ты был.

— Я не знаю. Не могу вспомнить. Наверно дома, ловил отходняки.

Синклер иногда употребляет наркотики, но у него нет из-за этого проблем, большинство в группе делает то же самое. Еще один защитный механизм. Но организация предупредила Ройса, что ему нужно завязать прежде, чем начнется избирательная кампания. Я уверен, он проигнорировал их «заботу».

— Пирс. — Ко мне подходит Джек, приветливо улыбаясь. — Как ты сегодня?

— В полном порядке. Могу я минутку с тобой поговорить?

— Конечно. Только позволь мне выпить.

После того, как он наполнил свой стакан, мы извиняемся перед Ройсом и уходим в пустую комнату, чтобы поговорить.

— О чем пойдет речь? — Джек чуть ли не залпом выпивает почти весь бурбон.

— Об одной из наших коллег. Кто-то вызвал ее прошлой ночью, а затем насильно вынудил остаться. Связал ее и держал у себя весь день.

— И что ты хочешь от меня?

— Такое поведение противоречит правилам. Он должен быть наказан, иначе сделает так снова.

— Кто это был?

— Я не знаю, но подумал, ты смог бы помочь мне выяснить.

— Нет. — Джек делает пару ленивых глотков из стакана. — Не могу. И тебе тоже лучше держаться от этого подальше.

— Но это неправильно. Мы не имеем права связывать девочек и держать их в заложниках для нашего личного удовольствия.

— Ей было больно?

— У нее красные следы на запястьях, где он связал ее. Кроме этого, она сказала, что не пострадала, но могла солгать, чтобы его защитить.

— Кто эта девушка? И почему она тебе рассказала? Каждая встреча строго конфиденциальна.

— Не могу назвать ее имя. А если ты ничего не собираешься делать, то вообще бессмысленно что-либо обсуждать. — Я сержусь, и в моем голосе звенит злость. — Я думал, тебя это волнует, Джек. У тебя же две дочери. Ты хочешь, чтобы с ними так же обращались?

— Эта девушка не моя дочь. И то, чем она занимается - ее работа. Да, сопряжена с опасностью, но когда она подписывала контракт, то знала, на что идет и за что ей платят.

— Нет, и судя по всему, не все в курсе. Я не думаю, что организация озвучивает девушкам все правила, когда их нанимает. Эта девушка даже не подозревала о наказаниях или их суровости.

Джек тяжело вздыхает.

— Возможно. У группы в одно время были проблемы с рекрутингом девушек, так что я не удивился бы, узнав, что несколько важных деталей сознательно утаены при подписании договора, например, какие наказания следуют за нарушение правил. Если бы они сразу предупреждали, скорее всего, девушки ответили бы отказом.

— Это несправедливо. Они должны знать. Надо что-то делать. Подними этот вопрос на сегодняшнем собрании.

— Нет. Категорически нет. — Он понижает голос до шепота и, прищурившись, смотрит мне в глаза. — Как я уже тебе говорил, ты выбираешь свой бой, и это не тот, за который не жалко и жизнь отдать. Они пропустят мимо ушей все, что ты скажешь, а вместо этого на твоей спине появится мишень. Начнут подозревать тебя, удивляться, почему ты заступаешься за эту девушку, а потом начнут отслеживать каждое твое движение, прослушивать твои телефонные звонки и машину. Это то, чего ты хочешь?

— Нет.

— Тогда держись от всего этого подальше. Ты молод и в группе все еще новичок. Мало что знаешь, так что сейчас они тебя оставят в покое. Даже не будут обращать внимания, если ты просто будешь молчать и не гнать волну. Придет время, ты выразишь свое мнение, но не сейчас. И когда ты, наконец, получишь право голоса, сотни раз подумай, прежде чем открыть рот. Только делай это тогда, когда почувствуешь себя достаточно сильным и бесстрашным, чтобы рисковать своей жизнью, бросая им вызов. — Он поглаживает меня по спине. — Нам пора возвращаться. Собрание вот-вот начнется.

Встреча группы в основном - просто сводка о том, над чем каждый из нас работает. Мой отец рассказывает о своем прогрессе в разработке нового химического соединения, польза от которого, на его взгляд, бесценна. Его не отследить при взрыве. Я даже не хочу знать, о чем он говорит, но уверен, в конце концов, он меня просветит.

Перерыв на обед, затем собрание продолжается до четырех часов. Отец перехватывает меня в дверях. Я не разговаривал с ним с момента приезда. Кому-то это покажется странным, но для нас это нормально. Мы говорим друг с другом только тогда, когда появляется необходимость. Таковы наши отношения, и так было всегда. Будучи подростком, и попадая в неприятности, между нами никогда не было разговора отца с сыном. И теперь, когда я повзрослел, он разговаривает со мной только тогда, когда чего-то добивается или чувствует необходимость прочесть мне лекции о моем поведении.

— Некоторые из нас едут в город на ужин, — сообщает он. — Хочешь присоединиться к нам?

— Не могу. Мне нужно вернуться в офис. Дел по горло.

— Это потому, что ты рано уехал в пятницу? — Отец ухмыляется, довольный собой, что знал то, что я хотел от него скрыть.

— Нет. Мне просто нужно сделать кое-что, пока в офисе никого нет.

— Так, где ты был вчера днем?

Я пытаюсь быстро придумать ложь, в которую он поверит.

— Играл в гольф. Я знаю, что не должен уходить рано, но была такая хорошая погода, и мне захотелось поработать над моим свингом.⁶

Отец кивает.

— Хорошо. У нас есть несколько клиентских гольф-туров. Ты должен работать над своей техникой, чтобы я не краснел за тебя. Может мне тоже попрактиковаться? Возможно, нам стоит вместе пойти в загородный клуб на следующей неделе.

— Обязательно. Наслаждайся ужином.

Я ухожу, не попрощавшись с Джеком, сидящем в баре. Мне нужно выбраться отсюда. Мое тело так сильно напряжено, что болит каждая мышца. Ненавижу наши встречи и ненавижу быть рядом с этими людьми.

Единственное, что держит меня в здравом уме - наше сегодняшнее свидание с Рэйчел. Ее красивое лицо. Такая добрая улыбка. Я хочу обнимать ее, так, как ей нравится. Настолько крепко, что она больше не будет на меня кричать за неумелые объятия. Громко смеюсь, едва представив такой поворот событий. Из всего, за что я мог бы получить выговор, никогда бы и не подумал, что за то, как я обнимаюсь.

Быстро возвращаюсь в свой лофт. Я должен встретиться с Рэйчел в семь, но позволю и спрошу, смогу ли приехать раньше. Я должен ее увидеть. Мне нужно ее увидеть. И я не хочу больше ждать.

ГЛАВА 12 РЭЙЧЕЛ

Пирс позвонил и спросил, может ли он приехать сейчас, а не к семи. Я сказала «да», но так как не совсем готова, торопливо собираюсь.

Я рада, что он придет раньше. Хотя мы и виделись прошлой ночью, я уже скучаю по нему. Вспоминая Адама, я понимаю, что никогда не скучала по нему, даже когда мы расставались на несколько дней. Надо было воспринимать это как знак, что нам не суждено быть вместе.

Я не говорю, что мы с Пирсом созданы друг для друга, но тот факт, что я так сильно скучаю по нему, когда его нет рядом, должен что-то значить. Не могу поверить, насколько он мне нравится. И не только потому, что он симпатичный. Тут все намного глубже. Мне нравится, что он вежливый и джентльмен, и что он всегда такой внимательный. Когда я говорю, он уделяет мне все свое внимание, что редкость для всех, а для парней особенно. Мне нравится его тонкий юмор и то, как он скрывает его за своим серьезным поведением. Просто находясь рядом с Пирсом, меня охватывает эйфория, которую я не чувствовала с другими парнями, с которыми встречалась.

Я сейчас в ванной, сушу волосы феном. От него они всегда немного завиваются, но я не могу выйти с влажными волосами, так что после того, как заканчиваю, собираю их в хвост.

На улице прохладно, как и вчера, поэтому я надеваю джинсы и белый свитер с v-образным вырезом. Быстро наношу макияж, и как только удовлетворенно улыбаюсь, Пирс стучится в дверь.

Я открываю и вижу его, одетого в черные брюки, белоснежную рубашку с синим, в черно-серую полоску галстуком. Рубашка обтягивает его широкие плечи, без малейшего намека на складку, как будто специально на него сшита. Я уверена, так и есть. Его одежда, вероятно, вся на заказ, и именно поэтому в ней он так хорошо выглядит. Мои глаза останавливаются на его лице, гладко выбритом, акцентируя его четкую линию подбородка. Один его вид заставляет бабочек в моем животе сходиться с ума.

Он вручает мне букет цветов, дюжину длинных красных роз.

— Пирс, они прекрасны. Спасибо.

Он наклоняется и целует меня.

— Я не был уверен, какие твои любимые цветы, но предположил, что с розами не ошибусь.

— Я люблю розы. — Осторожно придерживая букет, несу его на кухню.

— Но они не твои любимые, — подмечает Пирс.

Как он узнал об этом? Я не пищу от радости при виде них? А он очень пронзительный. Я заметила, как ему удается улавливать малейшие изменения в выражении моего лица или голоса. Я не привыкла к такому. В моих прошлых отношениях я должна была рассказывать парню о своих желаниях или чувствах, и после того, как я это делала, он обычно не слушал или не помнил.

— Тюльпаны - мои любимые, но розы на втором месте. — Кладу цветы на кухонный островок. Ощущаю, как руки Пирса обвивают мою талию, и, повернувшись, вижу, как он мне улыбается.

— Тогда я принесу тебе в следующий раз тюльпаны. — Его рука касается моего лица, останавливается у мочки уха и удерживает на месте, когда он обрушивается своими губами на мои. На этот раз поцелуй медленный, чувственный, такой, как прошлой ночью. Мне нравится, что его поцелуи неспешные. Как будто он пробует меня, и у него в запасе все время мира. Как его мягкие губы медленно двигаются с моими. И когда я их приоткрываю, он не засовывает мне в рот свой язык, как большинство мужчин. Вместо этого, я чувствую его дыхание, а затем и нежность языка, так как его

поцелуй постепенно становится глубже.

Мы не двигаемся, и я чувствую, что мои внутренности плавятся, когда все вокруг меня исчезает. Мы просто целуемся, но то, как он это делает, заставляет меня теряться в пространстве. Как будто я не могу вспомнить, где я и что делала до того, как он оказался рядом. Не только его поцелуи делают меня такой, а весь он. Его мускулистое телосложение. Доминирующее поведение. То, как он держит меня в таком сильном, мощном захвате. Он отвлекает меня от всего остального, и все, на чем я могу сосредоточиться, это он и то, что он со мной делает.

Когда мы останавливаемся и переводим дыхание, я отступаю, зная, что если мы продолжим целоваться, то окажемся в спальне. А мы не должны этого делать. Не сейчас. Еще слишком рано. Но это не то, чего хочу я. Я же не тороплю события. Но, черт возьми, а хотела бы, потому что я действительно хочу пересечь невидимую черту, проведенную Пирсом.

Слабо киваю в сторону цветов.

— Я, вероятно, должна поставить их в воду. — Пирс отпускает меня, и я хватаю большой пластиковый кувшин из шкафа. — У меня нет вазы. Придется воспользоваться этим.

Когда я обрезаю розы в раковине, Пирс подходит ко мне сзади и обнимает, целуя в щеку.

— Я скучал по тебе сегодня.

— Я тоже скучала по тебе.

Сильные руки обнимают меня, и я чувствую тепло, исходящее от его тела. Глубоко вдыхаю его запах, потому что он замечательно пахнет: свежий и чистый аромат с намеком на одеколон, сочетающийся с его кожей. Пирс касается губами моей шеи, заставляя дрожать.

Пытаюсь сосредоточиться на розах.

— Тебе лучше прекратить отвлекать меня или я порежусь.

— Тогда позволь мне. — Он не перестает меня целовать, когда забирает из моих рук ножницы.

— Пирс, — шепчу я, и мои глаза закрываются, когда я наслаждаюсь ощущением его губ на своей коже. — Ты можешь пораниться. Я обрежу их позже.

— Не беспокойся обо мне. Просто расслабься. — Его голос мягкий и низкий, а теплое дыхание щекочет мою шею.

Он снова это делает. Заставляет меня возбуждаться, и я отчаянно хочу затащить его в спальню и поддаться своим низменным инстинктам, что так на меня не похоже. Но я сделаю так в ближайшее время. У меня удивительное ощущение, что я знаю Пирса лучше, чем кого бы то ни было. И моя тяга к нему переходит все границы.

Я слышу, как он бросает ножницы, и открываю глаза. Розы аккуратно расположены в кувшине, стоящем на раковине.

— Как ты это сделал? — удивленно округляю глаза. — Ты ведь даже не смотрел.

— Я хорошо работаю руками, — шепчет он мне в ухо.

Мое сердцебиение убыстряется, а между ног становится влажно. Я наклоняю голову в сторону, прося еще больше его нежных поцелуев на моей шее. Он делает то, что я хочу, еще крепче обхватывая руку вокруг моей талии. Другая его рука двигается к моей груди, мягко ее сжимая.

Я тихо стону и чувствую, как его губы слегка улыбаются на моей коже. Рука Пирса направляется к поясу моих джинс, и он расстегивает кнопку, а затем дергает молнию. Мое дыхание ускоряется, когда его теплая ладонь оказывается на моем животе и проскальзывает мне в трусики.

— Пирс, — еле слышно шепчу я.

— Да, — тихонько отвечает он, а его рука точно знает, куда идти, двигаясь медлен-

но и целенаправленно.

— Может быть, мы должны... — я собиралась сказать «стоп» или немного притормозить, но это не то, что я хочу. Я должна, потому что так надо. Будь хорошей девочкой. Не торопи события. Но я устала быть такой. Я хочу делать то, что мне нравится. То, что мне кажется правильным. И прямо сейчас, то, что делает Пирс, чертовски правильно.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — Я слышу его глубокий, сексуальный голос.

— Нет, — выдыхаю одно слово, не в состоянии сказать больше, абсолютно потерянная в его прикосновениях.

Еще стон, и я откидываюсь назад к его груди. Мое тело, с головы до ног, переполнено ощущениями. Я все еще смотрю на раковину, и Пирс вдавливаясь в меня, когда тянет ближе. Я чувствую его, он возбужден, и хочет этого так же сильно, как и я.

Думаю, он остановится и отведет меня в спальню. Но Пирс не отпускает меня. Вместо этого продолжает то, что начал, его рука между моих ног, воспаляя чувствительный комочек нервов и быстро доводя меня до грани. И когда толкает за нее, волны интенсивного удовольствия ударяют с такой силой, что я хватаюсь за край раковины, только бы не упасть. Он держит меня крепче, мое тело сотрясается, снова и снова, пока, в конце концов, я не успокаиваюсь.

Медленно убирая свою руку, Пирс шепчет мне на ухо низким и мягким голосом.

— Ты рада, что я пришел пораньше?

Я разворачиваюсь и вижу на его лице улыбку.

— Если бы я знала, что меня ждет, то еще с утра пригласила бы тебя.

Он смеется.

— Я говорил тебе, что хорошо работаю руками.

— Пойдем в спальню. — Протягиваю свою руку к его брюкам.

— Не сейчас. — Перехватив меня на полпути, Пирс целует мои пальцы. — Я все еще узнаю тебя.

— Я думаю, ближе уже некуда.

— Твоя правда. Но мне нужно знать больше.

— Но ты не получил никакого удовольствия.

— Поверь, мне понравилось. Думаю, ты почувствовала, насколько мне понравилось. — Он снова целует меня. — Готова идти?

— Уф, мне надо немного освежиться.

— Хорошо. Я подожду здесь.

Я иду в ванную, мое тело все еще дрожит от того, что он со мной сделал. Это было потрясающе. Раньше я никогда не чувствовала ничего подобного, что печально, потому что к двадцати четырем годам, вы бы подумали, что у меня достаточно опыта за плечами. Но, очевидно, парни, с которыми я была, не знали, что они делают. В отличие от Пирса.

Когда я возвращаюсь в гостиную, он смотрит телевизор.

— Хорошо, я готова. — Беру сумочку и ключи.

Он выключает телевизор и подходит к двери. Кладет руку на мою поясницу, целуя меня в щеку. — Ты выглядишь прекрасно.

— Спасибо. Ты тоже. Я вижу, выбор одежды опять дело случая?

Пирс указывает на свой галстук.

— Схватил первый попавшийся.

— Галстук? Уж выбор этого аксессуара никак нельзя назвать случайным. — Я тяну парня в холл и закрываю дверь.

— Можно и нужно. — Он берет меня за руку, когда мы спускаемся по лестнице. — Если в нем больше двух цветов, он выбран наобум. Это правило.

— Кто его придумал?

— Я. — Мы подходим к машине, и Пирс открывает мне дверь.

— Мы все еще идем в торговый центр? — Судя по выражению его лица, можно подумать, что у него внезапно заболели зубы.

Я смеюсь.

— Да, и тебе понравится.

Он качает головой, пока обходит машину. Садится за руль и спрашивает:

— Так где этот торговый центр?

Указываю направление и через десять минут мы уже там. Заходим внутрь, я веду его к магазину GAP⁷ и там тяну за собой в отдел для мужчин, останавливаясь перед полками с джинсами.

— Какие именно ты хочешь? У них всевозможные модели.

Пирс изумленно смотрит на меня.

— Рэйчел, я не могу надеть это.

— Почему нет?

— Джинсы - ужасный наряд.

Опускаю руки на бедра.

— Прости, но я сейчас в джинсах. Ты говоришь, что я выгляжу ужасно?

— Нет, конечно, нет. Они отлично на тебе смотрятся, но сомневаюсь, что я буду выглядеть в них также хорошо.

— Откуда ты знаешь? Ты же никогда их не надевал.

— У меня достаточно одежды. И я не могу их купить. Они мне не подойдут.

— Не будь так уверен. Тебе просто нужно их примерить.

Он с подозрением косится на стойку.

Я подхожу ближе и шепчу на ухо.

— Мысль о тебе в джинсах меня заводит. И когда я увижу тебя в них, то, возможно, не смогу тебя не трогать.

Пирс медленно улыбается.

— А ты хитра. И очень убедительна. — Он берет пару джинс из стопки. — Я попробую.

— Ты должен примерить хотя бы несколько. Давай возьмем еще вон те. Какой у тебя размер?

К сожалению, в магазине не так много вариантов, подходящих Пирсу, потому что он очень высокий. Но мы находим четыре пары и возвращаемся в раздевалку. Он выходит и показывает мне первую модель и, вау, он выглядит сексуально. У него упругий зад, отлично смотрящийся в джинсах.

— Мне нравится, — говорю я ему. — Ты должен их взять.

— Я чувствую себя странно. Ткань такая плотная. Я не привык к дениму.

— Привыкнешь, Пирс. Попробуй следующие.

— Зачем? Если тебе нравятся эти, остальные просто вернем.

— Нет, я хочу видеть тебя и в других. И хорошо иметь больше одной пары.

Он вздыхает и возвращается в раздевалку. Я киваю головой, пока дверь еще не закрылась.

— Ты выглядишь очень сексуально в этих джинсах. Очень, очень горячо.

Пирс расплывается в улыбке.

— Ты так говоришь, только чтобы я примерил другие.

— Нет. Это правда. Ты выглядишь отпадно. Очень.

Я быстро поцелую его, а потом закрываю дверь и жду возле примерочной. Находясь здесь, у меня ощущение, что мы - пара, и знакомы в течение нескольких месяцев. Я не знаю, думаем ли мы с Пирсом одинаково, но я чувствую с ним связь, которой у меня ни с кем прежде не было. Даже с Адамом.

И мне сейчас гораздо комфортнее с Пирсом, чем несколько дней назад. Я думаю,

помогает то, что он больше не ведет себя так официально. Он более расслабленный и легкомысленный, или, по крайней мере, более раскованный. Хотя по-прежнему разговаривает очень по-деловому, но я привыкла, и мне это нравится.

Пирс выходит из примерочной и демонстрирует следующую пару джинс, которые на нем также хорошо выглядят. В последующих он все лучше и лучше. К тому времени, как примерка закончилась, я не могу решить, какие он должен взять, поэтому пусть сам выбирает. Он берет самые первые две пары. Не думаю, что он обращал внимание на остальные. Как и большинство мужчин, шопинг его утомляет.

Далее мы идем к стопкам футболок.

— У меня их уже достаточно, — пытается отговорить меня Пирс.

— Они не для работы. Будешь носить их во время наших свиданий.

— На публике я должен быть в рубашке. — Он указывает на стойку позади. — Как насчет поло?⁸

С его широкими плечами и мускулистым телосложением, в рубашке-поло он бы выглядел потрясающе. И в футболке тоже. Пирс выглядит идеально в любой одежде.

— Хорошо, но мы купим тебе футболку для домашних посиделок. Например, когда будем смотреть телевизор или готовить ужин.

Он мне улыбается, и я не могу понять, почему, пока до меня не доходит смысл сказанного. Домашние посиделки. Совместный просмотр телевизора. Приготовление ужина. Мы только начали встречаться, а я уже предполагала, что мы станем неразлучны.

Пирс притягивает меня ближе за талию, и наклоняет голову. - Похоже, мы будем часто встречаться.

— Ты не против?

— Я более чем согласен.

Он отпускает меня, и я сосредотачиваюсь на футболках. Выбираю темно-синюю. Затем беру белую рубашку поло и черную. Те основные цвета, что Пирс предпочитает носить. Достаточно, что он меняет стиль одежды, и я не собираюсь заставлять его экспериментировать еще и с расцветкой.

Мы идем на кассу, и после того, как он оплачивает покупку, я передаю ему джинсы и белую рубашку поло.

— А теперь иди, оденься.

— Я уже одет.

— Слишком пафосно для обычного похода в кино. Я себя чувствую рядом с тобой не в своей тарелке. Было бы намного лучше, если бы мы оба были в джинсах. — Поглаживаю пальцы Пирса и целую его в щеку. — Пожалуйста?

Он вздыхает, признавая свое поражение, переплетает наши пальцы, и мы возвращаемся к кабинке для переодевания. Но прежде чем войти туда, еще раз меня целует.

— Я переоденусь только потому, что ты чрезвычайно неотразима и тебе трудно сказать «нет», что, кстати, является опасной комбинацией.

Я снова смеюсь, когда Пирс скрывается за дверью. Совсем скоро выходит в новой футболке и джинсах. Выглядит он, как суперпопулярный парень из колледжа. В костюме он выглядит старше своих двадцати пяти, но в обычной одежде ему с легкостью можно дать двадцать два или двадцать три года.

Я забираю его брюки и рубашку, аккуратно складывая в пакет.

— Ну как тебе? — Пирс стоит прямо передо мной. — Лично я ощущаю себя неловко, так что, надеюсь, тебе нравится то, что ты видишь.

— Очень. Ты отлично выглядишь. Но почему тебе неудобно? Одежда не подходит по размеру?

— Нет, сидит хорошо. Я просто никогда не выходил в люди в таком виде. В колле-

дже иногда носил рубашки поло, но с обычными брюками, а не джинсами.

— Окей, просто расслабься, ты выглядишь реально классно. — Я беру Пирса за руку, и мы выходим из магазина.

— Теперь нужно купить кое-что для тебя. — Он оглядывается по сторонам. — У них, кажется, здесь нет никаких дизайнерских магазинов, но я уверен, что мы сможем найти что-нибудь приличное в этом универмаге.

— Мне ничего не нужно. Все нормально.

— Ну, давай, позволь мне купить тебе платье. Или украшения. Все, что захочешь.

— Не надо, Пирс. Тебе не нужно ничего мне покупать.

— Нужно. Мне нужно. — Он снова взглядом сканирует магазины, и, воскликнув. — Я знаю! — Ведет меня напрямиком в ювелирный магазин.

— Пирс, нет. Я не хочу, чтобы ты покупал мне драгоценности.

— Нет, нет. Я куплю тебе вот это. — В его руках высокая, хрустальная ваза. — Тебе нравится?

— Да, красивая. Но не покупай мне ее, она очень дорогая.

Он, с улыбкой на лице, качает головой.

— Ты же знаешь, что у меня есть деньги, да?

— Да, но это не означает, что ты обязан покупать мне дорогие подарки.

— Мне хочется. — Пирс несет вазу в кассу. Пока он там, я проверяю цену. \$250. Он не должен тратить на меня такие суммы, но я не могу его остановить. Ладно, по крайней мере, теперь у меня будет, во что поставить цветы.

Мы забираем наши покупки, и несем их в машину.

— Спасибо за вазу. Замечательный подарок.

Практически мгновенно оказываюсь в объятьях Пирса.

— Всегда пожалуйста. Но это было скорее необходимостью, чем подарком. Ты получишь от меня еще больше цветов, и тебе нужно было что-то получше кувшина.

— Теперь мне нужно сделать что-нибудь приятное для тебя. У меня нет денег, чтобы купить тебе подарок, но я могу как-нибудь приготовить тебе ужин. Или испечь пирожные, пирог или банановый хлеб. Не хочу хвастаться, но я действительно хороший пекарь.

— Ты печешь? — Его брови удивленно поднимаются. — Я не знал, что в нашем возрасте люди увлекаются выпечкой. Или вообще кто-то еще печет.

— Я думаю, что многие люди этого не делают, но не я. Это расслабляет, и мне нравится, как пахнет в доме, когда что-то запекается в духовке. — Быстро проверяю свои часы. — Ты готов идти в кинотеатр? А потом мы поужинаем.

— Отличная идея. Давай покончим с фильмом.

— Эй! — Я игриво бью его по плечу. — Фильмы - это весело. Ты обещал быть послушным учеником.

— Этого я никогда не обещал.

— Ну, тогда притворись, ради меня, что тебе нравится.

Мы возвращаемся внутрь и идем в кинозал. Он позволяет мне выбрать фильм, поэтому я выбираю боевик. Если уж я заставила его пойти в кино, то мы будем смотреть тот жанр, что ему мог бы понравиться.

После того, как мы получаем наши билеты, мы останавливаемся у торговой палатки, и я заказываю ведро попкорна и две большие газировки. Пирс говорит, что не пьет газировку, но я объясняю, что газировка и попкорн идут вместе, и что он должен хотя бы попробовать.

Мы едим попкорн, пока ждем начала фильма.

— Извини, - его рука режется в мою, когда мы оба засовываем их в ведро.

Я локтем толкаю парня в бок.

— Это должно было случиться. Встреча рук в ведре с попкорном? Это форма флирт-

та. На самом деле, более подходит для двенадцатилетних, чем для людей нашего возраста, но так как ты в этом новичок, то должен практиковаться. Давай, вперед.

Он подыгрывает, погружая руку в ведро и находя мою. Но вместо того, чтобы просто коснуться, он берет ее и подносит к своим губам.

— Пожалуй, трюк с попкорном пропущу. Я могу найти лучшие способы, чтобы флиртовать. — Пирс обнимает меня за плечи. — Тебе весело?

Я прислоняюсь к нему.

— Да. А тебе? И не говори «нет». Помнишь, позитив во всем.

Он целует меня.

— Я думаю, что повеселился бы, делая что-нибудь с тобой. И это говорит о многом, потому что обычно я серьезен.

— Тогда мне нужно изменить твои привычки, потому что все должны веселиться. Даже нудные старые бизнесмены.

— Эй. — Пирс убирает руку и наигранно хмурится. — Я не старый! И не нудный!

Я пожимаю плечами.

— Станешь, если не добавишь в свою жизнь веселья.

Он улыбается и снова обнимает меня.

Фильм начинается, и я придвигаюсь немного ближе, чтобы опустить голову ему на плечо. Пирс слегка потирает мою руку, и так же, как тогда в парке, я чувствую, что он что-то говорит мне этим простым жестом. Я ощущаю, что так он дает мне понять, что начинает заботиться обо мне, или, может быть, уже это делает. Надеюсь, потому что он мне тоже не безразличен.

После фильма я везу его в спорт-бар. Это одно из тех мест, где повсюду гигантские телевизоры, бильярдные столы и дартс. Сегодня суббота, транслируют футбол, и в баре многолюдно. Лично меня это не беспокоит, но я волнуюсь, что Пирсу может не понравиться, ведь он не привык к таким местам. Я предложила сходить в спорт-бар, потому что подумала, было бы весело посмотреть игру. Мы с отцом часто вместе смотрели футбол по выходным, и я скучаю по нему. Мне больше не с кем этого делать.

— Тебе нравится футбол? — Я вопросительно смотрю на Пирса. Мы только что сделали заказ, и нам скоро принесут бургеры и пиво. Я удивилась, что он заказал то же, что и я. Мне казалось, он выберет что-нибудь более изысканное, например, стейк и бокал вина.

— Я люблю футбол, — отвечает он, — но у меня не так много времени, с моим графиком работы, чтобы его смотреть.

— Ты слишком много работаешь. Это плохо.

— У меня нет особого выбора. Много еще предстоит сделать. — Официантка ставит на стол бокал пива, и Пирс делает маленький глоток.

— Сегодня ты не работаешь.

— Потому что у меня есть занятие получше. — Он берет мою руку, лежащую на столе, и легонько сжимает. — С тобой.

— То есть, ты утверждаешь, что я должна больше с тобой тусоваться, чтобы ты так много не работал?

— Я не думал об этом, но да, в этом есть смысл.

Когда он снова подносит бокал к своему рту, я вскользь гляжу на стол рядом с нашим, где сидят и разговаривают четыре женщины моего возраста. Снова смотрю, когда замечаю, что они все уставились на Пирса. Они на него смотрят, как охотник на жертву. Как будто хотят утащить к себе домой, и, ну... вытворять с ним все, что придет в голову. Женщины отворачиваются, когда видят, что я за ними наблюдаю. Оглядываю остальную часть бара и вижу, как другие женщины его оценивают. Так всегда, когда он выходит?

Пирс определенно здесь самый горячий парень, но он со мной, поэтому этим жен-

щинам нужно перестать на него таращиться. Я обычно не ревнива, но по какой-то причине чувствую, как ревность царапает меня изнутри, когда другие женщины так смотрят на Пирса. А он даже не замечает, что происходит. Его глаза сосредоточены на телевизоре, следят за игрой, его рука крепко держит мою.

Потираю кожу на его ладони, чтобы привлечь внимание.

— Ты не рассказывал, что сегодня делал. С утра был в офисе?

Он переводит взгляд на меня, и кивает.

— Да. Я весь день там провел. А ты чем занималась?

— Сначала поработала на добровольческой основе с девяти до полудня, затем занималась заданием на следующую неделю.

— Волонтером? Где?

— А я разве не говорила? Каждую субботу я работаю добровольцем в приюте для бездомных. Я учу людей читать. Сегодня у меня был пожилой мужчина, который...

Пирс прерывает меня, его рука сжимает мне предплечье.

— Какой приют? Где он находится?

Я многозначительно глянула на его пальцы. Почему он так сильно сжимает мою руку?

— Это недалеко от центра города, рядом с автовокзалом. Своего рода обветшалый район, но я слышала, что в мэрии планируют его облагородить.

— Не ходи туда больше, — у Пирса командный голос, заставляющий меня чувствовать, будто он мне указывает, что делать.

Мне не нравится его тон. Вообще. У меня уже есть мать, всё контролирующая. Мне не нужен парень, похожий на нее.

— Пирс, я - волонтер. Уже год. И не собираюсь останавливаться.

— Мне жаль, но ты должна сказать им, что уходишь. Я не могу позволить тебе там находиться.

— Позволить мне? — Я отдергиваю руку. — У тебя нет права голоса. И тот факт, о чем ты думаешь, и что говоришь, заставляет меня задуматься, не ошиблась ли я в тебе.

— Рэйчел, я говорю так ради твоего же блага. Тебе не следует ездить в ту часть города.

— Мы встречаемся всего неделю, и ты уже указываешь мне, что делать? Да, я определенно в тебе ошибаюсь.

— У тебя не было проблем с тем, чтобы указывать мне, что надеть. — Он выпрямляет спину и указывает на себя. — А теперь посмотри, я выгляжу нелепо.

Я чувствую, как начинаю терять самообладание.

— Во-первых, каждый парень здесь одет, как ты. Ты бы выглядел нелепо в рубашке и галстук. И во-вторых, если бы ты не хотел носить одежду, которую выбрала я, мог бы просто сказать «нет». — Вскочив, хватаю сумочку. — Мне нужен глоток свежего воздуха.

— Рэйчел, подожди!

Я вылетаю за дверь, чувствуя злость и смущение. Почему он пытается меня контролировать? Раньше ведь этого не делал. Вот почему я не стремлюсь заводить отношения. Вы думаете, что человек нормальный, но после нескольких свиданий оказывается, что он сумасшедший деспот.

— Рэйчел. — Пирс выходит из бара и останавливается передо мной. — Рэйчел, прости меня. Я не должен был упоминать об одежде. Мне она нравится.

— Нет, не нравится, — бормочу я.

Его улыбка едва различима.

— Ладно, может и нет, но ты права. Я бы странно выглядел, в галстук в спортивном баре. Или в кино. И я ценю тот факт, что ты нашла время, и помогла мне вы-

братъ. И, может быть, в конце концов, мне понравятся джинсы и футболки.

Когда я ничего не говорю, он продолжает.

— Ты должна понять, это все новое для меня. Кино. Спорт-бар. Джинсы. Торговый центр. Слишком много за один раз.

Я невольно улыбаюсь.

— Я заставила тебя столько всего сделать за одну ночь... Это трудно, и я не понимала, насколько. В следующий раз просто выберу одну или две новые вещи.

Пирс приподнимает мое лицо за подбородок.

— Так следующий раз будет?

— Да. Ты сомневался?

— Когда ты вот так сбежала от меня, то да, немного.

— Я не умею спорить. Если я сержусь, то лучше уйти и успокоиться, прежде чем я смогу снова поговорить с человеком. Я всегда была такой.

— А я тот человек, который любит выговориться и покончить со спором как можно скорее.

Я продолжаю улыбаться.

— Интересно будет понаблюдать за этим. Я уйду, а ты останешься говорить сам с собой.

Он смеется.

— Да, я полагаю, так и будет. Но поскольку это очень неэффективный способ спорить, давай постараемся не допустить подобного.

— Пирс, почему ты так отреагировал, когда я сказала тебе, что работаю в приюте?

— Потому что это небезопасно, и я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Я хожу туда только днем. И я не одна. Вокруг очень много людей.

— Может быть, внутри, но снаружи - это другая история. Я проезжал через тот район. Я видел, каков он. Наркотики продают прямо на улице. В переулках прячутся грабители. Даже полиция не поедет туда.

— Что ты делал в той части города?

— Я ехал на встречу с одним из наших дистрибьюторов, и случайно неправильно свернул. В конечном итоге проехал по той самой улице, где находится приют.

— Я знаю, что это опасно, но я там только раз в неделю, и помогаю людям в приюте стать лучше. Первым человеком, которого я научила читать, был мужчина по имени Рэймонд, и теперь, год спустя, он может читать целые книги. Это изменило его жизнь. Теперь у него есть уверенность в завтрашнем дне. Он устроился на работу, а потом переехал в квартиру. Знаешь ли ты, как здорово чувствовать себя, зная, что ты в состоянии кому-то помочь? Когда он прочитал первое предложение, мы оба заплакали. И я все еще плачу, когда один из моих учеников читает свое первое предложение.

Пирс улыбается мне.

— Ты особенная, ты знаешь это?

— Я - нет. Мои ученики. Ты не поверишь, на каком дне они находились. Но они нашли в себе силы, они пытаются улучшить свою жизнь, научившись читать, чтобы получить работу. И я хочу помочь им, поэтому я продолжаю ходить в приют.

— Возможно, вы могли бы встречаться в другом месте. Там же есть автобусная остановка. Они могли бы добраться на автобусе до библиотеки, и ты могла бы их там встретить.

— Пирс, прекрати. Я знаю, ты беспокоишься обо мне, но ты не обязан. Я сама могу позаботиться о себе. И ты не должен указывать мне, как поступать. Я не хочу таких отношений. Ты можешь высказать свое мнение и беспокойство, но, в конце концов, я сама принимаю решения.

Его рот приоткрывается, он хочет что-то сказать, но затем передумывает, и мол-

чит.

— Мы должны вернуться и поесть, — напоминаю я. — Они, наверное, думают, что мы ушли.

Мы возвращаемся к нашему столу, как раз приносят еду. После спора, мы беседуем на отвлеченные темы. Я спрашиваю, что он думает о фильме, а затем мы обсуждаем футбол и смотрим игру по телевизору. Мне кажется, что я на свидании с обычным парнем, а не с миллиардером. Пирс расслаблен, улыбается и смеется.

Всего через одну неделю он действительно раскрепощается рядом со мной. И мне это нравится. Мне нравится видеть его не таким серьезным и веселым. Ему это нужно. Ему нужно больше веселья в жизни. И я собираюсь сделать все, от меня зависящее, чтобы так и было.

— Ты играешь в дартс? — спрашиваю у Пирса после того, как официантка забирает наши тарелки.

— Не могу вспомнить, чтобы хоть раз пробовал.

— Как думаешь, справишься сегодня еще с одним новшеством?

— Думаю, да. — Он оставляет на столе деньги, затем следует за мной к доске для дартса.

Я быстро объясняю правила, а потом мы начинаем. Он будто сражается в первой игре, но во второй становится лучше. А во время третьей, он реально хорош.

— Ты быстро учишься. — Я шагаю к доске для четвертой игры.

Он обнимает меня сзади и целует в щеку.

— У меня был хороший учитель.

Так и есть, потому что Пирс выигрывает четвертую игру. После пятой, мы возвращаемся обратно к машине.

Еще одно потрясающее свидание. Наша ссора мне не понравилась, но она уже забыта.

Уже поздно, но я не хочу, чтобы вечер заканчивался. И, возможно, так и будет. Я бы хотела, чтобы Пирс закончил то, что начал на моей кухне. На этот раз нам обоим понравится.

ГЛАВА 13

ПИРС

— Не хочешь пойти ко мне домой? — спрашиваю у Рэйчел, когда мы уезжаем из ресторана. — У меня есть кабельное телевидение, так что подумай, прежде чем ответить.

— Хм. Все эти телеканалы довольно заманчивы. Я смогу выбрать то, что мы будем смотреть?

— Конечно. Право выбора всегда за гостем.

— Твой дом находится примерно в полчаса езды. Тебе придется отвезти меня обратно.

Я смотрю на нее.

— Не вижу здесь проблемы.

— Ты будешь вынужден долго кататься.

— Я не возражаю. Мне нравится водить. Но тебе нужно принять решение быстро, потому что, если мы едем ко мне, необходимо свернуть на следующем повороте.

— Хорошо, поехали. Я бы хотела увидеть твой дом. Ты следишь за чистотой или там грязно, как у стереотипного холостяка?

— У меня есть персонал, который делает уборку и содержит лофт в чистоте.

Пока мы едем, я пытаюсь понять, что делаю. Пригласить ее к себе домой? После ночи непрерывного флирта, поцелуев и прикосновений? Напряжение между нами настолько осязаемое, что я чувствую его в воздухе. Это приведет к сексу, а я сказал ей, что мы не торопимся. Но знаю, Рэйчел этого хочет. После того, как я коснулся ее на кухне, она была готова отдаться мне прямо там. А что касается меня, я хотел секса с ней с того момента, как увидел сидящей в лекционном зале. За всю свою жизнь я никогда не чувствовал такого влечения к женщине. Каждый раз, когда я с ней, я прилагаю массу усилий, чтобы себя сдерживать. Так почему я вообще сомневаюсь? Мы оба хотим этого, и мы ждали достаточно долго. Дольше, чем я когда-либо ждал с еще кем-либо.

Проблема в том, что внутри меня идет война. Она продолжалась с тех пор, как я встретил Рэйчел. С тех пор, как сказал себе держаться от нее подальше, пока наши отношения не зашли слишком далеко. Но думаю, уже поздно. И если мы займемся сексом сегодня, это определенно пойдет дальше некуда.

В отличие от других женщин, с которыми я был, не думаю, что секс с Рэйчел будет чисто физическим. У меня к ней чувства, усложняющие ситуацию. Мне еще не приходилось спать с кем-то, кто мне действительно дорог. Это все новое для меня, и я не уверен, что готов.

Мы сейчас в моем здании, и я подъезжаю к посту охраны.

Джордж там и снова заводит свою песню.

— С возвращением, мистер Кенсингтон.

Он немного наклоняется, пытаюсь увидеть, с кем я приехал.

— Приятного вечера, Джордж.

Я проезжаю вперед, прежде чем он может слишком внимательно разглядеть Рэйчел.

— Он кажется хорошим человеком, — говорит она.

— Да, но мне пришлось поторопиться, потому что он на тебя глазел.

Она касается моего запястья.

— Он не глазел. Ему около семидесяти лет.

— И все же он пялился на тебя. Грязный старик. — Я раздражен, когда паркую машину на своем месте. — Придется поговорить об этом с его начальником.

— Пирс, не доставляй ему неприятностей.

Я обошел машину и открыл дверь. Помог Рэйчел выйти, и когда мы шли к лифту, я обнял ее.

— Шучу. Мы с Джорджем друзья. И я не могу винить его, что он на тебя заглядывался. Ты великолепна. Мужчины не могут себя сдерживать. Мы должны смотреть на красивых женщин.

— И женщины не могут не смотреть на горячего мужчину. Все посетительницы бара глаз с тебя не сводили.

— Я не заметил. — Мягко целую Рэйчел в губы. — Единственной женщиной, которую я видел, была ты.

Мы едем на лифте наверх, куда можно попасть только с помощью кода безопасности. Лифт открывается прямо в мою квартиру, занимающую весь верхний этаж здания.

— Это твоя квартира? — удивленно спрашивает Рэйчел.

— Да.

Она входит в гостиную.

— Она огромная. Только посмотри, как здесь много места.

— Я большой парень. Мне нужно много пространства.

Она заходит на кухню.

— Мне нравится планировка. Мне нравится, когда кухня и гостиная соединены в одну большую комнату.

Кухня и гостиная составляют середину лофта. Затем с одной стороны, внизу, есть две спальни, одна из которых используется мною в качестве офиса. На другом конце квартиры, рядом с кухней, еще одна спальня. Моя. Ее дверь расположена так, чтобы я мог видеть лифт и гостиную с кровати. Я перестроил лофт таким образом, что, если кто-то попытается меня ограбить или напасть, я увижу, как они придут. И на всякий случай держу пистолет в тумбочке.

Мы на кухне, и я подхожу к холодильнику, разглядывая его содержимое.

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Воды достаточно.

— У меня здесь несколько видов воды. Конкретизируй. Или просто выбери любую.

Она подходит и берет бутылку цитрусовой воды. Для себя я беру бутылку обычной. Я ничего такого не покупаю. Ответственный за уборку персонал занимается также и заполнением бара и холодильника.

Мы оба стоим у стойки, сжимая в руках бутылки. Я делаю глоток из своей, а она — из своей. Наши глаза встречаются, и я чувствую это снова. Напряжение, что витает между нами всю ночь. Чистое, грубое сексуальное напряжение, сильнее, чем я когда-либо чувствовал.

Я подошел поближе, поставив свою воду на островок позади Рэйчел. Забираю ее бутылку и ставлю рядом со своей. Я не должен этого делать. Этим только подтолкну наши отношения вперед, туда, куда запрещал сам себе. Но, Боже, я хочу этого. Я так сильно этого хочу. Я хочу ее, и не только в плане секса. Я хочу ее в своей жизни. Впервые я хочу настоящих отношений и хочу их с Рэйчел. Может, это не сработает, но я, по крайней мере, хочу попробовать.

Наши тела в сантиметрах друг от друга, наши взгляды скрещены, сексуальное напряжение готово лопнуть. Я не знаю, какого черта я жду.

Притягиваю ее к себе, моя рука похоронена в волосах Рэйчел, когда обрушиваю свои губы на ее. Я хотел, чтобы наш первый раз был медленным и нежным, но мы уже прошли точку невозврата. Медленный и нежный придется отложить на потом.

Она расстегивает мою рубашку поло, и я отрываюсь от ее губ, на секунду, только чтобы сорвать одежду. Снимаю ее свитер, возбуждаясь еще сильнее, когда вижу, как ее грудь облегает белый кружевной бюстгальтер. Рэйчел уже расстегивает мой пояс,

поэтому я тянусь к ее джинсам, расстегиваю их и дергаю молнию. Это напоминает мне о том, когда я раньше так делал, и как она стонала в удовольствии от моих прикосновений. Я хочу снова заставить ее стонать и кричать мое имя.

Слишком долго и неудобно раздевать ее стоя, поэтому подхватываю девушку на руки и несу в свою кровать. Как только она легла, я с легкостью стянул с нее джинсы, а затем и белые, кружевные бикини вниз по длинным, стройным ногам. Я снимаю джинсы и боксеры, а она снимает лифчик. У меня перед глазами прекрасный вид ее обнаженного тела. И, черт возьми, она восхитительна. Если бы я так отчаянно не хотел ее, я бы просто стоял и наслаждался видом.

Беру презерватив с тумбочки и надеваю, затем опускаюсь сверху на Рэйчел и целую, мой язык словно дегустирует ее. Она проводит руками по моей спине.

— Ты уверена? — Я должен задать ей этот вопрос.

— Да, — отвечает она, затаив дыхание.

Я подаюсь немного назад, прежде чем полностью войти, и резко толкаюсь вперед. Черт. Она чувствуется невероятно. Как будто была для меня создана. Идеальная, чертовски совершенная. Я не думал, что такое возможно. Она, должно быть, тоже это чувствует, потому что стонет даже больше, чем раньше. Стараюсь не двигаться слишком быстро, но я теряю контроль. Похоже, что мое тело мне больше не подвластно, и я не могу притормозить. И не думаю, что она этого хочет. Рэйчел подстраивается под мои движения, держится за меня, когда я в нее вонзаюсь все сильнее и быстрее.

Я так близко, но пытаюсь продержаться дольше для нее.

Она говорит мне не останавливаться, а потом я чувствую, как она кончает. Я догоняю ее через секунду, а затем позволяю себе на мгновение остаться внутри нее, ловлю ее дыхание, мягко целую.

— Я сейчас вернусь, — говорю, вставая. Иду в туалет и избавляюсь от презерватива. В этот момент я обычно велю женщине уйти. Но вместо этого возвращаюсь в постель и ложусь на спину, откидывая руку в сторону. Рэйчел придвигается ближе, кладет голову мне на плечо, и я ее обнимаю.

Когда мы лежим, я вспоминаю, что только что произошло. Это был не просто секс. У меня большой опыт, и никогда ранее не было так, как сейчас. Со всеми другими женщинами, с которыми я спал, всегда казалось, что мы были чужими людьми. Просто давали выход инстинктам. Но с Рэйчел я почувствовал, что мы были действительно едины. Наш разум, наши мысли, наша потребность друг в друге. Это было интенсивно. И эмоционально. Я действительно чувствовал эмоции во время секса. Черт, это не хорошо.

Я не могу позволить этому продолжаться. Я не могу быть с ней, когда знаю, чем это может кончиться. Я не могу вовлечь ее в мою жизнь. Это слишком опасно.

И все же... я не могу отпустить ее.

— Пирс. — Ее пальцы вырисовывают круги по моей груди. Это мило и приятно, а не то, к чему я привык. Женщины всегда трогают меня с сексуальным подтекстом, а не любяще и заботливо, как это делает Рэйчел.

Я целую ее лоб.

— Да, Рэйчел.

— Это было потрясающе.

— Согласен. — Я улыбаюсь, рад, что она получила столько же удовольствия, сколько и я.

— Я имею в виду, мне никогда не было так... хорошо. Нам придется повторить.

— Не могу не согласиться.

— Но не сейчас. Сейчас я просто хочу полежать с тобой. — Она придвигается ближе, прижимаясь к моему боку. — Мне нравится быть в твоих объятиях.

— Мне нравится, когда ты там. — Я снова целую ее лоб. — Я хочу, чтобы ты сегодня осталась у меня. Я не хочу, чтобы ты уходила.

Она поднимает голову и целует меня.

— Тогда я не уйду. — Затем снова опускает голову обратно на мое плечо, и ее рука располагается поперек моей груди.

Я прижимаю девушку крепче к себе. Снова нарушаю свои правила. Не обнимаю женщину после секса. И никогда не позволяй ей ночевать. Но вот он я, обнимаю Рэйчел после того, как попросил остаться.

Я не знаю, почему я так себя веду. Знаю же, что это не правильно. Я знаю, что это против правил, как их, так и моих. Может, завтра я приду в себя и покончу с нами. Скажу ей, что больше мы не можем встречаться.

Я смотрю вниз и вижу, как Рэйчел лежит на моей груди, ее глаза закрыты, и она обнимает меня. У нее легкая улыбка на лице, и она выглядит умиротворенной. Полностью. Я чувствую то же самое. А раньше такого чувства у меня никогда не было. Это чувство покоя.

Как она это делает? Как она заставляет меня чувствовать такое? Я же никогда ничего не чувствую. Это то, чему меня научили. Думать. Не чувствовать. Использовать свой мозг, а не сердце. Отключить все эмоции. Чувства и эмоции делают вас слабыми. И показывать их еще хуже. Это делает тебя уязвимым. Открытым для атаки. Поэтому я старательно прячу свои эмоции так глубоко, как только могу. Но с Рэйчел они вырываются на волю, и я не могу их контролировать.

Смотрю на ее тело: стройные длинные ноги, пышные бедра, узкая талия и мягкие полные груди. Боже, она прекрасна.

Она также умна. Сострадательна. Забавна. С ней легко разговаривать.

Проклятие! Я слишком привязываюсь к ней. Мне нужно покончить с этим. И как можно скорее.

Но потом я ощущаю ее в своих объятьях, и думаю о том, что чувствую, когда я с ней, и не могу этого сделать. Я не могу остановиться. Знаю, что должен, но не могу.

Я накрываю ее одеялом, и через несколько минут она засыпает прямо на мне. Я так же отключаюсь. Но прежде проверяю часы. Сейчас только 11:30. Я давно не ложился спать так рано. Наверное, еще со школы. Обычно я ложусь в два или три утра, а потом встаю в пять на работу. Я всегда слишком нервничаю, чтобы уснуть. Но тепло Рэйчел рядом со мной успокаивает мой разум и тело, и я засыпаю.

Шум в ванной будит меня. Я подскакиваю, кручу головой по сторонам, и тянусь к тумбочке за пистолетом.

Дверь в ванную открывается, и я вижу Рэйчел. Я не привык к тому, что кто-то находится в моей квартире, кроме меня, поэтому сработали инстинкты. Медленно закрываю ящик, когда она подходит к кровати.

— Я тебя разбудила?

Она в моей белой рубашке, что я вчера надевал, и, черт возьми, выглядит в ней сексуально. Застегнута только нижняя половина пуговиц, что дает мне возможность рассмотреть ее пышные груди. Рубашка длинная, но сама Рэйчел высокая, поэтому ее бесконечные ноги практически все на виду.

— Нет, я сам проснулся, — говорю ей. — Который час?

— Девять.

— Девять? — Я быстро проверяю часы. — Я не спал так долго... — задумываюсь, — Даже не вспомню сразу, что я когда-либо спал так долго.

— Думаю, ты просто устал.

Рэйчел забирается на меня сверху и толкает назад, на кровать.

— Должно быть, я измотала тебя прошлой ночью со всеми этими новшествами. — Она наклоняется, пока ее лицо не приближается к моему. — Или это мог быть такой

невероятно горячий, удивительный, лучший-я-когда-либо-занималась-секс.

Я улыбаюсь.

— Возможно. — Протягиваю руку и начинаю расстегивать надетую на ней рубашку. — Я должен тебе сообщить, у меня ужасная бессонница. Ты могла бы мне помочь.

Рэйчел целует меня, ее дыхание пахнет мятой. Скорее всего, она нашла мою зубную пасту.

— Хочешь сказать, чтобы я приходила каждый вечер и усыпляла тебя?

— Это проблема? — Я расстегиваю последнюю пуговицу и скольжу руками под рубашкой над ее бедрами и опускаю ладони на ее упругую округлую попку.

Она закрывает глаза, улыбается и перестает дышать от моих прикосновений.

— Каждую ночь может быть слишком часто. — Моя рука поднимается к ее груди, и она с трудом втягивает воздух. — А может, и нет.

Я спал голым, а у нее под рубашкой ничего нет. Она чувствует под собой мое возбуждение и начинает об меня тереться.

Я стягиваю рубашку по ее плечам, и она опускает ее вниз, отбрасывая в сторону. Целует меня, не переставая ерзать. Я еле сдерживаюсь. Я такой твердый, пульсирую от отчаянного желания снова быть внутри Рэйчел.

Мне нужен презерватив, но они в ящике с моим пистолетом. Я не знаю ее отношение к оружию, но предполагаю, что увиденное может не понравиться.

— Дай мне взять презерватив, — шепчу я между поцелуями.

— Ты чист?

— Что?

— Есть ли у тебя какие-либо заболевания? Типа ЗППП?

— Нет.

— Тогда он нам не нужен. Я принимаю таблетки.

Она тянется вниз и обхватывает рукой мою эрекцию, устраиваясь поудобнее. Как только я ощущаю, что уже почти в ней, как останавливаюсь, удерживая за талию.

— Подожди. Нам нужен презерватив.

— Зачем? Я здорова.

Я никогда не занимался сексом без презерватива. Слишком рискованно. Что, если она лжет о том, что здорова? Что, если она не на таблетках? Я знаю Рэйчел всего неделю, и, хотя у меня есть к ней чувства, и я не думаю, что она из тех женщин, которые лгут мне или пытаются обмануть, я не могу ей доверять. Я никому не доверяю.

— Я не могу без презерватива, — повторяю, как заведенный.

Она не кажется удивленной или обиженной от моей просьбы.

— Эм, хорошо. Они в ящике?

— Я возьму. — Пересаживаю Рэйчел на кровать рядом с собой. Затем едва приоткрыв ящик, достаю презерватив.

— Если ты не хочешь, мы не обязаны, — говорит она.

Ложусь на нее сверху.

— Поверь мне, я хочу.

Я поцеловал ее, а потом неторопливо двинул бедрами. Черт, она чувствуетея так хорошо. Это почти невероятно — насколько мы совместимы таким образом. Она выгибается, а я наклоняюсь и целую ее грудь. У меня не было возможности сделать это прошлой ночью, так что я восполняю потерю. У нее полная, округлая, идеальная грудь. И самое приятное то, что она настоящая. Мягкая, естественная. Это делает ее еще более красивой.

Она тянет меня за волосы, прижимая к своей груди, пока обхватывает мою талию ногами. На этот раз я двигаюсь медленнее. Я хочу насладиться каждым моментом. Приникаю к ее губам, и мы целуемся. Ее руки скользят вниз к моим плечам, держась за них, когда я двигаюсь быстрее. Пытаюсь притормозить, но она просит не делать

этого. Я продолжаю двигаться, и несколько минут спустя мы оба взмываем в небеса, а потом возвращаемся на землю. Я падаю на кровать, по моей груди скатываются капельки пота.

Секс был как вчера вечером. Мощный. Интенсивный.

— Я думаю, мы подтвердили, что определенно совместимы в плане секса, — говорит она, запыхавшись.

— Я пришел к такому же выводу еще вчера вечером.

— А я нет. Мне казалось, что все слишком уж хорошо, чтобы быть правдой. Счастливая случайность. Как будто у тебя просто была хорошая ночь.

— Эй. — Я смеюсь и легонько подталкиваю девушку в бок. — Я знаю, что я делаю.

— Не сомневаюсь, но все немного иначе. Идеальное совпадение. Как будто наши тела созданы друг для друга.

Я начинаю думать, что тут больше, чем просто наши тела, созданные друг для друга. Между нами есть что-то еще, что связывает нас на более глубоком уровне. Я ненавижу признавать это себе, потому что не верю в судьбу, предназначение или любовь с первого взгляда. Но я тот человек, который доверяет своим инстинктам. И если мои инстинкты говорят мне, что делать, я не сомневаюсь. Я просто делаю. Принимаю решения быстро. Я терпеть не могу, когда люди начинают анализировать каждую деталь, а затем колеблются. Я принимаю решение и выполняю поставленную задачу. И как бы я ни старался игнорировать свои инстинкты, когда дело доходит до Рэйчел, прислушавшись к ним, я слышу, как они кричат мне быть с ней. Не отпускать ее.

— Пирс, ты надо мной смеешься? — Рэйчел лежит на боку, лицом ко мне.

Я смотрю на нее.

— Нет. И не собирался.

— Да, но ты улыбаешься, как будто думаешь, что я сумасшедшая.

— С чего бы это?

— Что я сказала, будто мы созданы друг для друга. Ну, наши тела, не мы.

— Почему не мы?

Ее улыбка превращается в застенчивую.

— Потому что мы не очень хорошо знаем друг друга.

— Ты не думаешь, что между нами есть что-то кроме секса? — Я неожиданно обиделся.

Она поцеловала меня.

— Это не то, что я имела в виду. Честно говоря, да, я думаю, что между нами что-то большее, но я еще не готова это признать. Кажется, слишком рано.

Я завел руку под ее талию и прижал к себе.

— Слишком рано считать тебя моей девушкой?

— Нет. Мне бы это понравилось.

Теперь я целую ее.

— Тогда моя девушка хотела бы позавтракать?

— Да. Я умираю с голоду. Здесь рядом есть хорошие места для завтрака?

Ответ на ее вопрос — да, но я не думаю, что мы должны выходить. Я знаю многих людей в городе, и, если они увидят меня с Рэйчел, мой отец или организация недолго еще будут оставаться в неведении.

— Почему бы нам не остаться здесь, и я что-нибудь нам приготовлю? Это будет первый раз, когда я воспользуюсь кухней.

— Серьезно? — Она привстает, удивленно глядя на меня. — Как долго ты здесь живешь?

— Около года.

— И никогда еще не пользовался кухней?

— Я всегда ем вне дома. И не готовлю.

— У тебя духовка стоит целое состояние. Одна из наилучших. И ты никогда ею не пользовался?

— Нет. Никогда. Я даже не знаю, как она работает. И даже не пытался проверить.

— Что? — Ее глаза шокировано распахиваются. — Как такое возможно? Если бы у меня была такая печь, я бы постоянно ею пользовалась. Я думаю, что в ней даже есть конвекция.

— Когда это ты изучала мою духовку? Ты должна была изучать меня, а не мою духовку.

Она смеется.

— Я просто взглянула и заметила параметры. Ты не против, если я когда-нибудь ее использую?

— Мою печь?

— Да. В моей квартире она работает неправильно. Нагревается неравномерно. И сжигает мою выпечку до того, как та приготовится.

— Ты можешь использовать ее, когда захочешь. Что ты собираешься делать?

— Ну, сначала я приготовлю тебе ужин, как и обещала, так что выбирай вечер, и я приду. И так как сейчас осень, я бы хотела испечь, к примеру, яблочный пирог, тыквенный хлеб и просто запечь яблоки до хрустящей корочки. Осень — мой любимый сезон для выпечки. Я бы пекла сутки напролёт, если бы был кто-то, кто все это съест.

— Вряд ли я смогу съесть все, но могу попробовать. Не думаю, что я когда-либо ел тыквенный хлеб или яблоки, о которых ты упоминала.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Что насчет карамельных яблок?

— Нет.

— Карамельная кукуруза?

— Нет.

— Что, даже в детстве?

— Ты, кажется, не понимаешь, что я живу довольно необычной жизнью. — Я говорю в шутку, но это правда. — Мое детство было не таким, как у всех. Не было никаких поездок в кино, парк или торговый центр. Я ношу костюмы столько, сколько себя помню, даже в детстве. И я не ел карамельные яблоки или попкорн. Когда я рос, то понятия не имел, что мы ели на ужин каждый вечер. Шеф-повар объявлял меню, и никого не волновало, понравится ли оно детям. У моих сверстников был похожий образ жизни, поэтому никто из нас не знал, чего лишился.

— Ну, это все меняет. Я должна испечь для тебя один из моих пирогов. Мне нравится, так что это замечательная идея. Как думаешь, я могу приехать на следующих выходных? Если тебе нужно на работу, это нормально. Я могу побыть здесь одна. Я испеку больше, чем мы сможем съесть, чтобы ты мог угостить своих родителей. На самом деле, я сделаю им их собственный пирог.

Упоминание о моих родителях возвращает меня к реальности. В мою другую жизнь. Настоящую жизнь. Не в ту фантастическую, которой я сейчас живу, и где рядом со мной лежит умная, красивая женщина.

— Не беспокойся о моих родителях. У них свой шеф-повар и они привередливы в еде.

— Возможно, я могла бы испечь что-нибудь для Джорджа. Бьюсь об заклад, он бы хотел яблочный пирог.

— Да, я уверен, что хотел бы. — Я наклоняюсь и целую ее. — А теперь пойдем, поищем что-нибудь на завтрак. Все эти разговоры о хлебобулочных изделиях вызвали у меня нешуточный голод.

Мы идем на кухню, только чтобы узнать об отсутствии вообще какой-либо еды в

холодильнике. Поэтому я звоню в местный ресторан и делаю заказ. Мы одеваемся, пока ждем его доставки.

Я должен быть на работе, но не хочу идти. Я хочу провести день с Рэйчел.

— Какие у тебя планы на сегодня? — спрашиваю ее, когда мы заканчиваем завтрак.

— Я должна была позаниматься, но подумала, что могу сделать перерыв. Хочу прогуляться. Мне нравится, когда листья на деревьях меняют цвет, и хочу вдоволь налюбоваться, пока они не опали.

— Почему бы нам не пойти вместе? Я прожил здесь всю свою жизнь, и знаю лучшие места.

— Это было бы здорово. Мы можем пойти прямо сейчас? Так я смогу вернуться сегодня к учебе.

— Позволь мне просто взять ключи.

Когда я подхожу к столу, чтобы их взять, звонит телефон. Останавливаюсь, поднимаю трубку. — Я слушаю.

— Пирс, это отец.

Я отворачиваюсь от Рэйчел.

— Что тебе нужно?

— Хочу знать, почему тебя вчера не было в офисе. Ты сказал, что будешь работать после встречи, но я зашел, а тебя там не было.

Я не выношу того, что он следит за мной, как будто я ребенок.

— Во сколько ты пришел?

— Около восьми.

— К тому времени я уже уехал.

— Я спросил уборщика, где ты, и он сказал, что не видел тебя всю ночь.

Здорово. Теперь он заставил шпионить за мной и уборщика?

— На самом деле, я почувствовал себя не очень хорошо, поэтому пошел домой отдышаться.

— Почему ты раньше не сказал?

Я понижаю свой голос.

— Потому что ты всегда говоришь, что болезнь — признак слабости, и я не хотел услышать лекцию о том, как важно мне быть сильнее.

— Ты ее услышишь, если не явишься в офис. Уже 10:30 и тебя все еще нет.

— Сегодня воскресенье. Может, я решил взять выходной.

— Это не в твоей компетенции. Я — твой босс. Езжай в офис.

— Я просто подожду внизу, — говорит Рэйчел, когда идет к лифту.

Я хватаю ее за руку, взглядом прося подождать.

— Кто это был? — С секундной заминкой спрашивает мой отец.

— Никто.

— Значит, ты не болен. Я знал, что ты врешь, и всегда знаю, что с тобой, Пирс. Кто там у тебя?

Рэйчел стоит в нескольких футах, ищет что-то в своей сумочке.

— Я не могу сейчас разговаривать. Мне нужно идти.

— Этой женщины там не должно быть. Коллегам не разрешается оставаться на ночь. Скажи мне ее имя, и я обо всем позабочусь.

Если бы у меня здесь была одна из наших девушек, мой отец был бы более чем счастлив донести на нее и убедиться, что она наказана. Он любит наказывать людей, включая меня. Это заставляет его чувствовать себя всемогущим.

— Это не одна из них, — говорю я.

— Ты нашел другую? Это Риэль? Я слышал, вы недавно виделись.

Какого черта? За мной что, весь город шпионит? Или же Риэль рассказала всему

миру, что мы занимались сексом?

— Да, — я с легкостью вру. — Ты прав.

Я говорю, что это Риэль, потому что мой отец одобрил бы такую, как она. Он бы не одобрил Рэйчел.

— Ну, избавься от нее. У нас есть работа. Я жду тебя в кабинете через полчаса.

Он повесил трубку, а я молча выключил телефон.

— Что-то не так? — с тревогой спрашивает Рэйчел.

— Мне нужно в офис. Придется отложить нашу прогулку на другой день.

— Хорошо, все нормально. Может, я смогу уговорить Шелби составить мне компанию.

Я везу Рэйчел обратно в ее квартиру. Оттуда сразу же направляюсь в офис, потому что если я опоздаю, то получу выговор от отца, и вероятно, для пущего эффекта, он завалит меня работой еще больше.

Почему я позволяю ему со мной так обращаться? Потому что он знает, как залезть мне в голову, вот почему. Он знает мои слабости. Он знает, как контролировать меня. И я не могу его остановить.

ГЛАВА 14 РЭЙЧЕЛ

Всю дорогу обратно к моей квартире Пирс был молчалив. Мы припарковались перед зданием, но мотор в машине все еще работает, и его ремень безопасности не отстегнут.

— Не хочешь зайти на минутку? — предлагаю, когда отстёгиваю свой ремень безопасности и открываю дверь.

— Я не могу. Опаздываю на работу.

Опоздывает на работу? Воскресенье же. Это даже не рабочий день. Как он может опоздать в воскресенье?

— Итак, ты хочешь встретиться на этой неделе? — Я спрашиваю его, прежде чем он уедет.

— Я не уверен. Я тебе позвоню. — Он не смотрит на меня, когда отвечает.

— Тогда, наверное, увидимся позже. Пока.

Я жду, когда Пирс тоже попрощается, но он этого не делает. Его взгляд устремлен вперед, на лобовое стекло

Я закрыла дверь, и он сорвался с места.

Меня начинает тошнить, когда я вижу, как он уезжает. Почему он был таким холодным и отстраненным? Мы отлично провели время, а потом он просто закрылся. Только что Пирс вел себя так, будто не хотел иметь со мной ничего общего. Он даже не проводил меня до двери и не поцеловал на прощание.

Возможно, прошлой ночью я совершила ошибку. Может, он просто использовал меня для секса, и теперь, добившись своего, не захочет видеть меня снова. Проклятие! Вот почему я не занимаюсь сексом в начале отношений. Мне не стоило этого делать.

Я поднимаюсь наверх — в свою квартиру. Шелби выходит в коридор, когда я открываю дверь.

— Эй, ты только что вернулась домой?

Теперь мне стыдно. Я не хочу, чтобы она узнала, что я провела ночь с Пирсом. Я в курсе, что некоторые девушки не считают зазорным секс после нескольких свиданий, но для меня это большое дело и то, что, как я думала, никогда не сделаю. И теперь я об этом сожалею.

— Было слишком поздно возвращаться домой, поэтому я осталась, — говорю я, заходя в квартиру.

Шелби следует за мной.

— Так он тебе действительно нравится.

— Да, но... я не знаю. — Вешаю сумочку на крючок у двери.

— Ты не знаешь, что? Нравится или нет? Что-то случилось?

Мы обе подходим к дивану и садимся.

— Он вел себя странно, когда привез меня обратно. Вообще не разговаривал со мной по дороге сюда и не проводил до двери, что нормально, но обычно Пирс это делает... Я не знаю. Может, он просто спешил.

— Я знаю, в чем дело. Ты спала с ним, не так ли?

Я молча киваю.

— И теперь, когда он получил то, что хотел, ты думаешь, что он потерял к тебе интерес.

Я смотрю вниз на свои сцепленные пальцы. — Да.

— Рэйчел. — Шелби прикасается к моей руке, и я поднимаю глаза на нее. — Не переживай. Просто забудь о нем и двигайся дальше. Ты не захочешь быть с парнем вроде Пирса Кенсингтона.

— Что ты имеешь в виду? Ты его даже не знаешь.

Она выпрямляет спину и садится ровно.

— Нет, но я знаю, что он горячий и супербогатый, и это означает, что он может иметь новую девушку каждый вечер.

— Я просто подумала....

— Что ты отличаешься от остальных?

— Да. — Наклоняюсь вперед, упираясь локтями о колени, когда закрываю лицо руками. — Как я могла быть такой глупой? Я же никогда не торопилась прыгнуть в постель к парню. И я никогда не думала, что смогу. Я чувствую себя идиоткой.

— Эй. — Она подталкивает меня локтем в бок. — Это происходит со всеми нами. В мире нет девушки, которая не влюбилась бы не в того парня.

— Но он не выглядел таким. Мне казалось, что он — правильный парень. — Я все еще сижу на диване. — И я просто придумала себе сказку. Пирс красивый, очаровательный, вежливый, умный, успешный. Он как мужчина моей мечты. Но думаю, что таковым он останется надолго. — Хватаю с дивана подушку и прижимаю ее к груди, положив на нее подбородок.

— Ты найдешь кого-нибудь другого. Почему бы нам не выйти развеяться на этой неделе? Пойдем в клуб, потанцуем и выпьем. Если мы познакомимся с парнями, отлично. Но если нет, то просто устроим девичник.

— Что-то не очень хочется. И я не готова найти другого парня. — Я внимательно смотрю на нее. — Шелби, мне очень понравился Пирс. В нем что-то было. Что-то, что влекло меня к нему так сильно, как никогда раньше ни к кому другому.

— Он супергорячий, супербогатый и точно знает, что сказать. Вот почему ты так себя почувствовала.

— Нет. Это было нечто большее. Я имею в виду, да, он делал мне комплименты и купил подарок, поэтому я думаю, ты можешь утверждать, что так он просто пытался заставить меня с ним переспать. Но я не уверена в этом. Мне казалось, он начинает заботиться обо мне. И я забочусь о нем. Я волнуюсь о нем. Я знаю, что он богат, но не думаю, что он счастлив. В нем есть печаль, которую он пытается скрыть, но я знаю, что она там есть. Я могу сказать, что ему трудно открыться людям, но он сделал это со мной. Расслабился и больше улыбался. Позволил мне увидеть иную его сторону, которую вряд ли показывает другим, даже самому себе. Он всегда такой серьезный и никогда не веселится. Он даже не был в кино до прошлой ночи. И у него не было джинс. Мы пошли за покупками, и он купил две пары вместе с повседневными рубашками. Он, вероятно, никогда не будет носить их снова, но, по крайней мере, надел их прошлой ночью. — Я улыбаюсь, как идиотка. — Ты бы его видела...

— Рэйчел, какого черта? — Шелби уставилась на меня, как на инопланетное существо.

— Что?

— Ты влюблена в этого парня?

— Нет! Конечно, нет. Я же недавно с ним познакомилась.

— О, Боже мой. — Она вскидывает руки вверх.

— Что? Что случилось?

— То, как ты ответила сейчас на мой вопрос. Полное отрицание.

— Отрицание чего?

— Того факта, что ты влюблена в Пирса Кенсингтона.

— Я не влюблена в него. Страсть или похоть, может быть. Но не любовь.

— Это определенно любовь. Ты бы видела свое лицо, когда о нем говорила. И я видела такой взгляд раньше. Неудивительно, что ты чувствуешь себя, как дерьмо. Как это произошло так быстро? — Она с грустью вздыхает. — Я не знаю, что Пирс сказал или сделал, чтобы ты потеряла свое благоразумие, но ты должна остановиться

прежде, чем все между вами пойдет дальше. Тебе нужно перестать звонить ему, перестать видеться с ним. Надо покончить с этим сразу.

— Во-первых, я не люблю его. И во-вторых, я думаю, что уже и так все закончилось.

— Хорошо. Но зная его, он, вероятно, заедет однажды ночью и попытается заманить тебя обратно. Ты не можешь в него влюбиться, Рэйчел. Если ты это сделаешь, ты закончишь прямо там, где сейчас. Боль и чувство, будто тебя использовали, в то время как Пирс двигается дальше с кем-то другим.

— Почему ты ведешь себя так, будто хорошо его знаешь? Вы всего раз встречались.

— Мне не нужно знать его лично, но я знаю похожих на него парней. Они все одинаковые. Избалованные, богатые парни, способные на все, чтобы получить желаемое. Они полны секретов. Они лгут. Они никогда не рассказывают тебе о своем прошлом. Ты не можешь им доверять.

— Я не думаю, что Пирс солгал мне. И не чувствую, что он что-то от меня скрывает. На самом деле, он много рассказывал мне о себе.

Шелби скрестила руки на груди.

— Он говорил тебе, что раньше был женат?

— Женат? — Меня опять тошнит, как тогда, когда он уезжал.

— Видишь? Он скрыл свое прошлое. У него есть секреты. Именно то, что я говорила.

— Когда он был женат? И откуда ты это знаешь?

— Об этом писали в газете и обсуждали на телевидении. Свадьба была помпезная. Несколько лет назад, сразу после окончания Йельского университета.

— Кто эта девушка?

— Какая-то богатая светская львица. По мне, жутко некрасивая. Худая, с очень бледной кожей. Я не думаю, что она когда-либо выходила на солнце.

— Зачем Пирсу жениться на непривлекательной девушке, когда он может выбрать кого угодно?

— Потому что она богата и из уважаемой семьи. Вот как это работает с такими парнями, как Пирс. Они женятся не по любви. Он, наверное, даже не занимался с ней сексом. Весь брак был фикцией. У многих богатых людей фиктивные браки.

— Это действительно грустно.

— Согласна, но парням, вероятно, нравится. Они могут спать с кем хотят и жены им не помеха.

— Я не думаю, что Пирс так поступал.

Она смеется.

— Боже, Рэйчел, ты такая наивная. Я не хочу тебя обидеть, но иногда думаю, что ты понятия не имеешь, как устроен мир.

Я закатываю глаза.

— Я понимаю, что иногда люди женятся по разным причинам. Все люди, не только богатые. Но это не значит, что Пирс такой же. Мне кажется, он предпочел бы остаться одиноким, чем жениться на том, кого не любил.

— Рэйчел, ты не слышала, что я тебе говорила? Пирс женился на девушке. Так что да, он такой. Он женился на той, которую не любил, потому что она была богатой и обладала весом в обществе.

Я вздыхаю.

— Прекрасно. Но он, очевидно, понял, что ошибся, потому что больше на ней не женат.

— Он развелся с ней только потому, что она, как выяснилось, лесбиянка. По крайней мере, так писали в таблоидах.

— Это не должно иметь значение, если твоя теория верна. Ты только что сказала, что ему не нужно заниматься с ней сексом, даже если они женаты.

— Все, забыли. Я и не утверждала, что я эксперт. — Шелби встает. — Давай придумаем, чем нам заняться. Ты же не хочешь сидеть здесь в одиночестве и киснуть весь день.

— Я не могу. Мне нужно поработать над домашним заданием.

— Хорошо, но приходи ко мне, если передумаешь.

Я провожаю ее до двери.

— Ты не говорила мне, что случилось с твоим отцом. Должно быть, все очень плохо, если ты не вышла на работу.

— На самом деле, у моей мамы были встречи в тот день, и ей просто нужно было, чтобы я подменила ее и присмотрела за папой. Увидимся позже. — Шелби открывает дверь, но затем останавливается и разворачивается. — Эй, прости меня насчет Пирса. Я знаю, он тебе действительно понравился. Но поверь мне, тебе лучше без него.

Она уходит, закрывая за собой дверь. Я бреду на кухню и наливаю в стакан воды. Вижу розы, которые принес мне Пирс, они в пластиковом кувшине рядом с раковиной. Ваза, которую он мне купил, все еще в багажнике его машины. Он так спешил уехать этим утром, что я совсем о ней забыла. А теперь он, вероятно, отдаст ее другой девушке.

Я собираю цветы, чтобы выбросить, но, передумав, ставлю обратно. Я могу оставить их себе. Мне не часто дарят цветы, а сама себе я не могу позволить их купить.

Что если Пирс не бросил меня сегодня утром? Что, если он просто был в плохом настроении? Когда ему позвонили перед выходом, он разозлился. И был не в восторге, что пришлось ехать на работу. Может, его поведение утром не имеет отношения ко мне.

Если он просто использовал меня для секса, почему он позволил мне остаться с ним на ночь? Почему он пригласил меня на завтрак? И предложить нам прогуляться вместе?

То, что сказала Шелби — правда. Такой мужчина, как Пирс, мог иметь новую женщину каждую ночь, и, возможно, я была одной из них. Но я не хочу в это верить. Пирс, которого я узнала, был заботливым, вдумчивым и джентльменом, и это не было похоже на притворство. Это было реально.

Чтобы отвлечься от мыслей о Пирсе, я сначала делаю уборку в квартире, а затем работаю над бумагами. Потом звоню родителям, что я делаю каждое воскресенье. Моя мама хочет, чтобы я звонила ей каждый день, но для меня это слишком. Постоянно, когда мы разговариваем, она говорит, что я обязана вернуться домой. И тогда во мне появляется чувство вины за то, что я переехала, а, по ее мнению, даже не смела и мечтать об этом. Но это моя жизнь, и я должна жить для себя, а не для родителей. Но моя мама не понимает. С тех пор, как умерла моя сестра, мама ведет себя так, как будто я обязана жить с ней по соседству и быть рядом, как единственная оставшаяся дочь. И как бы я ее не любила, я ненавижу, что она возлагает на меня такое бремя.

Сегодня, когда мы созваниваемся, я рассказываю ей о школе, а она пересказывает мне городские сплетни. Мы всегда начинаем наш разговор таким образом. Потом приходит время для материнского совета.

— У тебя была возможность посмотреть другие квартиры? — Она спрашивала уже на днях. Несмотря на то, что я звоню родителям только по воскресеньям, моя мама звонит мне несколько раз в неделю, чтобы напомнить обо всем, что я делаю неправильно, и что я вообще должна делать. Это сводит меня с ума.

— Мама, я же говорила тебе, что никуда не собираюсь. Здесь низкая аренда. Это все, что я могу себе позволить.

— В Индиане ты могла бы зарабатывать намного больше.

Приехали. Сейчас начнется путешествие по дороге вины.

— Я живу не в Индиане. Я живу здесь, и мне нравится моя квартира.

— Это небезопасный район. Я видела в новостях на прошлой неделе, что на какую-то девушку в Коннектикуте напали во время прогулки в школу. И это было в приличной части города. А ты живешь в опасном районе.

Я просто молчу, давая ей возможность высказаться. Это единственный способ сохранить рассудок.

— Адам приходил на днях, — говорит она. Моя мама любит Адама. Ей хотелось, чтобы мы поженились, даже после того, как я потеряла ребенка.

— Почему? Зачем?

— Он спрашивал о тебе. — Ее голос повышается, будто она нервничает из-за меня. — Он сказал, что давно ничего от тебя не слышал.

— Я больше с ним не встречаюсь. У нас нет причин оставаться на связи.

— У него перспективное будущее. Я слышала, он планирует открыть собственную бухгалтерскую фирму. И он очень красивый.

Я беззвучно закатываю глаза.

— Мам, он меня не интересуется. Познакомь его с кем-то другим.

— Я дала ему твой номер телефона.

Я обреченно вздыхаю.

— Зачем? Я не хочу с ним разговаривать.

— Он хороший молодой человек, и нет никаких причин, почему вы двое не можете быть друзьями. И кто знает? Может, дружба перерастет в нечто большее. Просто поговори с ним, Рэйчел.

— Мам, мне надо идти. Еще куча работы.

— Хорошо, милая. Я позвоню тебе позже на этой неделе. Люблю тебя.

— И я тебя.

Что ж, разговор с матерью прошел довольно неплохо. Обычно она поучает меня, что я должна делать со своей жизнью. Клянусь, она составляет список перед тем, как позвонить, чтобы ничего не забыть. И теперь добавилось что-то новое: вернуть меня домой вместе с Адамом.

Я никогда не говорила маме правду о том, почему мы с ним расстались. Она думает, что это я разорвала помолвку. Она не знает, что инициатива исходила от Адама. А если бы узнала, он бы сразу перестал ей нравиться. Но я не хочу ей говорить. Мне все еще трудно принять причину, по которой он меня бросил. Я знаю, что он не любил меня, но куда легче было бы услышать признание в отсутствии чувств с его стороны, вместо того, что я бесполезна для него, потому что не могу иметь детей.

Это все еще больно. И еще больнее то, что Адам ушел после того, как разорвал помолвку. Он даже не остался, чтобы помочь мне справиться с потерей нашего ребенка. И не звонил. Он знал, что я была разбита после выкидыша, и когда мне сказали, что у меня никогда не будет детей, и все же Адам даже не попытался меня утешить. Вместо этого он обращался со мной, как с бракованным товаром. Так какого черта он думает, что я захочу с ним разговаривать? Если он позвонит, я даже трубку не возьму.

Что, если каждый другой парень, как Адам, отвергнет меня, когда узнает, что я не могу иметь детей? Пирс так поступит? Я не уверена. Я не знаю его достаточно хорошо, чтобы утверждать стопроцентно. Он единственный ребенок, поэтому я уверена, его родители ожидают, что у него будут дети. Им нужен кто-то, чтобы передать все свои деньги и фамилию. И я уверена, Пирс хочет ребенка, по крайней мере, одного. Может не сейчас, но в будущем.

Это еще одна причина, по которой мне не следовало поддерживать с ним отноше-

ния. Даже если он хотел быть со мной, и хотел быть более серьезным, я не могу, потому что со мной у него не будет будущего. Я не могу дать ему ребенка.

Днем я занимаюсь еще немного, а потом стучусь в дверь Шелби, чтобы узнать, хочет ли она вместе поужинать. Ее нет дома. Я не знаю, куда она все время уходит. Кажется, она всегда исчезает без причины. У нее не много друзей, и у нее нет парня. Должно быть, она пошла к родителям.

Я не настолько голодна, поэтому просто делаю бутерброд с арахисовым маслом и ем его перед телевизором. Сейчас 5:30, и я подумала, что Пирс мог бы позвонить, хотя бы для того, чтобы поздороваться. Но телефон молчал весь день.

Я уже скучаю по нему. Я скучаю по разговору с ним. Я скучаю по его смеху. Я скучаю по его объятьям.

Не видаться больше с ним будет тяжело. Очень сложно.

Раздается стук в дверь, и я вскакиваю с дивана, предполагая, что это Шелби. Она, вероятно, только что вернулась и пришла узнать, не хочу ли я с ней поужинать.

— Я уже поела, — говорю, открывая дверь.

Но передо мной не Шелби, а пожилой мужчина с густыми белыми волосами. Его кожа темная от загара, что особенно подчеркивают светлые брюки и белая рубашка поло.

Он широко улыбается.

— Я не собирался приглашать тебя на ужин, но, может быть, в другой раз.

Я невольно улыбаюсь.

— Нет, я подумала, что пришла моя подруга. Я вас знаю?

Он выглядит как профессор, но он не преподает ни на одном из моих занятий.

— Мы не встречались, но ты волонтер программы грамотности, которую я курирую в приюте для бездомных. Вообще-то, не совсем. Я просто ее финансирую.

Я пожимаю ему руку.

— Приятно с вами встретиться. Я Рэйчел. Работаю в программе уже год.

— Да, Лора мне сообщила. Она мне немного о тебе рассказала.

Так, он знает Лору, женщину, управляющую приютом. Тогда почему она не рассказала мне о нем? И почему не предупредила, что он придет?

— Лора не упоминала о вас, — говорю я. — Как вас зовут?

— Джек Эллит.

— Рада знакомству, Джек. Не хотите зайти?

Я отхожу в сторону и пропускаю мужчину внутрь. Я не знаю, почему он здесь. Сначала я была насторожена тем, что он просто появился у моей двери, но я чувствую себя лучше, зная, что он финансирует программу чтения.

— Я не могу задержаться надолго, — сообщает он. — И прошу прощения за мой внешний вид. Я только что вернулся с игры в гольф.

— Хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. — Он осматривается по сторонам, его взгляд задерживается на определенных местах. — Лора сказала, что ты студентка.

— Да. В аспирантуре Хиршфилда.

— Что изучаешь?

— История Америки.

— А что тебя интересует в американской истории?

— Мне нравится узнавать о прошлом, особенно о времени формирования нашей страны. Мне нравится узнавать о том, как строились города. Как росла промышленность.

— Это было интересное время, не так ли? — Джек подходит к моей книжной полке.

Я не хочу показаться невоспитанной, но мне нужно знать, почему он здесь. Его во-

просы начинают доставлять мне неудобства.

— Так почему вы...

— Ты пловец? — Он держит одну из моих медалей.

— Я была в команде по плаванию в средней школе и колледже. Теперь просто плаваю, когда у меня есть время, что бывает не часто. В любом случае, почему вы здесь? Я не уверена, что вы называли причину.

Джек поворачивается ко мне и улыбается.

— Прости, что не объяснил. Я пришел встретиться с тобой. Я пытаюсь быть более вовлеченным в программу грамотности, а не просто выписывать чеки. И я хотел услышать отзывы о том, как она работает.

Он проделал весь этот путь ради этого? А мог просто появиться в приюте в субботу. Поступи бы он так, то мог бы встретить сразу всех добровольцев. Это было бы лучше, чем появляться у них дома без предупреждения.

— Я думаю, что программа хорошая, — говорю ему. — Хотелось бы заниматься в настоящем классе, а не в столовой, где очень шумно. Здание рядом с приютом пустует. Может быть, часть его можно было бы отремонтировать и превратить в аудитории.

— Это хорошая идея. Я разберусь с этим. Что-нибудь еще?

— Это не связано с программой, но было бы хорошо установить лучшее освещение вдоль улицы. Я знаю, что это ответственность города, но, если бы вы могли сделать несколько звонков нужным людям, возможно, они бы послушали. Это очень опасный район, и лучшее освещение может помочь сдержать преступность.

Он молча смотрит на меня. Я не знаю, почему, но меня это пугает.

Наконец, Джек говорит:

— Я посмотрю, что могу сделать. — Еще пара беглых взглядов на мою квартиру. — Ну, я отнял у тебя достаточно времени. Мне пора идти.

Я провожаю мужчину к двери.

— У вас есть визитная карточка, может, оставите?

— Боюсь, что нет. — Он улыбается, и протягивает мне руку. — Обычно я не ношу их с собой, когда играю в гольф. Было приятно с тобой познакомиться.

Отвечаю на его рукопожатие.

— Мне тоже.

Я стою и смотрю, как Джек уходит. Вся эта встреча была очень странной, я не знаю, что и думать. Он казался хорошим человеком, но задавал мне много вопросов, которые не имеют ничего общего с программой грамотности. Он пытался получить информацию обо мне, но почему? Простое дружелюбие? Непринужденная беседа? Или это было нечто большее?

ГЛАВА 15 ПИРС

Когда я высадил Рэйчел этим утром, я так торопился, что даже не помню, как с ней попрощался. И у меня весь день не было возможности позвонить ей. С того момента, как я прибыл в офис, я заперся в конференц-зале с отцом и тремя юристами компании, пытаюсь закрыть контракты, над которыми работал.

Я не заинтересован в чтении контрактов, поэтому моему отцу приходится меня заставлять. Он думает, что это закаляет характер, если делать то, что ты не хочешь. Мой отец не счастливый человек, и он не хочет, чтобы другие были счастливы. Он знает, что я лучше проведу воскресенье, делая что угодно, только не работая, и все же я здесь, выполняю приказ босса.

Сейчас восемь вечера, а я еще не обедал. Знаю, уже поздно, но позвоню Рэйчел и спрошу, не хочет ли она поужинать. Нам придется пойти туда, где люди, которых я знаю, нас не увидят.

Встретаться с ней будет сложно, но это то, чего я хочу. Я никогда не думал, что встречу кого-то вроде нее, но теперь, когда она появилась в моей жизни, я планирую сделать все, что в моих силах, чтобы сохранить эти отношения. Это значит, что мне нужно найти для нее время. Учитывая мой график работы, я не знаю, как я это сделаю, но найду способ. Мне нужно больше времени с ней. Когда мы вместе, мне всегда мало. Я думал о ней с тех пор, как высадил у квартиры. Я скучаю по ней, и мне нужно ее увидеть.

Я встаю и закрываю дверь в свой кабинет, чтобы уединиться. Но как только я собираюсь позвонить ей, звонит мой телефон. Не тот обычный телефон, а мобильный. Это они? Нет, встреча «Дюнамис» уже состоялась. Следующая не может быть так скоро.

Я отвечаю и слышу, как записанный голос запрашивает мой номер. Ввожу его, а затем слушаю продолжение.

— Это уведомление о задании. Вы узнаете о цели в течение следующих шести недель. Пожалуйста, имейте в виду, что вы не должны покидать город, и быть доступным в случае, если задание не может быть выполнено наемником. Подробная информация будет предоставлена позже. Конец сообщения.

— Черт! — ругаюсь я, когда хлопаю телефоном об стол. У меня не было поручений несколько месяцев, но последнее, что я выполнил, все еще преследует меня по ночам. До сих пор у меня было только пять миссий, по одной за каждый год членства в организации. Но теперь, когда я окончил колледж, меня будут тренировать, и я получу больше заданий. Гораздо больше. Некоторые из наших старших членов, как и мой отец, получают по одному в месяц.

Они различаются, но конечная цель одна и та же — поддерживать силу и влияние, над которой мы так упорно трудились. Большая часть нашей власти связана с контролем над ключевыми политическими позициями, поэтому в годы выборов нам приказывают чаще всего скармливать фальшивые истории в СМИ, чтобы наши подопечные выглядели презентабельнее, чем конкуренты. В предвыборные годы мы уделяем особое внимание поиску и подготовке новых кандидатов для будущих выборов. Мы также работаем над развитием компаний, принадлежащих остальным участникам группы, чтобы мы могли доминировать в любой отрасли промышленности.

Выполнение поставленных задач почти всегда связано с незаконной деятельностью: взяточничеством, шантажом, воровством, фальсификацией документов. Чтобы убедиться, что наша репутация кристально чиста, мы обычно напрямую не вмешиваемся. Вместо этого нанимаем фрилансеров, целую подпольную сеть людей, гото-

вых за плату даже мать родную убить. Большинство из них преступники, но некоторые просто обычные люди, отчаянно нуждающиеся в деньгах.

Иногда миссия идет не так, как планировалось, и фрилансер вызывается для зачистки. Вот что случилось с моим последним заданием. Одному из других членов было поручено нанять на возможную должность в Сенате одного человека. Тот был партнером в юридической фирме в Атланте. Без опыта в политике, но мы следили за ним. У него была нужная нам точка зрения на многие вещи, послушное поведение и полное отсутствие этики — ключевые атрибуты кандидата. Если бы он прошел все наши тесты и соответствовал критериям, мы бы внедрились в его кабинет сенатора. Мы бы убедились, что он выиграет выборы, чтобы делать то, что нужно нам.

Член организации, которому было поручено нанять этого человека, уже с ним встречался, и тот согласился двигаться в соответствии с нашими планами. В его кабинет была отправлена памятка, с изложенными дальнейшими шагами во всем периоде процесса. Это было очень конфиденциально и никогда не должно было быть замечено кем-либо, кроме адвоката. Но однажды его секретарша просматривала почту и случайно увидела записку. Когда мы узнали об этом, поступило задание: убить секретаря. Мне приказали это сделать. И я выполнил приказ. Пришлось. У меня не было выбора. Но не своими руками. Я заплатил наемнику.

Получив задание, я также получил папку с информацией об этой женщине. Ее звали Шерил. Мне дали ее фотографии, которые я передал фрилансеру, чтобы убедиться, что он выберет правильную женщину. Но после просмотра этих фотографий мне показалось, что я знаю ее. Ужасно знать, что с ней произойдет. Она не сделала ничего плохого. Она просто невинная жертва.

Прежде чем Шерил убили, я пытался остановить наемника. Я не мог принять тот факт, что отправил женщину на смерть. Но было слишком поздно. Работа сделана.

Позже на той неделе я искал больше информации о женщине и узнал, что она замужем и у нее есть сын-подросток. Я был опустошен и сломался. Не мог поверить в то, что сделал. Уничтожил целую семью. Это преследовало меня день и ночь в течение месяца. Я едва спал от огромного чувства вины. И она все еще со мной.

Два моих других задания также касались убийства людей, но они были из наших подручных, которые вздумали угрожать, что раскроют миру наши секреты. Один из мужчин отбывал срок за убийство второй степени, а другой — за сексуальное насилие. Я не чувствовал себя плохо, избавляясь от них, но они все еще были живыми людьми. Из-за меня оборвались две жизни.

Опять же, сам я их не убивал, снова обратился к чистильщикам. Но иногда это не вариант. Если наемник не выполняет задание, оно ложится на ваши плечи. Организация считает, что это ваше наказание за неэффективное управление персоналом. Задание выполняете вы, даже если это убийство. В прошлом, некоторые из участников группы не смогли этого сделать, и были наказаны. Остальные смотрели свысока и насмеялись, что те недостаточно сильны или недостаточно амбициозны.

Мой отец хотел убедиться, что со мной такого не произойдет, поэтому решил подготовить меня к любому заданию еще в молодом возрасте. Мне было девятнадцать, и я приехал домой на летние каникулы. В то время я уже работал в «Кенсингтон Кемикал», как меня заставляли каждое лето с шестнадцати лет.

Однажды в июле мой отец послал меня в Хартфорд, чтобы доставить посылку одному из наших клиентов. Я спросил, почему мы не можем просто отправить ее, как мы обычно поступаем со всеми остальными пакетами. Он сказал, что там конфиденциальная информация, и он не может рисковать потерять ее на почте.

Офис клиента находился в криминальном районе города, в окружении старых заброшенных складов. Отец велел взять пистолет, на случай, если у меня возникнут неприятности. Меня обучили пользоваться оружием еще в детстве, мотивируя тем,

что у отца было много врагов, способных похитить ребенка в целях шантажа.

Когда я добрался до здания, то пошел к заднему погрузочному доку, где должен был встретиться с клиентом и передать ему пакет. Но там никого не было. Шесть часов вечера, погрузочный док закрыт, а дверь в здание заперта. Я развернулся, чтобы вернуться к своей машине и увидел мужчину, стоящего примерно в десяти футах от меня. С направленным в мою сторону пистолетом. Ему на вид было около тридцати, одет в джинсы и черную футболку. Испачканное грязью лицо и торчащие в разные стороны светлые волосы. Глаза налиты кровью, и весь какой-то дерганый. Я предположил, что он под кайфом.

— Дай мне свой бумажник, — прохрипел мужчина.

Я медленно потянулся к заднему карману. В отличие от незнакомца, я был в костюме. Черные брюки и пиджак, белая рубашка и серый шелковый галстук. Мой отец купил мне галстук и отдал его буквально накануне. Он никогда не дарил мне подарки, так что это меня чертовски удивило, но я молча его принял.

Я взял бумажник и протянул его мужчине.

— Брось на землю, — приказал он.

Я нарочно бросил как можно дальше. Пока он наблюдал, как тот падает мимо него, я вытащил пистолет, закрепленный на моем поясе и спрятанный под пиджаком. Когда мужчина снова посмотрел на меня, я держал оружие, наставив прямо в ему лицо.

— Вот дерьмо! — выругался он, когда увидел пистолет. Начал трястись, все еще держа свой пистолет в руке.

— Пошел вон! — Я закричал на него. — Убирайся отсюда!

Отрицательное покачивание головы.

— Я не могу. Я обещал.

— Что обещал?

— Если я этого не сделаю, он убьет ее.

В его словах не было смысла, видимо мужик был напичкан под завязку. Может у него галлюцинации, или он параноик, которому мерещится всякая хрень. Но слова «он убьет ее» почему-то застряли у меня в голове.

Мое сердце сильно и быстро колотилось в груди, адреналин струился по венам, по лбу стекал пот. Я заставил себя дышать в нормальном темпе, чтобы держать пистолет уверенно, как меня учили.

— Кто собирается ее убить? — Я обращаюсь к нему. — О ком ты говоришь?

Он молчит. Стоит, как вкопанный, судорожно сжимая оружие.

— Просто возьми бумажник и убирайся! — Я снова заорал на него.

— Я не могу. Я должен это сделать. — Он поднял пистолет, все еще направленный прямо на меня. И потом, как тогда, когда я смотрел, как мой отец стрелял в того бездомного, время, казалось, замедлилось. Я видел, как палец мужчины давит на спусковой крючок, и из чистого инстинкта самосохранения я сделал то же самое, стреляя прямо в его грудь.

Он споткнулся и упал на землю. Но я остался стоять. Быстро оглядел свою рубашку. Ничего. Даже следов крови нет. Как он мог промахнуться всего в нескольких футах?

Пару минут спустя я услышал, как подъехала машина. Я подумал, что кто-то мог услышать выстрелы и вызвал полицию. Но когда обернулся, то увидел, что это не копы. Это был черный лимузин. Водитель вышел, обошел его стороной и открыл дверь. Появился мой отец и подошел ко мне.

— Поздравляю, сынок. Ты, наконец-то, сделал что-то правильно.

На его лице широкая улыбка. Это настораживает. Он никогда не улыбается.

— О чем ты говоришь?

— Мы обсудим это в лимузине. Нам надо уходить отсюда.

— Что насчет моей машины?

— За ней приедут и отгонят обратно к офису.

Я пытался осознать, что только что произошло. Мужчина на земле не двигался. Он был мертв. Я убил человека. Я лишил его жизни. Но мне пришлось. Это была самооборона. Один из нас должен был умереть.

Я поставил свой пистолет на предохранитель и засунул обратно за пояс. Подходя к лимузину, притормозил, глядя на еще одну подъехавшую машину.

— Пирс, — крикнул мне отец из лимузина. — Садись. Мы уезжаем.

Я сделал, как он велел, и пока мы отъезжали, наблюдал, как двое мужчин, одетых в черное, поднимали с земли тело. Затем лимузин свернул, и что было дальше, я не знаю.

— Что только что произошло? — Я обратился к отцу.

Он открыл бар в лимузине и налил себе скотч.

— Ты прошел тест.

Я не знал, о чем он говорил, но понял, что это плохо. Во рту появился кислый привкус, и я тяжело сглотнул.

Отец указал на бутылку виски.

— Выпить не хочешь?

— Какой тест?

— Чтобы убедиться, способен ли ты выполнять возложенные на тебя обязанности.

— Обязанности? Кем?

— Организацией, Пирс.

Когда он произнес ее название, я вспомнил тот день три года назад, когда на моих глазах, отец убил бездомного в переулке. В тот день он рассказал мне об организации. Я пытался стереть эти воспоминания из своей памяти и притворялся, что отец солгал мне. Но это была жестокая правда. Я скоро стану ее членом и буду вынужден делать то, что не хотел.

Но я все еще не мог понять, что происходит. Я еще раз попросил отца объяснить, что именно произошло за погрузочным доком.

— Откуда ты знал, что этот человек будет там, когда я приеду?

— Его нанял я. — Мой отец медленно цедит скотч, равнодушно поглядывая в окно.

— Ты нанял его, чтобы он меня застрелил?

— Да, но он бы не убил тебя. Холостые патроны, хотя парень был не в курсе.

— Это все было подставой?

— Верно. И все прошло, как планировалось.

— Ты утверждаешь, что хотел, чтобы я убил его?

— Ты должен знать, каково это, лишиться человека жизни. Теперь ты будешь готов, когда снова придется убить.

— Снова? Я только что это сделал!

— Технически, да, но, когда ты получишь задание, оно будет немного другим. Преднамеренным. Тебе придется все спланировать. И если ты не постарайся все сделать правильно, тебе придется взять на себя ответственность и довести дело до конца. Только в следующий раз, патроны не будут холостыми. Ты не можешь колебаться, Пирс. Ты просто должен стрелять. Надеюсь, теперь, когда ты узнал вкус крови, ты не будешь вести себя, как кисейная барышня.

— Он сказал, что должен застрелить меня или что-то случится с ней. Что он имел в виду?

— Если бы он не выстрелил в тебя, его девушка умерла бы в страшных муках.

— Но он меня не убил, и ты все равно ее не отпустишь?

— Нет нужды. Это просто стимул, чтобы убедиться, что он выполнит свою работу.

Теперь поговорим о миссиях, что и является причиной теста.

Он продолжал объяснять, как все работает и какое за невыполнение приказов следует наказание. В довершение ко всему, в таком случае, честь нашей семьи окажется покрыта позором.

— Я не могу рисковать, чтобы ты запятнал нашу фамилию, — предупредил меня отец. — Ты слаб, Пирс. И всегда был таким, не смотря на все мои усилия сделать тебя сильным. Я виню в этом твою мать. Она постоянно твердила, что мне надо перестать на тебя давить слишком сильно. Но с меня довольно. Ты взрослый мужчина, и к тебе нужно относиться соответствующе. Ты должен принять свои обязанности и сделать так, чтобы твоя семья тобой гордилась.

Он продолжал говорить и говорить, но я не мог ему ничего ответить. Я был слишком шокирован. Я только что убил человека без какой-либо причины, кроме той, что мой отец хотел преподать мне еще один из своих уроков. На этот раз, как совершить убийство.

Я пытаюсь забыть тот день. Стереть его из моей памяти. Но это невозможно. И всякий раз, когда я получаю уведомление о задании, воспоминание возвращается вместе со всеми остальными. Такими, как то, когда я организовал убийство той секретарши. Я никогда не прощу себя за это или за любую другую смерть, виновником которой был или стану. Постоянно говорю себе, что это не я забрал их жизни. Что это была та сторона меня, которую создал мой отец. Темная сторона. Не настоящий я.

Получив задание, я покидаю офис и возвращаюсь в свой лофт. Тупо сижу на диване, уставившись на пустой экран телевизора, гадая, что они собираются заставить меня сделать.

Я не хочу здесь находиться. Здесь слишком тихо. Слишком пусто. Слишком темно. Мне нужно отсюда выбраться. Мне нужно увидеть Рэйчел. Рядом с ней мне становится легче. Я чувствую, что мир вокруг меня не такой мрачный.

Или одинокий.

Или безнадёжный.

ГЛАВА 16 РЭЙЧЕЛ

Снова раздается стук в дверь. Выключаю телевизор, мельком взглянув на настенные часы. Уже почти десять, и я боюсь открывать так поздно. Я не слышала, как Шелби вернулась домой, так что это не может быть она.

Стук повторяется. Я иду к двери, смотрю в глазок, и вижу, что пришел Пирс. Что он здесь делает? И почему он предварительно не позвонил? Учитывая, насколько он повернут на хороших манерах, кажется странным, что он не позвонил, прежде чем прийти так поздно.

Я все еще расстроена из-за того, как он вел себя сегодня утром, но, когда открываю дверь, не могу не улыбнуться. Он в джинсах и черной рубашке-поло, которую я для него выбрала. Одежда хорошо на нем сидит. Действительно очень хорошо. Его широкие плечи натягивают ткань рубашки, и манжеты на рукавах подчеркивают мускулистые руки. Ему нужно реже носить костюмы и хвастаться своим телом.

— Здравствуй, Рэйчел, — его тон слишком официален.

— Привет, Пирс, — я отвечаю ему с такой же интонацией.

Спохватившись, прихожу в себя от одержимости его телом. Зачем он пришел так поздно? Снова заняться сексом? Конечно, тот был потрясающий, и я не против повторить, но не могу. Нужно притормозить и немного отвлечься от желания накинуться друга на друга. Так что, если он пришел сюда за сексом на сон грядущий, он его не получит.

— Мне жаль, что я без приглашения, но мне нужно было вернуть тебе это. — Он вручает мне сумку с вазой, купленной в ювелирном магазине. — И это. — Пирс что-то прячет у себя за спиной, но через секунду в его руке появляется дюжина желтых тюльпанов.

— Спасибо тебе. Они прекрасны. Заходи.

Он входит внутрь.

— Если ты занята, я могу уйти. Нельзя было приходить, не позвонив.

Пирс все еще использует деловой тон. Вчера вечером и сегодня утром его речь была более естественной, но сегодня вечером он снова вернулся к официозу, и я не знаю почему.

— Я не занята, просто смотрела телевизор. — Достаю вазу из коробки и ставлю ее в раковину, наполняя водой. — Не нужно было больше мне дарить цветы.

— Я хотел принести тебе твои любимые. Но не знаю, какой цвет тебе нравится. А желтый напомнил о платье, в котором ты была, когда я впервые тебя встретил.

Я удивлена, что он запомнил такую мелочь.

— Я люблю желтый, но мне нравятся и другие цвета. — Опустив тюльпаны в воду, ставлю вазу на кухонном столе, рядом с розами.

Адам никогда не дарил мне цветы, считая, что это пустая трата денег. Вместо этого он покупал мне растения в горшках, которые, по его словам, были более практичными. Но для меня они стали работой, потому что приходилось постоянно за ними ухаживать.

— Хочешь присесть? — Я подтолкнула его к дивану.

— Я думал, может, сходим на другой фильм. — Пирс указывает на себя. — Я даже оделся для похода в кино.

— Я вижу. Выглядишь замечательно.

Я мягко улыбаюсь, когда хвалю его, но он не улыбается. Я даже не уверена, что он меня услышал. Кажется, он немного не в себе. Его глаза прикрыты, а плечи скорбно опущены. Пирс выглядит истощенным. Его, должно быть, измотала работа, потому что сегодня утром он был полон энергии.

— Уже поздно, — говорю я ему. — Давай останемся здесь и посмотрим телевизор.

Он молча кивает, и мы садимся на диван. Пирс не такой ласковый, как обычно. Он даже не поцеловал меня. Что-то не так. Кажется, что он очень далек от меня и выглядит грустным. Или в депрессии.

Ничего не говоря, я обнимаю его, крепко, опуская голову на плечо. Он медленно обнимает меня, целует в макушку, а потом делает глубокий вдох.

Что-то определенно не так. Он совершенно другой, не такой, как раньше. Он был немногословным в машине этим утром, но теперь он больше, чем просто молчалив. Он чем-то расстроен.

— Я не знаю, что я здесь делаю, — Пирс сказал это так тихо, будто разговаривал сам с собой.

Я нахожу пульт и выключаю телевизор.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не мог находиться в своей квартире, и я не хочу...

— Чего ты не хочешь?

— Неважно. Мне просто нужно было тебя увидеть.

Я тоже хотела его увидеть, но не для того, чтобы переспать.

— Пирс. — Я жду, пока он посмотрит на меня. — Мне нужно знать, что произошло сегодня утром. То, как ты ушел, выглядело так, будто ты просто меня использовал.

— Нет. — Пирс поворачивается ко мне и берет за руку. — Рэйчел, я бы никогда так не поступил. Сегодняшнее не имело к тебе никакого отношения. Я просто разозлился, что меня вызвали в офис в воскресенье. Надеялся провести день с тобой, и вместо этого мне пришлось весь день изучать контракты.

— Ну, в следующий раз тебе нужно хотя бы попрощаться. И поцелуй не помешал бы.

— Ты права. Я очень сожалею об этом. — Он касается моей щеки и, наклонившись, мягко и нежно целует меня в губы. — Это за утро.

Я улыбаюсь.

— Только что ты тоже не поцеловал меня.

Его ладонь до сих пор покоится на моей щеке, как он целует меня снова, немного дольше, чем в прошлый раз.

— Здравствуй, Рэйчел. — Я чувствую его теплое дыхание над моими губами.

— Привет, — говорю я, пытаюсь держать под контролем тело, уговаривающее мой разум, что сорвать с Пирса одежду прямо сейчас — отличная идея.

— Есть еще причины, по которым я забыл тебя поцеловать? — спрашивает он своим глубоким сексуальным голосом.

— Не думаю. — Я смотрю в его серебристо-голубые глаза, затем путешествую взглядом к низу челюсти, покрытой плотным слоем щетины. Черт, он горячий. Сопrotивляться ему будет очень трудно.

— Тогда могу я поцеловать тебя просто так? — Пирс подвергает пыткам остатки моего самообладания.

— Полагаю, это было бы неплохо.

Он целует меня снова. На этот раз поцелуй глубокий, обжигающий, который заставляет мое тело желать повторения прошлой ночи. И сегодняшнего утра. Но я не могу.

Я мягко отталкиваю его. — Пирс, нам нужно притормозить. Я не говорю, что прошлая ночь была ошибкой. Это было здорово, но я обычно не перехожу к близости так быстро. Мне нравится узнавать кого-то получше, прежде чем мы оказываемся в постели.

Он мягко кивает.

— Окей.

Что? Я думала, он будет настаивать, продолжит меня целовать, а потом мы окажемся голые в спальне. Вероятно, он привык заниматься сексом сразу же после знакомства. Может даже на первом свидании.

— У нас все хорошо? — Я с опаской интересуюсь. — Мы просто продолжим встречаться?

Уголки его губ приподнимаются в улыбке.

— Мы должны. У тебя много планов на меня, и я согласился принять в них участие.

— Да, это так. Когда мы снова увидимся?

— Я не знаю. Мой рабочий график очень непредсказуем. Я позвоню тебе и дам знать. — Он вдруг на секунду заминается и продолжает: — Но даже когда у меня не будет времени сходить с тобой на официальное свидание, не возражаешь, если я просто приду? Может, пару ночей в неделю после работы? — Пирс смотрит на мои пальцы и мягко потирает. — Мне нравится быть с тобой.

— Конечно, ты можешь прийти.

Он поднимает голову, немного улыбаясь.

— В следующий раз обещаю позвонить.

— Это было бы очень хорошо. — Я смеюсь, когда оглядываю себя. Розовые спортивные штаны и белая футболка — мой домашний наряд. — У меня будет немного времени, чтобы подготовиться. Сейчас я немного не в форме. Даже не накрашена. — Мои волосы тоже в беспорядке. Я провожу пальцами по хвостику, пытаюсь его выпрямить.

Пирс придерживает мой подбородок, его глаза двигаются по моему лицу.

— Тебе не нужно ничего делать. Ты прекрасна.

Я смущенно отворачиваюсь.

— Мне кажется, ты более привык к женщинам, которые...

— Нет. — Отрицательно покачивание головы. — Ни одна другая женщина с тобой не сравнится. — Следом раздаётся недоверчивый смешок. — Для меня удивительно, что ты этого не знаешь.

— Спасибо тебе. — Я снова отворачиваюсь, чувствуя, как начинают гореть щеки. — Это очень мило с твоей стороны.

Пирс молчит. Его рука медленно падает, глаза тускнеют, и он сидит на диване с таким видом, как будто что-то вдруг вспомнил и мысленно в другом месте. Что с ним сегодня происходит? Он сам на себя не похож. Как будто на него что-то давит, вызывая стресс. Хотела бы я, чтобы он сказал мне, что не так, может, я смогу ему помочь.

— Пирс. — Я касаюсь его руки, отвлекая от размышлений. — Ты в порядке?

Он удивленно смотрит на меня. Это странно. Никто никогда не спрашивал его об этом?

— Трудный день на работе. — Пытается выдавить улыбку, но я могу с уверенностью сказать, она вынужденная. — Но теперь я в порядке.

— Ты ужинал?

— Нет. Я не чувствовал голода.

Как он мог не поужинать? Ему надо много есть, чтобы подпитывать энергией свое тело.

— Я бы предложила тебе сделать что-нибудь, но сомневаюсь, что ты захочешь есть консервированный тунец или макароны с сыром. Как насчет мороженого? Я готовлю действительно хорошее мороженое.

— Я не ем мороженое.

— Не ешь? Почему?

— Я уже взрослый, а оно для детей.

— Чепуха. Мороженое подходит для всех возрастов.

— Возможно. Но в моей семье его разрешали только в детстве на дни рождения. И после десятилетнего возраста наложили вето.

— Тогда это еще одно новшество, чтобы сегодня попробовать. Полакомиться мороженым. — Я иду на кухню и вытаскиваю коробку из морозильника. — Хочешь, добавлю дробленое печенье? Я так обычно ем.

— Рэйчел, я не нуждаюсь в мороженом.

— Никто не нуждается. Его просто желают. Мы пропустим печенье и будем есть мороженое.

Я раскладываю сладкую массу в миски и приношу с собой на диван. Одну передаю Пирсу.

— Это шоколадное.

Он пробует одну ложку.

— Хм. Да, я помню, как ел его в детстве. Очень вкусно.

Еще пару ложек, и вскоре Пирс опустошает все содержимое миски, в то время как я съела только половину своей.

— Я принесу тебе еще немного.

Он не говорит мне «нет», поэтому я кладу в его миску еще одну порцию. Он съедает ее также быстро, как и первую, а я за это время заканчиваю свою.

— Я думаю, тебе нравится мороженое, — говорю с улыбкой.

— Я тоже так думаю.

Убираю наши тарелки в раковину. Оглянувшись, вижу, что Пирс потирает виски. Он выглядит таким измученным.

— Не хочешь пойти прилечь? Ты выглядишь очень уставшим.

Он неожиданно встает.

— Я должен идти. Утром у тебя занятия.

Теперь, когда он здесь, я не хочу, чтобы он уходил. Мне нравится, видеть Пирса в своей квартире, и когда его нет рядом, я безумно скучаю по нему. И мне будет лучше, если он останется. После того, как ко мне пришел Джек Элит без приглашения, и в особенности после комментария моей мамы о том, что район небезопасный, я не чувствую себя сегодня спокойно в одиночестве. И не думаю, что и Пирс должен быть один. Что-то беспокоит его, и это беспокоит меня. Он говорит, что в порядке, но я могу сказать, что это не так.

— Ты можешь остаться.

Пирс выглядит удивленным.

— Остаться, в смысле на ночь?

— Да, но только чтобы поспать. Ничего более.

Кого я обманываю? Мы вдвоем в одной постели? С влечением, что мы испытываем друг к другу? Но я действительно хочу, чтобы он остался здесь, так что придется проявлять сдержанность, когда мы ляжем спать.

— У меня с собой ничего нет. — Он разводит руками в стороны.

— В смысле?

— Что-нибудь, в чем можно было спать.

— Просто спи в своих боксерах.

Пирс смотрит на меня, как на сумасшедшую. Он точно думает о том же, что и я. Что мы не сможем себя контролировать. Не после того, что мы делали прошлой ночью и этим утром.

— Я не знаю, Рэйчел. Возможно, это не самая лучшая идея.

— Мне будет спокойнее, если ты останешься. Шелби нет дома, и я не хочу быть сегодня одна. Ты останешься? Пожалуйста?

Его губы дрогнули в улыбке.

— Конечно.

Я веду его в свою комнату, чтобы подготовиться ко сну. Переодеваюсь в пижамные штаны и футболку, пока он раздевается до боксеров. Пялюсь на его голую грудь, неосознанно придвинувшись ближе. Скольжу взглядом вниз, и с огромным усилием зажмуриваюсь, прежде чем опускаюсь глазами еще ниже, к его бедрам. О чем я думала? Я не могу находиться в одной постели с ним!

— Ты собираешься ложиться? — интересуется Пирс.

Он уже лежит, а я стою рядом, как истукан.

— Д-да. — Юркнув в постель, торопливо накрываюсь одеялом. Мы лежим лицом друг к другу, сквозь жалюзи просачивается свет от уличных фонарей. Я заметила, сейчас Пирс не так уж и сильно хочет спать. Я тоже.

— Итак. Тяжелый день? — Я пытаюсь отвлечь себя разговором, чтобы не думать о том, что мы действительно хотим сделать.

— Можно сказать и так. — Наши тела не соприкасаются, но его рука скользит по моей ладони, нежно лаская.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Не совсем.

— Чем раньше ты расскажешь мне о себе, тем быстрее я тебя узнаю, и мы сможем... ну, ты знаешь.

Пирс негромко смеется.

— Тогда вперед. Спроси меня, о чем хочешь. Я постараюсь утолить твоё любопытство.

— Тебе нравится твоя работа?

— Нет.

— Почему?

— Меня не интересует химическая промышленность. Я бы предпочел создать собственную компанию и построить ее с нуля.

— И чем бы ты занимался?

— Не знаю. Я никогда не позволял себе думать об этом, потому что это не вариант. Я единственный ребенок, и кроме меня некому занять должность генерального директора, когда мой отец уйдет на пенсию.

— Он может нанять кого-то другого.

— Даже не обсуждается. Мой отец никогда этого не допустит. Он хочет сохранить бизнес в семье.

— Ты ладишь со своим отцом?

— Следующий вопрос.

Его тон стал жестким и немного сердитым. Я же пытаюсь заставить его расслабиться, поэтому больше не задаю вопросов об отце.

— Что насчет твоей мамы?

— Мы обычно ладим. Но общаемся редко, поэтому нет возможности спорить или ругаться. Ты ладишь со своими родителями?

— Я люблю своих родителей больше всего на свете, но у них пунктик — они все еще считают меня маленькой девочкой, и из-за этого возникают ожесточенные споры. Мой отец немногословен, но мама постоянно твердит, что знает, что для меня лучше. Она всегда указывает мне, что делать. И не понимает, что жизнь, которую она запланировала для меня, это то, чего хочет она, а не я.

— Чего именно?

— Вернуться в Индиану. Жить с ней и отцом в одном городе. Выйти замуж и купить дом по соседству. У нее целый список того, что я обязана делать. Сегодня она сказала мне, что приезжал мой бывший парень. Мы из одного города, и он нравится моей маме. Она даже дала ему мой номер телефона. Я не разговаривала с ним больше года, но мне показалось, что она уже свадьбу начала планировать.

— Как долго ты с ним встречалась?

— Около года. Мы учились в одном колледже и начали встречаться на последнем году обучения. Он сделал мне предложение прямо перед выпуском.

Черт, я не должна была ему этого говорить. Потому что рассказ Пирсу об Адаме приведет к тому, что я вынуждена буду сказать о том, что не могу иметь детей. А я не готова к подобным признаниям.

— Значит, он был не просто твоим парнем, — подытоживает Пирс. — Он был твоим женихом.

— Да, но мы были помолвлены недолго.

— Могу я спросить, почему ты разорвала помолвку?

— Не я, а он. — Зажмуриваюсь, ощущая горький привкус разочарования. Об этом я тоже не хотела ему рассказывать. Если я продолжу, то дойду до того, что не могу иметь детей. Часть меня хочет признаться. Узнать, собирается ли Пирс остаться после того, как я скажу ему. Потому что, если он этого не сделает, мы должны покончить с нами прямо сейчас.

— Как этот парень мог упустить шанс на тебе жениться?

Я резко открываю глаза и вижу, как Пирс мне улыбается. Я не знаю, что значит его вопрос. Он просто пытается быть хорошим? Или так заявляет о каких-то своих чувствах ко мне?

— Так получилось, — отвечаю я, пытаюсь уйти от темы.

— Ты предпочла бы не говорить об этом?

— Не сегодня. Может, в другой раз.

Мы оба некоторое время молчим, но потом Пирс неожиданно спрашивает:

— Возвращаясь к твоей матери, что ты ей отвечаешь, когда она попытается контролировать твою жизнь?

— Не многое. Обычно я просто молчу и позволяю ей говорить. — Выдохнув, я продолжаю. — Дело в том, что в разговоре с матерью, у меня возникает ощущение, что противостоять ей бессмысленно. Каждый раз, когда пытаюсь, она обижается, плачет, и утверждает, что просто старается быть хорошей матерью и помочь своей дочери.

— И у тебя появляется чувство вины.

— В точку. И я точно знаю, что она делает, но просто позволяю, потому что смириться с ней легче, чем бороться. Плюс, я чувствую, как ей плохо. Она едва пережила потерю моей сестры, вот почему так заботится обо мне. Она не хочет потерять и меня. Но то, что мама не понимает, так это то, что, будучи слишком заботливой, она меня отталкивает. — Я задыхаюсь и вынуждена сделать непродолжительную паузу. — Но, честно говоря, я люблю ее. И своего отца. Помимо чрезмерной опеки, они отличные родители. И они оба действительно хорошие люди. Всегда придут на помощь любому, кому это нужно. Даже незнакомым людям.

— Мой отец тоже пытается контролировать меня, — признается Пирс. — Но он намного хуже твоей матери. И он не хороший человек. Больше про него я ничего не скажу.

Я чувствую, как он напрягается, его рука сжимает мою. Решаю быстренько сменить тему, найдя более легкую и непринужденную.

— Какой твой любимый цвет?

— Синий. — Я замечаю, как у него появляется слабое подобие улыбки. — Как цвет твоих глаз.

— Любимая группа?

— В основном слушаю классическую музыку.

— Любимое блюдо?

— Я думаю, после сегодняшнего вечера я должен сказать мороженое.

— Любимая книга?

— Искусство войны.

— Серьезно? Не так уж и захватывающе ее читать.

— Я не читаю художественную литературу. Какая твоя любимая книга?

— Мне нравятся много разных книг, обычно исторические, учитывая мою к ней любовь. «Маленькие женщины»⁹ — одна из моих любимых.

— А какой твой любимый цвет?

— Синий. Но у меня есть фавориты, меняющиеся в зависимости от сезона. Осенью я люблю оранжевый. Оранжевые листья. Оранжевые тыквы. Хорошо, теперь моя очередь задавать вопрос. Какое твое любимое место из тех, где ты побывал?

— Италия. Мне нравятся небольшие деревни вдоль побережья Средиземного моря. Прекрасный район. Вкусная еда, дружелюбные люди. И никто не знает, кто я. Я мог ходить по улицам, не беспокоясь, что меня узнают.

— Здесь такое часто происходит?

Пирс говорил мне, что его семья хорошо известна, но я не знала, насколько. Я не слышала о нем, пока не прочитала плакат, рекламирующий серию лекций.

— К сожалению, это происходит чаще, чем хотелось бы. Меня постоянно узнают на восточном побережье. В других местах проще. Конечно, в химической промышленности все знают, кто я, а мой отец хорошо известен в финансовом мире, поэтому большинство в курсе, кто я.

— Ты много путешествуешь?

— Сейчас нет. Раньше часто путешествовал во время каникул в колледже, в основном, чтобы мне не пришлось возвращаться домой. — Его голос понижается, комментарий об отце говорит мне, что он не ладит со своей семьей. Настолько, что ему даже не нравится находиться рядом с ними. Там есть история, но я не собираюсь его спрашивать. Понятно, что он не захочет об этом говорить.

Я задаю следующий вопрос, не зная, какова будет реакция:

— Ты когда-нибудь был женат?

— Да, — говорит он просто. — Мне было двадцать два года. Моя супружеская жизнь длилась год.

— Какой она была? Твоя жена?

— Тихая. Спокойная. В основном сидела дома и читала книги.

— Где ты с ней познакомился?

Пирс отпускает мою руку.

— На вечеринке в доме ее родителей.

— Как долго ты с ней встречался?

Он печально вздыхает.

— Почему ты спрашиваешь об этом? Ты уже знала, что я был женат. Пытаешься меня проверить, скажу ли я тебе правду?

Пирс злится. И он прав. Это был тест, и я не знаю, почему я начала задавать вопросы о его браке. Мне кажется, я не доверяю ему так сильно, как думала.

— Прости меня, Пирс. Я спросила только потому, что не могла понять, почему ты не сказал мне, что был женат. Это вроде как важно, когда пытаешься ближе узнать кого-нибудь.

Он молчит, потом говорит:

— Это был брак по договоренности. Все устроили наши родители. Обычная практика среди богатых семей.

В его представлении все звучит так обыденно. Ничего страшного или удивительного. Просто факт.

— Я знаю, подобное часто бывало раньше, но теперь это кажется старомодным и никому не нужным.

— Для таких семей, как моя, это традиция. И не так уж и необычно. Обычная прак-

тика во многих частях мира. — Он снова берет меня за руку. — Я не хочу больше об этом говорить. Следующий вопрос.

— Пирс, это то, о чем мы должны поговорить. Если тебя однажды заставят жениться по договоренности, тогда почему мы встречаемся? Не то, чтобы я надеялась, что мы когда-нибудь поженимся, но ... — я заставляю себя остановиться. Я собиралась сказать, что процесс узнавания друг друга, как правило, используется, чтобы выяснить, видите ли вы себя вместе в будущем. Но, возможно, Пирс так не считает. Может, он просто хочет поразвлечься со мной несколько недель, а потом найти мне замену. Я не думаю, что он такой, но не совсем уверена.

— Я не буду делать этого снова, — решительно и твёрдо говорит он.

— Не делать чего?

— Жениться по договоренности.

— У тебя есть выбор?

— Обычно нет, но традиции должны же когда-нибудь кануть в лету, и я уже выполнил свое обязательство перед семьей. С меня довольно. Ты можешь задать мне другой вопрос?

Его напряженность опять возрастает. Мне нужно его успокоить.

— У тебя были домашние животные?

— Нет. А у тебя?

— Я выросла на ферме. У меня были всевозможные животные. Собаки, кошки, куры, свиньи. Ну, мы ели кур и свиней, но они были для меня домашними, пока не исчезали.

Он негромко смеется.

— Это довольно жестоко.

— Наверное. Но это урок, который ты должен усвоить, как фермер. Не становись друзьями с животными, которые в конечном итоге окажутся на твоей тарелке.

Пирс снова смеется.

— Предоставляю, как это выглядело.

— Ты когда-нибудь бывал на ферме?

— Нет. Никогда.

— Ты мало что упускаешь. Мне нравилось там, но я не вернусь к такой жизни. Ладно, следующий вопрос. Ты занимался спортом в школе?

— Футболом.

— Я должна была догадаться. Ты сложен как футболист.

Он скользит рукой по подолу моей футболки. Прижимает ладонь к моей коже, посылая сквозь меня волну дрожи.

— Ты уже достаточно знаешь обо мне?

— Нет. Но хорошая попытка.

— Этот запрет распространяется только на секс? Или любой вид физического контакта?

— Просто секс. Но я думаю, если мы начнем делать другие вещи, мы не сможем остановиться.

— Так я не могу поцеловать тебя?

— Ты можешь поцеловать меня.

Он наклоняется и целует меня только раз. Я возвращаю поцелуй, что приводит к тому, что Пирс снова меня целует. Еще и еще. Поцелуи продолжают, становясь все глубже, интимнее, тогда как его рука медленно движется по моей футболке.

— Это запрещено? — он спрашивает о моих губах, когда ласкает мою грудь.

— Нет, — шепчу я.

Пирс приподнимает мою футболку, и я сажусь на кровати, чтобы ему было удобнее раздеть меня. Ложусь обратно, и он наклоняется, его рот накрывает вершину мо-

ей груди, языком дразня сосок.

Я стону, умоляю о большем. Я не знаю, что делали мои бывшие парни, но они явно делали что-то не то, потому что я никогда не чувствовала себя так с ними.

Рука Пирса скользит по моим пижамным брюкам и забирается в мои трусики.

— Как насчет этого? — Я едва слышу, как он спрашивает. — Тоже запрещено?

Качаю головой.

— Нет.

Он продолжает ублажать меня рукой, пока я не умираю от нахлынувшего наслаждения. Откинувшись на подушку, медленно прихожу в себя, пока мое тело покачивается на теплых волнах блаженства.

Пирс ложится на спину и откидывает в сторону свою руку, приглашая меня лечь рядом с ним. Но я еще не готова. Я протягиваю руку, проводя кончиками пальцев по краю его боксеров, и слышу его прерывистое дыхание.

— Рэйчел, тебе не обязательно...

— Я хочу. — И я делаю то, что сделал для меня Пирс. Затем уютно устроившись в его объятьях, моментально засыпаю.

Утром я просыпаюсь и оказываюсь обернутой вокруг него, наши руки и ноги переплетены. Смотрю вверх, чтобы проверить, который час.

— Пирс. — Я подталкиваю его, чтобы разбудить. — Сейчас шесть. Во сколько тебе нужно быть на работе?

Он распахивает глаза.

— Прямо сейчас.

— Извини, я должна была завести будильник.

Повернувшись ко мне лицом, Пирс с нежностью улыбается.

— Спасибо, что позволила мне остаться.

Я тянусь рукой к его голой груди, нежно поглаживая.

— Ты не должен благодарить меня. Это я настояла, чтобы ты остался. И я рада, что ты так и поступил. Это была хорошая ночь. Я многое о тебе узнала.

Он целует меня.

— Но тебе все равно нужно знать больше?

Я смеюсь.

— О, да. Гораздо больше.

В мгновение оказываюсь прижатой к широкой груди Пирса, и его губы ласкают мою шею.

— Существует не так много больше, чтобы сказать.

— Я сомневаюсь в этом. — Чувствую его мускулистое тело подо мной, его теплую кожу. На нем только боксеры, и я чувствую его эрекцию между своих ног. Быть в таком положении слишком заманчиво.

Упираясь руками в его плечи, отодвигаюсь в сторону.

— Хочешь позавтракать? У меня есть хлопья и, кажется, молоко.

— Я отвезу тебя в магазин на этой неделе. У тебя никогда нет ничего толкового из еды.

— Ничего подобного, у меня масса еды.

— Твой холодильник пуст, и единственная еда, которая есть у тебя, — это макароны и сыр. Ты не можешь жить на одних макаронах с сыром.

— Я — живое доказательство, что могу и живу. Я ем их каждый день.

— Ну, не знаю. И если я собираюсь проводить здесь время, тебе нужно запастись холодильником побольше. И его содержимым. Я за все заплачу. Нужно много еды, чтобы меня прокормить.

Я целую его щеку.

— Я не знала, что ты планируешь частенько находиться в моей квартире.

Он садится на кровати.

— Я пробуду здесь столько, сколько ты позволишь.

Широко улыбаюсь.

— Тогда мне лучше действительно заpastись едой, потому что я хочу, чтобы ты приходил чаще. И, возможно, оставался на ночь.

— Я обязательно так и сделаю. — Пирс наклоняется и целует меня. — Таким образом, на том и решили. Я покупаю тебе продукты.

— Я составлю список, и мы пойдем по магазинам в следующий раз, когда ты придешь.

Я не хочу, чтобы он платил за мои продукты, но сейчас мне действительно нужна помощь. Я едва свожу концы с концами, и ни за что не попрошу у родителей денег.

— Мне нужно на работу. — Быстрый поцелуй, и Пирс вскакивает, начиная одеваться.

Когда он уже почти за входной дверью и готов уйти, он снова целует меня, на этот раз более долго, сексуальнее, затем говорит:

— До свидания, Рэйчел.

Когда уходит, я кричу ему вслед:

— На этот раз намного лучше!

Пирс уже спускается по лестнице. Я смеюсь, когда закрываю дверь.

Мой телефон звонит, и я иду на кухню, чтобы ответить.

— Алло.

— Привет, Рэйчел, это Лора.

Лора управляет приютом. Она обычно не звонит мне, поэтому я удивлена.

— Привет, Лора. Что случилось?

— Мы отменяем урок чтения в эту субботу, потому что ночью был прорыв в трубе, и вода лилась рекой. Много повреждений, ремонт и уборка займут, по крайней мере, неделю, чтобы привести все в порядок.

— Тебе нужна моя помощь?

— Нет, у нас есть уборщики. Я просто хотела, чтобы ты знала, в субботу занятий не будет. Мы перевели всех в другой приют, но там так многолюдно, что не стоило даже и пытаться читать в таком шуме.

— Хорошо, тогда, наверное, увидимся через неделю после субботы.

— Договорились. Буду держать тебя в курсе, вдруг ремонт затянется.

— Эй, я хотела сказать тебе, что вчера познакомилась с Джеком Эллитом.

— Кто такой Джек Эллит?

— Человек, финансирующий нашу программу грамотности.

— Никто не финансирует программу. Пожертвования идут в общий фонд, а потом распределяются.

— Он сказал, будто один из основных вкладчиков. И даже пообещал, что осмотрит соседнее здание, может, там можно будет организовать новые классы.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Рэйчел. Я никогда не слышала ни о ком по имени Джек Эллит. И видела список спонсоров. На самом деле, я встречала большинство из них на мероприятиях по сбору средств. Этот человек, должно быть, перепутал наш приют с другим.

— Да. Должно быть. Ладно, пока.

Она вешает трубку, и я тоже, моя рука дрожит. Кто был тот человек? И почему он придумал эту историю о финансировании? Сказал, что знает Лору. И он знал, что я волонтер в приюте. Знал, что я студент. Откуда он все это знает? Он за мной следит?

Я впустила его в свою квартиру. Ответила на его вопросы. Он теперь знает обо мне все. И знает, где я живу.

Что, если он вернется? Кто этот человек, и чего он от меня хочет?

ГЛАВА 17

ПИРС

К тому времени, пока я съездил домой и переоделся, а потом направился на работу, было уже 7:30. Намного позже, чем обычно. Мой отец ждал меня в моем кабинете.

— Ты опаздываешь, — сразу упрек, он даже не удосужился поздороваться. Смотрел в окно, но обернулся, когда услышал, как я вхожу.

— Я не опаздываю. Большинство работает с девяти, поэтому по традиционным стандартам я приезжаю рано.

Обычно я просто извиняюсь за опоздание, но сегодня мне хочется дать отпор. Разговор с Рэйчел прошлой ночью напомнил мне, насколько мой отец меня контролирует, не позволяя иметь какую-либо жизнь за пределами офиса. Дошло до того, что я стал молча сносить его издевки и приказы. Но прошлой ночью во мне что-то загорелось и велело драться.

— Это не работа с девяти до пяти, — говорит он. — Эта работа — твоя жизнь, и ты будешь здесь всякий раз, когда я скажу.

— Пока я выполняю свои обязанности, не имеет значения, когда я прихожу или ухожу. — Я иду мимо отца и сажусь за свой стол.

Он стоит рядом, смотрит на меня.

— Просто выполнять и делать все правильно — это две разные вещи. Твоя работа, в лучшем случае, удовлетворительна, вот почему ты должен приезжать раньше всех. Хотя бы для того, чтобы соответствовать уровню производительности, который я ожидаю.

— Если ты уверен, что я не соответствую твоим требованиям, уволь меня.

Я никогда раньше не говорил такого отцу, но миллион раз хотел.

Он фыркает.

— Ты пьян?

Я почти смеюсь, но сохраняю серьезное выражение лица.

— Нет, не пьян. Но у меня много дел, поэтому я был бы тебе признателен, если бы ты позволил мне приступить к работе.

— Ты будешь здесь завтра в шесть.

Я не отвечаю. Ему нравится, когда последнее слово остается за ним, так что я позволяю ему эту маленькую радость. Он разворачивается и выходит за дверь.

Боже, это было хорошо. Мало, но нескольких комментариев, брошенных прямо ему в лицо, было достаточно, чтобы дать мне заряд энергии. Немного передышки.

Я замечаю новую стопку контрактов на моем столе. Отец оставил, потому что знает, как сильно я ненавижу их изучать. Но сейчас мне все равно. Я все еще в хорошем настроении от того, что провел ночь с Рэйчел, и я собираюсь сохранить его до окончания рабочего дня.

Проверяю свой телефон и вижу, как мигает индикатор сообщения. Прослушиваю. Первое связано с работой, а второе — с Рэйчел. Я перезваниваю ей.

— Рэйчел, это Пирс.

— Привет. Извини, что беспокою тебя на работе, но мне нужен совет. Я не уверена, кого еще спросить. Шелби на работе, и я не хочу говорить об этом родителям, иначе они с ума сойдут.

— Рассказывай.

— Вчера ко мне пришел незнакомый мужчина. Он сказал, что жертвует деньги на программу ликвидации неграмотности в приюте для бездомных, в котором я работаю. Сказал, что зашел, потому что знакомится со всеми волонтерами. Он немолодой и казался нормальным, поэтому я его и впустила. Задавал мне вопросы, и сначала я подумала, что он просто пытается быть дружелюбным. Но когда он почти ничего не

спрашивал о самой программе грамотности, я заподозрила неладное.

Мне уже не нравится эта история. Она не имеет смысла. Финансовый спонсор не появится без приглашения в доме добровольца. Он мог легко встретить Рэйчел в приюте. И поскольку она не знает этого человека, ей не стоило впускать его в свою квартиру. Нужно быть осторожнее, слишком уж Рэйчел доверчива к людям.

Она продолжает:

— Затем, сегодня утром Лора, женщина, управляющая приютом, позвонила мне, чтобы предупредить о ремонтных работах, и я спросила ее об этом человеке. Она сказала, что он не спонсор. И она никогда о нем не слышала.

— Кто это был? Он назвал свое имя?

— Да. Он сказал, что его зовут Джек Эллит.

Я теряю самообладание, ощущая вспышку гнева. Какого черта Джек делал в квартире Рэйчел? Я знал, что не могу ему доверять. Я не могу доверять никому из них. Думал, что он другой, но он не из тех, кто будет следить за Рэйчел. Скорее всего, Джек следил за мной и увидел меня с ней.

— Что мне делать, Пирс? Мне позвонить в полицию?

— Нет. Если он не навредил тебе или ничего не украл, полиция ничего не сделает. Во сколько у тебя занятия?

— В десять и в час, а потом мне придется работать до пяти в музее.

— После работы я хочу, чтобы ты приехала в мою квартиру. Помнишь, как туда добраться?

— Да.

— Если меня не будет, Джордж тебя впустит. Я позвоню ему и предупрежу. И собери сумку, потому что ты останешься на ночь.

— Ты не думаешь, что дома я в безопасности? Думаешь, он что-нибудь предпримет?

— Я не уверен, но проверю и позабочусь о нем.

— Я не понимаю. Как ты это сделаешь?

— У меня команда экспертов по безопасности. Когда у кого-то столько денег, сколько есть у меня, он должен быть очень осторожными и нанимать отличную охрану. Я уверен, они смогут выяснить все об этом человеке. Но пока я не буду знать, что ты в безопасности, ты останешься со мной.

— Окей. Спасибо тебе. Я действительно ценю это.

— перезвони, если тебе что-нибудь понадобится.

Как только Рэйчел вешает трубку, я звоню Джеку. Отвечает его секретарь.

— Пирс Кенсингтон. Мне нужно поговорить с мистером Эллитом. Чрезвычайная ситуация.

— Он уехал по делам в Даллас рано утром и задержится там на весь день. Вернется завтра.

— Мне нужен номер, по которому я смогу с ним связаться.

— Я могу дать вам номер его отеля, но сомневаюсь, что вы дозвонитесь. Вы же знаете, как он...

Секретарь имеет в виду, что после встреч Джек проведет вечер, выпивая с клиентами, и напьется до полной потери сознания. Он никогда не услышит телефонный звонок.

— Когда он вернется, скажи ему, чтобы немедленно мне позвонил. Это срочно.

— Да, мистер Кенсингтон. Я прослежу, чтобы он получил сообщение.

— Спасибо.

Я думаю позвонить ему по мобильному, но они только для официальных дел «Дюнамис». Мне грозит суровое наказание, если они узнают, что я позвонил Джеку по телефону касательно чего-то, что не связано с организацией. И у Джека нет другого мо-

бильного телефона для личного использования. Ему не нравится быть в состоянии круглосуточного доступа. Я тоже не хочу слежки, поэтому и у меня нет личного мобильного телефона. Последнее, что мне нужно, еще один способ, чтобы мой отец мог меня контролировать.

Если Джек уехал из города, он не может навредить Рэйчел, но я все еще хочу, чтобы она осталась в моем лофте. Пока не узнаю, что он замышляет, я хочу, чтобы она была со мной, и я был уверен, что она в безопасности.

В остальное время балансирую на грани, беспокоясь о Рэйчел, и пытаюсь понять, почему Джек нанес ей визит. Он планирует причинить ей вред? Интересно, кто еще, кроме него, знает о моей связи с ней. Отец не в курсе, иначе он бы уже с утра орал, как полоумный. Надеюсь, только Джек знает. Но и это плохо. Я не хочу, чтобы другие в группе о ней узнали.

Будучи членами могущественного тайного общества, мы не должны заводить отношения вне нашей социальной сферы. Мы ограничены свиданиями с богатыми женщинами из влиятельных семей. В настоящее время нет правила, которое запрещает встречаться с кем-то вроде Рэйчел, потому что это не обязательно. Никто из других членов не заинтересован в свидании с кем-то из низшего социального класса. Они одержимы имиджем и статусом, и встречаться с нужной женщиной — часть этого.

Тем не менее, «Дюнамис» любит создавать правила, поэтому совсем недавно было обсуждение, чтобы создать запрет на встречи с женщинами, не одобренных вышестоящими членами. Но поскольку до сих пор это не было проблемой, он не был вынесен на голосование. Так что сейчас я не нарушаю никаких правил, общаясь с Рэйчел. Но если бы мой отец узнал, он бы убедился, чтобы это правило было введено в действие как можно скорее.

Я звоню в лофт в 5:30. Рэйчел там, но я не могу вернуться домой, потому что мой отец назначил встречу в шесть. После ее окончания он уходит на ужин с моей матерью. Будь иначе, он бы заставил меня остаться в офисе под его присмотром еще на несколько часов. Но с тех пор, как он ушел, я свободен.

Когда я возвращаюсь домой и выхожу из лифта, мгновенно улыбаюсь, когда вижу Рэйчел. Она на кухне, готовит ужин. Помещение наполнено восхитительным ароматом домашней еды. Это тепло и гостеприимно, и я чувствую, что начинаю расслабляться.

— Добро пожаловать домой. — Рэйчел подошла ко мне и обняла. — Я приготовила ужин. Надеюсь, все в порядке. Я заехала в магазине по дороге.

— Ты не должна этого делать.

Я держу ее в объятиях еще минутку. Она чувствует себя так хорошо. Успокаивает меня еще больше. Приятно возвращаться домой и видеть здесь кого-то, особенно, когда этот кто-то — Рэйчел. Я убеждаю себя, что мне нравится жить в одиночестве, но, честно говоря, это ложь. Мне одиноко и тоскливо. Я бы предпочел приходить каждый вечер туда, где меня ждут.

— Я приготовила запеченную курицу с картофельным пюре. — Рэйчел целует меня. — Надеюсь, тебе понравится.

— Спасибо. Пахнет очень вкусно.

— И я испекла свой знаменитый яблочный пирог на десерт. Ты можешь пойти переодеться. Ужин будет готов через несколько минут.

Иду в свою комнату и надеваю джинсы и футболку, выбранную для меня Рэйчел, когда мы ходили в торговый центр. Я привыкаю к джинсам, но еще не могу свыкнуться с мыслью, что могу носить футболку вне спортзала.

Когда выхожу из спальни, она инспектирует мою кухню, находя тарелки и столовое серебро, обычно редко используемое. Рэйчел в джинсах и темно-оранжевом сви-

тере, ее длинные темные волосы собраны в хвост. Я снова чувствую улыбку на своих губах. Я не улыбался сегодня на работе, но, когда вижу Рэйчел, это просто происходит.

— Все готово. — Она направляется к небольшому круглому столу прямо на кухне. Не могу вспомнить, что я когда-либо за ним сидел. Обычно обедаю на работе, поэтому и заказываю что-то в офис. Или вечером иду на ужин.

Рэйчел раскладывает наш ужин на тарелки. Сама еда выглядит как на фотографии в журнале. Я не знал, что она такой талантливый повар.

— У тебя нет сервировочных блюд, поэтому я просто разложила курицу и пюре на тарелки, — говорит она. — Проходи, садись.

Я придерживаю стул для нее.

— Ты первая.

Она садится, и я целую ее щеку.

— Еще раз спасибо за все это.

— Мне понравилось готовить. Приятно с кем-то ужинать. Когда Шелби дома, мы ужинаем вместе, но последнее время ее почти не бывает.

Я не спрашиваю, где Шелби, потому что не хочу, чтобы Рэйчел задавала вопросы. У Шелби, вероятно, достаточно трудное время, она пытается сохранить свой секрет от Рэйчел и всех остальных. У большинства сотрудников по этой причине не так уж и много друзей. Они не могут позволить себе заводить друзей и болтать обо всем на свете, потому что, если это произойдет, их друг будет в опасности. Вот почему я хочу, чтобы Рэйчел перестала дружить с Шелби. Это слишком рискованно. Быть со мной тоже риск, но я могу хранить секреты. Я не уверен, что Шелби может.

— Ну, что ты думаешь? — интересуется Рэйчел.

— Все прекрасно.

Я говорю так не просто из вежливости. Еда отличная. Курица сочная и ароматная, а картофель сливочный и мягкий.

— Ничего необычного, я выросла на такой еде.

— Она намного лучше, чем то, что я ел раньше.

— Итак, ты узнал что-нибудь о человеке, который приходил ко мне?

— Нет, я не смог, весь день был на совещаниях. Но завтра обязательно этим займусь. Ты планируешь остаться здесь сегодня, да?

— Да. Моя сумка там. — Она указывает на маленький чемодан возле дивана.

— Ты немного принесла с собой.

— Это всего на одну ночь.

— Я думаю, ты должна остаться и завтра вечером. Или столько, сколько потребуется, чтобы выяснить, кто и зачем приходил к тебе.

— Спасибо за предложение, но я не могу здесь оставаться надолго. Тебе есть чем заняться, и мне тоже.

— Если ты не останешься у меня, я буду вынужден остаться у тебя. Я не могу оставить тебя одну ночью. Это слишком опасно.

Рэйчел улыбается.

— Это единственная причина, по которой ты хочешь, чтобы я осталась?

— Признаю, мне нравится, когда ты здесь, но сейчас моя главная забота — это твоя безопасность. Если тебе будет удобнее, я буду спать в комнате для гостей. И тебе не обязательно для меня готовить.

— Я останусь, но только до тех пор, пока ты не узнаешь, кто тот человек. Это только временно.

Мы заканчиваем ужин, и Рэйчел подает десерт. Я не очень люблю сладости, так что редко ем десерт, но она приготовила пирог для меня, и я не могу ей отказать. И я рад, что попробовал его. Он в сотни раз вкуснее, чем десерты, которые я пробовал в

пятизвездочных ресторанах. Пирог только из духовки, теплый, и она покрыла его сверху ванильным мороженым.

После десерта Рэйчел встает и собирает наши тарелки.

— Позволь мне прибраться, — прошу я. — Это справедливо, ведь ты приготовила ужин.

— Мы сделаем это вместе. — Она относит посуду в раковину, и я очищаю столовое серебро и стаканы. Еще один новый опыт для меня. Я никогда не убирал после ужина. Я даже никогда не готовил ужин, так что не было нужды убирать. Я даже не знал, как работает посудомоечная машина, но Рэйчел мне показала.

Когда с уборкой покончено, я подхватываю девушку на руки и несу в свою спальню, чем застаю ее врасплох, и она смеется.

— Что ты делаешь?

— Время вопросов и ответов. — Бережно кладу ее на кровать. — Я хочу, чтобы ты быстрее познакомилась со мной.

Она все еще смеется.

— И почему это?

Ложусь рядом с ней и прижимаюсь губами чуть выше ее рта.

— Ты знаешь, почему. — Неторопливо целую. — Как думаешь, сколько еще тебе нужно времени, чтобы меня узнать?

— Может быть, несколько месяцев?

Месяцев? Она это серьезно? Мое лицо, должно быть, выражает шок, потому что ее смех не прекращается.

— Я шучу, Пирс. Я не знаю, когда это случится, но буду уверена, когда придет время.

— Тогда вперед. Первый вопрос.

Она задает вопросы даже быстрее, чем прошлой ночью. Спешит узнать меня поближе. Рэйчел хочет меня также сильно, как и я ее. Не совсем уверен, почему она настаивает на воздержании, учитывая, что у нас уже был секс, но я готов ждать столько, сколько ей понадобится.

Я не думаю, что мы движемся слишком быстро, но она, очевидно, другого мнения. Я нахожу это необычным, потому что лично я привык заниматься сексом на первом свидании. Не то, чтобы я поступил так по отношению к Рэйчел. Я хотел с ней подождать, что мы и сделали. У нас было несколько свиданий, и на каждом из них мы часами разговаривали. На самом деле, на тех нескольких свиданиях я разговаривал с Рэйчел больше, чем с любой другой женщиной, с которой встречался. Когда мы, наконец, занялись сексом, я не чувствовал, что мы торопим события. И Рэйчел согласилась со мной, но решила чуть замедлить столь бурное развитие наших отношений. Но мне нравится, что она такая. Это освежает — быть с женщиной, которая не бросается на меня, как Риэль в ту ночь в баре. Я знал ее пять минут, прежде чем она пригласила меня к себе.

Рэйчел умолкает, задумываясь о большем количестве вопросов, и, пока она размышляет, я также задаю ей несколько своих. Она много рассказывала мне о себе, но всегда пропускает годы обучения в колледже Индианы. Мне интересно, это из-за парня, с которым она встречалась в выпускном классе? Того, кто стал ее женихом. Я чувствую, что там есть своя история, но не решаюсь спрашивать. Я лучше подожду, пока она сама мне расскажет.

Я отвечаю на остальные ее вопросы, но, сколько бы вопросов Рэйчел ни задавала, она никогда обо мне все полностью не узнает. Даже если бы мы были вместе в ближайшем будущем, она никогда бы не узнала, кто я на самом деле.

Мы говорим три часа подряд, но время пролетает быстро. Я никогда не мог говорить с кем-то так долго, если разговор не касался бизнеса. И когда я рядом со своими

друзьями из общества, я стараюсь вообще молчать, потому что, когда мне приходится отвечать, я должен следить за каждым словом. Фильтровать то, что говорю. Убеждаться, что не наговорю лишнего. Но когда я с Рэйчел, наш разговор легок и естественен. Я могу спокойно говорить без предварительного прокручивания своих слов в голове.

Когда мы не разговариваем, мне нравится просто слушать Рэйчел и наблюдать за ней. Когда она рассказывает смешную историю, то улыбается, смеется и забавно жестикулирует. Когда говорит что-то серьезное или грустное, на ее лице видны все эмоции. Она не пытается их скрывать. Люди, с которыми я привык общаться, выражают нулевые эмоции, а если и позволяют их показать, то они подделка, предназначенная лишь для собеседника. Всегда есть мотив. Они не могут просто нормально беседовать.

Около одиннадцати, веки Рэйчел начинают слипаться, и она изо всех сил старается держать их открытыми.

— Я думаю, что мне нужно идти спать, — говорит она, зевая.

Надевает свою пижаму, а я свою, и мы снова засыпаем еще до полуночи.

Я могу к такому привыкнуть. Присутствию Рэйчел здесь, когда возвращаюсь домой. Ужину с ней. Разговорам. Она заснула у меня на руках. Я никогда не думал, что со мной может произойти подобное. И скорее всего, так и будет. Но я хочу все это. Я хочу такую жизнь.

ГЛАВА 18

ПИРС

На следующее утро я встаю в пять, так что мне не придется иметь дело с отцом, ругающим меня за опоздание. Я стараюсь передвигаться как можно тише, но Рэйчел просыпается, когда я надеваю свой пиджак.

— Пирс?

Иду к кровати и сажусь рядом с ней. Наклоняюсь, чтобы поцеловать ее.

— Мне нужно идти. Будь осторожна сегодня. И возвращайся сюда после работы.

Джордж тебя впустит.

Она садится и обнимает меня.

— Спасибо, что позволил мне остаться.

Ее комментарий наполняет меня чувством вины, потому что я — причина, по которой она не может остаться в своей собственной квартире. Я — причина того, что она боится быть там. Если бы не я, Джек никогда бы не пришел к ней.

Я отступаю, чтобы посмотреть на нее, заправляя прядь ее волос за ухо.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Она улыбается. Рэйчел утром — прекрасное начало дня. Еще одно, к чему я могу привыкнуть. Просыпаться рядом с ней каждый день.

— Есть пожелания на сегодняшний ужин?

— Рэйчел, я же говорил тебе, ты не должна готовить. Ты ничего мне не должна за то, что остаешься здесь.

— Мы все еще должны есть, и я люблю готовить, так что это работает.

— О, чуть не забыл. — Я встаю и вынимаю свой бумажник. — Оставлю немного денег на кухне за продукты. — Я достаю три купюры по сто долларов.

Она видит деньги и смеется.

— Ты даешь мне триста долларов за продукты? За один ужин?

— Я не знаю, сколько они стоят. Я никогда не ходил по магазинам.

— Тогда я добавлю покупку продуктов в список новшеств, которые ты должен попробовать. И чтобы ты знал, на триста долларов можно купить очень много еды.

— Покупай все, что хочешь, а остальное оставь себе. — Я разворачиваюсь, чтобы уйти. — Увидимся вечером.

Я в офисе уже в шесть. Мой отец тоже. Он видит меня в зале и кивает, но ничего не говорит. Даже не здоровается. Его обычное приветствие — небрежный кивок.

В полдень я наконец-то смог дозвониться до Джека.

— Привет, Пирс. Мой секретарь сказала, что ты хочешь поговорить со мной.

— Да. Прямо сейчас. — Пытаюсь оставаться спокойным и не обвинить его в чем-либо с наскока. Это ни к чему меня не приведет. Мне нужно, чтобы Джек заговорил, и он этого не сделает, если я разозлюсь. — Ты свободен? Встретимся в твоём офисе?

— Нет, не в офисе. Встретимся у меня дома через двадцать минут.

Я согласен, но выглядит странным, что он хочет встретиться у себя дома, а не в офисе.

Когда я добираюсь до его особняка, он встречает меня у двери.

— Следуй за мной.

Джек ведет меня в коридор, примыкающий к задней части дома. Останавливается рядом с картиной на стене и пристально на нее смотрит.

— Что ты делаешь? — в недоумении спрашиваю его.

Вдруг слышу хлопающий звук и вижу отверстие в стене. Это тайная дверь, которую многие из организации устанавливают в своих домах, но я никогда прежде не видел, как она открывается. На картине, должно быть, сканер сетчатки глаза. Он срабатывает только на Джека, поэтому такой тип замка более безопасен, чем панель с

кодом доступа.

Дверь открывается в комнату с баром и покерным столом.

Джек проходит в бар и наливает себе напиток.

— Садись. Хочешь выпить?

— Нет. — Я сажусь за стол, едва заметно сжимая руки в кулаки.

— Моей жене не нравится, когда я приглашаю друзей поиграть в покер. Она думает, что мы, мужчины, слишком шумим, так что ради ее спокойствия я построил эту комнату. Стены звукоизолированы.

Это ложь. Если бы он хотел играть в покер в обычной части дома, он бы это делал. Джек не позволил бы своей жене встать ему поперек дороги. Кроме того, этот дом, по крайней мере, двадцать тысяч квадратных футов. Он может разместить всех участников мирового покерного турнира, без какого-либо намека услышать хоть какой-нибудь звук.

Я знаю, что это за комната. Безопасная, предназначенная защитить его, если кто-то заберется в дом, чтобы совершить нападение. За спиной Джека заметна стальная дверь, которая, как я полагаю, скрывает тайник с оружием и боеприпасами.

Недолго думая, приступаю к делу.

— Почему ты это сделал?

Он не выглядит смущенным или удивленным. Словно точно знает, о чем я говорю.

— Потому что я твой наставник. Я отвечаю за тебя. Моя работа — знать, что ты задумал.

— Я ничего не замышляю. И моя дружба с ней не твое дело.

— Что? Дружба? Большинство моих подруг не остаются ночевать. — Джек играет своим стаканом.

— Хорошо, да, я встречаюсь с ней. Но это не противоречит правилам. Я не делаю ничего плохого.

— Они сделают это правилом. И ты это знаешь. Был же на встрече, когда это обсуждалось.

— Да, но на голосование не выносилось.

Джек вздыхает.

— Пирс, я знаю, как легко влюбиться в красивую женщину. Когда это происходит, ты перестаешь мыслить логически. Начинаешь принимать плохие решения. Ты делаешь то...

— Я не собираюсь прекращать встречаться с ней, Джек, так что мне больше нечего тебе сказать по этому поводу. А теперь, зачем ты ходил туда?

— Я должен был встретиться с ней. Я также попросил свою команду проверить ее прошлое.

— Почему бы тебе...

— Слушай меня. — Его глаза останавливаются на моем лице, и взгляд мигом леденеет. — Никому не доверяй. Особенно женщине, с которой ты спишь. Ты должен быть умнее, Пирс. Ты не можешь доверять женщине только потому, что она красива или говорит правильные вещи или хороша в постели. Я проверил историю Рэйчел, потому что должен был убедиться, что она не репортер, шпион или агент ФБР. К счастью, моя команда не нашла ничего, чтобы опровергнуть то, что она утверждала; девушка с фермы в Индиане. Я пошел к ней, чтобы убедиться на сто процентов, потому что документы могут быть поддельным или украденными. Ее реакция на незнакомца, постучавшего в двери, говорит сама за себя. Она поверила в мою историю, пригласила меня, ответила на вопросы, и язык ее тела не дал никаких признаков того, что она лгала. Обычная студентка, кстати, еще одна причина держаться от нее подальше.

— Я не оставлю ее одну. Она мне очень нравится, и я хочу посмотреть, куда меня это заведет.

— Это никогда не сработает. Ты и сам знаешь.

— Они не выбрали никого для меня.

— Еще нет, но выберут. А пока, удовлетворяй свои потребности с коллегами. Хватит попусту тратить время этой девушки. Позволь ей найти того, с кем она сможет построить настоящие отношения. Прекрати все сейчас же, пока это не стало серьезным.

— Уже стало, Джек. Я никогда такого не чувствовал. И не думал, что смогу. Я так привык ничего не чувствовать и теперь... — Я тру лоб, уставившись на стол, покрытый зеленым бархатом. — Я просто хочу, чтобы ты оставил ее в покое. Если у тебя были подозрения, ты должен был поделиться ими со мной, чтобы я ее проверил, а не делать это самому.

— Ты слишком близок с ней. Если бы у нее были скелеты в шкафу, ты бы не смог даже подумать, какие и где искать.

— Ладно, твоя взяла. Но оставь ее в покое.

— Пирс, я знаю, ты хочешь нормальной жизни, но это не та жизнь, которая у тебя есть сейчас. И ты не можешь привести невинную девушку в наш мир.

Может быть, он прав, и я не могу ясно мыслить, но я не готов принять то, что он говорит. Нет, если это означает потерять Рэйчел.

— Откажись от девушки, Пирс, и сосредоточься на себе. Я же говорил, что помогу тебе спасти ту часть себя, которую ты не хочешь потерять. Лучшую сторону. Но для этого нужно быть сосредоточенным.

— Рэйчел уже спасла ее. Она делает это, даже не пытаясь. Я другой человек, когда с ней. Я чувствую себя иначе. Я веду себя иначе. Рядом с ней у меня есть надежда. Я становлюсь сильнее. Я даже поспорил вчера с отцом.

Джек откинулся на спинку стула, качнув стаканом в руке.

— Мой тебе совет — перестань с ней встречаться. Если продолжишь, то на свой страх и риск. И ее тоже.

— Ты собираешься рассказать им о ней?

— Мне это не нужно. Они сами узнают. Кто-то, кого ты знаешь, увидит тебя с ней, и мигом донесет в организацию.

— Тогда я буду более осторожен. Я прослежу, чтобы нас не видели на публике.

— И ты думаешь, она пойдет на это? — Он допивает виски. — У меня жена и две дочери, поэтому поверь мне, я знаю женщин. И я знаю, что они любят гулять. Нарядиться в красивое платье. Быть приглашенной на ужин. Потанцевать.

— Рэйчел не против остаться дома. Ей нравится.

— Ты говоришь так только потому, что пытаешься найти способы, чтобы это сработало. Рэйчел захочет выйти, и когда ты скажешь ей «нет», она сочтет твой отказ подозрительным. Начнет задавать вопросы. Она спросит, почему ты не познакомил ее со своими друзьями и родителями. Как ты собираешься отвечать на эти вопросы?

— Я еще не знаю. Я просто знаю, что должен продолжать встречаться с ней.

Джек опускает свой стакан.

— Так эта девушка делает тебя счастливым?

— Да. Безгранично счастливым. — Я улыбаюсь от собственных слов.

Он горестно закатывает глаза.

— Почему мне всегда достаются проблемные?

— Что?

— Не обращай внимания. — Джек тяжело вздыхает. — Пирс, я готов держать все в секрете. Но только потому, что девушка делает тебя счастливым. Учитывая твою жизнь, ты заслуживаешь несколько мгновений счастья. Так и будет. Но ваше счастье

долго не продлится. Я гарантирую, что это плохо кончится, и когда так и произойдет, это уничтожит вас обоих.

Он встает и наливает себе еще виски.

Я ему не верю. Я думаю, он слишком драматичен, чтобы напугать меня и заставить расстаться с Рэйчел.

— Мы закончили?

— Нет. — Он снова садится. — У меня есть тренер для твоей физической подготовки. Я имею в виду не только тяжелую атлетику или кардио. Он научит тебя боевым искусствам и тому, как использовать в качестве оружия свое тело. Нельзя всегда полагаться на пистолет или нож. Или охранника. Ты должен быть сильным и знать, как использовать свое тело, чтобы сопротивляться, бороться или убивать.

Это правда. Иногда все, что у тебя есть для борьбы — это собственное тело, особенно если твоим врагом оказывается тот, кого ты считал другом.

— Когда начинается обучение?

— В следующий понедельник. Он позвонит тебе, договоритесь о времени. Также с тобой свяжется женщина. Она эксперт в том, как работает мышление и как использовать его в своих интересах. Как контролировать эмоции. Мимику. Язык тела. Голос. Тебе нужно научиться быть лучшим лжецом, Пирс. Ты слишком много показываешь. И нужно научиться не реагировать на личное. Еще вопросы?

— Нет.

— Тогда мне нужно вернуться в офис. — Джек неспешно встает.

— Подожди, я забыл сказать, что мне дали задание.

Он тут же садится обратно.

— Какое?

— Я еще не знаю. Только что получил уведомление. Я не хочу этого делать, Джек. Я не могу. Не после того, что они заставили меня сделать в прошлый раз.

— Успокойся. Это может быть что-то простое, вроде фальсификации документов. Не волнуйся, пока не узнаешь наверняка.

— А что если это не что-то простое? Что если это убийство невинного человека?

— Используй свою темную сторону. Она всегда будет в тебе, пока ты в этом участвуешь. Так что используй. Пусть она возьмет на себя вину за твои действия. Это не ты, Пирс. Ты не имеешь никакого отношения к тому, что случилось с той секретаршей. Настоящий ты — не убийца. Ты хороший человек. Помни это. — Допив вторую порцию спиртного, Джек поднимается на ноги. — Пошли.

Мы выходим из комнаты, и я еду обратно в офис. Последние несколько раз, когда мы встречались, Джек давал мне столько пиццы для размышлений, что мне нужно немного времени, чтобы во всем разобраться. Но сегодня совет, чтобы позволить моей темной стороне выполнить задание, приковал все мое внимание. Это не я. Этого никогда не будет. Я не позволю никому захватить власть надо мной.

Когда я возвращаюсь в офис, на моем столе записка от отца, в которой говорится позвонить новому клиенту, но нет никаких подробностей о том, о чем именно я должен с ним поговорить. Я направляюсь в кабинет отца за разъяснениями. Дверь закрыта, но она всегда закрыта, так что я просто открываю ее и захожу. Но тут же быстро зажмуриваюсь и разворачиваюсь, но мой отец уже успел меня заметить.

— Черт возьми, Пирс! — Я слышу его раздраженный голос за дверью, которую только что закрыл. Потом слышу, как женщина яростно что-то ему говорит.

Мой отец трахал свою секретаршу на краю стола, а я просто вошел в кабинет. Хорошо, что я еще не обедал, иначе сейчас меня бы стошнило. Это не значит, что я не в курсе происходящего. Я знаю, что он изменяет моей матери, и знаю, что он занимается сексом в своем офисе и, возможно, в других местах в здании. Ничего удивительного. Но я никогда на самом деле не умудрялся застать отца со спущенными до колен

брюками.

— Пирс, иди сюда! — Я слышу, как отец кричит, когда его секретарша выходит, пытаюсь пригладить волосы, и снует мимо меня по коридору. Ей, наверное, около двадцати восьми. Она работала здесь всего несколько месяцев, но сегодня, скорее всего, последний день. Мой отец всегда увольняет своих секретарей после того, как их трахнет.

Я иду обратно в кабинет, закрываю дверь и сажусь на диван с другой стороны комнаты.

— Напомни мне больше никогда не прикасаться к твоему столу.

Он обходит его и садится в свое кожаное кресло с высокой спинкой.

— Ты находишь это забавным? Забыл, как стучаться?

— Она слишком молода для тебя, не так ли? — Я не должен был вообще ничего говорить, но сегодня мне хотелось высказаться прямо в лицо отцу. Я виню в этом Рэйчел. Она заставляет меня сражаться с ним вместо того, чтобы просто сидеть и принимать как должное его комплекс Бога.

— И в следующий раз попробуй запереть дверь.

Он прищуривается, глядя на меня.

— Я устал от твоего поведения, и оно изменится прямо сейчас. Я твой отец и твой босс, и ты будешь относиться ко мне с уважением.

— Я считаю, уважать тебя довольно проблематично после того, что я только что увидел.

Он вскакивает со стула, ладонями хлопая по столу, и наклоняясь ко мне.

— Прекрати прямо сейчас! Я не потерплю твоего неподчинения!

Я решил, что уже достаточно издеваться над отцом. И так уже далеко зашел.

— Я пришел спросить о новом клиенте, которому должен позвонить. В твоей записке ничего не говорится о цели звонка.

Моя смена темы застаёт его врасплох. Он смотрит на меня, потом медленно садится.

— Клиент хотел бы, чтобы мы разработали фирменную химическую смесь, которая будет использоваться в... — он продолжает рассказывать мне о проекте, и мы оба делаем вид, что ничего из ряда вон выходящего только что не произошло. Я думал, что он будет дальше орать на меня, но вышло иначе. Видимо, он настолько шокирован, что я так с ним разговаривал, что не уверен, как с этим справиться. Но он найдет решение. Найдёт возможность мне отомстить. Новые способы контролировать или наказывать. И пусть попробует. Потому что, когда он это сделает, я больше не буду стоять, покорно опустив голову. Я буду сопротивляться.

Когда я покидаю его офис, мой отец говорит:

— Я уезжаю в Европу в четверг утром. Меня не будет несколько недель.

Повернув голову, замечаю, что он стоит прямо позади меня.

— Несколько недель? Ты собираешься в отпуск?

Он никогда не уезжал в отпуск, но я не знаю, почему еще его не будет так долго.

— Конечно, нет. Бизнес. Я встречаюсь с потенциальными клиентами в Европе. Сесил Рот организовал мне поездку. Он познакомит меня с некоторыми из его контактов. Я встречаюсь с ним в Лондоне в пятницу утром.

Сесил Рот — один из нас. Если он делает это ради моего отца, тот будет ему должен. Либо это, либо «Дюнамис» заставляет Сесила, потому что они хотят расширить «Кенсингтон Кемикал» за рубеж для целей, о которых я пока ничего не знаю.

— Ты тоже едешь, — продолжает отец, — но мне нужно, чтобы ты присутствовал на совещаниях на следующей неделе. Так что приедешь позже.

— Я не могу поехать в Европу.

Он подошел вплотную ко мне.

— Что я только что сказал о субординации?

Я втягиваю воздух и говорю чуть ли не шепотом.

— Я получил уведомление о назначении. Мне нельзя путешествовать.

Отец отступает.

— Я понял. Жаль, что ты не сможешь к нам присоединиться. — Возвращается к своему столу и садится. — Поскольку ты остаешься здесь, я ожидаю, что ты уделишь внимание своей матери, пока меня не будет.

— Конечно. Когда ты вернешься?

— Поездка запланирована на четыре недели, но, если я закончу раньше, то сразу же вернусь.

— Четыре недели — долгое время.

— Да. Я не доволен этим, но между встречами и временем на переезды, мне, вероятно, понадобятся недели четыре. Если поездка позволит нам расшириться, то полагаю, она стоит моего времени.

— Я обязательно заеду к матери во время твоего отсутствия. А теперь, если ты меня извинишь, мне нужно вернуться к работе. — Я иду к себе, едва сдерживая восторг, что у меня будет целый месяц без всевидящего ока отца. Я уверен, что он будет постоянно проверять меня и заставлять выполнять свою работу, но это намного лучше, чем видеть и слышать его каждый день. Я смогу уходить с работы пораньше и проводить больше времени с Рэйчел.

Пока я рисую в голове радужные планы на будущее, звонит мой телефон. Это человек, с которым я буду тренироваться в тренажерном зале. Он хочет встречаться три раза в неделю, что означает, у меня будет меньше времени для Рэйчел, чем я рассчитывал. Между физической подготовкой и тренировкой с экспертом по языку тела у меня будет не так уж много свободного времени. Но я должен заниматься. Я не позволю темной стороне себя поглотить светлую. Я всегда знал, что она во мне все-таки есть. Я просто не был уверен, что она сможет выжить. Но Рэйчел заставила меня поверить и бороться за себя. И для этого я должен быть сильным и готовым ко всему.

Да, я веду войну. Не только с самим собой, но и с моим отцом и другими членами группы. И я должен быть готов к финальной битве.

ГЛАВА 19 РЭЙЧЕЛ

Пирс только что позвонил с работы и сказал, что человек, который приходил ко мне, пожертвовал деньги в приют, но анонимно, поэтому Лора его не знала.

Видимо, Джек очень состоятельный, но эксцентричный и немного не в себе. Иногда он совершает странные поступки, например, такие, как посещение моей квартиры без приглашения. Пирс говорит, что Джек увидел мое фото на сборе средств в прошлом месяце. Все волонтеры были представлены на дисплее с нашими именами и фотографиями, и по какой-то причине, я зацепила его, и он меня выследил.

Пирс ему позвонил и велел оставить меня в покое, но Джек даже не вспомнил, что приезжал ко мне. Так что я думаю, он просто сбитый с толку пожилой мужчина. Но Пирс посоветовал мне быть осторожной, потому что он не уверен, на что еще способен Джек. Тот может казаться безобидным, но, если у него проблемы с психикой, стоит быть более предусмотрительной.

Сейчас 5:15, и я только что вернулась домой с работы, и мне интересно, могу ли остаться здесь сегодня вечером. Я бы предпочла быть с Пирсом, но в данный момент я чувствую, что, возможно, лучше остаться у себя. Мы только начали встречаться, и нам нужно немного личного пространства. Но я действительно хочу его увидеть. Может, я просто схожу к нему, а потом вернусь домой.

Я звоню маме, прежде чем уйти, потому что, если позвонит она, а я не отвечу, меня будет разыскивать полиция штата.

— Привет, мам, — здороваюсь я, когда она отвечает.

— Милая, что-то не так? — Она мигом запаниковала. Я обычно не звоню ей в течение недели, поэтому она, вероятно, думает, что я умираю. Как всегда предполагает самое худшее.

— Мама, я в порядке. Я просто хотела тебе сказать, что сегодня иду гулять и не вернусь до позднего вечера. Я не хотела, чтобы ты звонила и волновалась, почему я не отвечаю.

— Рэйчел, а я не хочу, чтобы ты выходила так поздно. Это небезопасно.

Она говорит так, будто разговаривает с пятилетним ребенком. Иногда я думаю, что мама так себя ведет, потому что живет в прошлом, где я все еще ее маленькая дочь. Как будто она хочет остановить время в тот момент, пока моя сестра не заболела.

— Мама, я буду с подругой.

— Две девушки ночью, это еще хуже. — Многозначительная пауза. — Или ты встречаешься с мальчиком?

Мальчиком? Опять же, мне не пять. Я не встречаюсь с мальчиками. Я встречаюсь с мужчинами. И Пирс определенно мужчина. Высокий, мускулистый, красивый мужчина.

— Да. У меня свидание, — я не хотела говорить ей об этом, но пришлось.

— Кто этот мальчик?

Термин «мальчик» действует мне на нервы, но я его игнорирую.

— Его зовут Пирс. Ему двадцать пять лет, он окончил Йельский университет и получил степень MBA в Гарварде. И теперь он работает в компании своего отца.

— Это ваше первое свидание?

— Нет. Мы уже пару раз встречались. Он действительно милый, мам. Думаю, он тебе понравится. Пирс открывает для меня двери и дарит цветы. И даже купил мне очень красивую вазу. Он зрелый и с хорошими манерами. И мы можем говорить часами. На самом деле, каждый раз, когда мы выходим, мы часами разговариваем и даже не замечаем, как быстро пролетает время.

В трубке царит гробовая тишина.

— Мама, ты здесь?

— Да, милая. Я просто удивлена, как тебя поразили этот молодой человек.

По крайней мере, на этот раз она сказала «молодой человек». А вот термин «поразили» заставил улыбаться. Я всегда думала, как смешно, когда она использует такие старомодные словечки.

— Да, я определенно им поражена.

— Ну, не спеши. Не торопись, узнай его получше. Не делай то, что сделали твой отец и я, и не выходи замуж через двенадцать дней после знакомства друг с другом.

Она не шутит. Они действительно были знакомы всего двенадцать дней. Ей было двадцать, и она навещала своего кузена в маленьком городке, в котором жил мой отец. Встретились в единственной закусочной в городе. Он увидел ее, подошел и пригласил на свидание. Она сказала: «Да», но было некуда идти в том городе, поэтому она просто пересела за его стол, а он отослал своего друга, с которым был, чтобы тот посидел с ее кузенком.

Мой отец сказал, что, когда увидел мою маму, он знал, что она та самая. Мама не чувствовала к нему ничего подобного до их второго свидания, пока он приготовил для нее ужин. Он наповал сразил ее едой. Ничего особенного, жаркое и картошка, но она была впечатлена, что он готовил для нее. Через десять дней они поженились. Для меня это звучит совершенно безумно, так быстро выйти замуж, но моя мама сказала: «Ты знаешь, что он тот, единственный». И они оба, должно быть, знали, потому что тридцать лет спустя они все еще вместе.

— Мы не женимся, мам. Мы просто встречаемся. Мне нравится проводить с ним время.

— А на какую компанию, ты сказала, он работает?

— «Кенсингтон Кемикал». Она принадлежит его семье. Ты слышала о ней?

Моя мама не училась в колледже, но она так много знает о бизнесе, что другие думают, у нее есть степень. Она действительно умная. Читала книги и занималась самообразованием в бухгалтерии и финансах. Теперь управляет бизнесом — частью фермы, заполняя все документы и оплачивая налоги в бюджет. А еще она следит за новостями делового мира, поэтому я подумала, что она могла слышать о компании Пирса.

— «Кенсингтон Кемикал» является очень крупной корпорацией, — говорит она, — и очень успешной. Этот мужчина должен быть очень богатым.

— Да, его семья не стеснена в средствах. Они миллиардеры.

— О. Я не думала, что настолько. И удивлена, что ты с ним встречаешься.

— Почему?

— Я не могу представить у вас двоих что-то общее. Вы родом из таких разных жизней, разных слоев общества. У тебя скромное воспитание, и я уверена, что его наоборот, очень экстравагантное.

— Так и есть, но это неважно.

— Рэйчел, я знаю, ты сказала, что тебе не интересно, но думаю, ты должна дать Адаму еще один шанс.

Адаму? Она серьезно? Я же ясно дала понять, что не хочу иметь с ним ничего общего, и все же она продолжает подталкивать меня к свиданию с ним.

— Мам, я только что сказала, что у меня есть парень.

— Милая, тебе нравится этот молодой человек только потому, что он отличается от того, к чему ты привыкла. Вы разные, это захватывающие и новые ощущения, но как только пройдет время, вы обнаружите, что у вас нет ничего общего. Это не продлится долго. Кто-то вроде Адама тебе подходит лучше. У вас двоих общего больше.

— Единственное, что нас объединяет, это то, что мы выросли в одном городе и хо-

дили в одну школу. Вот и все.

— Вы посещали одну церковь. И у вас есть общие друзья.

— Это не значит, что я должна с ним встречаться! — Я пытаюсь сохранять спокойствие, но это почти невозможно. Мама давит на все мои кнопки. Я чувствую себя ребенком. Надо делать то, что, как она считает, лучше для меня. Что я не разумна, и не в состоянии принимать собственные решения. Мне хочется кричать, но я не могу. Мне не нравится кричать на маму.

— Рэйчел, успокойся.

Теперь я действительно хочу заорать. Ненавижу, когда мне велят успокоиться.

Я вздохнула.

— Мне очень жаль. Я не хотела. Мне просто нужно, чтобы ты поняла, мне не интересен Адам. Я встречаюсь с Пирсом, и он мне очень нравится. Я знаю, ты так не думаешь, но у нас с Пирсом много общего. — Я хочу сказать ей, что у нас обоих чрезмерно контролирующие родители, но молчу.

— Я только прошу тебя поговорить с Адамом по телефону. Он изменился, Рэйчел. Стал более взрослым. Более ответственным. У него хорошая работа. И он присматривает себе дом.

— Откуда ты так много о нем знаешь?

— Вчера вечером мы с твоим отцом пригласили его на ужин.

Проклятие. Не могу поверить, что она это сделала. Она же толкает его в мою сторону. Теперь он, наверное, думает, что мне интересен. Но почему? Он передумал заводить детей?

— Мам, ты не должна была этого делать. Я не хочу, чтобы Адам думал, будто я хочу снова встречаться.

— Если ты поговоришь с ним, ты передумаешь. У тебя с ним есть прошлое, Рэйчел. Ты не должна так быстро от него отказываться.

Она просто не хочет меня слушать. Ее даже не волнует, чего хочу я.

— В следующий раз, когда Адам будет в городе, мне нужно, чтобы ты ему сказала, что я не заинтересована. Я не шучу. Не хочу с ним разговаривать.

— Милая, я не могу ему этого сказать. Ты должна сделать это сама.

Я чувствую, как повышается мое кровяное давление, а в висках пульсирует. Я сейчас чертовски злая.

— Почему ты не можешь просто мне помочь? — спрашиваю я.

— Я уже сказала Адаму, что ты позвонишь ему, и не хочу выглядеть глупо. Мне будет неловко смотреть ему в глаза при встрече.

— Ты больше никогда его не увидишь. Он же переехал в Индианаполис.

— Он теперь живет здесь, только что вернулся. Так что теперь я часто вижу его в магазине или в церкви.

Поэтому она и хочет, чтобы я была с ним. Потому что, если я выйду за него замуж, я буду жить в своем родном городе. Мама добьется желаемого, а я буду несчастна.

— Прекрасно. Я позвоню ему. Но только чтобы сказать, что мне это не интересно. И я не собираюсь звонить ему сегодня. Позвоню ему позже на этой неделе. Но если увидишь его, не говори обо мне. Я не хочу, чтобы он неправильно понял. — Гляжу на часы на стене. — Мам, мне действительно нужно идти.

— Хорошо, милая. Будь осторожна. Я не хочу, чтобы ты пострадала. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Вешаю трубку с чувством огромного облегчения, что смогла поговорить с ней, при этом, не сорвавшись на крик. Я бы хотела, чтобы она была счастлива за меня, а не критиковала и контролировала каждый мой шаг. Она думает, что помогает, но это не так. Мама должна позволить мне быть взрослой и принимать мои собственные решения. Я должна рисковать и совершать ошибки. Может, у нас с Пирсом ничего не

получится. Возможно, он в конечном итоге разобьет мне сердце. Но это может случиться с любым парнем. И я готова пойти на этот риск с Пирсом больше, чем с кем-либо другим. Возможно, я не все знаю о нем, но чувствую, что между нами что-то особенное. Я не могу описать словами, что это такое. У меня никогда не было таких чувств ни к кому другому, и это должно что-то значить.

Я иду в свою спальню и быстро переодеваюсь в светло-розовый свитер и джинсы. Хватаю сумку с вещами и выхожу за дверь. Еще нужно остановиться и купить продукты по дороге в лофт Пирса. Сегодня я приготовлю ему домашнюю пиццу. Бьюсь об заклад, он не часто ее ел. Может, даже никогда и не пробовал.

— Привет, Рэйчел. — Шелби останавливает меня, когда я спускаюсь по лестнице.

— Шелби, я не видела тебя несколько дней.

— Меня? Скорее наоборот. Это я не видела тебя несколько дней. Где ты была?

— У Пирса. — Я счастливо улыбаюсь.

Ее лицо вытягивается от удивления.

— Ты все еще встречаешься с ним?

— Да, а что не так?

— Я просто... — Моя соседка выглядит взволнованной. — Я думала, ты говорила, будто он тебя использовал. После того, как высадил тебя в прошлое воскресенье, ты сказала...

— Это было просто недоразумение. Он не бросал меня. Просто был очень сосредоточен на работе. Вот почему он так себя вел. Но позже пришел, мы поговорили, и теперь все в порядке. — Я все еще улыбаюсь, но, а вот Шелби ни разу. Вообще-то, она выглядит немного злой. — Шелби, что случилось?

— Просто... я не думала, что он будет встречаться с тобой так долго.

Я смеюсь, несмотря на то, что ее слова звучат, как оскорбление.

— И что это значит?

— Не пойми меня неправильно, но ты на самом деле не его тип. Я имею в виду, ты не носишь дизайнерские платья и не тусуешься в загородном клубе.

— Шелби, что изменилось? Когда я впервые встретила Пирса, ты меня заставила пригласить его. Ты говорила мне, что такие девушки, как мы, должны встречаться с такими парнями, как он.

— Да, но я просто хотела сказать, что ты должна сходить с ним выпить кофе. Раз или два.

— Так я не могу быть его девушкой, если я не богата?

— Он называет тебя своей девушкой?

Теперь я действительно обиделась.

— Да. Что в этом плохого?

— Я и не говорю, что это плохо. Просто необычно. Богатые люди встречаются с другими богатыми людьми. Так всегда было и будет.

— Неправда.

— Назови хоть одного миллиардера, который женился на обычной девушке.

Я раздраженно закатываю глаза.

— Кроме Пирса я и не знаю миллиардеров, поэтому не могу ответить.

— Ты встречала его друзей? Бьюсь об заклад, его богатые друзья все встречаются с богатыми девушками.

Я смущенно отворачиваюсь.

— Рэйчел. Ты же встречалась с его друзьями, верно?

Я неловко оглядываюсь на нее.

— Нет.

Она вздыхает.

— Это именно то, что я пытаюсь тебе сказать. Он использует тебя. Ты не его де-

вужка. Ты не можешь быть ею, потому что не вписываешься в его мир.

Я не знаю, почему она так говорит, но это меня злит.

— Он не использует меня. И мне не нравится, как ты говоришь о нем. Ты не знаешь его так хорошо, как я.

— Хорошо? За пару недель? Ты его не знаешь, Рэйчел. Ты ничего о нем не знаешь. Он даже не познакомил тебя со своими друзьями. Он использует тебя, и, если ты не покончишь с ним прямо сейчас, тебе будет очень плохо.

Теперь она говорит, как моя мама. Почему все пытаются убедить меня, что Пирс мне не подходит? Я пребывала в таком отличном настроении, взволнованная от скорой встречи с ним, но моя мама и Шелби полны решимости довести меня до белого каления.

— Шелби, я не буду обсуждать с тобой свою жизнь. Мне нравится Пирс, и я собираюсь продолжать встречаться с ним. И я была бы признательна, если бы ты перестала лезть не в свое дело. Вообще даже не говори о нем. Увидимся позже.

Я торопливо иду вниз по лестнице.

— Рэйчел, подожди! — Я слышу, как она меня зовет. — Мне очень жаль.

Все равно продолжаю идти, выхожу за дверь и направляюсь к своей машине, стараясь не заплакать. Почему Шелби и моя мама не могут позволить мне быть счастливой? Почему они стараются посеять во мне сомнения, и ведут себя так, будто я наивна и глупа, думая, что когда-нибудь смогу быть с кем-то вроде Пирса? Деньги действительно так важны? Мне плевать на его состояние. Для меня оно значения не имеет. И он не ведет себя так, будто для него проблема, что у меня нет денег. Не похоже, что Пирс стыдится меня. Да, правда, он никогда не знакомил меня со своими друзьями или семьей, но у него просто еще не было времени. И я не спешу с ними встречаться. Сейчас я просто хочу провести время наедине с Пирсом, чтобы мы могли лучше узнать друг друга.

Еду в магазин и добираюсь до его квартиры в 6:30. Он сказал, что постарается вернуться домой к 7:30, так что я начну готовить пиццу. Но прежде включаю музыку. В лофте обалденная стереосистема со встроенными в потолок динамиками. Найдя радиостанцию, транслирующую популярную музыку, включаю и приступаю к работе.

Музыка и кулинария снова вернули мне хорошее настроение, и оно становится еще лучше, когда Пирс возвращается домой. И не с пустыми руками, а с букетом оранжевых тюльпанов, уже в вазе. На нем черный костюм с темно-серым галстуком, и мое сердце пропускает пару ударов, когда он идет ко мне.

— Ты прекрасна, как всегда. — Пирс вручает мне цветы.

— Спасибо тебе. — Я ставлю букет на кухонный стол, и, когда оборачиваюсь, он стоит почти вплотную ко мне.

Его сильные руки обвиваются вокруг моей талии, и, наклонившись, он целует меня, заставляя снова вспыхивать во мне искры желания. Нужно ускорить период знакомства с ним, потому что я действительно хочу быть с Пирсом. Может, мне стоит просто махнуть на все рукой? Нет, я не могу. Я не хочу отношений, основанных на сексе. Они должны быть нечто большим.

Мы целуемся, пока не сработает таймер, но и тогда Пирс меня не отпускает.

— Я должна проверить духовку.

— Сколько времени это займет?

Я смеюсь.

— Минуту. Максимум. — Освободившись, иду к духовке.

— Возвращайся ко мне, когда закончишь.

Но я не успеваю, потому что он встречает меня на кухне.

— Не хочешь вина?

— С удовольствием.

Пирс нажимает панель на стене, она отъезжает в сторону, раскрывая шкаф со спиртными напитками.

— Я даже не знала, что там все это есть.

Он улыбается и указывает на бутылки.

— Какое предпочитаешь?

— Выбери сам. Я мало что знаю о вине.

Пирс берет бутылку красного цвета из стойки.

— Я никогда еще не пил ничего отсюда. Бутылка вина для компании, и мне не с кем было ее разделить.

Он шутит? Он супергорячий миллиардер. Как он мог ни с кем не распить бутылку вина? Уверена, у него никогда не было проблем с женщинами.

Я беру бокалы из шкафа, затем прислоняюсь к стойке, наблюдая, как Пирс откупоривает бутылку.

— Ты говорил, что ни с кем не встречаешься.

— У меня нет на это времени. — Он разливает вино по бокалам.

— Но ты встречаешься со мной.

— Да. Потому что ты мне нравишься. Очень. Настолько, что с тобой мне его не хватает еще больше.

Его серебристо-голубые глаза движутся по моему лицу. Мне нравится, как он на меня смотрит. Так напряженно и интенсивно. Его лицо обычно не выражает эмоций, но не глаза. И прямо сейчас, они честные, искренние. Это были не просто слова, необдуманные и произнесенные без смысла. Он имел в виду именно то, что сказал.

— Я знаю, о чем ты, — говорю я ему. — Всякий раз, когда мы вместе, время пролетает незаметно.

— Поэтому мы станем практически неразлучны. — Руки Пирса уже вокруг меня, и он притягивает меня ближе к себе.

Я улыбаюсь.

— И как я буду вписываться в твой график работы? Ты работаешь по сто часов в неделю.

— Я сокращаю свои часы. — Он заправляет прядь волос мне за ухо, задерживаясь на нем кончиками пальцев.

— Ради меня?

— Да. У тебя есть возражения?

Я улыбаюсь в ответ на его вопрос, он задал его с такой строгой формальностью. Пирс обычно расслабляется рядом со мной, но иногда все же переключается обратно и становится жутко деловитым, вероятно, потому, что привык быть таким со всеми остальными.

— Рэйчел? — У него озабоченный вид, и я понимаю, что не ответила на вопрос.

Целую Пирса в губы.

— У меня нет никаких возражений, чтобы ты сократил свои часы. Я даже думаю, что это хорошая идея. Ты слишком много работаешь. И я хотела бы проводить с тобой больше времени.

— Хорошо. — Он делает шаг назад, когда таймер печи снова сигнализирует. — Похоже, ужин почти готов. Мне нужно переодеться.

— Давай, а я пока все подготовлю.

Когда Пирс вернулся из спальни, на нем были джинсы и рубашка.

Я улыбаюсь, указывая на него рукой.

— Тебе нравятся эти джинсы, не так ли?

— Кажется, они нравятся тебе, поэтому я их и ношу. Но да, я к ним привыкаю. — Он смотрит на стол, где я раскладываю по тарелкам наш сегодняшний ужин. — Пицца пахнет вкусно.

— Смею предположить, ты не часто ее ешь.

— Нет. А если честно, то никогда не пробовал.

— Тогда для тебя это еще одно новшество. Я запекла корку хрустящей. Надеюсь, тебе понравится.

— Спасибо за ужин. — Пирс снова обнимает меня, чем застаёт врасплох. Он не принадлежит к типу людей, привыкших обниматься. Обычно это делаю я. Отпустив меня, он смотрит прямо в мои глаза: — Мне нравится, когда ты здесь. И не потому, что ты готовишь мне ужин.

Я смотрю на выражение его глаз. В них было столько печали, когда мы впервые встретились, но теперь я вижу проблески счастья. Надеюсь, что они из-за меня, но, если нет, не имеет значения. Важно то, что печаль ушла. Я хочу, чтобы Пирс рассказал мне ее причину, но он еще не готов. Если бы мне пришлось догадываться, я бы сказала, что, скорее всего, он многого лишен. Да, у него есть работа и деньги, но у него, кажется, практически нет близких людей в жизни. По крайней мере, тех, кто действительно о нем заботится.

— Пирс, я ценю, что ты позволил мне остаться у себя, и я люблю проводить с тобой время, но завтра мне нужно вернуться к себе.

— Не обязательно. Ты можешь жить здесь.

Он говорит с серьезным лицом, но я смеюсь, предполагая, что он шутит.

— Я не могу этого сделать. Я не собираюсь жить с тобой. Еще слишком рано.

— Мы не съезжаем, как пара. Просто два человека будут жить вместе. Мы станем соседями по комнате.

Я улыбаюсь, все еще предполагая, что Пирс таки шутит.

— Я не могу позволить себе аренду в таком месте.

— Рэйчел, я серьезно. Мне не нравится место, где ты живешь. Район не очень хороший. Я беспокоюсь о тебе.

— Теперь ты говоришь, как моя мама. Не нужно обо мне беспокоиться. Я в порядке. — Тяну парня к столу. — Давай уже поедим.

Он выдвигает мне стул.

— Ты хотя бы подумай о переезде в более безопасный район?

— Не вижу смысла, — отвечаю я, садясь. — У меня никогда не было проблем. И моя квартира хорошая. Близко к школе и работе.

Сев напротив меня, Пирс интересуется:

— Когда заканчивается срок твоей аренды?

Я подаю ему пиццу.

— В конце декабря.

— И какие твои дальнейшие планы?

Я чувствую, как он смотрит на меня, когда беру кусочек пиццы.

— Еще не знаю. Это зависит от того, где я найду работу.

Легкий кивок, а затем Пирс переключает внимание на свою тарелку. Он выглядит разочарованным, как будто ожидал, что я останусь. Но знает же, что я не могу. Я должна буду переехать, если найду постоянную работу.

Так что же я делаю? Зачем мне связываться с ним, зная, что я уезжаю через несколько месяцев? Когда я познакомилась с Пирсом, то думала, что мы просто встретимся несколько раз, и на этом все. Не подозревала даже, что наши свидания станут чем-то большим, чем просто приятно проведенное время. Но так и случилось. Теперь у меня есть к нему чувства, и мне не нравится сама мысль о том, что нам придется расстаться.

— Выпьем?

Я поднимаю голову и вижу, как Пирс держит бокал для вина. Он улыбается, но теперь в его глазах заметна грусть. Проблески счастья исчезли, и я чувствую боль в гру-

ди. Я думаю, мы оба только что поняли, что наши отношения временные. Но никто из нас не хочет об этом говорить. Не сейчас.

Я поднимаю свой бокал.

— За что мы пьем?

— За то, что я пришел домой с работы вовремя и ужинаю с самой красивой женщиной, которую я когда-либо видел.

Я улыбаюсь, когда мы чокаемся нашими бокалами.

Мы пьем вино, а потом едим и возвращаемся к тому, что притворяемся, что наши отношения не движутся к концу. Я буду убеждать себя как можно дольше, что между нами все замечательно. Это может быть ложью, но мне она нравится гораздо сильнее, чем правда.

ГЛАВА 20

ПИРС

Рэйчел снова приготовила мне ужин, и я почувствовал, будто живу чужой жизнью. Той, где у кого-то есть нормальные отношения с женщиной, о которой он действительно заботится и хочет быть с ней. Той, где он не поглощен работой и знает, что существует реальность за стенами офиса. Настоящая жизнь. Боже, я так сильно ее хочу. Я никогда не задумывался, так ли это, но потом встретил Рэйчел, и с тех пор осознал, что это именно то, чего я хочу. Это то, что мне нужно.

Насколько я помню, моя жизнь всегда принадлежала кому-то другому. Моим родителям. Организации. Моей фиктивной жене. Я никогда не мог сделать свой собственный выбор и когда пытался, то был за это наказан. Но теперь я выбираю быть с Рэйчел, и ничто еще не чувствовалось более верным за всю мою жизнь. Все в ней кажется правильным. Я чувствую себя другим человеком, когда я с ней. Как будто я наконец-то нашел выход из темноты. Быть тем, кто я есть, а не тем, кем я должен быть.

Но она уезжает. Рэйчел уезжает после того, как в декабре выпустится. Наши отношения закончатся, и я снова погрязну в одной лишь работе. Знаю, я должен порвать с Рэйчел. Я рискую всем, встречаясь с ней, и, если нам предстоит расстаться, я мог бы сделать это прямо сейчас. Я просто не могу заставить себя сказать слова прощания. Вместо того чтобы дать ей уйти, я продолжаю ее отговаривать. Вместо того чтобы признать тот факт, что она уедет, я надеюсь, что она передумает. Я бы сделал все, чтобы заставить ее остаться, но в то же время, я не могу заставить ее отказаться от своей мечты. Я хочу, чтобы она была счастлива, и, если это означает, что она оставит меня, чтобы воплотить ее в жизнь, то я отпущу Рэйчел.

— Тебе понравился ужин? — тихо спрашивает она.

— Да. Спасибо. — Кладу салфетку на стол. Рэйчел тянется к моей тарелке, но я забираю и ее, и свою. — Позволь мне прибраться.

Когда я собираюсь отнести тарелки в раковину, звонит телефон.

— Ответь, — говорит Рэйчел. — Там не так уж много убирать. Я могу сама это сделать.

Оставив тарелки на столе, иду в спальню. Я не знаю, кто звонит, но мне нужно уединение на случай, если это Джек или кто-то из группы. Беру с тумбочки телефон.

— Алло?

— Пирс, это мама.

— Привет, мама. Тебе что-нибудь нужно?

Она никогда не звонит без причины.

— Да. Мне необходим сопровождающий на званый ужин. Он состоится в середине октября, но я хотела предупредить заранее.

— К тому времени отец, скорее всего, вернется в город. С тобой может пойти он.

— Возможно, но ужин в четверг, и когда я говорила ранее с твоим отцом, было похоже, что он не вернется домой до следующей субботы, поэтому мне нужен запасной план.

— Я не знаю, смогу ли присутствовать на ужине, мама. Я должен проверить свое расписание. — Я презираю эти официальные ужины. Они обычно длятся всю ночь, и, если приглашена моя мать, я предполагаю, что все там присутствующие будут ее возраста или старше.

— Все остальное в твоём расписании придется отменить. Ты идешь на этот ужин, Пирс. Я не могу появиться без сопровождения, и так как твой отец уехал из города, ты займешь его место.

— Где он состоится?

— В резиденции Сеймуров. Это официальное мероприятие с дресс-кодом, конечно,

и ужин ровно в семь. Но мы должны прибыть к 6:30 для коктейлей. Я позвоню тебе на следующей неделе, чтобы обсудить детали.

— Мам, подожди. Кто еще будет там присутствовать?

Она раздраженно вздыхает.

— Пирс, я не запомнила схему рассадки. Мне нужно идти, так что поговорим позже. До свидания.

Она вешает трубку. Все так, как я и говорил. У меня никогда не было выбора. Мне всегда указывают, что делать и когда. И я ненавижу подчиняться, но это все, что я знаю, поэтому приходится. Но теперь, званный ужин означает, что у меня на одну ночь меньше с Рэйчел, и так как мое время с ней ограничено, я не хочу терять ни минуты, проводя вечер с моей матерью и Сеймурами. Мне плевать на них. Лиланд Сеймур всегда доставлял мне неудобства. Он разговаривает так, словно постоянно угрожает. Он член «Дюнамис» и владеет большой международной корпорацией, сотрудничающей с военными. Семья Сеймуров чрезвычайно богата, и они любят хвастаться своим состоянием, выставляют его напоказ. У них две дочери, Кэтрин и Кэролайн. Кэтрин влюблена в меня с двенадцати лет. Теперь ей пятнадцать, и, когда я появляюсь на ее горизонте, она постоянно со мной флиртует. Всего лишь ребенок, но почему-то думает, что я бы с ней встречался. Так что мне придется иметь дело не только с моей матерью и Лиландом Сеймуром, а также и с назойливой Кэтрин.

У меня было такое хорошее настроение, но, все, что было нужно, чтобы его испортить, один телефонный звонок от моей матери. И одна хорошая ночь превратилась в ужасную.

— Эй. — Я поворачиваюсь и вижу Рэйчел позади себя. Она улыбается. У нее такая красивая улыбка, которая с легкостью возвращает мне настроение.

— Ты не должна быть здесь, — говорю я, обвивая руками ее талию.

— В твоей спальне? — Она заводит свои руки за мою шею, ее пальцы мягко перебирают мои волосы. — Почему?

— Потому что ты хотела замедлить наши отношения. И это будет очень трудно сделать, если мы останемся в этой комнате.

— Мы же остались здесь прошлой ночью.

— Да. И это было очень тяжело.

Она тянется ко мне и легонько целует в губы, а затем отступает.

— Спасибо тебе.

— За что?

— Ты не давишь на меня. Я знаю, что ты хочешь двигаться дальше, и я тоже, но сначала мне нужно, чтобы мы провели больше времени вместе.

— Я понимаю. Но пока давай проведем это время в другой комнате.

Рэйчел громко смеется. У нее такой замечательный смех. Легкий, счастливый и полный энергии.

— Я приготовила немного мороженого. — Взяв меня за руку, она ведет на кухню и усаживает на высокий стул у кухонного островка. Там уже стоят две миски мороженого. — Я купила с шоколадной крошкой, чтобы ты мог попробовать новый вкус. И в морозилке еще половина галлона, так что можешь есть понемногу каждую ночь до конца недели.

Она садится рядом со мной, и ждет, когда я попробую первую порцию. Что я и делаю.

— Очень вкусно.

Честно сказать, мне непривычно есть мороженое. Мои родители были бы в шоке, если бы увидели, как я ем такой детский десерт. Отец, вероятно, не ел мороженое с тех пор, как сам был ребенком. В последний раз, когда я его ел, мне было десять, и то только потому, что я умолял свою мать дать мне в последний раз на мой день рожде-

ния. Отец запретил, говоря, что я уже взрослый, но мама пробралась ночью ко мне в комнату с маленькой порцией, как только он уснул.

Я опустил свою ложку.

— Так каковы твои планы на эту неделю?

— Как всегда. Работа и учеба. — Рэйчел улыбается. — И надеюсь, мой красивый парень придет ко мне в гости. — Она берет ложку и зачерпывает мое мороженое.

— А что, если он будет приходить каждую ночь на этой неделе? — Забрав у нее ложку, кладу ее обратно в миску.

— Хм. Это много ночей. И становится все труднее и труднее быть рядом с тобой без...

Я целую ее еще до того, как она закончит говорить.

— Именно поэтому нам нужно проводить время вместе. Ты никогда не узнаешь меня, если мы не будем постоянно видеться. Так что ты скажешь? Тебе не придется готовить. Я буду приносить ужин каждый вечер.

Она обдумывает мое предложение.

— Мне нравится твоя идея, но вряд ли я смогу заниматься, если ты будешь рядом.

— И почему это? — Я обхватываю ее лицо ладонями, притягивая к себе. Неторопливо целую в губы. — Я обещаю тебя не отвлекать. — Оставляю мимолетный поцелуй на щеке, передвигаясь к мочке уха. — Буду очень тихо сидеть на диване.

Она дрожит, ощущая мое горячее дыхание на своей коже.

— Если ты будешь там, то я захочу к тебе присоединиться.

Я целую ее шею.

— Я не против. Ты можешь сидеть рядом со мной и учиться.

Рэйчел закрывает глаза, наклоняя голову набок и открывая мне еще больший доступ к своей шее.

— Я гарантирую, что не смогу сосредоточиться, если ты будешь делать именно это, сидя на диване в моей квартире.

— Давай попробуем и посмотрим.

— Я встаю и поднимаю ее со стула.

— Что ты делаешь?

Несу девушку к дивану и, усадив, вручаю ей одну из моих книг по бизнесу со стола.

— Давай, представь, что это один из твоих учебников.

Она смеется.

— Окей. — И, открыв книгу, делает вид, что читает.

Я сажусь рядом с ней, бережно убирая волосы ей за плечо и нежно целую в шею. Тело Рэйчел заметно расслабляется, и она закрывает глаза.

— Да, это не сработает, — она констатирует очевидный факт, когда книга выпадает из ее ослабевших пальцев.

Я поднимаю ноги Рэйчел, ставя их на диван, когда она ложится. Располагаюсь сверху на ней и снова целую, на этот раз прямо в губы.

— Я все еще планирую приходить.

Она притягивает меня поближе и шепчет:

— Я тебя не приглашаю.

— Я все равно приду. — Моя рука двигается по ее боку, останавливаясь на бедре.

Прежде чем она сможет возразить, я опять целую ее, мой язык проскальзывает между ее приоткрытых губ. Я никогда не целовал женщину так часто, как целовал Рэйчел. Для меня это слишком интимно. Я всегда избегаю поцелуев и перехожу непосредственно к сексу. Но с Рэйчел все по-другому, и не только потому, что секс сейчас не вариант. Все по-другому, потому что я действительно хочу целовать ее. На самом деле, всякий раз, когда она рядом со мной, я не могу перестать целовать ее. Но дол-

жен заставить себя остановиться, потому что они приводят к тому, что я хочу большего, а она еще не готова. Надеюсь, в скором времени все изменится, потому что ожидание — хуже смерти.

В течение следующих нескольких недель я приезжаю к Рэйчел каждую ночь сразу после работы, или она приходит в мой лофт. Мы ужинаем, потом разговариваем или смотрим телевизор, или она учится, пока я наверстываю то, что не успел сделать в офисе. Мы углубляемся в рутину, и она мне нравится. Заставляет чувствовать, что у меня нормальная жизнь. Я знаю, это не так, но пока я успешно притворяюсь. Мой отец в тысячах миль отсюда, и я ничего не слышал ни от организации, ни от Джека. Изредка звонил своей матери, но на этом все. Как будто я оставил ту жизнь где-то далеко, по крайней мере, на время.

Сейчас октябрь, а мы с Рэйчел проводим выходные у меня. В пятницу вечером я заказываю изысканный ужин в ресторане. Погода ухудшается, становится все холоднее, и я растапливаю камин. Рэйчел любит сидеть около огня, поэтому мы остаемся дома всю субботу, лежа на диване и смотря кино. Я еще никогда в жизни не смотрел такое количество фильмов. Я вообще редко смотрю телевизор. Но Рэйчел их любит, и я смотрю вместе с ней, либо просто сижу и слежу за ее реакцией на различные сцены, иногда улыбаясь, иногда с грустью, а иногда смеясь так, что колет в бок. Мне нравится ее способность выражать свои эмоции. У меня так никогда не получается.

Наблюдая за ней, я понимаю, что мои чувства к ней становятся все глубже. Это тревожит меня, но и одновременно делает счастливым. Приятно хоть раз в жизни что-то чувствовать, особенно такое хорошее и светлое, что я испытываю к Рэйчел.

В воскресенье вечером на улице холодно и идет дождь, а мы с Рэйчел лежим на диване. Я начинаю, как всегда, целовать ее и ласкать. Узнав, что ей нравится, стараюсь доставить ей максимум удовольствия. Но также я бы очень хотел вернуть нашу близость.

Она тихо стонет, когда мы целуемся. Звуки, что она издает, и то, как реагирует на мои ласки, вызывает прилив мощнейшего возбуждения, и я не могу его скрыть. Я на нее давлю, лежа сверху, и знаю, что она чувствует меня, но ничего не могу поделать. Подобное происходит каждый раз, когда я ее целую. Для меня такая реакция нетипична, но я согласен с Рэйчел, что нам следует немного подождать. И мне все равно, знает ли она это. Но я не хочу, чтобы она считала мое состояние попыткой затащить ее в постель.

Немного приподнимаюсь, давая нам пространство.

— Может, нам следует остановиться.

— Да. — Еле дыша, она слабо кивает.

Я отстраняюсь от Рэйчел, давая ей возможность сесть.

— Мне жаль, — говорит она, глядя на пол.

Я обнимаю ее, пытаюсь заглянуть в глаза.

— О чем ты сожалеешь?

— Мы не можем продолжить... В спальне. Я хочу. Действительно хочу. Просто...

Я разворачиваю ее к себе.

— Просто что?

— Есть кое-что, что ты обо мне не знаешь, и я уверена, что не все знаю о тебе, и...

— Рэйчел, я понимаю. Тебе не нужно ничего объяснять.

Она отводит взгляд и пристально смотрит на свои колени.

— Я должна объяснить. Я не была полностью честна с тобой.

— Что ты имеешь в виду?

— Со мной кое-что случилось, о чем я не люблю говорить, но это так на меня повлияло, что я чувствую, ты никогда не узнаешь всю меня, пока не узнаешь об этом. Я

просто не уверена, что хочу тебе рассказать.

— Почему? — Я осторожно приподнимаю ее подбородок, чтобы видеть лицо.

— Потому что это может все изменить. Кроме того, мы все еще в начале пути друг к другу, и вроде не о чем беспокоиться, пока прошло так мало времени, но не сказать тебе сейчас кажется... я не знаю. Нечестно, наверное.

Она начинает меня беспокоить. Что за секрет она скрывает? Между нами все так хорошо складывается, что я почти не хочу слышать, что она скажет. Но могу сказать, что она все же должна, и часть меня хочет знать ее секрет.

— Продолжай, Рэйчел. Просто скажи мне.

Она немного отодвигается назад и снова прожигает взглядом диван.

— Помнишь, я говорила тебе, что помолвлена?

— Да. — Я не хочу ничего слышать. Она собирается сказать мне, что все же вышла замуж? И что она не разведена? Она лгала мне все это время?

— Но я никогда не говорила тебе, почему Адам разорвал помолвку.

Из меня вырывается вздох облегчения. По крайней мере, она точно не замужем.

— Продолжай.

— Во-первых, пойми, я никогда не хотела выходить за него. Я не любила Адама. Я приняла его предложение только потому, что я... потому что я была беременна.

У нее есть ребенок? Как она могла его скрывать? Он живет с матерью? Или с ее бывшим женихом?

— Итак, у тебя есть ребенок, — говорю я, пытаюсь скрыть свой гнев. Она должна была давно мне о нем рассказать.

— Нет. — По ее щеке бежит слеза. — Я потеряла ребенка. А потом Адам со мной порвал.

— Рэйчел. — Я крепко обнял ее, прижимая к своей груди. — Мне очень жаль.

Она тихонько плачет, а я все сильнее обнимаю ее. Не знаю, что еще сделать. Я абсолютно неприемлем для того, чтобы стать жилеткой для слез, и если бы на месте Рэйчел был кто-то другой, я бы просто вручил ему коробку салфеток и ушел. Мне не комфортно в таких ситуациях. Опять же, я раньше никогда в них не попадал. Никто и никогда не открывался мне настолько глубоко. И я никогда не делал этого сам, хотя и сказал Рэйчел больше, чем любой другой женщине, с которой когда-либо встречался.

— Это еще не все. — Она делает паузу и вздыхает.

— Что именно? — Я спрашиваю, снова начиная беспокоиться.

— Я не хочу говорить тебе, — выдавливает Рэйчел, все еще держась за меня и утыкаясь лицом в мое плечо.

— Почему ты не хочешь мне сказать?

— Потому что не хочу, чтобы между нами все закончилось. — Ее голос предательски дрожит.

— Почему это должно случиться?

— Просто... я знаю, что ты... — она запинается и еле слышно шепчет. Что именно, очень трудно разобрать.

— Просто скажи мне, Рэйчел.

Она делает глубокий вдох, будто готовится прыгнуть с обрыва.

— Адам бросил меня, потому что мой врач сказал мне, что... что я не могу иметь детей.

Это то, о чем она не хотела мне говорить? Что не может иметь детей? Почему она так боялась мне признаться? Между нами ничего не изменится. На самом деле, это даже хорошо. Я не хочу детей. Как только я узнал, что мои будущие дети будут вынуждены стать частью организации, я решил никогда их не заводить. Я бы никогда не позволил, чтобы они прошли через то, через что пришлось пройти мне. Если бы у

меня был сын, он был бы вынужден жить той жизнью, которой сейчас живу я. И, если бы у меня была дочь, она была бы вынуждена выйти замуж за одного из членов группы. Кого-то, кого она не выбирала. Я не мог бы спокойно смотреть, как разрушаются жизни моих детей. И, кроме того, из меня выйдет ужасный отец. Мои собственные родители — худший пример для подражания. Я понятия не имею, как воспитывать ребенка.

Даже если бы я хотел детей, я бы не отказался от Рэйчел, потому что она не может их иметь. Я не могу поверить, что ее жених так поступил. Да что с ним не так? Он явно не любил ее. Стоп. О чем это я говорю? Что я люблю ее? Нет. Это не может быть правдой. Мы еще мало знаем друг друга. Я просто говорю, что он не должен был бросать ее из-за этого. Конечно, я бы точно не стал.

Я все еще ничего не сказал, а был обязан, так как Рэйчел отталкивает меня.

— Пирс, я пойму, если ты захочешь от меня избавиться. Я знаю, мы просто встречаемся, но я уверена, что ты предпочтешь встречаться с кем-то, с кем ты сможешь построить будущее. — Она вытирает глаза и встает с дивана.

Я хватаю ее за руку.

— Рэйчел, остановись. Куда ты собралась?

— Мне нужно уйти.

Даже не думая отпустить хрупкое запястье, я тяну его обладательницу обратно на диван.

— Ты не уйдешь. Ты даже не позволила мне ничего сказать.

Она с вызовом вздергивает подбородок.

— Вперед, я слушаю.

— Мне все равно, что ты не можешь иметь детей. Для меня это не имеет значения. Уголки ее губ дрогнули в слабой попытке улыбнуться.

— Ты так говоришь, потому что я сейчас плачу.

— Нет. — Сжав ее лицо ладонями, я открыто смотрю ей в глаза. — Я говорю так, потому что ты важна для меня. И не факт, что у тебя не может быть детей.

— Я знаю, что когда-нибудь ты их захочешь. Все хотят. И это не то, что я могу тебе дать. Или любому другому мужчине. — Она жмурится, пытаясь сдержать слезы.

Я провожу пальцами по ее щекам, стирая блестящие капельки.

— Рэйчел, посмотри на меня. — Жду, когда она откроет глаза. — Тот парень — идиот, раз позволил тебе уйти. Надеюсь, ты уже заметила, но если нет, на всякий случай открою истину, что я-то уж точно не идиот.

Она робко улыбается.

— Если бы ты была моей, я бы никогда не допустил, чтобы ты меня покинула. И хотя я знаю, что еще слишком рано говорить, что ты моя, я, безусловно, не брошу тебя из-за того, что ты не можешь иметь детей. Меня это не волнует. Меня волнуешь... ты.

Теперь ее улыбка становится ярче, но слезы все еще бегут по ее щекам.

— Ты меня тоже...

Я снова обнимаю ее, и мы сидим, ничего не говоря. Через некоторое время Рэйчел слегка отодвигается и смотрит на меня. По ее лицу заметно, что она хочет что-то сказать, но колеблется.

— Что случилось, Рэйчел?

— Я просто хотела сказать, что... я твоя. Я имею в виду, если ты хочешь.

Я широко улыбаюсь, убирая пряди волос с ее щеки.

— Конечно, я хочу. Я не хочу никого, кроме тебя.

— Ты уверен?

— Я никогда прежде не был уверен больше, чем сейчас. — И это правда. Я просто не могу поверить, что признал свои чувства. Вслух. Но Рэйчел нужно знать, как я к

ней отношусь.

Она обнимает меня.

— Тогда по умолчанию ты мой. Так что скажи об этом всем девушкам, которые постоянно с тобой флиртуют.

Я поудобнее сажусь, чтобы видеть выражение ее лица.

— Никто со мной не флиртует. А даже если и так, то мне все равно. Я слишком увлечен тобой и тем, что ты со мной делаешь.

— И что я с тобой делаю? — Рэйчел кусает нижнюю губу, пытаюсь скрыть игривую улыбку.

— Я все еще пытаюсь это понять. Я думаю, что ты меня приворожила. И две секунды не могу не думать о тебе.

— У меня такая же проблема. — Придвинувшись, она целует меня. — Я думаю о тебе все время. — Опустив голову мне на плечо, мягко зевает. — Может, нам лучше пойти спать.

Я касаюсь губами ее лба, оставляя нежный поцелуй.

— Еще рано.

— Наверно ты прав. — Рэйчел откидывается на спинку дивана, но берет меня за руку, мягко потирая ее большими пальцами. Она всегда прикасается ко мне. К моей руке. Лицу. Плечу. Волосам. Я ненавижу, когда меня трогают, но мне нравится, когда это делает она. Таким образом, успокаивает меня, и когда я не с ней, я отчаянно жажду ее прикосновений.

Замечаю ее обеспокоенное выражение лица.

— Рэйчел, с тобой все в порядке?

Она неуверенно кивает, ее взгляд сфокусирован на моей руке, когда она водит пальцами по моей ладони.

— Я так боялась тебе сказать.

— В этом не было необходимости. Ты можешь говорить мне все, что угодно.

— Больше нечего, Пирс. Это был мой самый большой секрет. Единственный, если честно. — Подняв голову, Рэйчел улыбается мне. — Теперь ты расскажешь мне свой?

Мои мышцы напрягаются, рука невольно сжимается. Если бы она только знала, сколько у меня секретов. Секретов, которые намного хуже ее.

Она отпускает мою руку.

— Я сделала тебе больно? Прости меня.

— Нет. — Я возвращаю наши руки в прежнее положение. — Мне нравится, когда ты ко мне прикасаешься. Я просто забыл о том, что должен был сделать еще на работе, и поэтому так вышло.

— Если тебе нужно поработать, я могу посмотреть телевизор. Не буду тебе мешать.

— Ничего такого, что нужно сделать прямо сейчас. Отложу на завтра.

Рэйчел снова отпускает мою руку.

— Развернись.

— Зачем?

— Просто сделай это.

Я поворачиваюсь к ней спиной и чувствую ее руки на своих плечах. Она начинает нежно их массировать, разминая скованные мышцы. Боже, ощущения великолепные. Единственные массажи, которые мне когда-либо делали, были сексуальными по своей природе и вообще никак меня не расслабляли.

— Как тебе? — интересуется она.

— Хорошо. — Закрываю глаза, когда давление ее пальцев усиливается. — Лучше, чем просто хорошо.

Ее руки массируют меня все сильнее и сильнее.

— Так нормально?

— Да, прекрасно. Но тебе не обязательно это делать.

— Мне хочется. Ты такой напряженный, и я хочу, чтобы тебе стало лучше.

Никто никогда не пытался заставить меня чувствовать себя лучше. Даже моя собственная мать. Будучи ребенком, когда я заболел или получал травму, обо мне заботилась няня. Но и ей было по сути все равно. Она просто делала свою работу и уходила.

— Когда ты закончишь, я сделаю то же самое с тобой, — предупреждаю я, когда руки Рэйчел двигаются к моим лопаткам. Боже, это так приятно. Я уже не чувствую стянутость в мышцах, та постепенно уходит.

Она заглядывает через мое плечо и целует меня в щеку.

— Ложись, чтобы я могла получить больший доступ к твоей спине. И тебе, наверное, стоит снять рубашку.

Я делаю так, как она просит, и ее руки двигаются по моей коже. Затем, найдя напряженные участки, Рэйчел применяет дополнительное давление, разминая. Это лучшее, что я когда-либо чувствовал. Она продолжает, и я становлюсь настолько расслабленным, что засыпаю.

— Пирс.

Открываю глаза и вижу Рэйчел, присевшую на корточки передо мной. Сажусь на диване и тру лицо ладонями.

— Как долго я спал?

— Около часа. — Она мягко убирает волосы с моего лба. — Массаж действительно тебя вырубил. Я не хотела тебя будить, но думаю, тебе будет удобнее в постели.

Я потягиваюсь. Мои мышцы на самом деле чувствуются более податливыми. А такого раньше не бывало. Я всегда так сильно напряжен, что едва могу дышать. Делаю вдох и замечаю, что мои грудные мышцы настолько расслаблены, что я действительно могу сделать один глубокий вдох вместо пары неглубоких, к которым привык.

— Ты действительно хороша в этом, — хвалю Рэйчел. — Чувствую себя прекрасно. Где ты научилась делать массаж?

Она пожимает плечами.

— Только что. Я просто ищу напряженные области, над которыми нужно поработать, а затем обращаю внимание на то, как человек реагирует.

— Ну, ты очень талантлива. Я не помню, когда в последний раз чувствовал себя так хорошо. Наверное, никогда.

— Тогда мне придется быть делать тебе массаж чаще. Ты не можешь постоянно быть таким напряженным. — Рэйчел протягивает мне руку. — Пойдем.

Мы направляемся в спальню. Она идет в ванную и готовится ко сну, пока я переодеваюсь. Повесив свои брюки в шкаф, замечаю ее сумку на полу. Я хочу, чтобы Рэйчел пересмотрела мое предложение. Мне не нравится, что она живет в захудалой квартире в опасном районе. Я хочу, чтобы она жила здесь. Со мной. Для ее безопасности, но также, потому что не хочу, чтобы она уходила.

Она выходит из ванной комнаты в белой майке и розово-белых полосатых пижамных штанах. Выглядит очаровательно и одновременно сексуально. Длинные каштановые волосы ниспадают на плечи, и на лице ни грамма косметики. Ей она и не нужна. Цвет лица Рэйчел безупречен, и у нее самое красивое личико. Идеально симметричное, с высокими скулами, как у модели. Ярко-голубые глаза, а губы мягкие и полные.

Я подошел к ней, приподняв ее лицо к себе.

— Боже, ты прекрасна.

Она смотрит так, будто у меня выросла вторая голова.

— Пирс, я даже не накрашена.

— И это хорошо. Ты великолепа.

Ее губы дрогнули, складываясь в застенчивую улыбку.

— Спасибо. Давай ложиться спать.

Не думаю, что она мне верит. Рэйчел действительно не знает, что она красивая? Что, никогда не смотрела в зеркало?

— Пирс. Ты собираешься надеть пижаму?

Я все еще смотрю ей в лицо, но вопрос заставляет меня оглядеть себя и вспомнить, что я в одних боксерах.

— О. Да. Извини, я отвлекся.

Она смеется и идет к кровати.

— Думаю, хотя бы штаны были бы в самый раз.

— Согласен. — Я иду к своему комоду и открываю ящик.

— Тот звонок... Это была твоя мама? Я не хотела подслушивать, только услышала, как ты поздоровался с ней, когда взял трубку.

— Да, она. — Найдя свои пижамные штаны, неторопливо их надеваю. — Ей необходимо, чтобы я сопровождал ее на званом ужине через несколько недель, потому что мой отец уехал из города.

— Я бы хотела с ней познакомиться. И с твоим отцом тоже. Может, когда он вернется из поездки, мы сможем поужинать все вместе.

Рэйчел не может встретиться с моими родителями. Они сразу же запретят мне с ней видеться. Так как это будет работать? Я же не могу вечно держать ее в секрете.

Я специально не отвечаю на ее предложение и ложусь в постель рядом с ней.

— Развернись. — Я делаю многозначительную паузу, а потом очень серьезно говорю: — О-о, и снимай майку.

— Что? — Рэйчел притворяется шокированной. — Что ты задумал?

— Увидишь. — Придвигаюсь ближе. — Сними, пожалуйста.

Она поворачивается ко мне спиной, стягивает майку и ложится на живот.

— Тебе не обязательно это делать. Я не так напряжена, как ты.

— Может, и нет, но это повод к тебе прикоснуться.

Рэйчел разворачивается ко мне, и мои глаза сразу опускаются к ее груди. Я пытаюсь не делать свой взгляд сексуальным, но теперь, когда мы в постели, а она топлес, все, о чем я могу думать, это о том, как сильно я хочу быть с ней.

— Тебе не нужен предлог, чтобы прикасаться ко мне, — тихо шепчет она.

— Несмотря ни на что, это справедливо, что я отвечаю взаимностью на массаж, так что перевернись.

Она делает, как я прошу, снова лежит на животе, ее голова на подушке.

Я размещаюсь на боку, используя одну руку, чтобы массировать ее, когда смотрю ей в лицо. Она открывает глаза и видит, что я на нее уставился.

— Действительно хорошо.

— Не так хорошо, как делала ты, но ты первый человек, которому я когда-либо делал массаж, поэтому на многое не рассчитывай.

— Ты никогда никому не делал массаж?

— Нет. Ты первая, так что, если я делаю что-то не так, просто скажи.

Она улыбается.

— Еще один первый раз для Пирса Кенсингтона. А еще у тебя было мороженое с шоколадной крошкой. — Вдруг Рэйчел хватает меня за руку. — О, нет! Мы забыли его съесть. Оно все еще на стойке. Я должна убрать его.

— Не беспокойся, все нормально. — Я кладу ее руку обратно на бок. — А теперь расслабься или испортишь удовольствие.

Она довольно улыбается и закрывает глаза.

Я кладу руку ей на шею, потом спускаю по ее позвоночнику, останавливаюсь, ко-

гда достигаю поясницы.

— Ну как?

— Приятно. Действительно очень приятно.

Я делаю так снова с чуть большим давлением.

— Я думаю, ты молодец, что будешь сопровождать свою маму, — говорит она, ее глаза все еще закрыты.

Я не знаю, почему Рэйчел продолжает говорить о моей матери. Я стараюсь не думать о ней прямо сейчас. Или о чем-то, что-то связано с той частью моей жизни.

— Ты хороший человек, Пирс.

Я напрягаюсь, когда она так говорит. Ее слова напоминают мне о том, что Шелби сказала то же самое, прямо здесь, в этой самой комнате. И сразу после того, как у нас был секс. Тогда они не были правдой, а сейчас и подавно. Я не хороший человек и никогда им не стану. Я совершаю плохие поступки. И я вру. Я постоянно вру. Обычно это меня не беспокоит, но теперь я лгу Рэйчел, и это больно, особенно после того, как она мне сегодня открылась.

Мне не нравится обманывать ее. Я хочу, чтобы она знала меня. Всего меня. Но это невозможно. Так что, как бы я не хотел все изменить, я должен продолжать лгать.

ГЛАВА 21 РЭЙЧЕЛ

Когда я просыпаюсь, то замечаю, что на мне нет майки. Наверное, я уснула, пока Пирс делал мне массаж. Это было так мило с его стороны, но он не должен был этого делать. Ему массаж был нужнее, чем мне. Я вот никогда не чувствовала себя такой напряженной, а его мышцы были как камни. Даже после часа массажа он все еще был скован, но чувствовал себя намного лучше.

Интересно, почему он такой напряженный. Ему всего двадцать пять. У него полно денег. Замечательная работа. Поэтому я не могу придумать причину, почему он так напряжен. Думаю, это просто его личная особенность. Некоторые люди сильнее поддаются стрессу, чем другие. Но это вредно для его здоровья, и я беспокоюсь о нем.

Пирс еще спит, его рука обернута вокруг моей талии, и он прижимается своей головой грудью к моей спине. Я рада, что уснула без футболки. Я люблю чувствовать тепло его кожи. Но мне холодно, поэтому я тянусь вниз за одеялом и пытаюсь укрыть нас обоих.

— Не уходи, — сонно бормочет он, сжимая вокруг меня руку.

Я снова расслабляюсь рядом с ним.

— Я здесь, и никуда не собираюсь, — шепчу, хотя почти уверена, что он крепко спит.

Пирс действительно не хочет, чтобы я уходила. И не только сегодня. Он просит меня переехать к нему. Когда он впервые сказал об этом, я думала, что он пошутил. Но нет, он был абсолютно серьезен, и теперь я рассматриваю подобный вариант. Я просто не уверена, что готова к такому шагу. Я люблю быть с ним, но также люблю свою независимость, и я не могу от нее отказаться. Итак, на данный момент мы продолжим то, что делали; иногда я буду оставаться у него, и как-нибудь ночью он сможет остаться у меня. Потому что мне это нравится. Мне нравится быть в его руках, спать рядом с ним. Я чувствую, что мое место здесь.

Сегодня в наших отношениях мы сделали огромный шаг вперед. Я, наконец, призналась ему, что не могу иметь детей. Ни разу не думала, что он так отреагирует, скорее, была уверена, что он порвет со мной. Но Пирс подобрал нужные слова, что я так отчаянно хотела услышать. Адам тоже многое говорил, но никогда по существу.

Адам разбил мне сердце, но сегодня Пирс сложил его кусочки вместе. Когда он сказал, что для него не имеет значения, могу ли я иметь детей, я ощутила, что отныне я в порядке. Что я нормальная, а не неполноценная, как заставлял меня чувствовать Адам.

Я не думаю, что Пирс понимает, насколько для меня важна его поддержка. Он заставил меня почувствовать то, что я никогда не чувствовала с Адамом или любым другим парнем, с которым встречалась. Это была любовь, чистая и простая, и она стала для меня сюрпризом. Мне все еще интересно, что означают мои чувства. Что я влюблена в Пирса? Может быть. А если нет, я определенно в него влюбилась после вчерашнего вечера. И думаю, что он может разделять мои чувства.

Шелби сказала, что если бы Адам любил меня, ему было бы наплевать на то, что я не могу иметь детей. И зная это, он не хотел быть со мной. И Пирс тоже знает, но хочет. Значит ли это, что он любит меня? Я не знаю. И не думаю, что он сам знает. Мы оба погружаемся в то, в чем мы не уверены и к чему не готовы. И все же мы просто продолжаем падать, ожидая увидеть, где приземлимся.

Несколько часов спустя я просыпаюсь под звуки классической музыки. Будильник Пирса отключается. Я перевернулась и увидела, что он уже не в постели.

— Сожалею, что разбудил. — Пирс выходит из ванной в одном полотенце, обернутом вокруг талии. В остальном он весь на виду: широкие плечи, мускулистые руки,

накаченный пресс. Черт, он горячий. Я больше не могу сопротивляться. Мы должны заняться сексом в ближайшее время. Очень скоро.

— Все в порядке, — успокаиваю я его, когда он выключает будильник. — Мне уже нужно вставать.

Пирс садится рядом со мной на кровать и наклоняется, чтобы поцеловать. Он пахнет свежестью и чистотой, всем, что есть в его душе. Очень трудно ему сопротивляться.

— Доброе утро. — Он мне улыбается. И улыбка у него такая сексуальная. И голос тоже. Глубокий, проникновенный, что еще сильнее ослабляет мое сопротивление.

— Как тебе спалось? — Выпаливаю первое, что пришло в голову, пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом, кроме сексуального напряжения, зависшего между нами.

— Отлично. Благодаря массажу я спал так крепко, будто несколько дней. И чувствую себя прекрасно. Я обычно еле двигаюсь по утрам, но сегодня все иначе.

— Хорошо. — Я замечаю его пристальный взгляд на моей груди, и, посмотрев вниз, понимаю, что не прикрыта. — Упс. — Тут же натягиваю на себя одеяло.

Пирс усмехается.

— Нет необходимости ничего от меня скрывать. Я уже видел твою грудь. Вообще-то, несколько раз.

Я невольно улыбаюсь в ответ.

— Ну, конечно же. Я помню.

— Ты бы хотела воспользоваться душем? Я уже закончил.

Последние два дня я принимала душ в гостевой ванной в комнате дальше по коридору, пока Пирс пользовался душем здесь. Я сказала ему, что так проще, в целях экономии времени, но на самом деле я не хотела быть рядом с ним, пока он принимал душ. Возникал слишком большой соблазн к нему присоединиться.

— Эм, нет, все в порядке. Я приму душ дома.

— У меня очень хорошая душевая кабинка. Множественные ливневые головки с различными насадками. И даже есть полотенце-сушитель, и у тебя будет теплое полотенце, когда ты закончишь.

— Звучит привлекательно по сравнению с моим душем, с едва стекающей водой, которая к тому же обычно еле теплая, если не вообще холодная.

Он встает и указывает мне на двери ванной.

— Иди. Принимай душ так долго, как тебе хочется. Там полно горячей воды. Вот увидишь, еще придется тебя оттуда вытягивать.

— Окей. — Я придерживаю одеяло, скрестив руки на груди, когда иду в душ. Я знаю, что он видел мою грудь раньше, но я все еще чувствую себя неловко, разгуливая обнаженной по пояс. Закрыв за собой дверь в ванную, я быстро почистила зубы. Затем, сняв свои пижамные штаны, открываю стеклянную душевую дверь и вхожу внутрь. Пар после Пирса все еще клубится в воздухе, делая его разгоряченным. Я пытаюсь включить воду, но тут столько рычагов и ручек, что я не знаю, куда сначала нажать.

— Эм, Пирс? — Я кричу в душевую дверь.

— Да, — слышу, как он отвечает мне из спальни.

— Как включить душ?

— Я покажу тебе. Можно войти?

— Да.

Он заходит в ванную комнату, затем в большую душевую кабину, удерживая свои глаза на стене, покрытой плиткой, а не на моем обнаженном теле. Кладет руку на один из рычагов и поясняет: — Этот включает, а этот регулирует температуру воды. — Указывает на одну из ручек. — Если ты хочешь отрегулировать душевые головки, просто поверни вот эту ручку влево или вправо. Каждая из них имеет три па-

раметра.

— Спасибо тебе.

Он ухмыляется, когда оглядывает меня сверху вниз и обратно.

— Всегда, пожалуйста.

— Эй. — Я легонько толкаю его в грудь. — Ты не должен смотреть.

— Тогда я не понимаю, зачем ты меня сюда пригласила.

— Я не приглашала тебя. Я просто попросила помощи.

— И я помог. — Он наклоняется, и наши губы встречаются в медленном, очень сексуальном, очень преднамеренном поцелуе.

Он испытывает мою силу воли. Я голая. Он в одном полотенце. Мы сейчас в душе. И его поцелуй плавит мои внутренности.

Пирс внезапно останавливается и уходит обратно в ванную.

— Не возражаешь, если я побреюсь, пока ты в душе?

— Эм, нет, давай, — еле открываю рот, спотыкаясь на каждом своем слове, ибо мой мозг отказывается полностью функционировать после нашего поцелуя. Я включаю воду и пытаюсь отрегулировать температуру.

Через стеклянную душевую дверь вижу, как Пирс наносит на лицо крем для бритья.

В зеркале он ловит меня, наблюдающую за ним, и улыбается.

— Как там душ?

— Здорово. — Я поворачиваюсь так, что все три душевые головки падали на меня сверху, как дождь. — На самом деле, это чистый рай. Намного лучше, чем мой. Я бы с удовольствием принимала его как можно чаще.

— Могла бы, если бы жила здесь.

Стираю воду с глаз и вижу, как Пирс проводит бритвой по щеке.

Я вдруг решила над ним подшутить.

— Сколько стоит аренда?

— Сколько ты платишь за свою нынешнюю квартиру?

— Пятьсот в месяц, плюс коммунальные услуги.

— Здесь арендная плата составляет всего сотню в месяц, и коммунальные услуги включены в стоимость.

— Поразительно, какая выгодная сделка. Но мне придется тратить на дорогу до колледжа каждый день полчаса. Лишние траты на бензин.

— Даже с ним выходит все еще дешевле, чем то место, где ты сейчас живешь.

— И то правда. — Закрываю глаза, когда вода стекает по моему лицу.

— Так что ты думаешь?

Я слышу его голос рядом с собой. Открываю глаза и смотрю на Пирса. На этот раз на нем никакого полотенца. Только он, во всей своей красе. Свежевыбритый и выглядит совершенно неотразимым.

— Мне нужно немного времени, — едва говорю, чувствуя, как сбивается дыхание, когда мое сердце устраивает скачки в груди.

Он все еще стоит в дверях с сексуальной улыбочкой на губах. Я не могу оторвать от него глаз. Я пытаюсь, но не могу. Его тело потрясающее. Я знаю, что он много работает, но хотелось бы знать, где занимается после офиса, и какая тренировка дает такой результат. Его тело мощное. Крепкое. С точеными мышцами. Я распалюсь еще больше, просто глядя на него.

Пирс подошел ближе, обвив рукой мою талию, наклонился и прошептал прямо в ухо.

— Хочешь, чтобы я ушел? — Он прокладывает мягкие, теплые поцелуи вдоль моей шеи, пока сверху на нас течет вода.

Мои глаза снова закрываются, когда я качаю головой, не в состоянии ответить. Я

слишком сосредоточена на том, как великолепно он ощущается. Как сильно возбуждает меня. Как я отчаянно хочу, чтобы он не останавливался.

Я чувствую его губы на своих, когда рукой он медленно ведет по моему позвоночнику, так же, как прошлой ночью, когда делал мне массаж. Но на этот раз нет пояса, чтобы его остановить, и рука продолжает двигаться, скользит по моему бедру, смещаясь к внутренней стороне. Его другая рука лежит на моей шее, удерживая меня на месте, когда поцелуй углубляется. Все тело горит, взрывается ощущениями, которые только усиливаются, когда его рука оказывается между моих ног. Пирс демонстрирует свой талант в этой области еще раз, и несколько минут спустя я растекаюсь лужицей, находя, что трудно оставаться на ногах, когда волны удовольствия ослабляют мои колени.

Его рука возвращается к моей талии, поддерживая.

— Рэйчел.

Я нехотя открываю глаза и вижу, как он внимательно на меня смотрит.

— Да.

— Насколько хорошо ты меня знаешь?

Блаженно улыбаюсь.

— Достаточно хорошо.

Я все еще прихожу в себя после того, что он со мной сделал. Мое тело очень чувствительно к его прикосновениям. Но я готова к большему. Я и так продержалась довольно долго. Я хочу Пирса. Я так сильно его хочу.

— Ты уверена? — переспрашивает он, словно давая мне возможность отступить.

— Абсолютно.

Я обнимаю его руками за шею, когда Пирс приподнимает меня вверх и прижимает к стене. Задыхаюсь, когда он толкается в меня. Я уже и забыла, как удивительно он чувствуется. На самом деле, я не забыла, но пыталась заблокировать воспоминания, чтобы сосредоточиться на других аспектах наших отношений. Но с меня хватит. Мой самоконтроль исчез, особенно сейчас, когда мне напомнили, насколько мы совместимы. Не только наши тела, но и то, что Пирс чувствует, когда трогает меня. Это прекрасно. Как будто он знает, что мне нравится.

Я стараюсь сосредоточиться на каждом ощущении, наслаждаясь ими и желая, чтобы они продолжались. Но это слишком подавляюще и сложно, и прежде чем я понимаю, что делаю, я хватаюсь за Пирса, выкрикиваю его имя, умоляя не останавливаться. Экстаз настигает меня, посылая в очередную блаженную поездку чистого удовольствия. Все настолько интенсивно, как никогда ранее, ни с кем другим.

Я держусь за Пирса, когда он кончает, а потом медленно разжимаю руки, позволяя ему опустить меня на пол. Он убирает с моей щеки мокрые пряди волос и целует меня.

— Ты прав, — говорю я. — Отличный душ.

Он смеется своим глубоким и хриплым голосом.

— Да. На самом деле, мне он теперь нравится еще больше. Ты закончила здесь, или дать тебе еще чуть больше времени?

— Мне просто нужно быстро вымыть волосы. — Пирс выходит из душа, когда я добираюсь до шампуня. Когда мою голову, я понимаю, что мы не использовали презерватив. Последние пару раз, когда мы занимались сексом, Пирс настаивал на презервативе, хотя я сказала ему, что на таблетках. Надеюсь, у него нет никаких болезней. Он говорил, что нет, но, возможно, он не придал моему вопросу должного значения.

Закончив с волосами, я отключаю воду. Пирс открывает дверь в душ и вручает мне полотенце.

— Я разогрел его для тебя.

Заворачиваюсь в теплую махровую ткань.

— Боже мой, это удивительно. Я люблю твой полотенце-сушитель почти так же, как душевую кабинку.

— Еще одно преимущество жизни здесь, — подчёркивает он, входя в комнату. Все еще голый. После того, чем мы только что занимались, ему не нужно прикрываться полотенцем. И он мне больше нравится без него.

Я догоняю его в спальне.

— Пирс, могу я задать тебе вопрос?

— Конечно. — Он роется в своем комодe, вытаскивая пару боксеров.

— Не хочу портить настроение, но просто, чтобы внести ясность, ты чист, верно? Я имею в виду, что у тебя же нет никаких ЗППП?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— В последний раз, ты был довольно настойчив в использовании презерватива, поэтому я просто хотела убедиться, что...

— У меня нет ЗППП. Я всегда использовал защиту, и это стало привычкой. И я никогда раньше не занимался сексом без него, кроме как в этот раз.

— Правда? — Я подошла к нему, удивленно заглядывая ему в глаза. — Так я твоя первая?

Он крепко целует меня.

— Да, ты моя первая.

— Еще одна новая вещь, с которой я тебя познакомила. — Я возвращаю ему поцелуй. — И на этот раз это была лично я. Для меня честь быть первой.

— Я хотел бы, чтобы ты была и моей второй. — Он берет мое полотенце и отбрасывает его в сторону. — И моей третьей. И четвертой, и пятой, и так до бесконечности. — Его руки направляют меня к постели.

— Пирс, тебе надо на работу. Ты опоздаешь.

— Она никуда не денется. С другой стороны, ты скоро уйдешь. Поэтому ты в приоритете.

Мы снова занимаемся сексом, на этот раз в постели. Потом он надевает костюм и галстук, а я — джинсы и свитер, и мы прощаемся. Я возвращаюсь в Нью-Хейвен, а он направляется к себе в офис.

Когда я добираюсь до своей квартиры, то практически бегу по лестнице. Я в отличном настроении. И так счастлива. Может быть, я влюблена.

Открыв дверь в свою квартиру, ставлю сумку на пол. Иду на кухню, чтобы приготовить кофе. Как назло звонит телефон.

Я поднимаю трубку.

— Алло?

— Привет, красавица.

Я улыбаюсь его словам и глубокому, сексуальному голосу.

— Привет.

— Я просто хотел убедиться, что ты нормально добралась до дома.

— Да, но спасибо, что проверил. Ты уже на работе?

— Да.

— Что ж, хорошего тебе дня.

— И тебе тоже. Увидимся вечером. Я не знаю, во сколько, но я позвоню позже и дам знать.

— Окей. Тогда до встречи.

— Прощай, Рэйчел.

Я вешаю трубку и понимаю, что все еще улыбаюсь.

Стучат в дверь, и я иду посмотреть, кто это. Шелби. Я не разговаривала с ней с тех пор, как мы встретились на лестнице, и она читала мне лекции о Пирсе. Я была очень зла на нее в тот день, но теперь успокоилась. Несколько раз заходила к ней, но

ее не было дома.

Я открываю дверь, но она не заходит внутрь. Просто стоит, хмурится, ее плечи поникли.

— Рэйчел, мне очень жаль. Ты все еще злишься на меня?

— Нет. — Делаю шаг к ней и обнимаю. — Нисколько. Входи.

Она закрывает за собой дверь.

— Хочешь немного кофе? — спрашиваю Шелби, когда мы идем в кухню.

— Конечно.

— Так, где ты была? Я давно тебя не видела.

— Я живу в доме моих родителей. Помогаю маме заботиться о папе.

— Как у него дела?

— Без изменений. Я не хочу об этом говорить. — Тут она замечает мою сумку у двери. — Ты уезжаешь из города?

— Нет. Там вчерашняя одежда. Я была в квартире у Пирса.

— О. — У нее снова тот самый взгляд, что тогда, на лестнице. Взгляд полный разочарования и беспокойства.

Я достаю две кружки из шкафа.

— Шелби, я знаю, он тебе не нравится, но я люблю его. Правда, люблю. Так что, пожалуйста, не говори о нем больше ничего плохого. — Она молчит, когда я беру кофейник и наполняю наши кружки, вручая одну ей.

— Так чем вы занимались прошлой ночью? — Она вздыхает и потягивает кофе.

— Мы ужинали, а потом поговорили. — Я достаю из холодильника молоко и наливаю его в свою кружку. — И я рассказала ему.

— О чем?

— Я призналась Пирсу, что не могу иметь детей.

— Что? Зачем ты ему это сказала? Ребята, вы серьезно? Ты уже говоришь о детях?

— Нет. Но я подняла эту тему, потому что чувствовала, что он должен знать. Мне было плохо скрывать от него такой секрет. И если бы он хотел порвать со мной, я бы предпочла сделать это сейчас, чем позже.

— Он так и поступил? — Голос Шелби звучит с надеждой, будто Пирс сделал то, что она хотела.

— Нет. Он сказал мне, что мое признание только сблизило нас. Ты бы его слышала, Шелби. Он был таким милым. Сказал, что ему все равно, что я не могу иметь детей и что единственное, что его волнует — это я. — Я мечтательно улыбаюсь. — Он такой замечательный. Заботливый, чуткий и щедрый. И даже предложил мне остаться в его квартире. Пирс думает, что район, в котором я живу, небезопасен, и честно говоря, я с ним согласна.

Она смотрит на меня, выглядя еще более разочарованной.

— О чем ты говоришь? Ты переезжаешь к нему? Уже?

— Нет. Я сказала, что еще слишком рано. Но я раздумываю над его предложением. В смысле, я уже часто остаюсь там ночевать, или он приходит ко мне, так что мы практически вместе живем.

— Рэйчел, нет. — Она тянется и кладет свою руку на мою. — Не делай этого. Тебе нужно свое собственное место. Тебе не нужен контролирующий тебя парень.

Я раздраженно вырываюсь.

— Он меня не контролирует. Почему ты так говоришь?

— Потому что парни вроде него всегда так делают. Они заманивают тебя, говорят все, что ты хочешь услышать, платят за все, покупают тебе одежду. И прежде чем ты понимаешь, они уже оккупировали твою жизнь, указывая, что делать, где жить. Ты для них как собственность. А потом, когда им наскучит, они выбрасывают тебя на обочину.

— О чем, ты, Шелби? Пирс не такой. Он не контролирует меня. И не относится ко мне как к собственности.

— Относится. Ты смотришь на него через розовые очки.

Я стараюсь сохранять спокойствие, даже если я хочу заорать на нее и сказать, что она ошибается, и лучше ей вообще ничего не говорить.

— Думаю, тебе лучше уйти.

Шелби обошла кухонный островок, опустив руки на свои бедра.

— Почему ты меня не слушаешь? Черт побери, Рэйчел, я пытаюсь быть твоим другом! Я пытаюсь приглядывать за тобой!

Почему она кричит на меня? Это я должна злиться, а не она.

— И почему ты думаешь, что обязана заботиться обо мне?

Она открывает рот, чтобы ответить, но вздыхает, и ничего не говорит.

— Что ты собиралась сказать, Шелби? Что я глупая наивная девчонка с фермы в Индиане, не способная принимать правильные решения?

— Нет! Это не то, что я хотела сказать.

— И не надо. Я знаю, что ты обо мне думаешь. Ты всегда говоришь мне, насколько я наивна и что...

— Я просто шутила, Рэйчел. Это только между нами.

— Да, и я устала от всего этого и для меня не смешно. — Я устало смотрю на дверь. — Думаю, тебе нужно идти.

— Рэйчел, я знаю, что ты не хочешь ничего слышать, но, пожалуйста, выслушай меня. Пирс врет тебе. Он не тот, кем ты его считаешь.

— И откуда ты знаешь? — Я бросаю ей вызов. Если она собирается продолжать обвинять Пирса, я собираюсь заставить ее идти до конца. И когда она не сможет, то докажет, что бессовестно врет, и, наконец, с ее попытками рассорить нас будет покончено.

— Вы бывали где-нибудь, кроме его квартиры? — спрашивает Шелби, сверля меня глазами.

— Да. Конечно.

— И где именно?

— Мы ужинали. Пили кофе. Ходили в кино, и в торговый центр.

— И все это здесь, в Нью-Хейвене. Но как насчет города, где он живет или работает? Или там, откуда он родом?

— Нет, но я уверена, что скоро...

— Этого не случится, Рэйчел. Он никогда не возьмет тебя туда, где люди, которых он знает, могли бы увидеть его с тобой.

— Я уверена, что у него много знакомых в Нью-Хейвене, и мы ходили здесь гулять.

— Да, скрывались в ресторане, чтобы не быть пойманными его друзьями. И люди из его круга общения не ходят в торговые центры. Бьюсь об заклад, он сам даже не был там прежде, чем ты его туда отвезла.

Я молчу, потому что она права. И она говорит правду. Мы с Пирсом почти никогда не выходили, и несколько раз мы были в местах, куда он обычно никогда не ходил. Это было намеренно? Он согласился пойти только потому, что не наткнулся там бы ни на кого из знакомых?

Проклятие. Почему я слушаю Шелби? Почему я позволяю ей посеять во мне сомнения касательно Пирса?

— Шелби, я больше не хочу об этом говорить.

— Потому что ты знаешь, что я права. И если хочешь удостовериться, попроси Пирса пригласить тебя на ужин. Скажи ему, что хочешь поехать в ресторан, который находится там, где живет он. Или попроси его отвезти тебя в его любимый. Посмотрим, что он скажет. Если он согласится, тогда, возможно, я на счет него ошибаюсь.

Я ставлю свою кружку в раковину.

— Мне надо подготовиться к занятиям.

Она мчится к двери, но, передумав, возвращается.

— Попроси его познакомить тебя со своими друзьями. Всего с одним. И посмотрим, что он скажет.

— Прощай, Шелби.

Она уходит, не попрощавшись, с грохотом закрывая за собой дверь. Она злится, но у нее нет на это права. Ее слова не имеют смысла. Если только она не завидует, что у меня есть такой парень, как Пирс, а у нее нет. Но Шелби не выглядит такой, поэтому я не пойму, в чем ее проблема.

Мой телефон снова звонит, и я улыбаюсь, предполагая, что это Пирс.

— Да?

— Рэйчел? Это Адам.

Моя улыбка мгновенно исчезает.

— Адам. Почему ты звонишь?

Он коротко смеется.

— Что за вопрос? Мы друзья. И раньше мы были намного ближе, чем сейчас.

— Да, но все закончилось, и я не разговаривала с тобой больше года.

— Я хотел тебе позвонить. У меня просто не было времени, я был очень занят. Не знаю, говорила ли тебе твоя мама, но я открыл свою бухгалтерскую фирму здесь, в городе. Ну, не совсем фирму. Нас всего лишь двое, я и Дин Армисон. Помнишь его? Со средней школы?

— Да.

— В любом случае, мистер Кизнер, наконец, ушел в отставку, поэтому мы с Дином постепенно забираем его клиентов. Дела идут очень хорошо.

— Рада за тебя. — Мне нужно положить трубку. Я не хочу с ним разговаривать. — Послушай, Адам. Я знаю, что моя мама дала тебе мой номер, но...

— Да, я ужинал с твоими родителями несколько недель назад. Они подумали, что я займусь их бухгалтерскими книгами, чтобы твоей маме больше не пришлось ломать над ними голову. Существует много сложных налоговых правил, связанных с сельским хозяйством, и трудно идти с ними в ногу.

Так вот почему он обедал с моими родителями? Чтобы заполучить их бизнес? А моя мама думала, что он просто милый. Если кто и лжет, то это Адам, а не Пирс.

— Мне нужно идти на занятия, — говорю я ему.

— Тогда я тебе позже позвоню. Я много думал о тебе и очень хочу с тобой поговорить.

— Я не думаю, что это хорошая идея. У меня есть парень.

— Твоя мама сказала, что ты ни с кем не встречаешься.

Я страдальчески закатываю глаза. Большое спасибо, мам.

— Моей маме стоило держать язык за зубами. Она знает, что я кое с кем встречаюсь. Мне жаль, что она ввела тебя в заблуждение.

— Между вами все серьезно?

— Адам, я не буду обсуждать с тобой свою личную жизнь.

— Как долго вы встречаетесь?

— Мне действительно нужно идти, или я опоздаю на занятия. Удачи тебе в твоём бизнесе.

— Рэйчел, подожди.

— Что?

— Я скучаю по тебе. И хочу тебя увидеть.

— Нет. Сюда ты не придешь.

— Нам нужно поговорить. Не по телефону.

— Не о чем говорить. Мы не будем снова вместе.

— Рэйчел, мы встречались год. Мы были помолвлены. Ты не можешь просто все забыть. Мы должны дать нам еще один шанс.

— Не я все выбросила на помойку. А ты. — Я ненавижу, как он всегда возлагает на меня вину, как будто сам он не причем.

— Это нечестно, Рэйчел. Ты не можешь сказать мне, что не понимаешь, почему я так отреагировал, когда узнал, что сказал доктор. Я всегда думал, что у меня будут дети. А потом ты говоришь мне, что я не могу стать отцом? Я не мог просто согласиться жениться на тебе после такого известия. Мне нужно было время, чтобы подумать.

Дело всегда только в нем. Он такой эгоистичный. Не могу поверить, что встречалась с таким парнем.

— Я не хочу говорить об этом. Наши отношения закончены, Адам. Я двигаюсь дальше. С другим.

— Он бросит тебя, когда узнает. Ты ведь это понимаешь, да? Никто никогда не захочет тебя, зная, что ты не можешь иметь детей. Я делаю тебе одолжение, Рэйчел. Я все еще готов быть с тобой, не смотря на...

— Прощай, Адам. Никогда больше мне не звони. — Я вешаю трубку, прежде чем он еще что-нибудь скажет.

Мои глаза полны слез, но я выпрямляюсь и глубоко дышу. Не позволю ненавистным словам Адама добраться до меня. Никто никогда меня не захочет? Он ошибается. Потому что у меня есть кто-то, кто хочет меня. Пирс хочет меня, несмотря на то, что я не могу иметь детей.

Я быстро проверяю часы. Занятия начинаются через десять минут. Как так быстро успело пролететь время? Хватаю свой рюкзак и бегу к машине, воспроизводя разговор с Адамом в своей голове.

Он действительно пытался вернуться ко мне? Моя мама сказала ему, что я хочу быть с ним? Боже, надеюсь, что нет. Я не думаю, что она открыто об этом заявила, но, должно быть, намекнула. Иногда она меня бесит. Я бы хотела, чтобы она просто держалась подальше от моей личной жизни и перестала пытаться меня контролировать.

Я так зла от высказываний Шелби и звонка Адама, что почти прозевала знак остановки. Я давлю по тормозам, но вместо того, чтобы немедленно остановиться, машина движется и притормаживает, когда я на полпути через перекресток, причем тормоза издают громкий визг. К счастью, никого нет рядом, и я не провоцирую аварию.

Все просто замечательно. Теперь мне срочно нужны новые тормоза. Я знала, что в перспективе они мне скоро понадобятся. Последние пару месяцев я планировала их поменять, но у меня нет денег. Я езжу не часто, а когда приходится, обычно не выезжаю за черту города, поэтому надеялась, что могу выиграть еще несколько месяцев, не меняя тормоза. Но больше ждать нельзя. Слишком опасно. Мне придется найти другую работу, чтобы поскорее собрать денег. Знак **«Требуется работник»** в продуктовом магазине все еще висит в витрине. Я напишу заявление сегодня, по дороге домой.

А ведь этот день начался так здорово. Но с каждым часом становился все хуже и хуже. По крайней мере, вечером я увижу Пирса. Это единственное, чего я жду с нетерпением.

ГЛАВА 22

ПИРС

До сих пор этот день был одним из лучших в моей жизни. И это не преувеличение. Он начался с того, что я проснулся, обнимая Рэйчел, после того, как замечательно и крепко спал. Затем душ, чего я вообще не ожидал. Я думал, что буду просто подразнивать Рэйчел, а она велит мне уйти. И когда случилось совершенно противоположное, я не смог сдерживаться достаточно долго, чтобы добраться до кровати. Я даже не позаботился наличием презерватива. И странно то, что я даже не вспомнил о нем, пока Рэйчел не напомнила. Вдвойне странно, потому что я всегда очень осторожен, когда дело доходит до защиты. Я не хочу, чтобы женщина забеременела. Опять же, Рэйчел не может, поэтому беспокойство бессмысленно. Но она же сказала, что принимает таблетки, так что остается мизерный шанс на незапланированную беременность. Признавшись, что не может иметь детей, Рэйчел не объяснила, почему. Может, у нее другая медицинская проблема, о которой она мне так и не сказала.

После душа мы снова занялись сексом, и к тому времени, когда я поехал на работу, я словно парил в небесах. Рэйчел — мои небеса. Я все еще чувствую ее, несмотря на то, что уже одиннадцать часов. Мне нужно было приехать к девяти, так что я бесовестно опоздал. Если бы мой отец был здесь, он бы меня уже наказал. Но его здесь нет. Он все еще в Европе. В его кабинете темно, а дверь закрыта. И весь офис чувствуется более светлым и ярким. Даже остальные сотрудники, кажется, улыбаются чаще, чем обычно. Мы все счастливы без моего отца.

В полдень я иду в спортзал, чтобы позаниматься. Первоначально, мои тренировки были запланированы после работы, но на прошлой неделе я передвинул их на полдень, чтобы проводить вечера с Рэйчел.

С тех пор, как я с ней, я, наконец-то, сплю по ночам. У меня переизбыток энергии, так что я усиливаю интенсивность своих тренировок. Я полон решимости прийти в наилучшую форму. Хочу быть сильным. Настоящим бойцом. Больше не собираюсь сидеть, сложа руки, и позволять другим контролировать мою жизнь. Раньше мне было все равно. Не было ничего мотивирующего. Ничто меня не удерживало. Но теперь все изменилось. Теперь у меня есть Рэйчел, и я буду бороться до самой смерти, чтобы быть с ней.

Я ухожу с работы в пять, намного раньше, чем обычно. Еду домой, переодеваюсь и собираю сумку. Я позвонил Рэйчел час назад, чтобы сообщить, когда приеду. Она все еще на работе и сказала, что перед уходом у нее запланирована экскурсия. По дороге в ее квартиру я останавливаюсь в моем любимом итальянском ресторане и забираю заказанную еду. Довольно большую порцию, чтобы осталось еще до конца недели. Мне не нравится, что она плохо питается. Хот-доги и макароны с сыром не совсем подходящая пища. Она не любит брать у меня деньги, но ей нужно хотя бы позволить мне помочь с продуктами.

Я прихожу к ней с двумя большими пакетами. Стучу несколько раз, но в ответ тишина. Тут дверь рядом с ее квартирой открывается, и появляется Шелби.

— Она опаздывает, — сообщает она, не глядя на меня, когда открывает дверь Рэйчел. — Она просила тебя впустить.

Шелби одета в узкие джинсы и короткую, свободную толстовку, ее светлые волосы собраны в неаккуратный хвост. Она выглядит будто школьница, хотя, по словам Рэйчел, ей двадцать два.

— Как скоро Рэйчел придет? — интересуюсь у Шелби, входя внутрь.

Она пожимает плечами.

— Может, через полчаса. Она сказала, что экскурсия запаздывает. Посетители из дома престарелых, и у этих людей всегда много вопросов.

Я иду на кухню и кладу пакеты с едой на кухонный островок. Поворачиваюсь и вижу Шелби прямо позади себя. Я не слышал, как она входила.

— Тебе что-то нужно? — Смотрю на нее, вопросительно приподняв бровь.

Она прищуривается, глядя на меня.

— Я сказала тебе перестать с ней встречаться.

— И почему я должен тебя послушаться?

Шелби хохочет, скрещивая руки над грудью.

— Ты сволочь, знаешь?

— Почему? Потому что встречаюсь с Рэйчел, а ты не одобряешь? Хорошо, просто тогда не обращай внимания. Это не твое чертово дело.

— Как раз мое. Она моя подруга, и я забочусь о ней.

— Как и я.

— Нет, ты этого не делаешь. Ты используешь ее, и я не знаю, почему. Ты можешь иметь любую женщину, какую захочешь, так почему она? Почему Рэйчел?

— Я не использую ее. Я уже говорил, что забочусь о ней. Больше всего на свете. Она самая удивительная женщина, которую я когда-либо встречал. Добрая, красивая, умная и абсолютно бескорыстная. И мне всегда ее недостаточно. Все, что я хочу, это быть с ней. Делать ее счастливой.

Руки Шелби опадают по бокам, когда она смотрит на меня, едва моргая.

— Твою мать.

— Прости, что?

— Черт, черт, черт! — Она начинает метаться из стороны в сторону.

— Что случилось? Что ты делаешь?

Девушка резко останавливается прямо передо мной.

— Ты любишь ее, не так ли? Ты любишь Рэйчел.

Я не знаю, что ответить. Серьезно, не знаю. Я люблю Рэйчел? Я не уверен. Я никогда не был влюблен, так что, может быть, поэтому ничего и не понимаю. Кажется, Шелби думает, что люблю. Но откуда ей знать? Она же не влюблена. Просто к слову сказала. Но зачем ей это? Она даже не хочет, чтобы я был с Рэйчел, и говорить мне, что я влюблен в нее, никак не поможет нам расстаться.

— Твою мать! — Шелби повторяется. — Ты влюблен в нее? Как такое вообще возможно? Я думала, парни вроде тебя не влюбляются. Разве нет правила, запрещающего подобное? Я уверена, что есть. То место — не что иное, как одно сплошное правило!

Она имеет в виду организацию, о которой вообще не должна упоминать. Никогда, даже занимаясь официальными делами в качестве коллеги.

— Не говори о них, — предупреждаю ее. — Особенно здесь.

Шелби с вызовом кладет руки себе на бедра.

— Признай это. Ты любишь ее.

— Я просто с ней встречаюсь. И никогда не говорил, что влюблен.

— Тебе и не обязательно. Все написано на твоём лице. У тебя такой же сумасшедший видок, как и у Рэйчел. — Она разворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за руку.

— Стой. Рэйчел влюблена в меня?

Она раздраженно фыркает и закатывает глаза.

— О, пожалуйста, как будто ты этого не знал!

— Нет, не знал. Она никогда мне этого не говорила. Почему ты думаешь, что она в меня влюбилась?

— Вот из-за этого. — Шелби машет рукой перед моим лицом. — Ваши глаза, когда вы говорите друг о друге. Они загораются, а на лице появляется глупая улыбка. Как будто ты не можешь себя контролировать. Это чертовски раздражает, знаешь ли.

— Она не любит меня. Мы не так долго знаем друг друга.

— Я как бы в курсе, да? — Пройдя в гостиную, Шелби плюхается на диван. — Думала, что ошибаюсь. Может быть, Рэйчел просто выдумала, что влюблена в тебя, потому что ты богат и горяч, и иногда можешь быть очаровательным.

Я невольно улыбаюсь ее комплименту, когда сажусь в кресло рядом с диваном.

— Иногда?

Она снова закатывает глаза.

— Не льсти себе. Все знают, что такие парни, как вы, включают свое очарование, когда нужно произвести впечатление на девушку. Я думала, Рэйчел сможет распознать твои игры, но вместо этого она влюбилась.

— Я не буду играть с ней.

— О, правда? — Она перемещается по дивану, чтобы сесть ко мне лицом. — Тогда почему ты держишь ее, зная, что никогда не сможешь с ней быть?

Я опускаю глаза в пол, потирая лоб кончиками пальцев.

— Если я хочу быть с ней, я буду. Это не им решать.

— Да что ты, черт бы тебя побрал. — Шелби пинает меня своей ногой по голени. — Пирс.

Я поднимаю голову.

— Что?

— Ты знаешь, что не можешь быть с ней. Никогда. И если бы ты действительно любил ее, то отпустил бы. Если будешь и дальше продолжать, ты еще больше навредишь ей, когда уйдешь.

— Я не оставлю ее. Я собираюсь найти способ, чтобы это сработало.

— Так ты собираешься жениться на ней?

— Не знаю. Я не думал об этом.

— Ерунда. Все ты думал. И ты действительно не против, что у тебя никогда не будет детей?

— Я никогда и не хотел, поэтому тот факт, что она не может их иметь, меня не беспокоит. И я не изменил бы своего мнения, даже если бы и планировал завести наследника. К тому же, я-то уж точно не бросил бы Рэйчел из-за этого. Даже не обсуждается. Я люблю ее слишком сильно... — Я запинаюсь, понимая, что только что сказал.

— Видишь? Что я тебе говорила? — Шелби укоризненно смотрит на меня. — Это все так запутанно. Ты серьезно думаешь о совместном будущем с ней?

— Конечно, я... я люблю... — Закрываю рот, прежде чем снова повторять, как заведенный. — Твою ж мать.

— Да. — Шелби падает на спинку дивана. — Именно то, что я и сказала.

С горечью вздыхаю.

— Я не это имел в виду. Все не так уж и плохо. Просто неожиданно, и происходит так быстро, что я не готов.

— Ну, тебе лучше подготовить свою задницу и выяснить, что, черт возьми, тебе делать дальше, потому что ты будешь в глубоком дерьме, если они о ней узнают.

— Мне не нужна лекция. Я прекрасно понимаю последствия.

— Так что ты собираешься делать?

— Я еще не знаю.

Шелби резво вскакивает с дивана.

— А я знаю, и не позволю ей совершить ошибку. Мне все равно, влюблены вы двое, или нет. Любовь можно уничтожить. Она может найти кого-то другого. Я не позволю ей погрузиться в мир Пирса Кенсингтона, твоих друзей-мудаков и психованного отца.

Я медленно встаю.

— Откуда ты знаешь моего отца?

— Ты будто не знаешь, что твой отец пользуется нашими услугами? Думаешь, он не изменяет твоей маме? Seriously?

— Конечно, я знаю, что он ей изменяет. И в курсе, что он пользуется коллегами. Я просто не думал, что с ним была ты. — Я чувствую себя отвратительно. Мой отец и я, мы разделили одну и ту же женщину. Шелби достаточно молода, могла бы быть его дочерью. Да что с ним не так? — Почему ты сказала, что он псих?

— Потому что ему нравится всякое странное дерьмо, такое как...

— Достаточно. Мне не нужно этого слышать.

— Я была с ним после того, как была с тобой. Говорю на случай, если это заставит тебя чувствовать себя лучше.

— Он не тот, кто... — Я красноречиво указываю на ее запястья.

— Связал меня и держал в заложниках? — она переспрашивает, равнодушно, будто отделила все свои эмоции от того инцидента. Это то, что делают такие девушки, как Шелби. Чтобы иметь возможность продолжать выполнять свою работу.

— Он сделал это или нет? Скажи мне правду.

Она отрицательно мотает головой.

— Нет. Кое-кто другой. У твоего отца нет времени заниматься сексом весь день. И он старый. Я не думаю, что его бы хватило больше, чем на один раз.

— Хорошо, остановись. — Я поднял руку вверх, веля ей замолчать. — Не говори ничего.

Шелби встает и отходит от меня к окну.

— Возвращаясь к Рэйчел, я уже сказала, что ты ее обманываешь, и я буду продолжать повторять ей, пока она мне не поверит. Я знаю, ей будет больно узнать правду о тебе, но это для ее же блага. Чем скорее она от тебя уйдет, тем скорее сможет...

— Нет. — Я подхожу к девушке. — Ничего не говори. Я обещаю, со мной Рэйчел в безопасности.

— Мы оба знаем, что ты не можешь этого гарантировать. Если они узнают, они причинят ей вред.

— Не посмеют. Я буду защищать ее. Я не позволю никому к ней приблизиться.

— Ты не соображаешь, Пирс. Твой рассудок затуманен Рэйчел и твоими к ней чувствами. Вот почему должна вмешаться я, прежде чем то, что между вами, зайдет дальше некуда.

Я хватаю ее за плечи.

— Не смей. Даже не думай. Ты поняла? Держись от нас подальше.

Она холодно смотрит на мои руки.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет. — Я отступаю, отпуская Шелби. — Но я хотел бы предложить тебе сделку.

Она подозрительно щурится.

— Что за сделка?

— Твой отец. Что ему нужно? Сколько денег нужно для лекарства?

Выражение ее лица немного смягчается.

— Не имеет значения. Лекарство не помогает, так что он перестал его принимать.

— Тогда что ему нужно? Я сделаю все, что смогу.

— Он умирает. Ты ничего не можешь сделать.

— Сколько у него осталось времени?

Ее глаза наполняются слезами, и она делает глубокий вдох, борясь с желанием заплакать.

— Может быть, пара месяцев. Врачи не знают наверняка.

— Должно быть что-то, что я могу сделать.

Шелби трясет головой, вытирая глаза.

— Твои деньги не помогут. Он при смерти, ничего уже не изменить. — Сейчас она

плачет, голова опущена, так что я не вижу ее лица. — Я просто хочу, чтобы ему не пришлось страдать. Ему так больно. И врачи не могут ничего сделать, чтобы помочь. Они перепробовали все.

На этот раз я аккуратно кладу руку ей на плечо.

— Шелби. Слушай меня. Я попрошу ему помочь. Я хотя бы облегчу его страдания.

— Ты не сможешь. — Всклипывает она.

— Смогу. Я кое-кого знаю. Человека, который мог бы помочь твоему отцу.

Она поднимает голову, недоверчиво глядя на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю одного парня. Он врач. Молодой, но очень хороший. И чертовски умный. Он бросает вызов медицине и работает над созданием новых методов лечения и лекарств для болезней, капитулирующих перед традиционными методами. Он не может вылечить рак, но я почти уверен, что поможет твоему отцу справиться с болью.

— Кто этот парень? И откуда ты его знаешь?

— Его зовут Логан Каннингем. Я познакомился с ним, когда готовился к поступлению в Гарвард. В то время он учился в медицинской школе. Мы стали друзьями. С первого дня нашего знакомства я был впечатлен его настойчивостью. Когда он окончил школу, то отправился в Европу, чтобы продолжить обучение у некоторых очень инновационных врачей, которые также ищут новые и лучшие методы лечения.

— Так он живет в Европе?

— Нет. Недавно вернулся в Штаты, и теперь живет в Бостоне. Я не разговаривал с ним с прошлого лета, но уверен, что он готов помочь твоему отцу. И я покрою все расходы.

— Этот Каннингем, один из вас? Я имею в виду, он часть...

— Нет, он не член группы. Он даже не знает, что она существует.

— И ты действительно думаешь, что он может помочь?

— Да, но лечение не будет утверждено министерством здравоохранения. Его способ — это лечение, которое он разработал сам или с другими врачами, с которыми контактировал. Широкая общественность не имеет к ним доступа.

— Значит, они опасны?

— Все лекарства могут быть опасными. Даже те, которые были одобрены. У всех есть побочные эффекты. Так что да, твой отец пошел бы на риск, но на данный момент, он может быть готов попробовать что угодно.

Шелби осторожно кивает.

— Да, он готов. Мы с мамой тоже. Мы отчаянно хотим ему помочь.

— Тогда позволь мне сделать это для вас. Пусть твой отец знает, что к нему придет доктор. Я свяжусь с Логаном и сообщу, когда он придет.

— Я хочу встретиться с ним, прежде чем он поговорит с моим отцом.

— Согласен. Но уверяю тебя, не о чем беспокоиться. И думаю, Логан все же сможет помочь. Теперь ты сможешь мне, перестанешь настраивать Рэйчел против меня?

Она вздыхает, признавая свое поражение.

— Ладно, но ты должен пообещать мне, что она не пострадает.

Входная дверь открывается, и мы с Шелби поворачиваемся, чтобы увидеть входившую Рэйчел.

— Эй. Прости, что опоздала.

— Нет проблем. — Улыбаюсь я. — Шелби меня впустила, и мы просто разговаривали.

Рэйчел вешает пальто на стойку и подходит ко мне.

— И о чем?

Шелби спокойно отвечает:

— У Пирса есть друг — доктор, он может помочь моему отцу.

— Серьезно? — Рэйчел с нежностью улыбается мне, когда я ее обнимаю. — Кто он?

— Парень, с которым я познакомился перед поступлением в Гарвард.

— Он сможет помочь моему отцу справиться с болью, — еле слышно говорит Шелби. — А Пирс предлагал оплатить любые расходы.

Рэйчел протягивает руку, обнимает меня за шею и целует.

— Это так мило.

— Да, мило, — Шелби поддерживает меня. Она действительно согласна на сделку. Я не ожидал, что осмелится. Я просто хотел, чтобы она оставила нас с Рэйчел в покое. Но я приму ее поддержку. Это намного лучше, чем альтернатива. — Что ж, мне пора идти. Твой ужин стынет.

— Почему ты не останешься? — спрашивает ее Рэйчел. Шелби смотрит на меня. — У нас достаточно еды на троих?

— Да, достаточно. Ты можешь к нам присоединиться, Шелби.

— Нет, спасибо. Я уже поела, и мне есть чем заняться.

— Окей. — Рэйчел провожает ее к двери. Я слышу, как она тихо говорит с ней: — Спасибо, что впустила его... и была с ним добра.

Я иду на кухню, когда дверь закрывается.

— Итак, ты готова поужинать?

Она подбегает ко мне.

— Сначала я должна тебя поцеловать. Я по тебе скучала.

В моей груди теплеет от ее слов. Приятно чувствовать себя нужным. Обычно по мне никто не скучает. Никого не волнует, что со мной. Никого, кроме Рэйчел.

— Я тоже скучал по тебе. — Я целую ее и продолжаю целовать, потому что мне всегда мало ее губ. Мы добираемся до спальни, и к тому времени, когда отрываемся друг от друга, я уверен, что наш ужин уже превратился в айсберг.

— Нам нужно выйти и поужинать, — предлагаю я. Обнаженное тело Рэйчел прижато ко мне, и мы оба еще с трудом дышим.

— Мы просто разогреем то, что ты привез. Пахнет очень хорошо.

— Я не знал, что ты хочешь, поэтому купил половину пунктов в меню.

Она негромко смеется.

— Ты мог бы просто спросить меня. Но для протокола, я всеядна и не придирчива.

Рэйчел опускает голову мне на грудь, когда я глажу ее по волосам. У нее они самые мягкие и всегда пахнут цветочным шампунем.

— Как прошел твой день? — любопытствует она.

— Начало и конец превосходно. Середина терпимо. — И это правда. Лучшие моменты моего дня — когда я с Рэйчел. — Ты подумала над моим предложением?

— Переехать к тебе? — Она мягко потирает мою грудь кончиками пальцев.

— Да.

— Я все еще думаю.

— Что мне сделать, чтобы переубедить тебя?

Рэйчел приподнимается и смотрит на меня.

— Я хочу, честно. Но я немного запуталась.

Я сажусь, прислонившись к стене, так как у ее кровати нет изголовья.

— В чем?

— В нас.

— И что насчет нас?

— Я не знаю, что это такое... наши отношения. Я не знаю, насколько мы серьезны, или к чему движемся. Но я знаю, что у меня есть к тебе чувства, и это пугает меня и одновременно возбуждает.

— Почему это тебя пугает?

— Потому что я продолжаю думать, что еще слишком рано, чтобы чувствовать себя так. Может быть, я ошибаюсь или чувства не настоящие.

— Они ощущаются настоящими?

— Да, вот почему все так запутанно.

— Рэйчел. — Я опускаю ладонь ей на щеку, глядя в глаза. — Я чувствую то же самое. Я никогда не чувствовал такого ни к кому, кроме тебя, и часть меня не понимает всего этого. Не понимает, но и не меняет моих чувств. Не меняет того факта, что я...

Рэйчел тоже садится на кровати.

— Что ты что?

Моя рука остается на ее щеке, мои глаза прикованы к ее.

— Что я люблю тебя. Я люблю тебя, Рэйчел.

Она выглядит удивленной, и робко улыбается.

— Я тоже тебя люблю. Но думала, что это чувство не взаимно. Я не знала, что ты ко мне испытываешь.

— Взаимно. И весьма.

Рэйчел взбирается на меня и крепко обнимает. Ее теплая кожа контактирует с моей, а ее мягкие волосы падают на мое плечо. Я прижимаю ее к себе и целую в макушку.

— Я люблю тебя, — тихо шепчу ей на ухо.

Еще одно новое для меня. Говорить — я люблю тебя. Я никогда никому не говорил этих слов.

— Я тоже тебя люблю, — смущенно отвечает она.

И еще одно новое. Никто мне такого не говорил. Даже мои родители.

— Впервые я слышу признание в любви. — Неужели я произнес это вслух? Дерьмо.

Она садится ровно.

— Серьезно?

Я прочистил горло, собираясь с духом.

— Да.

— А твои родители?

— Мы не говорим такого в нашей семье.

Ее лицо становится печальным.

— Они должны были тебе сказать, давным-давно. Но так как они этого не сделали, я скажу тебе. Я люблю тебя, Пирс. И говорю это от всего сердца. Я смущена, и у меня все еще остаются сомнения, но это то, что я чувствую, и я не могу изменить свои чувства, и не хочу.

— Тогда перестань. Не сомневайся. Ничего не меняй. Просто люби меня и позволь мне любить тебя.

Я прижимаю Рэйчел к себе, наши тела соприкасаются, а мои руки надежно ее удерживают.

Свершилось. Один из тех моментов, когда вы не можете себе представить, что все становится только лучше. Когда все кажется идеальным и правильным, и почти слишком хорошим, чтобы быть правдой. Я никогда не думал, что у меня будет такой момент, но вот он. Я с женщиной, которую люблю. Я по-настоящему, глубоко, всем сердцем, люблю Рэйчел. И что еще прекраснее, она тоже меня любит.

Ничто не может стать более совершенным, чем это момент.

ГЛАВА 23 РЭЙЧЕЛ

Я только что призналась Пирсу, что люблю его. Знаю, что была слишком напугана, чтобы признаться в этом даже самой себе, поэтому я определенно была не готова сказать об этом ему. Но потом он произнес заветные слова, и я ответила. Было приятно, наконец, открыться ему о своих чувствах и услышать, что он чувствует ко мне то же самое.

Когда Пирс рассказал, что никто никогда не говорил ему, что его любят, даже родители, я чуть было не расплакалась. Мое сердце разбилось от осознания, что ему двадцать пять, и он не слышал этих слов, пока я их ему не сказала.

Начинаю понимать, почему у него в глазах такая глубокая печаль. Одиночество. Боль. Мне кажется, что первопричина всего этого — его семья. Возможно, есть и другие причины. Хотелось бы, чтобы он сказал мне — какие, но он не готов, или, может быть, не хочет. Наверно, ему неприятно возвращаться и переживать заново то, что поселило печаль и одиночество в его глазах.

— Эй. — Я целую Пирса в щеку и кладу голову ему на плечо.

Он целует меня в лоб.

— Да?

— Я люблю тебя.

Пирс улыбается.

— Я тоже тебя люблю.

— Давай поедим. Тогда, может быть, мы вернемся сюда позже.

Он притягивает меня ближе и ласково целует.

— Или мы могли бы никуда не уходить.

— Я умираю с голоду, и нам нужно заправиться. — Я отталкиваю его и вылезаю из постели. — И потом, мне еще нужно сделать домашнее задание.

— Ты выгоняешь меня? — Он откидывает в сторону покрывало и встает.

— Нет. Я хочу, чтобы ты был здесь.

— Хорошо. — Пирс обнимает меня сзади и целует в шею. — Потому что я не уйду.

— Да, я поняла, что если ты придешь, то я уже не смогу от тебя избавиться.

Его губы щекочут мне ухо.

— Звучит так ужасно.

Я смеюсь и выворачиваюсь из его рук.

Мы одеваемся, идем на кухню и разогреваем ужин. Затем вместе располагаемся на диване и читаем. Я свой учебник, а он — одну из моих книг по истории о революционной войне. Пирс не часто смотрит телевизор, а у меня всего пара каналов, ни один из которых его не интересует. Когда он все же смотрит телевизор, это обычно спортивные или финансовые новости.

Позже мы возвращаемся в постель, и я засыпаю в его объятьях. Я хочу засыпать с Пирсом каждую ночь, так что, может, мне и правда стоит к нему переехать. Но если бы я это сделала, я бы не смогла рассказать маме. Ей будет стыдно за то, что я живу с парнем, будучи с ним не в браке. Но мне придется ей сказать. Она и так узнает, что я больше не живу на квартире, потому что перестану отвечать на телефонные звонки.

Утром Пирса в постели нет, и мне интересно, ушел ли он на работу. Но потом я слышу его в другой комнате.

— Пирс? — я зову, откидывая волосы с лица.

Он заходит в спальню с букетом желтых тюльпанов и дюжиной красных роз.

— Доброе утро. — Положив цветы на кровать, наклоняется и целует меня.

— Что все это значит? — Я указываю на букеты.

— Я купил тебе цветы. Заметил, что ваза пустая.

— Они засохли. Но ты не обязан покупать мне новые.

— Нет, но мне хочется. Ты любишь цветы, поэтому я должен убедиться, что они у тебя будут. Я куплю тебе столько, сколько захочешь. Я заполню ими всю твою квартиру.

— Двух букетов более чем достаточно. Спасибо. — Я обнимаю его. Он так хорошо пахнет, как будто уже принял душ. И он в другой одежде, джинсах и белой рубашке-поло, которую купил, когда мы ходили по магазинам. — Ты проделал столь долгий путь до своего лофта, чтобы принять душ и переодеться?

— Нет. Я принял душ у тебя и взял одежду из сумки в машине. — Он хитро улыбается. — Я был уверен, что ты позволишь мне остаться.

— Ты явно не страдаешь от нехватки уверенности, это точно. — Я с горячностью целую его. — Позволь мне быстро привести себя в порядок, и я приготовлю тебе завтрак.

— Он уже готов. Я привез его, когда покупал цветы.

— Ты сделал что? — Я выхожу на кухню и вижу небольшой поднос с выпечкой, свежими фруктами, кофе и апельсиновым соком.

Слышу позади себя его голос.

— Я решил не брать яйца. Они не очень предрасположены к путешествиям.

— Все это прекрасно. — Я сажусь на одном из барных стульев и глотаю кофе. — Обычно у меня на завтрак просто тосты.

— Рэйчел, тебе нужно купить продукты. У тебя почти ничего нет в холодильнике. Я же дал денег на продукты, так почему ты не сходила в магазин?

Я беру круассан. Я не знаю, где именно Пирс купил его, но он выглядит восхитительно. Откусываю кусочек. Слоеный, маслянистый, тает во рту.

— Потрясающе.

Пирс садится на табурет рядом со мной.

— Рэйчел, почему ты не купила продукты?

— Я куплю. Я просто... мне пришлось использовать эти деньги для чего-то другого.

— Чего именно?

— Оплатить счет за электричество, — бормочу я, смущенная от того, что лично у меня не было денег, чтобы заплатить самой.

Он вздыхает, когда достает бумажник.

— Возьми и купи немного еды. — И кладет на стол три купюры по сто долларов.

— Я не возьму твои деньги. Я найду другую работу.

— Поэтому у тебя бланк заявления? — Пирс берет лист бумаги, который я захватила вчера в магазине.

— Да.

— Ты собираешься работать в продуктовом магазине? Там почти ничего не платят. После вычета налогов тебе повезет, если будешь зарабатывать сто долларов в неделю.

— Наверное, чуть больше пятидесяти. Им нужен кто-то только на несколько часов в неделю для замещения сотрудников, болеющих или ушедших в отпуск.

— Твои родители знают, что ты нуждаешься в деньгах?

— Нет. И я бы никогда им не сказала. Лишнее доказательство для моей мамы, что я не могу жить самостоятельно, и мне нужно к ним вернуться. А этого не произойдет. — Я убираю крышку с одного из стаканов с апельсиновым соком и вручаю ему. — Держи. И возьми выпечку. Она восхитительна. Где ты ее купил?

Он отодвигает апельсиновый сок в сторону и подталкивает ко мне деньги.

— Возьми их.

— Мне они не нужны.

Пирс снова достает свой бумажник.

— Если не примешь, я буду добавлять до тех пор, пока ты этого не сделаешь. — Он кладет сверху еще сто долларовую купюру.

— Пирс, не надо.

— Ты все еще не взяла деньги. — Еще одна сотня. — У меня еще много купюр. Мы можем продолжать все утро. — Он добавляет купюру за купюрой.

— Ладно, остановись. — Я забираю деньги и пересчитываю их. — Семьсот долларов. Мне не так уж много нужно для продуктов.

— Тогда используй остальные для чего-то другого.

Я держу купюры, вздыхая.

— Хорошо. Я возьму, но только потому, что мне нужны новые тормоза. И я верну тебе деньги, когда я...

— Тормоза? — Пирс хватается меня за руку. — Какие тормоза? Автомобильные?

— Да. Мне нужны новые, но я откладывала их замену, потому что не было денег.

Он поворачивает мой табурет так, что теперь я смотрю на него.

— Ездишь на машине с неисправными тормозами?

— Это не имеет большого значения. Я их починю.

— Они вообще работают? Ты можешь остановиться?

— Да. — Я разворачиваюсь обратно к стойке и беру другую выпечку. — Но это своего рода остановка с замедлением.

— С замедлением? Рэйчел, ты можешь разбиться! — Пирс вскакивает и, обойдя стойку, появляется передо мной, когда я все еще продолжаю сидеть на табурете. — Ты не будешь водить машину, пока ее не починят.

— Тогда как мне добираться на учебу?

— Я арендую машину. Ту, у которой рабочие тормоза. А твою отгоню в ремонт. У меня отличные механики. Они поставят новые тормоза и проверят, нужно ли что-нибудь еще исправить.

Он подходит к телефону и кому-то звонит.

— Пирс, что ты делаешь?

— Звоню моему секретарю. У нее есть номер моего механика. — Поговорив и получив информацию, он вешает трубку.

Я подхожу к нему.

— Пирс, остановись. Я могу сама все сделать. Мне не нужно, чтобы ты все решал за меня.

— Это не может ждать. И заменить тормоза нужно сегодня. Тебе не стоило водить машину, зная, что они неисправные. Почему ты мне ничего не сказала?

— Зачем?

— Потому что я бы дал тебе деньги!

— Почему ты злишься?

— Потому что ты едешь в машине без тормозов!

— У нее есть тормоза. Они просто изношены. И я не могла попросить у тебя денег.

Голос Пирса повышается на несколько октав.

— Рэйчел, я чертов миллиардер. Просто попроси у меня денег! Когда твоя жизнь в опасности, ты откладываешь свою гордость в сторону и берешь чертовы деньги!

— Просто остановись, хорошо? Мне не нравится твой тон, и мне не нравится то, что ты такой. Ты преувеличиваешь. Слишком остро реагируешь.

— Слишком остро? Ты едешь на машине без тормозов!

Чувствую, что Пирс будто мне лекции читает, а я их ненавижу.

— Я должна привести себя в порядок, а тебе пора на работу. Увидимся позже. — Я разворачиваюсь, и ухожу в спальню, закрывая за собой дверь.

— Рэйчел. Вернись.

Сажусь на кровать. Мне нужно время, чтобы успокоиться. Я знаю, Пирс пытается

помочь, но то, как он это делает, заставляет меня чувствовать себя ребенком. Как будто я не взрослая, ответственная, не компетентна и не способна сама сделать что-либо для себя. Прямо как моя мама, которая заставляет меня чувствовать несамостоятельной каждый раз, когда я совершаю ошибки. И она не позволяет мне их исправлять. Просто делает вид, что наперед знала, как все обернется.

Прошло несколько минут, и я полагаю, что Пирс ушел. Я не слышала никакого шума на кухне с тех пор, как оттуда ушла. И мне не стоило этого делать. Я не умею спорить. Всегда убегаю вместо того, чтобы поговорить, все обсудить. Теперь мне плохо. Пирс просто пытался быть милым, и я накричала на него без причины.

— Рэйчел, можно мне войти? — Пирс? Он не ушел? Да, так и есть. Думаю, он ждал, когда я выйду.

— Да.

Он открывает дверь и подходит, садясь рядом со мной.

— Мне очень жаль.

Я забираюсь к нему на колени и обнимаю его.

— Не надо. Ты пытался помочь.

— Но я все испортил. Взял на себя слишком много, как всегда. Но таков я, вижу проблему и решаю ее. И мысль о том, что ты едешь без...

— Я знаю. Это опасно. Надо было починить их несколько недель назад. — Все еще обнимая Пирса, я ласково поглаживаю его затылок. — И ты прав. Я могла бы попросить тебя одолжить мне деньги.

— И я бы не отказал. — Пирс с нежностью убирает прядь моих волос мне за ухо. — Каждый раз, когда тебе что-то нужно, просто попроси.

— Мне трудно принять помощь, даже когда я знаю, что она мне нужна. Моя мама была настолько чрезмерно заботлива, когда я жила с ней, что теперь у меня есть такая же сильная потребность быть независимой. Быть свободной. Совершать ошибки, не будучи осужденной за них. Так что, когда ты так на меня накинулся, я почувствовала, будто с мамой разговариваю. Словно она пытается контролировать мою жизнь.

— Рэйчел, я даже не думал об этом. Я хочу, чтобы ты была независимой. Мне нравится это в тебе. Я просто запаниковал, когда представил, как твои тормоза выходят из строя, а ты травмируешься. — Он потрясенно выдыхает. — Полагаю, это одна из проблем, когда ты влюблен.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда ты любишь кого-то, то будешь делать все, чтобы она была в безопасности. И не всегда правильно думаешь. Я ужасно отреагировал, и искренне сожалею об этом.

— Я тоже вела себя не очень хорошо.

— Я должен был попросить тебя, вместо того, чтобы указывать, поэтому я спрашиваю тебя сейчас. Позволь мне позаботиться обо всем, что тебе необходимо.

Я ласково целую его в щеку.

— Хорошо. Но я верну тебе деньги. Если ты позаботишься о моей машине, то мне они не нужны.

— Нужны. Используй их, чтобы наполнить этот чертов холодильник. — Пирс усмехается. — Мне надоело голодать, когда я сюда прихожу.

— Эй! — Я сдавливаю его плечи. — Ты не голодаешь. Ты просто огромный и слишком много ешь.

— Может и так, но факт остается фактом — нужно покупать продукты.

— Окей. Только теперь у меня нет машины.

— Одевайся, и мы отправимся в пункт проката. — Он мельком смотрит на свои часы. — Нужно отменить одну встречу. — Пересадив меня на кровать, Пирс встает. — Мне нужно позвонить.

— Пирс, просто иди. Посмотрим, сможет ли Шелби подвезти меня позже до кампуса. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности на работе.

— У меня их не будет, не волнуйся. — Он наклоняется и целует меня. — Я владею компанией, забыла?

Он выходит, чтобы позвонить. Иногда я и правда забываю, что он миллиардер, который когда-нибудь возьмет на себя одну из крупнейших компаний в Америке. Когда мы вместе, я об этом не думаю. Для меня он просто Пирс. Мой парень. Мужчина, которого я люблю.

Мы едем к месту проката и выбираем машину, потом он отправляется на работу. Я — в кампус, и когда прихожу домой на обед, моей машины уже нет на стоянке. Кто-то, вероятно, забрал ее после того, как Пирс позвонил в гараж.

Теперь я рада, что он делает это для меня. У моей машины, вероятно, масса всевозможных проблем, требующих вмешательства. И если я позволю ему тратить на меня деньги, то лучше отремонтирую свою машину, чем попрошу его купить мне дорогой подарок, например, ожерелье или серьги. Они хороши, но иметь безопасный, надежный автомобиль гораздо важнее.

После обеда я звоню Пирсу.

— Привет. Я просто поздороваться. Ты слышал что-нибудь о моей машине?

— Да. Они нашли несколько неисправностей и должны заказать детали. Вероятно, их доставят в течение нескольких дней.

— Все очень плохо?

— Я не знаю всех подробностей. Они отправили мне по факсу список, и я могу показать его тебе позже. Рэйчел, прости, но у меня встреча, на которую я опаздываю. Мне нужно идти.

— Окей. Хорошего тебе дня. Я люблю тебя.

— До встречи. — Он вешает трубку, не говоря «я люблю тебя». Наверное, не хочет, чтобы услышали его подчиненные.

Проходит неделя и Пирс остается у меня каждую ночь после работы. Постоянно намекает, что я должна к нему переехать, но мне нравится жить рядом с колледжем. Я сказала ему, что перееду в декабре, как только закончатся занятия. И буду жить у него, пока не выясню, чем собираюсь заняться после выпуска. Мы еще не говорили об этом, но я много думала. Я не хочу отдаляться от Пирса, но и не могу бросить работу из-за парня. Мы должны найти приемлемый вариант для нас обоих в ближайшее время.

В пятницу я еду в лофт Пирса, чтобы остаться там на выходные. Джордж, охранник, уже меня знает, и мы постепенно становимся друзьями. Его работа может быть скучной, сидеть на посту охраны весь день, поэтому иногда, как сегодня, пока жду Пирса, я иду к Джорджу, и мы разговариваем. Он всегда меня смешит. У него двенадцать внуков, и они любят шутки, поэтому у него их достаточно, чтобы написать книгу. Они глупые, но все равно смешные. Я даже использовала некоторые из них в своих экскурсиях. И чтобы вы подумали, они имели большой успех у пожилых людей.

Пирс возвращается с работы в шесть. Я не готовила ужин, он предупредил, что закажет в ресторане. И так происходит постоянно, когда я приезжаю к нему. Еда вкусная, не спорю, но я не пойму, почему мы никуда не выходим. Я не хочу поднимать этот вопрос за ужином, но позже, когда мы уберем посуду, я, может, наберусь смелости и спрошу.

— Пирс, почему бы нам не прогуляться завтра вечером? — Забираю у него тарелку и кладу в посудомоечную машину.

— Куда бы ты хотела поехать?

— Поужинать. — Он вручает мне наши стаканы, и я, добавив их в посудомоечную

машину, закрываю дверцу. — Ты можешь отвезти меня в свое любимое место.

Пирс слегка прочищает горло.

— Я бы предпочел остаться дома.

Опять же, он отказывается выходить со мной. Я этого не понимаю. Но не хочу спорить и ругаться.

— Тогда мы поужинаем здесь, но, может быть, мы могли бы пригласить пару твоих друзей, чтобы я могла с ними познакомиться.

— У меня нет друзей. — Подойдя к столу, он задвигает наши стулья.

Я иду к нему.

— Конечно, у тебя есть друзья. Ты всегда рассказываешь мне о тех светских мероприятиях, на которые ходишь. У тебя должны быть друзья, ты с ними там пересекаешься.

— Они знакомые, а не друзья.

— Пирс, почему не...

— Здесь никого, кроме нас, не будет. — Пирс говорит это с такой злостью в голосе, и его тело заметно напрягается.

Я медленно отступаю.

— Эм, хорошо.

Я не знаю, что именно сейчас произошло, но мне это не понравилось. Как будто Пирс, которого я люблю, исчез и на его месте кто-то другой, незнакомый и пугающий. Мне не понравился его тон или то, как его тело напряглось, когда я предложила, чтобы к нам пришли гости.

В комнате становится тихо. Он неотрывно смотрит вниз на пол. Я делаю еще один шаг назад, и Пирс это замечает.

— Рэйчел, прости меня. Я не хотел повышать голос.

— Дело не только в этом. Ты стал почти... я не знаю, как это описать. Я никогда не видела, чтобы ты так реагировал.

Он притягивает меня к себе.

— Мне очень жаль. Долгий, загруженный день на работе, и я устал. А что касается гостей, может быть, мы могли бы пригласить их в другой раз. Я чувствую, что мы не так много времени провели вместе, так что я хочу побыть только с тобой.

Я пристально смотрю на него.

— Но, в конце концов, ты представишь меня своим друзьям, верно?

— Как я сказал, у меня нет друзей, но...

— Пирс, просто соглашайся.

Он заметно колеблется. —

— Хорошо. Я познакомлю тебя с некоторыми из своих знакомых.

Чувствую себя немного лучше, что Пирс согласился, но все еще думаю, что его первоначальная реакция была странной. И он, кажется, очень неохотно идет мне навстречу.

Я возвращаюсь на кухню и собираю контейнеры из-под еды, бросая их в мусор.

— Ой, я забыла тебе сказать. В приюте, наконец-то, возобновили занятия, так что я поеду туда завтра утром.

Когда я обернулась, Пирс схватил меня за руку.

— Я думал, ты ушла оттуда.

— Конечно, нет. — Я вопросительно смотрю на его пальцы, обхватывающие мое запястье. Он снова ведет себя странно.

— Но ты сказала, что он закрыт на ремонт.

— Так и было, но теперь все сделали, поэтому он прошлой ночью и открылся.

— Я не хочу, чтобы ты туда ехала. — Пирс снова использует командирский тон.

Я резко выдергиваю руку из его хватки.

— Ну, я все равно поеду, так что тебе придется смириться.

— Тогда я еду с тобой.

Я серьезно не понимаю, в чем его проблема, когда дело доходит до моей работы в приюте. И такое отношение к этому начинает меня раздражать.

— Пирс, ты не поедешь со мной. Мне не нужен сопровождающий.

— Одна ты не пойдешь. Это слишком опасно.

— Ты говоришь так обо всем, и я начинаю уставать от этого. — Стремительно покидаю кухню и иду в гостиную. — Я знаю, что мир вокруг опасен, но это не остановит меня от того, чтобы каждый день выходить на улицу и помогать другим. Мне жаль, если тебе не нравится, но я продолжу работать в приюте.

— Зачем ты это делаешь? — Пирс подходит ко мне. — Почему ты не можешь просто работать волонтером в другом месте?

— А почему ты так себя ведешь? Ты знаешь, как мне нравится там работать, так зачем пытаешься лишит меня этой радости?

Его тело еще более напряжено, чем раньше, как будто он изо всех сил пытается сдержать свой гнев.

— Приют находится в плохой части города. Наркоторговцы запросто бродят по улицам и там все время происходят убийства. Ты туда не пойдешь.

Вот и все. Я не могу с ним бороться, и не знаю, что еще мне сделать. Направляюсь к шкафу и хватаю свое пальто.

— Что ты делаешь? — спрашивает он. В его голосе проскальзывает едва различимая паника.

— Ухожу. Я не могу находиться рядом с тобой, когда ты в таком состоянии. — Я быстро одеваюсь и беру сумочку. — Увидимся позже.

— Рэйчел, подожди! — Пирс перехватывает меня у лифта. — Я пытаюсь помочь тебе. Я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Я знаю, Пирс. Но мне не нужно, чтобы ты меня защищал круглосуточно. — Лифт открывается, и я делаю шаг в кабинку.

— Ты вернешься завтра?

Я задумываюсь, прежде чем ответить.

— Думаю, я останусь дома. У меня много дел.

— Рэйчел, не сердись. Просто останься, и мы обо всем поговорим.

— Не могу. Мне нужно идти.

Когда дверь лифта закрывается, я вижу печаль в его глазах. Я не люблю быть ее причиной, но Пирс не может указывать мне, как поступать. Мне нравится работать в приюте, и он не может забрать это у меня только потому, что ему не нравится. Наши отношения обречены на провал, если он и дальше будет продолжать себя так вести.

На следующее утро я еду в приют. У меня появился новый ученик, а также меня ждут мои завсегдатаи. Но учитывая, насколько я устала, я не уверена, что хорошо справляюсь со своей работой. Не получается оставаться сосредоточенной.

Я не выспалась. Я всю ночь думала о Пирсе. И скучала по нему. Я настолько уже привыкла, что он рядом, так что теперь, когда его нет, я не могу постоянно не искать его глазами.

Не люблю с ним ссориться, и мне не нравится, как плохо закончился вчерашний вечер. Но я чувствовала, что у меня нет выбора. Я не поддалась его требованиям, и не хотела, чтобы он провел остаток ночи, пытаясь переубедить меня, поэтому проигнорировала, когда он вчера вечером позвонил. И сегодня утром тоже.

Когда занятия в приюте заканчиваются, я возвращаюсь к себе и нахожу ожидающего меня Пирса. Он стоит рядом со своей машиной, в костюме и черном пальто.

Я осторожно подхожу к нему.

— Привет.

— Здравствуй, Рэйчел. — Вернулся деловой тон. Давно я его не слышала. — Я не смог связаться с тобой по телефону. Хотел сказать, чтобы ты знала, я буду весь день в офисе. Если понадобится, просто позвони на рабочий номер.

Я киваю.

— Окей.

Он наклоняется и обнимает меня.

— Я люблю тебя.

И объятие, и его слова согревают мое сердце и растапливают любые остатки гнева, которые я к нему чувствовала. Даже несмотря на то, что мы вроде как поссорились, он все равно приехал сюда, чтобы поговорить со мной. И сказать, что он любит меня. А еще Пирс обнимает меня, две вещи, которые, как я знаю, ему все еще непривычно делать. И все же он старается.

Он отпускает меня и возвращается к своей машине.

— Пирс, подожди, — кричу я, прежде чем он закроет дверь.

— Да, Рэйчел?

— Я тоже тебя люблю. — Останавливаюсь, переводя дух. — Мы можем поговорить о вчерашнем?

— Нет необходимости. Мы всегда будем спорить по этому вопросу, поэтому нет смысла его обсуждать. — Он колеблется, затем снова выходит из машины. Подходит ко мне и берет за руку. — Я знаю, что мог бы отреагировать спокойнее прошлой ночью, и я прошу прощения за то, что повысил на тебя голос. Но мои чувства остаются прежними. Я люблю тебя, Рэйчел, и из-за этого я всегда буду заботиться о твоей безопасности. — Оглянувшись по сторонам, он продолжил: — Мне не нравится, что ты живешь в этом районе, и мне не нравится, что ты едешь в приют. И хотя ты не согласна со мной, я не собираюсь скрывать свое отношение к этим вопросам. Я хочу, чтобы ты знала, что я чувствую, даже если это ничего не меняет.

— Пирс, я понимаю, откуда ты родом, и что для тебя это непривычно, но я продолжу свою работу в приюте.

— Да, я знаю. — Он отпустил мою руку. — Мне пора в офис.

Когда он садится в машину, я спрашиваю:

— Хочешь поужинать сегодня вечером?

Пирс улыбается, впервые за время, пока был здесь.

— Да. Мне бы очень этого хотелось.

Я тоже улыбаюсь.

— Во сколько ты будешь дома?

— Наверное, около пяти.

— Мне хочется что-нибудь приготовить. Я остановлюсь в магазине по дороге к тебе. — Наклонившись, целую его через открытое окно машины. — Увидимся позже.

— Да. Сегодня вечером. — Лицо Пирса сияет, и печаль в его глазах исчезла.

Когда Пирс уезжает, я чувствую облегчение, что мы покончили со ссорой, прежде чем она вышла из-под контроля. Мы с Адамом все время ругались из-за мелочей, и это сводило меня с ума. Я чувствовала, будто мы все еще в школе.

Я не собираюсь поступать так с Пирсом. Я хочу, чтобы наши отношения работали, и для этого мы должны разговаривать, как взрослые, все обсуждать и принимать тот факт, что мы не всегда будем во всем соглашаться.

Я действительно рада, что Пирс не сдался, но вместе с тем, пошел мне на уступки. Мне понравилось, что он честно рассказал мне о своих чувствах, но что еще сильнее, что уважал мои. И хорошо, что мы смогли уладить все спокойным, зрелым способом.

Наши споры не всегда смогут заканчиваться таким образом, но тот факт, что Пирс уступил мне, является хорошим знаком. Это заставляет меня чувствовать себя лучше, и думать, что, возможно, у нас может быть совместное будущее.

ГЛАВА 24 ПИРС

Уже середина октября, и мой отец скоро вернется из своей поездки. Я боюсь его возвращения. Чувствую, будто побывал в отпуске последние несколько недель, и теперь это ощущение вот-вот исчезнет. Мне придется вернуться к работе в любое время дня и ночи, а также в выходные, что означает, у меня будет меньше времени с Рэйчел. Из-за этого я еще больше опасаюсь возвращения отца. Я привык видеть Рэйчел каждый день, и хочу, чтобы так продолжалось и дальше. Мне нужно это. Я не могу ни дня прожить, чтобы ее не увидеть. С каждым разом, когда мы вместе, я чувствую, что люблю ее все сильнее и сильнее. Мне в ней нравится абсолютно все. И когда ее нет рядом, у меня возникает гнетущее чувство потери чего-то жизненно важного.

В прошлые выходные мы поссорились. Обычно после такого я разрываю все отношения с женщиной, но у меня не было желания поступить так с Рэйчел. Подобная мысль даже в голову не приходила. Мы преодолели наши разногласия, и наши отношения стали только крепче.

Наша ссора возникла касательно ее работы в приюте, и, хотя я ненавижу, что она там работает, я понял, что не могу заставить ее уйти. Если я так сделаю, она не захочет быть со мной. Рэйчел независимая, волевая, и мне в ней это нравится. Но я все еще озабочен ее безопасностью. Приют расположен рядом с переулком, где мой отец застрелил бездомного, когда мне было шестнадцать. Ходили слухи, что некоторые из наших наемников там тренируются, стреляя по живым мишеням в виде бездомных, чтобы быть лучше подготовленными к выполнению наших заданий.

Если эти слухи правдивы, я не хочу, чтобы Рэйчел находилась рядом с этим местом. Я не хочу, чтобы она была рядом с нашими наемниками, и определенно не хочу, чтобы она была рядом с тем переулком. Я также не хочу, чтобы она была рядом с наркотиками, кражами и ножевыми ранениями, которые, как я знаю, не редкость в том районе.

Но Рэйчел отказывается меня слушать, поэтому я послал одного из своих охранников присмотреть за ней, пока она там. И я буду посылать его туда каждый раз, когда она будет приезжать в приют. Я не собираюсь говорить ей об этом, потому что она разозлится. Кроме того, ей не обязательно знать. Таким образом, мы оба получим, что хотим. Она продолжит работать волонтером, и я почувствую себя спокойнее, зная, что она в безопасности.

Всю неделю я готовлюсь к возвращению моего отца, доделывая работу, которую не успел. Я встречаюсь с Рэйчел вечером, намного позже обычного, но это лучше, чем вообще не видеть ее.

Сегодня четверг, и я должен сопровождать свою мать на ужин. Я забираю ее в шесть, и мы едем в особняк Сеймуров. Надеюсь, Кэтрин там не будет. Сам по себе ужин — уже плохо, и мне не нужно, чтобы все стало еще хуже, когда какой-то влюбленный подросток будет всю ночь меня преследовать.

Когда мы приезжаем в особняк, подошло время коктейлей, и моя мама уходит, чтобы поговорить со своими друзьями. Я заказываю бурбон, и когда отхожу от бара, то замечаю Уильяма Синклера, брата Ройса. Должно быть, он тоже приехал сюда на вечеринку. Сейчас он живет в Бостоне, учится в Гарвардской школе бизнеса.

Мне всегда нравился Уильям. Он тихий, прилежный, интеллектуальный. Ройс — полная его противоположность. В колледже только делал вид, что учился, а на самом деле провел все это время в пьянках и на вечеринках.

Я пробираюсь ближе к Уильяму и спрашиваю его, как дела в школе. Он рассказывает мне о своих занятиях, и мы сравниваем наши впечатления о некоторых профес-

сорах.

— Похоже, у тебя появилась поклонница. — Уильям кивает в сторону дверей. Там стоит Кэтрин и смотрит на меня. Ей пятнадцать, но выглядит лет на двенадцать. Она очень худая, без изгибов и с плоской грудью. На ней простое черное платье, а ее длинные, прямые светлые волосы, обрамляют детское лицо, которое она покрыла косметикой в попытке выглядеть старше.

— Я думаю, что ей пора спать, — бурчу я, возвращая свое внимание к Уильяму. Он громко смеется.

— Она была влюблена в тебя годами. Может, она переживет, когда они переедут.

— Я не знал, что они собираются съезжать.

— Они переезжают в Нью-Йорк. Округ Уэстчестер. И я думаю, что это не на пару месяцев. — Он пьет свой скотч. — Итак, помимо твоего подросткового поклонника, у тебя есть женщина в жизни?

Как бы я ни хотел рассказать всем о Рэйчел, насколько она великолепна, и как сильно я люблю ее, я не могу. Она должна оставаться тайной, по крайней мере, пока.

— Нет, — пожимаю плечами. — Они ждут, пока с момента развода не пройдет больше времени.

— Я не имел в виду твою будущую жену. Я спросил, встречаешься ли ты с кем-то.

— Здесь нет никого, с кем бы я хотел встречаться. — Я смотрю по сторонам. Нахожу несколько женщин моего возраста. Они все дочери членов организации, так что в списке одобренных знакомств, но я не нахожу их привлекательными. Я встречался с некоторыми из них за ужином, а с другими переспал пару раз, так что я давал им шанс. Я играл по правилам. Встречался с правильными девушками. И все это заставило меня понять, что их я не хочу. Я устал от этих богатых, избалованных стерв, тратящих все свое время хождением по магазинам, и сплетничая друг о друге. Я хочу Рэйчел, и теперь, когда она у меня есть, она затмевает других женщин, делает их непривлекательными до такой степени, что я их даже не замечаю.

— Ройсу выбрали жену, — сообщает Уильям. — Мы будем голосовать на следующей встрече, но я уверен, что она будет одобрена.

— Кто это?

— Виктория Лиссфельд.

Виктория — высокая, худая, темноволосая женщина, сделавшая карьеру, потратив на это деньги своего отца. Она закончила колледж, но никогда не работала и не будет. Вместо этого она проводит все свое время за покупками. Приобретает бриллианты и дизайнерскую одежду, которая, как она надеется, поразит ее друзей, тем самым ускорив ее подъем на вершину социальной лестницы. Она поверхностная, избалованная и самовлюбленная. Полный кошмар. Когда мы были моложе, люди называли ее Виктория Ведьмофельд.¹⁰

Я не могу не засмеяться.

— Как печально для Ройса.

— Да, я знаю. Она мне тоже не нравится, но, если подумать, они идеально друг другу подходят. Она так же одержима своим имиджем, как и Ройс. Но проблема в том, что Виктория перед ним не прогибается. Ройс может стоять на своем, чтобы его это правило балом, а она не та, кто смирится, и склонит голову. Она уже его строит. Пытается сделать из него звезду. Надеется, что его политическая карьера превратится в нечто большее, чем просто должность в Сенате.

— Она действительно думает, что они выберут Ройса президентом?

— Это уже обсуждается. И Ройс сделает все, чтобы так и произошло. Он предпочел бы быть президентом, а не сенатором.

— Я не могу представить Ройса женатым.

— У него нет выбора. Ее выбрали они.

Колокола начинают звонить по всей комнате, указывая, что пришло время ужина. Мы с Уильямом неторопливо направляемся в столовую. Официанты показывают нам наши места. Я смотрю на свой стул в конце длинного стола, ожидая, что мама будет сидеть рядом со мной. Но вместо этого я вижу ее через пару мест дальше. Должно быть это какая-то ошибка. По протоколу, если я занимаю место своего отца, я должен сидеть рядом с матерью.

— Привет, Пирс. — Я оборачиваюсь и вижу, как рядом стоит высокая брюнетка моего возраста.

— Привет. — Вежливо пожимаю ей руку.

— Я Сидни Сент-Джеймс. Приятно с тобой познакомиться.

Я бросаю мимолетный взгляд на свою мать и вижу, как она улыбается. Это подстава. Я не занял место своего отца. Я здесь на свидании с Сидни. Я должен был догадаться, что моя мать что-то замышляет, ведь раньше она не просила меня сопровождать ее. Если мой отец не шел, она тоже оставалась дома.

— Может, присядем? — Сидни ждет, когда я выдвину для нее стул. Ладно, я это делаю, а потом присаживаюсь сам.

— Я удивлена, что мы никогда раньше не встречались, — информирует она, поворачиваясь ко мне всем корпусом. На ней обтягивающее черное платье, с низким вырезом, выставляющим напоказ груди, что, кстати, не совсем уместно на сегодняшнем ужине.

— Это не удивительно. Ты живешь на западном побережье, а я не так часто туда езжу.

— Так ты знаешь, кто я.

— Я знаю твоего отца. Владелец SJS доставки. Одна из крупнейших судоходных компаний в мире.

— Верно. А ты будущий генеральный директор «Кенсингтон Кемикал», которая вскоре станет одной из крупнейших химических компаний в мире.

— Я сомневаюсь в этом. Мы только недавно начали изучать наши зарубежные варианты.

Официанты появляются снова, принося первое блюдо. Их будет, по крайней мере, четыре, может быть, пять. Это будет очень долгий вечер.

Время движется медленно, и я постоянно думаю о Рэйчел. Я даже не слушаю, как ее зовут. Сидни? Да, вроде так. Она болтала без умолку все это время, в основном о своей учебе за границей. В ней нет ничего плохого. Она красивая и, кажется, хорошо образованная. Она просто не для меня. У меня нет к ней абсолютно никакого интереса.

Во время последнего блюда я чувствую, как ее рука поглаживает мое бедро. Она понижает свой голос и шепчет:

— Когда ужин закончится, давай поедем к тебе.

Я спокойно убираю ее руку со своей ноги.

— Мне нужно отвезти маму домой, а потом вернуться в офис.

— Ты работаешь так поздно ночью?

— Мне пришлось взять на себя обязанности отца, пока он отсутствует, поэтому я работаю без перерыва. — Это ложь. Я не поеду на работу, но мне нужно оправдание, чтобы Сидни позже не заявила ко мне в лофт.

— Это не займет много времени. — Ее рука возвращается к моему бедру, продвигаясь к моей промежности.

— Прекрати, — шиплю я, когда убираю ее руку и держу под столом, чтобы она не положила ее обратно.

Мужчина, сидящий рядом с ней, спрашивает ее о чем-то, и она отворачивается к нему, чтобы ответить. Я отпускаю ее руку, и она, наконец, держит ее при себе. К сча-

стью, их разговор затягивается, пока мы не оканчиваем ужин.

Я встречаюсь с мамой у входной двери, мы молча ждем, когда нам принесут наши пальто. И уже сидя в машине, спустя несколько минут, она, наконец, соизволила со мной заговорить.

— Итак, я заметила, что ты разговаривал с Сидни Сент-Джеймс.

— Не нужно притворяться, мама. Я знаю, что ты это специально подстроила.

— Прошло уже достаточно времени с момента твоего развода. Отец уже говорил с другими членами общества о том, на ком ты должен жениться. Я просто вмешиваюсь, прежде чем они сделают свой выбор. Ты не захочешь, чтобы жену тебе выбрал твой отец. Если ты найдешь кого-то раньше, чем он, ты, по крайней мере, хоть как-то повлияешь на свое будущее. Сидни — красивая женщина. И очень умная. Думаю, вы двое были бы идеальной парой.

— Мне не нужно, чтобы ты или отец искали мне жену. Я даже не хочу снова жениться.

— Конечно, ты женишься. И сомневаться нечего. Внешний вид — это наше все, и когда ты возьмешь на себя компанию, тебе необходимо выглядеть зрелым, ответственным семьянином с правильной женой и хотя бы одним ребенком, надеюсь, их будет все-таки больше.

Я хорошо знаю планы моего будущего, и все же мои родители продолжают напоминать мне об этом при каждой возможности, вероятно, потому, что знают, как сильно это меня бесит. Они получают какое-то извращенное удовольствие, мучая меня, особенно отец. Я думаю, моя мать действительно верит, что сделает мне одолжение, найдя кого-то вроде Сидни. Она знает, что мой отец выберет кого-то, кого я ненавижу, просто чтобы мне досадить.

— Меня не интересует Сидни, — признаюсь я, когда мы останавливаемся на светофоре.

— Ты провел с ней очень мало времени. Надо было пригласить ее к себе.

Я смотрю на свою мать, в шоке от того, что она даже подумать могла о таком, не то чтобы вслух произнести. Она замечает, что я наблюдаю за ней, но продолжает невозмутимо смотреть в лобовое стекло.

— Я не наивна, Пирс, и знаю, как ведут себя люди твоего возраста. Ты пренебрегаешь свиданиями и переходишь прямо к сексу. — Она разглаживает юбку, а затем поправляет перчатки. — Так что же тебе мешает? Ты не нашел ее привлекательной?

Я все еще пялюсь на свою мать, не веря, что мы действительно разговариваем. Я никогда не слышал, чтобы она использовала слово «секс» до сегодняшнего вечера.

— Зеленый, — она указывает на светофор. — Поехали.

Я сосредотачиваюсь на дороге.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, — напоминает она. — Ты находишь Сидни привлекательной?

— Да. Но я только с ней познакомился. И не собирался приглашать к себе.

— У тебя мало времени, Пирс. Если ты не найдешь кого-то очень быстро, твой отец и другие члены сделают это за тебя. Они планируют найти тебе жену до конца года.

Мои пульс зашкаливает.

— Что? Почему он мне не сказал?

— Потому что он не хочет, чтобы ты выбрал кого-то раньше него.

— Но всегда выбирает организация. Они не позволили бы мне выбрать Сидни, даже если бы я с ней встречался.

— Неправда. Они более снисходительны, чем ты думаешь. Если бы ты нашел партнершу, которая отлично подходила бы нашей семье, как на личном, так и на деловом уровнях, они бы разрешили брак. И Сидни из той самой семьи, великолепно

вписывающейся в нашу во всех смыслах.

— Но отец сделал так, будто у меня не было выбора.

— Он просто так сказал, чтобы ты не пытался найти кого-то другого. Или, не дай бог, что ты найдешь кого-то извне нашего круга и женишься без нашего согласия. Твой отец знает, что у тебя мятежная душа, и когда тебя ставят перед выбором, ты всегда будешь идти против его желания. Поэтому он уверен, что выбор — не вариант.

— У отца уже есть женщина на примете?

— Если и да, то он мне не сказал. Но я знаю, что он ищет. Если бы девочки Сеймуров были старше, он бы выбрал Кэтрин. Она уже любит тебя, и ее семья идеально подходит, по крайней мере, в отношении помощи «Кенсингтон Кемикал». Отец Кэтрин может помочь нам получить новые контракты, которые значительно расширят бизнес.

— Кэтрин пятнадцать. Я не женюсь на подростке.

— Вот почему она и не рассматривается, как вариант. А Виктория Лиссфельд уже выбрана Ройсу Синклеру.

— Я бы никогда и не встречался с Викторией Лиссфельд. Я не выношу эту женщину.

— С нами не так много женщин твоего возраста, Пирс. Тебе стоит подумать о том, чтобы дать Сидни шанс. У меня есть ее номер. Ты можешь отвезти меня домой и перезвонить ей. Возможно, пригласить в свой лофт.

Не могу поверить, что моя мать убеждает меня заняться сексом с женщиной, с которой я только что познакомился. Я хочу рассказать ей о Рэйчел, но не могу. Если бы я это сделал, она бы сказала моему отцу, и тот бы заставил меня жениться на первой попавшейся светской львице. Он заставил бы меня жениться на другой лесбиянке, останься она единственным вариантом. Да все что угодно, только бы держать меня подальше от Рэйчел.

Я привез маму домой. Решив проигнорировать ее комментарий о Сидни, тем не менее, когда я провожаю ее до входной двери, она достает визитку.

— Номер Сидни на обратной стороне. Позвони ей и пригласи на ужин. Она в городе только на неделю. И не говори об этом отцу. Если бы он знал, что я вмешиваюсь, мы бы месяцами ругались.

Я беру картонку и целую мать в щеку.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Пирс.

Я жду, пока она входит в дом, а потом сажусь в машину и срываюсь с места. Я уже на грани, зная, что мой отец активно пытается найти мне жену. Что если он уже ее нашел? Нет, этого не может быть. Я не женюсь на женщине, которую выберет мой отец. Если я и женюсь на ком-то, то только на Рэйчел. А что, попробовать стоит. Я мог бы тайно жениться на ней до того, как меня заставят жениться на другой.

Хм, похоже, я уже задумывался над тем, чтобы сделать ей предложение. Интересно, примет ли его Рэйчел. Мы не так долго встречаемся, но мы любим друг друга, и я не хочу быть ни с кем, кроме нее, так зачем ждать?

Что случится, если я женюсь на ней? Что сделает организация? Покарает ли меня за невыполнение приказов? И какое будет наказание?

Мне нужно поговорить с Джеком. Уже десять вечера, но этот человек никогда не спит, так что, полагаю, он сейчас бодрствует. Я просто заеду к нему домой. Это неправильно, заявляться в столь поздний час и без предупреждения, но Джек не из тех людей, которые следуют надлежащим социальным правилам, поэтому, возможно, он не будет злиться на мой визит.

Когда я приезжаю в его особняк, охранник звонит хозяину, чтобы узнать, можно

ли меня впустить. Получив разрешение, я проезжаю через ворота, останавливаясь перед домом.

Джек встречает меня у двери в белом костюме для фехтования, с маской и рапирой.

— Пирс, какой сюрприз. — Он пожимает мне руку. — Заходи.

Я прохожу внутрь.

— Немного поздноато для фехтования, не так ли?

Джек идет по коридору, а я следую за ним.

— Я не подчиняюсь времени. Я делаю то, что хочу, подстраиваясь под мой собственный график. — Он заходит в большую комнату. Там находится мужчина, тоже в костюме для фехтования. Джек от него отмахивается. — Мы закончили на сегодня. Тот откланивается, а Джек подходит к столу и наливает скотч в бокал. Бутылка рядом с ним полупустая. Я немного знаю о фехтовании, но предполагаю, что не хорошо напиваться, тыкая рапирой в кого-то или уклоняясь от ударов, направленных на тебя. Но это Джек. Нарушитель традиций. Фанат риска.

— Выпить не хочешь? — Он берет стакан.

— Вообще-то, да. Мне бы не помешало.

Он громко смеется.

— Все плохо, да? — Наполняет стакан, затем передает его мне. — Давай присядем.

Мы располагаемся на стульях, сдвинутых в угол комнаты.

— Итак, что тебя привело сюда сегодня вечером? — Джек вытирает пот со лба, затем подносит стакан ко рту.

— Встреча с матерью.

— А как там поживает Элеонор? Она такая красивая женщина. И должна была быть со мной, вместо твоего отца. Я бы дал ей лучшую жизнь, чем Холтон. — Он скрестил ноги в лодыжках и покрутил в руках стакан.

Я чуть не выплюнул свой скотч.

— О чем ты говоришь? Ты встречался с моей матерью?

Короткий взмах руки.

— Много лет назад. Мне было двадцать пять или двадцать шесть. Я не могу точно вспомнить. Когда пьешь столько же, сколько и я, то провалы в памяти обеспечены. Большинство людей считают это проблемой, но не я. Предпочитаю жить настоящим, а не прошлым.

— Как долго ты встречался с моей матерью?

— Откуда, черт возьми, мне знать? Я только что сказал тебе, что моя память уже не такая, как раньше. — Джек ненадолго задумывается. — Может быть, несколько месяцев. И, несмотря на амнезию, я помню несколько ночей с тех времен. — Он подмигивает. — Твоя мать была довольно дикой, если ты понимаешь, о чем я.

Я съеживаюсь, подавляя желание стукнуться головой о стену.

— Джек, пожалуйста. Я не хочу ничего знать.

— Ага, я полагаю, что тебе было бы неприятно думать о своей матери со мной. Дело в том, что я бы стал для нее куда более подходящим мужем, нежели Холтон. И твой отец это знает, еще одна причина, почему он меня ненавидит.

— Почему он должен тебя ненавидеть? Он женился на ней, поэтому выиграл.

Джек раздраженно фыркает.

— Чушь. Он не победил. Ему даже не пришлось пытаться. Она была выбрана для него, и только потому, что ее отец заключил какую-то сделку с отцом Холтона. Группа одобрила их союз, и дело было сделано.

— Почему твой отец не пытался ее заполучить?

— Мой отец посчитал, что она меня не достойна. — Он резко дергает плечами, отчего скотч в его стакане выплескивается через край. — В итоге, мне нашли другую.

Марта хорошая жена и дала мне двух прекрасных дочерей. Она просто не Элеонора. — Тут Джек снова мне подмигивает.

— Ну, мой отец все еще женат на ней, так что у него нет причин таить на тебя злобу.

— Холтон презирает меня, потому что у твоей матери все еще есть чувства ко мне. И всегда были. — Он лукаво улыбается. — На самом деле, мы снова встречались раз или два за эти годы.

Я чуть не выплюнул свой напиток снова. Я пришел сюда поговорить о Рэйчел, а не узнать историю сексуальных контактов своей матери.

— Моя мать изменила отцу? С тобой?

— Я уверен, что был не только я. Женщины такие же плохие, как и мужчины, Пирс. Они лгут так же, как и мы. Моя жена уж точно.

— Моя мать не похожа на того, кто может с легкостью соврать.

— Дети никогда не видят своих родителей такими, какие они есть на самом деле. В любом случае, ты говорил что-то о том, что встречался с Элеонорой.

— Да, я сопровождал ее на званый ужин в резиденцию Сеймуров и...

— Кэтрин все еще строит тебе глазки? — Джек громко смеется. — Она еще не в старшей школе?

— Да. На оба твоих вопроса. Как как я уже говорил, моя мать пригласила меня на ужин с ней, но только для того, чтобы она смогла свести меня с Сидни Сент-Джеймс.

— Ах, да. Красивая женщина. Я никогда не встречал ее, но видел фотографии. По моему, она училась в Принстоне. И примерно твоего возраста, так что вы двое отлично подходите друг другу. Элеонора сделала хороший выбор. — Он снова делает глоток скотча.

Я ставлю свой стакан на ладонь, открыто глядя на Джека.

— Меня не интересует Сидни.

— Какого черта нет? Она определенно лучше, чем кто-либо, кого выберет твой отец. И определенно лучше твоей первой жены. Как ее звали, а? — Он задумчиво сводит вместе брови, стараясь вспомнить, но тут же слегка качает головой. — Девушка-лесбиянка. Как ее звали?

— Кристина. Мы можем о ней не говорить?

— Да, продолжай. — Джек встает, чтобы налить себе еще одну порцию. — Так что случилось с Сидни?

— С ней все в порядке. Я просто не заинтересован в ней. У меня уже есть девушка.

— Кто она? — Он снова садится.

— Рэйчел. Ты знаешь ее. Ты ходил к ней домой.

— Не-е-ет. — Неверующе качает головой Джек. — Ты не встречаешься с ней. Ты можешь заниматься с ней сексом, но ты с ней не встречаешься.

— Я встречаюсь с ней, и это становится все серьезнее. Вот почему я здесь и разговариваю с тобой. Я думаю, может быть... сделать ей предложение.

Он с грохотом опускает стакан на стол и вскакивает со стула.

— Ты что, потерял по дороге сюда свой долбаный разум?

Я встаю, чтобы быть с ним наравне.

— Я люблю ее и хочу жениться на ней.

— Ага, ну, а я бы хотел прыгнуть с парашютом, пока трахал бы Мисс Америка, но этого не произойдет. Есть некоторые вещи, которые по определению невозможны, и это одна из них. Так что вытаци свою голову из задницы и столкнись с реальностью. Ты не женишься на тех, кто не одобрен. И в твоем списке нет фермы в Индиане. У нас есть масса красивых женщин на любой вкус, и ты выберешь одну из них и женишься. Конец дискуссии. — Выдохшись, он плюхается обратно на стул.

— Слушай меня. — Я по-прежнему стою, глядя на него. — Я женюсь на Рэйчел,

несмотря на то, что ты или кто-то другой мне не говорили. Я думал, ты поддержал бы меня в этом, Джек. Твой девиз — «*Делай, что хочешь*». Ты никогда не следуешь их правилам. Так почему я должен?

Лицо Джека багровеет, когда он приподнимается.

— Потому что ты убьешь эту девушку! Это то, чего ты добиваешься? Ты хочешь, чтобы она умерла?

Меня прошибает ледяной пот. Он лжет. Он говорит так только для того, чтобы напугать меня и вынудить держаться от нее подальше. Они бы ее не убили, будь она моей женой. Она была бы одной из нас. Они не посмели бы.

— Это то, чего ты хочешь, Пирс? — Джек кричит на меня, его лицо так близко к моему, что я чувствую его слюну, когда он орет. — Это?

— Нет! Конечно, нет! — Я вынужденно отступаю. — Но они этого не сделают, если она будет моей женой.

— Да? Что ж, придется тебя разочаровать.

— Откуда ты знаешь? Они делали так раньше?

— Нет, потому что ты первый идиот, который даже подумать смог выкинуть нечто подобное. Я могу не следовать всем правилам, Пирс, но я подчиняюсь, когда дело доходит до выбора жены. Мы принадлежим к обществу, закрытому для посторонних. Ты впускаешь кого-то извне и рискуешь уничтожить то, над чем они так упорно работали. Они не позволяют этому случиться.

— Другие из группы женаты на женщинах, не являющихся частью организации.

— Да, но все эти женщины — богатые светские львицы, которые подходят кому-то, вроде тебя. И они тщательно проверяются, прежде чем их впустят в наш узкий круг. Некоторым о нас даже не рассказывают. Их мужья будут хранить этот секрет до самой смерти.

— Рэйчел молчала бы. Она не рассказала бы никому наши секреты. Я знаю, я уверен в ней.

— Если бы она знала все твои секреты, она бы тебя и видеть не захотела. Ты, правда, думаешь, что она из тех девушек, которые хотят стать женой убийцы?

— Я не убийца, — шиплю я сквозь зубы. — Это сделали наемники. Я был вынужден отдать им приказ.

— Да, но ты также сам убил человека. Застрелил.

— Откуда ты...?

— Твой отец хвастался месяцами после того, как это произошло. Он очень тобой гордился.

Какая ирония, нужно было убить человека, чтобы мой отец мной гордился.

— Тогда я не буду ей ничего говорить. Она не должна знать об этой стороне моей жизни.

— Ты действительно думаешь, что сможешь сохранить такой секрет?

— Я должен, если от этого зависит ее безопасность. Как думаешь, получится? Если я не рассказываю ей о «Дюнамис», они оставят ее в покое?

— Понятия не имею. Как я уже сказал, прецедента не было. Но, Пирс, хранить вечно такой секрет не получится. В качестве члена группы ты можешь быть вызван на задание в середине ночи. Как ты собираешься это объяснить? И что ты скажешь ей, когда тебе придется уехать на одно из наших недельных собраний?

— Я скажу ей, что это по работе. Она уже знает, что мой рабочий график ненормированный.

— А когда ты вернешься домой после миссии, разбитый в хлам, как был после убийства секретаря? Как ты это собираешься объяснить?

— Я не буду. Я просто переключусь. На свою лучшую сторону, единственную, которую Рэйчел увидит. Ты же сказал, что научишь меня, как держаться ее, и я полон ре-

шимости научиться.

Он печально вздыхает и снова садится.

— Ты чертов идиот, Пирс. Ты подвергаешь риску и себя и эту молодую женщину.

— С ней ничего не случится. Я позабочусь о ее безопасности.

— Ты не сможешь. Если ты женишься на ней, ты рискуешь ее жизнью.

— Тогда помоги мне защитить ее. У тебя больше власти, чем у меня. Убеди их позволить мне быть с ней.

— И подвергнуть риску себя? Зачем мне это делать?

— Потому что ты не веришь в их правила. Тебе надоело, что они нас контролируют. Лишают нас выбора. Свободы.

— Ты прав, но я не самоубийца. Я сражаюсь только тогда, когда знаю, что могу победить.

— Есть способы обойти их, Джек. Нам просто нужно выяснить, какие. Пожалуйста. Я умоляю тебя мне помочь. Я люблю эту женщину больше всего на свете. Я пойду на все, чтобы быть с ней.

Его челюсть двигается из стороны в сторону, его пальцы постукивают по столу рядом с ним. Он думает, а я жду.

Наконец, он говорит:

— Я не знаю, что в тебе такого, Пирс, но по какой-то причине ты — мое слабое место. Может, потому что я всегда хотел сына, а ты ближе ко мне, чем остальные. Но ты все еще чертовски раздражаешь. До безумия настойчив и упрямый, как осел. Чертов мятежник. Ты никогда не слушаешь. Не соблюдаешь долбаные правила и всегда во всем сомневаешься. Рискуешь, не задумываясь о последствиях. — Тут Джек начинает смеяться.

— Что? Что смешного?

— Ты ведешь себя, прямо как я. Неудивительно, что ты мне нравишься. — Он встает со стула и подходит ко мне. — Ладно, я помогу тебе. Худшее решение, которое я когда-либо принимал, и я уверен, что пожалею об этом, но какого черта? Я стар и скоро умру. Устрою напоследок фейерверк. Дам этим ублюдкам что-нибудь на долгую память. И это разозлит Холтона, что еще лучше.

Я пожимаю ему руку.

— Спасибо тебе. Ты не представляешь, как много это для меня значит. Так каков план? Что мне делать?

— Если ты серьезно собираешься жениться на этой девушке, тебе придется поторопиться, прежде чем они введут запрет. И не позволяй им ничего узнать.

— Так как же мне это сделать, чтобы они не узнали?

— Дай мне немного времени подумать. Я найду тебя. А теперь убирайся отсюда. Мне нужен душ. — Он без стеснения нюхает свою подмышку. — Этот костюм жутко воняет.

Я прощаюсь с ним и выхожу к своей машине, широко улыбаясь. Я действительно женюсь на Рэйчел. У нас будет будущее. Теперь все, что мне нужно сделать, это убедить ее выйти за меня. Быстро. И тайно. И я не могу признаться ей, почему.

Да, передо мной стоит непростая задача.

ГЛАВА 25 РЭЙЧЕЛ

Сегодня вечер пятницы, и я собираюсь провести выходные у Пирса. Он сопроводил свою маму на званый ужин прошлым вечером, так что я его не видела. Всего одна ночь, и все же я скучала по нему, как сумасшедшая. Думаю, это доказывает, что я влюблена. Я никогда так сильно не скучала по Адаму.

Когда я добираюсь до лофта Пирса, то поднимаюсь на лифте, и когда двери открываются, он ждет меня, держа букет красных тюльпанов.

— Привет, Рэйчел, — нежно улыбается он.

— Привет. — Я буквально прыгаю в его объятия. — Я знаю, что прошел только один день, но, кажется, что вечность с тех пор, как я тебя видела. — Я целую его несколько раз, и только потом отпускаю.

Пирс вручает мне тюльпаны.

— Для тебя.

— Спасибо тебе. — Я снова его целую.

— На стойке есть ваза. — Он ведет меня на кухню. Рядом с вазой стоит бутылка шампанского и два бокала.

— Мы что-то празднуем?

Забрав у меня букет, он опускает его в вазу, затем обнимает меня за талию.

— Лично я праздную, что ты здесь. — Он целует меня губы. — Со мной. — Еще один поцелуй. — Все выходные.

— Мы всегда вместе на выходных.

— И я с нетерпением жду их всю неделю.

Я понимающе улыбаюсь ему.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Пирс обнимает меня и его руки обвиваются вокруг меня, но не слишком крепко. Я научила его объятьям, и улыбаюсь каждый раз, когда он это делает. Пирс так решительно настроен обниматься по всем правилам, но, честно говоря, я приму все, что он мне даст. Плохие или хорошие объятия, неважно.

— Ты проголодалась? — Он указывает на столешницу позади меня. — У меня есть несколько вариантов меню. Можешь выбрать, что захочешь.

— Почему бы нам просто не сходить в ресторан?

— Я бы предпочел остаться дома. Они переполнены в пятницу вечером, и я нигде не бронировал нам столик.

— Ты Пирс Кенсингтон. Я уверена, что, просто представившись, сразу же получишь столик.

Он мимоходом улыбается и целует меня в кончик носа.

— Я все равно хочу остаться здесь.

Я откидываю голову назад и внимательно смотрю на него.

— Но мы всегда остаемся в лофте. Не могли бы мы просто пойти в ресторан? Мы никогда здесь никуда не ходили.

Пирс вдруг выпрямляется, и в его голосе слышны упрямые нотки.

— Рэйчел, я не хочу. И не пойму, почему мы не можем просто остаться.

Его отказ меня расстраивает. Почему он всегда мне отказывает? Я не хочу из-за этого ссориться, поэтому заталкиваю мысль о ресторане подальше.

— Тогда давай сделаем что-нибудь другое. Я еще не очень голодна.

— Другое? — Он чувственно целует меня, медленно расстегивая каждую пуговицу на моей рубашке.

— Пойдем в спальню, — шепчу я, расстегивая его ремень.

— Ты читаешь мои мысли. — Его горячее дыхание опалает мою шею.

После вчерашнего расставания мы умираем от желания быть вместе. Наши губы борются за первенство, пока мы раздеваем друг друга на пути в спальню.

Секс быстрый и неистовый, и когда все кончено, мы дышим так тяжело, будто только что пробежали спринтерский забег. Наши грудные клетки вздымаются, когда мы пытаемся перевести дыхание.

— Хорошо, теперь я голодна, — признаюсь я.

Он хрипло смеется.

— И чего бы тебе хотелось?

— Не знаю. Надо пойти и посмотреть меню.

— Я принесу их сюда. Хочешь чего-нибудь выпить? Я могу открыть шампанское.

— Воды будет достаточно. Мы оставим шампанское на потом.

Пока Пирса нет, я натягиваю на себя покрывало. У него самая удобная кровать и самые мягкие простыни, которые я когда-либо видела. Я всегда хорошо сплю, когда остаюсь у него. Потянувшись к тумбочке, включаю свет. Смотрю вниз и замечаю на полу свой браслет. Я сняла его во время секса, потому что не хотела, чтобы он болтался у меня на запястье. Встаю с кровати, и когда поднимаю его, то замечаю что-то мерцающее на полу, под изголовьем кровати. Вещь маленькая, и я не могу понять, что это такое. Залезаю под кровать, хватаю ее, вытаскиваю и подношу к свету.

Мое дыхание застревает в горле, когда сквозь меня проходит холод. Это сережка. Серебряная серьга в виде крыла ангела с крошечным поддельным бриллиантом в центре. Серьга Шелби. Та, которую она потеряла.

Шелби была здесь.

В этой кровати.

С Пирсом.

Я роняю серьгу, мои руки трясутся. Что это означает? Очевидно, они спали вместе, но когда? Как давно? Он все еще видится с ней? Он изменяет мне с Шелби? Поэтому они всегда так странно себя ведут друг с другом? Поэтому он помогает ее отцу? Поэтому она пытается заставить меня порвать с ним?

Острая боль предательства пронзает меня с головы до ног, заставляя чувствовать, будто задыхаюсь. Пирс врал мне все это время. Все ложь. Сплошной обман. Говорил, что любит меня, когда на самом деле не любил. Почему он так поступил со мной?

— Рэйчел? — Пирс подходит ко мне, держа в руке стакан воды. — Почему ты сидишь на полу?

Я быстро встаю.

— Мне нужно идти. — Хватаю свою одежду и стремительно бегу в ванную. Я одеваюсь так быстро, как только могу, по моим щекам градом катятся слезы.

Пирс обращается ко мне, стоя по другую сторону двери.

— Рэйчел, что случилось? Почему ты уезжаешь?

Как только я оделась, открываю дверь ванной и мчусь мимо него, но Пирс хватается за руку.

— Рэйчел, остановись. Что происходит?

Я вырываю руку.

— Не прикасайся ко мне!

Он встает передо мной.

— Почему? Что происходит? Я не понимаю. Почему ты плачешь?

Я обхожу его и поднимаю с пола серьгу.

— Поэтому! — Насильно всовываю ее ему в руку.

Он смотрит на нее в замешательстве.

— Что это такое?

— Серьга! Я нашла ее под кроватью. Это серьга Шелби!

Пирс смотрит на меня, и выражение его глаз говорит само за себя. Я видела этот

взгляд раньше. Мой первый парень в колледже изменил мне, и когда я об этом узнала и спросила его напрямую, он выглядел точно так же, как и Пирс сейчас. Это выражение вины, когда тебя поймали с поличным.

— Ты спал с Шелби? — я спрашиваю, просто чтобы убедиться, признается ли он.

— Рэйчел, это не то, что ты думаешь.

— Так ты не спал с ней? Хочешь сказать, что нет? Тогда как ее серьга попала под твою кровать?

Он не отвечает.

— Пирс, просто скажи мне. Ты занимался сексом с Шелби?

Мучительный вздох.

— Да. Но это было очень давно.

Моя грудь адски болит, когда я пытаюсь сделать вдох. Забираю у него серьгу.

— Шелби потеряла ее еще в сентябре. Она заметила пропажу в день нашей встречи. Прямо перед тем, как мы с тобой познакомились. Это значит, что ты спал с ней чуть ли не накануне, как я вошла в тот проклятый лекционный зал! Это было не так давно, Пирс!

— Рэйчел, мне очень жаль, но...

— И вы все еще продолжаете? Ты все еще встречаешься с ней?

— Нет! Конечно, нет!

— Почему я должна тебе верить? Ты солгал мне! Ты вел себя так, будто не знаешь ее. Как будто ты никогда раньше ее не видел!

— Я и не знал ее, не знал. Я клянусь тебе. Один раз. Мы оба слишком много выпили и совершили ошибку.

— Я тебе не верю. И даже если это правда, ты должен был мне сказать. — Развернувшись, я выхожу из комнаты, Пирс следует за мной по пятам. — Я уйду отсюда. И не пытайся мне даже звонить. Все кончено. — Я хватаю свою сумочку со стойки рядом с тюльпанами и шампанским. Там также есть коробка конфет, которую я раньше не заметила. У него был запланирован романтический уикенд, а теперь он испорчен.

Я поспешно иду к двери, всхлипывая, и стараюсь не разрыдаться.

— Рэйчел, пожалуйста, не уходи. Давай поговорим.

— Здесь не о чем разговаривать. Просто оставь меня в покое. — Забегаю в лифт, ожесточенно вдавливая кнопку вызова снова и снова.

Пирс влезает в кабинку, прежде чем закрываются двери.

— Не делай этого, Рэйчел. Не прекращай все между нами.

— Между нами все уже закончилось. Закончилось в тот самый момент, когда я нашла серьгу.

— Это случилось до того, как я узнал тебя! И ничего не изменилось. Спроси Шелби, если не веришь мне!

Дверь лифта открывается, и я бегу к гаражу. Пирс за мной не следует. Сажусь в машину и уезжаю. Я так сильно плачу, что едва вижу дорогу. Как он мог так поступить со мной? И как Шелби могла так поступить со мной? Я думала, мы были друзьями.

Когда я возвращаюсь в свою квартиру, то останавливаюсь у квартиры Шелби и громко стучу в дверь, пока она не открывает. Ворвавшись внутрь, вынимаю серьгу из кармана.

— Рэйчел, что случилось? Ты выглядишь расстроенной.

— Вот что случилось! — Я указываю на крыло ангела, лежавшее на моей ладони. — Я нашла твою пропавшую серьгу. И угадай, где?

Она медленно забирает ее, удивленно рассматривая.

— Я не знаю. Где?

— Под кроватью Пирса!

Шелби пристально смотрит на сережку.

— О-о-о.

— Ты спала с Пирсом, и ты лгала мне все это время!

— Я не лгала тебе, а просто не сказала. Не было причин. Это случилось всего один раз, и до того, как он встретил тебя. — Она уходит на кухню и кладет серьгу на стойку.

— Это все? Все, что ты можешь мне сказать?

— А что ты еще хочешь услышать? Прости меня? Почему я не сказала тебе? А зачем мне надо было это делать? Я понимала, что тебе будет больно, если ты узнаешь. Ты любишь Пирса, и мне тошно было даже думать, что парень, которого ты любишь, был с кем-то другим. Я пыталась защитить тебя, Рэйчел.

— Мне не нужна твоя защита! Мне нужна правда! — Я снова срываюсь и плачу. Отчаянно рыдаю, прижав руку ко рту. — Просто скажи мне правду.

Шелби подходит ко мне и протягивает пачку салфеток.

— Пойдем, присядем.

Я практически падаю на диван, вытирая слезы.

— Будет тебе правда, — говорит она. — Пирс и я встретились накануне нашего с тобой знакомства. Мы оба слишком много выпили, в итоге поехали к нему, и когда я проснулась на следующее утро, то сразу ушла. И больше никогда его не видела, пока ты не представила нас друг другу.

Она рассказывает ту же историю, что и Пирс, так что, возможно, он не лгал мне. Может, это была просто ошибка по пьяни.

— И с тех пор вы с ним не спали? — спрашиваю, хлюпая носом.

Шелби отрицательно качает головой.

— Нет. Я клянусь тебе, что нет.

— Что еще ты о нем знаешь? Что ты мне не договариваешь?

— Я не пойму, о чем ты.

— Ты все время твердишь держаться от него подальше, как будто знаешь о нем что-то такое, чего я знать не должна.

— Я говорила так только потому, что встречалась в прошлом с богатыми парнями, и они плохо ко мне относились. Они были придурками, думающими, что могут делать все, что захотят, у них же есть деньги. Я предположила, что и Пирс такой же, но теперь знаю, что ошиблась. Я вижу, какой счастливой он делает тебя и как хорошо к тебе относится, и...

— Я порвала с ним, — выдавливаю я, мой голос дрожит, а слезы снова накатывают. — Сказала ему, что все кончено.

— Из-за меня?

— Потому что он не сказал мне о тебе. Он солгал мне.

— Но когда ты прямо спросила, он сказал тебе правду? Или все отрицал?

— Нет, он сказал то же самое, что и ты. Что вы оба были пьяны, и что это было всего один раз. До того, как он встретил меня.

— Тогда он сказал тебе правду. Мог солгать, Рэйчел, но сказал правду.

— Он бы никогда не признался, если бы я не нашла твою серьгу. Не могу поверить, что все это время он знал тебя и притворялся.

— Если бы он сразу сказал тебе, то пришлось бы рассказать, как мы встретились. А он не хотел. Потому что это не имеет значения. Мы никогда не ходили на свидания. Никогда не собирались заводить отношения. Это была всего одна ночь. И до того, как он узнал о твоём существовании. — Она вздыхает. — Рэйчел, ты не можешь порвать с ним из-за этого. Ты любишь его, я знаю.

— Да, но он не должен от меня ничего скрывать.

— Было ли это действительно то, что ты хотела знать? Посмотри, как ты сейчас

расстроена.

— Он должен был мне сказать. — Я смотрю на нее. — И ты должна была.

— Если бы с ним продолжили, тогда да, я должна была тебе сказать. Но ничего между нами нет. Просто одноразовый перепих по пьяни. Это была ошибка и когда мы снова пересеклись, я не видела причин говорить тебе. — Она делает паузу. — Рэйчел, я знаю, что ты не хочешь это слышать, но такой парень, как Пирс, был со многими женщинами, так что, скорее всего, он в какой-то момент столкнется с одной из них. И если ты будешь с ним, когда это произойдет, ты действительно ожидаешь, что он скажет, что спал с той женщиной?

— Нет. Но если я ее не знаю, то все по-другому. А тебя я знаю. Ты моя соседка и подруга, так что он должен был мне сказать.

— Ты бы сделала то же самое, если бы все было наоборот? Если бы ты переспала с одним из его друзей, но не знала, что это его друг, пока Пирс вас не познакомил, ты бы призналась?

Я тоскливо вздыхаю.

— Наверное, нет.

Шелби права. Если бы это было только один раз, я бы, наверное, не сказала Пирсу.

Несколько минут назад я была в бешенстве, но теперь уже не уверена, что именно чувствую. Может быть, я делаю из мухи слона. Всего одна ночь. До того, как он встретил меня. Так должен ли был Пирс рассказать мне? Или лучше, что он этого не сделал? Мы оба взрослые люди. У нас обоих есть прошлое, и я догадывалась, что в его прошлом было много женщин. Я просто не знала, что Шелби одна из них.

— Так что ты собираешься делать дальше? — спрашивает она.

— Я не знаю. Я не хочу расставаться с ним, но мне также нужно быть уверенной, что я могу ему доверять, а сейчас этого нет. Иногда мне кажется, он что-то от меня скрывает. И все равно мы никуда не выходим. Похоже, он не хочет, чтобы нас видели вместе. Это начинает меня беспокоить. А потом, когда я нашла эту серьгу, я почувствовала, будто это знак свыше, кричащий не доверять ему. Если он не сказал мне о тебе, что еще он не договаривает?

— Вам нужно поговорить и все уладить. Он любит тебя, Рэйчел. И я не имею в виду, что ты ему просто нравишься. Я имею в виду, как глубоко и сильно он любит тебя. Так, словно развалится на части, если потеряет тебя.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я вижу это в его глазах, когда он на тебя смотрит. Мой отец смотрит на мою маму так же, и она любовь всей его жизни. Не многим повезло чувствовать такую любовь, и за нее нужно бороться. Нельзя опускать руки.

— Я тоже его люблю. Точно так же. — Промокаю глаза салфеткой. — Я люблю его всем, чем являюсь. И я не хочу потерять его.

— Тогда не надо. Обсудите все, чтобы вы могли пройти через это и забыть. — Она робко подталкивает мою руку. — И у вас будет потрясающий примирительный секс.

— Я должна позвонить ему.

— Нет. Никогда не звони парню во время ссоры, особенно, когда накосячил он. Заставь его прийти к тебе. Он должен пресмыкаться и умолять о прощении. И обязательно с цветами.

— Он не будет этого делать. Не после того, как я сказала ему, что все кончено.

— Такой человек, как Пирс, не сдастся так легко, особенно учитывая, как сильно тебя любит. Когда парни влюблены, они жалкие, и сделают все, чтобы вернуть тебя. Просто подожди. Бьюсь об заклад, он примчится в течение часа, и постучится в твою дверь с букетом роз.

— Тогда мне лучше пойти к себе. — Шелби провожает меня к двери. — И я все еще злюсь на тебя.

— Я знаю. И у тебя есть на это полное право. Я бы чувствовала то же самое, но если бы я была на твоём месте, я бы, наверное, мне врезала. Хочешь? — Она слабо улыбается, подставляя свою щеку. — Давай. Я смогу это принять.

Мои губы дрогнули в жалком подобии улыбки.

— Нет. Я не собираюсь тебя бить.

— Надеюсь, что после всего мы ещё останемся друзьями?

— Это странно, но, думаю, да.

Она крепко обнимает меня.

— Удачи тебе с Пирсом.

Я выхожу в коридор, потрясенно оглядывая Шелби.

— Ты обняла меня. Ты же никогда меня не обнимаешь.

— Тебе нужны объятия. Я так делаю только когда, когда это действительно необходимо, в отличие от тебя, обнимающей всех, кого встречаешь. — Она толкает меня к моей двери. — А теперь иди. И умойся, а то твое лицо испачкалось.

Она закрывает за собой дверь, а я возвращаюсь в свою квартиру, где проверяю автоответчик. Он мигает красным, у меня десять сообщений. Все от Пирса. Когда собираюсь их прослушать, кто-то стучит в дверь. Он уже здесь? Быстро.

Поспешно вытираю оставшиеся на лице слезы, когда иду к двери. Открываю ее, но вместо того, чтобы увидеть там Пирса, вижу Адама.

— Адам. Что ты здесь делаешь?

— Я хотел тебя удивить. — Он обнимает меня, и тут я замечаю чемодан, стоящий рядом с его ногами.

Выставив руки, отталкиваю парня от себя.

— Нет. Адам, ты не можешь здесь оставаться. Тебе не стоило приезжать.

Он хватается за свой чемодан и проходит мимо меня в квартиру.

— Я не собираюсь никуда уходить. Я только что приехал. — Поставив его на пол, оборачивается и оглядывает меня сверху донизу. — Ты выглядишь великолепно. Даже лучше, чем в последний раз, когда это было? Полгода назад? Я видел тебя в церкви на прошлой Пасхе, но ты ушла до того, как я смог с тобой поговорить.

— Адам, я серьезно. Тебе нужно уйти.

— Рэйчел, почему ты себя так ведешь? — Он подходит ко мне, слишком близко. — Я думал, ты будешь рада меня видеть. — И тут Адам наклоняется к моему лицу.

Я толкаю его обратно.

— Что ты делаешь?

— Хочу тебя поцеловать. Я скучал по тебе.

— Слушай, Адам, я не знаю, что сказала тебе моя мама, но я не хочу снова быть с тобой. У меня есть парень, и даже если бы я была одинока, я бы все равно не хотела, чтобы мы снова были вместе.

— Рэйчел, это не то, что ты хочешь. У нас с тобой есть прошлое. Мы любим друг друга. Мы принадлежим друг другу.

— Я не любила тебя. Я так думала только потому, что была беременна, а это означало, что я должна была любить тебя. Но я этого не чувствовала. — Делаю глубокий вдох. — Зачем ты вообще хочешь меня вернуть? Ты расстался со мной.

— Я немного подумал и понял, что есть и другие способы завести детей. Я бы предпочел иметь своего собственного, но так как это невозможно, я готов его усыновить. Я уже изучил...

— Адам, ты меня не слушаешь. Я не хочу быть с тобой.

— Нам просто нужно время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Я пробуду здесь все выходные. Мы можем делать все, что захочешь. — Он кладет ладонь мне на щеку, но вместо того, чтобы утешать меня, как это делает Пирс, такой жест с его стороны только вызывает раздражение. — Давай же, Рэйчел. Я многое бросаю, чтобы быть с тобой.

Меньшее, что ты можешь сделать, это быть благодарной.

Я отталкиваю его руку от себя.

— Хватит меня трогать. Я не хочу ни тебя, ни нас. Мне жаль, что ты проделал весь этот путь сюда, но тебе нужно уйти. — Я чуть ли не бегу к двери и распахнув ее, вижу Пирса, стоящего с поднятой рукой, будто он готовился постучать.

— Рэйчел, я...

— Это он? — Адам подходит к нам.

— Кто это такой? — Пирс спрашивает меня, но неотрывно смотрит на Адама.

Тот становится передо мной, горделиво расправляя плечи.

— Я ее жених. И мы разговариваем, так что тебе лучше уйти.

— Ты не мой жених, — возмущаюсь я, отпихивая его в сторону, чтобы я могла увидеть Пирса. — Это Адам, — все же поясняю. — Мой бывший жених. Он как раз собирался уходить.

Адам поворачивает меня к себе, его руки сжимают мои плечи.

— Рэйчел, ты едва знаешь этого парня. Ты встречалась с ним сколько? Пару месяцев? Я знаю тебя с детского сада. Я знаю всю твою семью, твоих друзей. Я знаю о тебе все.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Конечно, знаю. Как ты могла такое сказать?

— Если бы ты знал меня, ты понимал, как сильно я страдала, когда мы потеряли ребенка. — Разрываюсь на части, когда говорю ему об этом, потому что мне все еще больно. — И ты бы знал, как я была опустошена, когда мне сказали, что я никогда не смогу иметь детей. — Всхлипнув, вытираю слезы. — И ты бы знал, как сильно я в тебе нуждалась после того, что случилось. И все же ты ушел и устроился на работу в Индианаполисе. Ты бросил меня, Адам, когда сильнее всего был мне нужен. Ты даже не позвонил и не приехал ко мне.

— Я думал, тебе нужно побыть одной.

— И это доказывает, что мы никогда не были друзьями.

— Убери от нее свои руки, — говорит Пирс Адаму.

Он смотрит на Пирса, замечая, насколько тот высок и физически превосходит его самого. И медленно опускает руки.

— Просто уходи, — обращаюсь к Адаму. — И больше не возвращайся.

Он стоит и даже не думает пошевелиться.

Пирс приближается к Адаму.

— Она попросила тебя уйти.

Адам смотрит на меня так, будто хочет, чтобы я передумала. Ничего не говорю, и он врывается обратно в квартиру и хватает чемодан. Когда выходит, то останавливается у двери и злобно кривит губы:

— Ты и он долго не продержитесь. И когда он тебя бросит, я тебя ждать не буду.

Он спускается вниз по лестнице.

Стою на пороге, совершенно ошеломленная, что Адам свалился, как снег на голову. Он действительно думал, что я хочу его вернуть? Он даже не извинился после того, как я сказала, насколько сильно он меня обидел. Как он мог даже не сказать, что сожалеет?

— Рэйчел. — Пирс все еще стоит в коридоре. — Можно мне войти?

Я слабо киваю.

— Да.

Может, мне не стоит его впускать. Я должна злиться на него и не желать его видеть. Но он единственный, кого я сейчас действительно хочу видеть. Единственный, кто может заставить меня чувствовать себя лучше.

Мы проходим в квартиру, и я останавливаюсь, все еще хлюпая носом. Пирс стоит

напротив меня, ему не хватает привычной уверенности, и он выглядит растерянным.

— Я знаю, что ты злишься на меня и, вероятно, не хочешь, чтобы я к тебе прикасался, но мне бы очень хотелось обнять тебя прямо сейчас. Я думаю, тебе это нужно, и так как здесь больше никого нет, может быть...

— Да.

Одно слово — все, что ему надо, чтобы обнять меня. Я слышу, как сердце Пирса очень быстро бьется. Он нервничает. Боится, что я собираюсь его отвергнуть. Боится, что я скажу ему, чтобы он ушел и никогда не возвращался, как я только что сказала Адаму. Но я бы не поступила так с Пирсом, потому что слишком сильно его люблю. И потому что он заботится обо мне больше, чем когда-либо заботился Адам. И любит меня намного сильнее, чем Адам когда-либо.

Пирс любит меня так сильно, что я чувствую это, когда мы вместе. Я слышу любовь в его голосе и вижу ее в его глазах. Даже Шелби могла это видеть.

И теперь он думает, что потерял меня. Единственного человека, кто смотрел ему прямо в глаза и говорил «я люблю тебя».

Я знаю, что он солгал мне, но я хочу простить его. Я не могу его потерять.

— Пирс, нам нужно поговорить.

Он медленно опускает руки и отступает, и когда я смотрю на него, то вижу, что его глаза покраснели и подозрительно блестят. Такой стойкий, сильный, уверенный в себе мужчина, который никогда не проявляет эмоций, едва не плачет, потому что думает, что потерял меня.

— Рэйчел. Мне очень жаль. Я надеюсь, что ты сможешь простить меня, но если нет, то мне, по крайней мере, хотелось бы попрощаться. Ты ушла, и я ... — Он прерывисто вздохнул. — Мне не удалось с тобой попрощаться.

Я беру его за руку.

— Не говори так.

— Как?

— Не прощайся. Я не хочу.

Он выглядит смущенным.

— Не хочешь?

— Нет. Мне все еще больно, что ты солгал мне, но я также люблю тебя и хочу быть с тобой. Так что... я не хочу, чтобы ты прощался.

Он снова обнимает меня, на этот раз, держа крепче.

— Мне так жаль, что я причинил тебе боль. Это никогда не было моим намерением. Я так сильно тебя люблю. Я сделаю все, чтобы ты больше не страдала. Все, что я хочу, это сделать тебя счастливой.

Он заставит меня снова плакать, если будет продолжать.

— Говоря об этом, я кое-что забыл. — Пирс отстраняется, отпускает меня и выходит за дверь.

Что он делает? И куда направился?

Он возвращается с продуктовым пакетом.

— Это не компенсирует то, что я сделал, но знаю, что поможет осчастливить тебя, и подумал, что даже если ты не позволишь мне войти, я мог бы, по крайней мере, оставить пакет у твоей двери.

Он вручает мне пакет. Внутри находится упаковка шоколадного печенья и две кварталы мороженого, одна ванильная, другая шоколадная.

— Я купил оба вкуса, потому что заметил, что ты иногда любишь их смешивать.

Я недоверчиво улыбаюсь.

— Ты ходил по магазинам?

— Да. Еще один первый раз для меня. Вот почему я так долго сюда добирался. Я не

знал, где все это продается, но мне помог один пожилой джентльмен.

Хорошо, теперь я плачу навзрыд, воображая, как Пирс ищет мороженое по всему продуктовому магазину. И это так мило. Он даже купил мою любимую марку печенья.

— Что случилось? — спрашивает он с беспокойством в голосе. — Тебе не нравится? Надо было просто купить цветы.

— Нет. — Я бросаю пакет и обнимаю его. — Мне не нужны цветы. Все это намного лучше.

— Я постарался рассчитать время, чтобы немного мороженого растаяло, когда я приеду. Я знаю, как ты любишь, чтобы печенье им пропиталось.

Отступаю немного назад, чтобы посмотреть на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я наблюдаю за тобой, чтобы узнать, что тебе нравится. — Он пропускает пряди моих волос сквозь свои пальцы, и заправляет их мне за ухо. — Я также наблюдаю за тобой, потому что ты красивая. И потому что я люблю тебя и не могу оторвать от тебя глаз. — Пирс целует меня в лоб. — Я сделаю все, что угодно, лишь бы ты простила меня.

— Я хочу, чтобы мы поговорили. Я хочу обсудить все, чего мы раньше избегали, потому что я слишком боялась спрашивать. Я не хотела ссориться, и только поэтому продолжала откладывать свои вопросы. Но для того, чтобы наши отношения продолжали развиваться, нам нужно поговорить о многом.

— Хорошо. Я согласен.

— Давай сначала съедим мороженое.

После всего, что произошло сегодня вечером, мне нужно время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем говорить с Пирсом. Я делаю нам обоим мороженое с печеньем, и мы молча его едим. Мороженое успокаивает меня после сегодняшней нервотрепки, и когда мы закончили, я готова к разговору.

— Пирс, я хочу, чтобы мы вышли погулять.

— Где?

— Куда ты обычно ходишь. Например, твой любимый ресторан или кафе рядом с лофтом. Ты никогда меня никуда не водишь, и это заставляет меня думать, что ты не хочешь, чтобы нас видели вместе. Как будто ты пытаешься меня спрятать.

— Я не пытаюсь тебя спрятать. — Его тон говорит о другом.

— Пирс, больше никакой лжи. Скажи мне правду.

Он с горечью вздыхает.

— Правда в том, что я пытался оградить тебя от этой стороны моей жизни. Той, в которой я известен только как Пирс Кенсингтон, миллиардер. Сын Холтона Кенсингтона. Будущий генеральный директор «Кенсингтон Кемикал». Мне нельзя быть самим собой, когда я нахожусь в том мире. Я просто имя. Имя, на которое люди обращают внимание и которое уважают, но только потому, что за ним стоит много денег. Мне не нравится эта сторона моей жизни, и я не думаю, что тебе она тоже понравилась бы, и только поэтому я держал тебя от нее как можно дальше. Я хотел бы дать тебе больше, показать все, чем я живу, но это не так просто. Мир, где я Пирс Кенсингтон, — искусственный, и я должен встречаться только с нужными людьми. Ты не поверишь, насколько люди вокруг меня лживы, корыстны и любят сплетничать. Это действительно отвратительно. И по-детски. И все же они это делают. Если я выпью с женщиной, и кто-нибудь увидит меня, мигом все знают. У меня нет личной жизни, поэтому я предпочитаю оставаться дома.

— Так ты не хочешь, чтобы твои друзья знали, что мы встречаемся?

— Эти люди не мои друзья. Просто знакомые. Люди, которых я вынужден терпеть из-за моего имени и положения. Очень маленький круг общения, и посторонние в

него не допускаются.

— А я посторонняя. Потому что не богата?

— Да. И как бы неправильно это ни было, они не станут к тебе хорошо относиться. Они будут осуждать тебя и говорить то, что не должны говорить, как в лицо, так и за спиной. Я не хочу, чтобы тебе пришлось терпеть подобное обращение. Я не хочу, чтобы эти люди даже рядом с тобой находились.

— Но, может быть, как только они узнают лучше меня, то примут.

— Они никогда не примут тебя. Просто они такие, какие есть.

— Ну, я их не боюсь, и тебе не нужно защищать меня от них. Я хочу пойти куда-нибудь, Пирс. Не сейчас, а завтра вечером. Я хочу, чтобы ты пригласил меня на ужин туда, куда сам обычно ходишь. Ты сделаешь это?

Он заметно колеблется.

— Да.

— Я также хочу встретиться с твоими родителями. Это не должно быть так сразу, но, возможно, до конца года.

— Хорошо. До конца этого года.

— Думаешь, я не понравлюсь им? Поэтому я никогда с ними не встречалась?

— Мои родители никого не любят. Включая меня.

Я беру его за руку.

— Это не совсем так.

— Какие еще у тебя есть требования? — Он спрашивает в шутку.

Я улыбаюсь.

— Это все. Ну, может быть, еще одно.

— Что именно?

— Мы можем сейчас заняться сексом?

Пирс порывисто меня целует.

— Я думал, ты никогда не согласишься.

Он отводит меня в спальню, и мы миримся. Несколько раз.

ГЛАВА 26

ПИРС

Прошлая ночь была отвратительной. Я никогда не хотел, чтобы Рэйчел узнала о Шелби. Я был уверен, что ей будет больно из-за того, что я спал с ее подругой. Но что еще больше ее ранило, так это то, что я не только не сказал ей о том, что переспал с Шелби, но и что я уже знаком с ней, а притворялся, что впервые вижу.

Если бы Рэйчел знала, сколько у меня еще секретов. Она простит меня, если когда-нибудь узнает? Я не думаю, что она сможет. Мне кажется, что я навсегда ее потеряю. Я был уверен, что потерял ее прошлой ночью, и это привело меня в состояние паники. Я поехал к ней домой, готовый на все, чтобы ее вернуть, но беспокоясь, что может быть слишком поздно.

Когда я увидел там Адама, и как он с ней обращался, мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы контролировать свой гнев. Даже после того, как Рэйчел сказала ему, насколько сильную боль он ей причинил, ему было все равно. Я хотел убить его или, по крайней мере, избить до потери сознания. Но это расстроило бы Рэйчел, а у меня и так уже было достаточно проблем.

Слава Богу, она меня простила. Мы помирились прошлой ночью, и сегодня мы еще более близки, чем раньше. Я никогда не думал, что ссоры — это хорошо, но теперь, смотрите, они иногда могут помочь отношениям. Узнав о Шелби, Рэйчел открылась мне. Полностью рассказав о других проблемах, беспокоящих ее, в основном о том, что она в курсе, что я специально держал ее подальше от другой стороны моей жизни. Я пытался объяснить ей, как мог, почему так поступал. Я не мог рассказать ей об организации, но был честен о реалиях моей жизни и о том, как люди в моем мире никогда ее не примут. Мне было неприятно это говорить, но это правда, и ей нужно знать, во что она ввязывается, будучи со мной.

Это нелегкая жизнь, и я понятия не имею, как Рэйчел на нее отреагирует, как только еще глубже погрузится. Но, как она сказала, я не могу защитить ее от всего. В конце концов, ей придется встретиться с моей семьей и другими людьми в моей жизни. Я просто не был готов к этому, но теперь у меня и выбора нет. Рэйчел неделями просила меня взять ее с собой, и я продолжал отказываться, но вчера она не приняла «нет» за ответ, и мне пришлось согласиться.

В субботу вечером, мы приехали в «Ролхейм», ресторан, куда я часто ходил до встречи с Рэйчел, и никогда не видел здесь никого из организации. Большинство из них живут вдоль побережья и сюда не приходят. Но я могу легко столкнуться с кем-то, кто меня знает. Что ж, если так случится, мне придется с этим смириться. Я не могу прятать Рэйчел вечно. Если я хочу ее в своей жизни, люди, в конце концов, о ней узнают.

Мы ужинаем без происшествий. На самом деле, все очень даже здорово. Еда восхитительная, и Рэйчел выглядит красивой, как всегда. Приятно наконец-то пригласить ее на настоящее свидание.

Мы заканчиваем с десертом, и когда я расплачиваюсь по счету, то слышу знакомый голос. Ко мне вальяжной походкой направляется Ройс.

— Кенсингтон. Рад тебя видеть. — Тут он обращает внимание на Рэйчел. — А кто эта красивая женщина?

— Рэйчел, — с улыбкой отвечает она, пожимая ему руку. — Рэйчел Эванс.

— Ройс Синклер.

— Откуда ты знаешь Пирса? — интересуется она.

Ройс насмешливо смотрит на меня.

— Мы с Пирсом давно знакомы, и наши семьи дружат. А еще мы вместе учились в Йеле. Жили в одном общежитии. А ты откуда знаешь Пирса?

— Мы встретились в Йеле, — говорю я, прежде чем она сможет ответить. — Рэйчел присутствовала на речи, которую я произносил.

— Так ты учишься в Йеле? — он обращается к девушке.

— Нет. В аспирантуре в Хиршфилде.

— Ройс, поговорим позже, — с нажимом говорю я ему. — Нам с Рэйчел нужно идти.

— Да, конечно. Я должен вернуться на свое место. Виктория ждет. Ты знаешь, что я встречаюсь с Викторией Лиссфельд?

— Да, твой брат сказал мне. — Я встаю. — Позвоню тебе на следующей неделе, и мы наверстаем упущенное. Возможно, мы могли бы встретиться и выпить.

— Да, давай, я не против. — Он улыбается Рэйчел. — До свидания, Рэйчел. Рад был с тобой познакомиться.

Она улыбается в ответ.

— Я тоже.

Обхожу вокруг стола и отодвигаю стул Рэйчел, а затем помогаю ей надеть пальто.

— Он кажется милым, — задумчиво произносит она.

— Это не так. Он просто очень хорошо умеет устраивать шоу.

Рэйчел берет свою сумочку.

— Мне нужно в уборную, я быстро.

— Конечно. Она у входа. Иди, я встречу тебя там.

Она уходит, а я направляюсь к Ройсу, сидящему в другой половине зала. Виктория замечает меня, когда я подхожу к столу.

— Пирс, какой сюрприз, — восклицает она. — Я не видела тебя с вечеринки твоих родителей прошлым летом. Как твои дела?

— Все в порядке. — Я не спрашиваю, как у нее дела, потому что она будет болтать в течение часа. Обращаюсь сразу к Ройсу. — Могу я поговорить с тобой?

Мы идем в коридор в задней части ресторана.

— В чем дело, Пирс?

— Не говори никому о ней. Я серьезно. Ни единого слова.

— Почему? Кто она такая? Ее имя мне незнакомо.

— Она не одна из нас. Она просто учится в колледже. И она из Индианы.

Ройс усмехается.

— Твой отец тебя убьет. Я слышал, он пытался найти тебе жену.

— Да, я знаю. Поэтому мне нужно, чтобы ты молчал.

— Хм. Ну, я не знаю.

— Ройс, не будь засранцем. Я покрывал тебя больше раз, чем могу сосчитать. Ты мне должен.

— Правда? — он снова ухмыляется. — Потому что я так не думаю. Но давай это обсудим. Ты завтра свободен?

— Нет, но я найду время. Когда ты хочешь встретиться?

— В три. У меня дома.

— Я занят в три. В семь.

— Ладно, семь так семь. И принеси мне бутылку виски. Лучший из лучших.

Я ухожу в ярости, что он собирается меня шантажировать в обмен на молчание. Но это то, что мы всегда делаем. Мы шантажируем друг друга, чтобы скрыть наши секреты. Хотя Ройс и утверждает, что он мой друг, но он отвернется от меня через секунду, едва организации станет известно про Рэйчел. Отвернутся все. Каждый, кого я знаю. Единственный человек в моей жизни, которому я безоговорочно доверяю, это сама Рэйчел. Со всеми остальными я должен постоянно быть начеку и использовать взятки и шантаж, чтобы держать их в узде.

Я встречаю Рэйчел, когда она выходит из туалета. Мы возвращаемся ко мне, и

наш прекрасный вечер, к сожалению, подходит к концу. Я пытаюсь сосредоточиться на своей девушке, но все, о чем я могу думать, это Ройс. Я не доверяю ему. Он не сможет держать Рэйчел в секрете.

Я до сих пор ничего не слышал от Джека. Хотел бы я думать, что могу доверять ему, но знаю, что опасно доверять кому-то, кто является частью организации. Он сказал, что поможет мне, но мог и солгать, чтобы меня успокоить. Насколько я знаю, Джек мог придумать, как разлучить нас с Рэйчел, вместо того, чтобы найти способ, как нам быть вместе.

В воскресенье утром я спрашиваю Рэйчел, не хочет ли она пойти позавтракать. Она с радостью соглашается, в восторге от того, что я снова выйду с ней на публику.

Когда мы садимся в машину, я вижу на полу свой телефон. Должно быть, он выпал из моего кармана прошлой ночью. Как член группы, я должен держать его под рукой все время в случае, если они позвонят. И прошлой ночью его со мной не было. Дерьмо.

Рэйчел видит, как я его поднимаю.

— У тебя есть мобильный телефон? — Она с интересом тянется к нему. — Могу я посмотреть? Я никогда не видела его так близко.

Я вручаю его ей, пристально следя на случай, если он зазвонит. А вдруг она ответит? Кто знает, что тогда произойдет? Это было бы не очень хорошо.

Она отдает телефон мне обратно.

— Интересно, как скоро у каждого будет такой?

— Я уверен, что все захотят, как только снизится цена. Сейчас они слишком дорогие.

— Ты часто им пользуешься?

— Нет. Только по работе. — Я смотрю на телефон и замечаю сообщение. Я же никогда не получаю сообщений. Они не нужны, потому что я должен сразу же отвечать на звонки. А я, видимо, не ответил. Черт, у меня неприятности. Огромные неприятности.

— Кто-то звонил прошлой ночью, — объясняю я Рэйчел. — Мне нужно проверить.

Выйдя из машины, я закрываю дверь. Иду в сторону гаража и прослушиваю сообщение. Меня просят ввести мой личный номер, что я и делаю.

— Нам поступило извещение, что это сообщение не было доставлено напрямую. Правила гласят, что вы должны держать свой телефон в пределах досягаемости и следить, чтобы он был включен в любое время. Невыполнение этого требования может привести к наказанию. Немедленно позвоните нам, чтобы получить ваше задание.

На этом сообщение заканчивается.

Я засовываю телефон в карман и возвращаюсь в машину.

— Рэйчел, мне жаль, но на работе кое-что случилось, и мне нужно в офис. Я отвезу тебя домой.

— Не возражаешь, если я останусь здесь? Мне нужно учиться, а в твоей квартире намного тише и уютнее, чем в моей.

Я колеблюсь, потому что планировал перезвонить насчет задания из дома, но думаю, я мог бы сделать это и в офисе.

— Конечно. — С притворной улыбкой спрашиваю: — Хочешь, я провожу тебя обратно?

— Не стоит, езжай на работу. Ты знаешь, во сколько будешь дома?

— Нет, так что не беспокойся об ужине. И я сожалею о завтраке. Я позвоню и что-нибудь привезут.

— Все в порядке. Я просто приготовлю, что на ум придет. — Она наклоняется через сиденье и целует меня. — Не работай слишком усердно. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Рэйчел выходит из машины и заходит внутрь здания. Она очень хорошо воспринимает мои отлучки. Понимает мой сумасшедший график работы, что является еще одной причиной, по которой я люблю ее и вижу с ней свое будущее. Не многие женщины мирятся с моим расписанием. На самом деле, другие женщины, с которыми я был, привыкли скулить и жаловаться, когда мне приходилось работать допоздна или по выходным. Это было невыносимо, вот почему я никогда не поддерживал с ними никаких отношений. Но Рэйчел очень независима и не требует, чтобы я постоянно был с ней. Она довольна тем, что проводит время одна.

Когда я приезжаю в офис, он пуст. Наши сотрудники часто приходят в выходные, чтобы доделать работу, если вдруг не успели, но обычно не в воскресенье утром. И я рад, что здесь никого нет. Я не могу сейчас никого видеть. Слишком нервничаю из-за этого задания, предполагая, что оно будет ужасным.

Я вхожу в кабинет и звоню. Когда мне отвечают, я ввожу свой номер, а затем жду, когда телефон снова зазвонит. Мне нельзя вешать трубку. Правило в том, что ты остаешься на линии, пока кто-то не ответит. Примерно через минуту, я слышу мужской голос. Он просит меня повторить мой номер, затем задает вопросы, ответы на которые подтверждают мою личность. Прежде чем получаю инструкции, я спрашиваю, буду ли я наказан за то, что не взял с собой телефон. Голос в трубке говорит, что не буду, на первый раз. Но если подобное повторится, мне несдобровать.

Понятия не имею, кто на другом конце телефона, и мне нельзя этого знать. Никогда не известно, кто дает задания. Я предполагаю, что это один из моих коллег, но голос незнаком, поэтому я действительно не знаю.

Внимательно слушаю инструкции. Мое тело постепенно расслабляется, когда я понимаю, что мне дают не заказ на убийство. Вместо этого, приказ скрыть неуместную деятельность одного человека, которого мы внедрили в Сенат несколько лет назад. Он скоро будет переизбран, а постоянно оказывается замешанным в скандалах с участием проституток. Мы сфальсифицируем выборы, чтобы он выиграл, но репортеры или общественность могут заподозрить неладное, если этот человек победит, несмотря на свое сомнительное поведение. Он консерватор, женат и у него трое детей, так что голосовать за него из-за его измен никто не будет. Я подделаю некоторые документы и интервью, дискредитирую женщин, с которыми он был, и все будет хорошо. Его жена и остальные поверят, что он кристально чист, и он без сомнения победит на выборах.

Возможно, это неправильно, что этот человек так себя ведет, но для меня это не имеет значения. Все, кого я знаю, обманывают своих жен, и все члены группы спят с проститутками. Мы просто называем их коллегами. Так что прикрытие сенатора меня не беспокоит. Это, вероятно, самое простое задание из тех, что у меня были. Скорее всего, следующее определенно будет назначением на убийство. Но я позабочусь об этом позже.

После того, как я узнал все подробности, вызываю одного из наших наемников, обладающего навыками в различных задачах, которые необходимо выполнить; избавление от полицейских отчетов, создание поддельных заявлений от проституток, подтверждающих, что они лгали о том, чтобы были с этим человеком, пытаюсь его шантажировать. Правдой так легко манипулировать. Вот почему я никогда не верю ничему, что вижу в новостях или читаю в газетах. Если организация способна таким образом исказить истину, то я точно знаю, что и другие тоже так делают.

К пяти часам моя работа закончена, и я звоню Рэйчел. Она работает над домашним заданием. Я скажу ей, что приглашу ее на ужин, когда вернусь домой. Но прежде чем я это сделаю, я должен встретиться с Ройсом. Мы договорились на семь, но я не хочу ждать еще два часа, так что собираюсь и еду к нему.

Синклер живет в роскошном таунхаусе в Вестпорте. Я регистрируюсь у ворот. Охранник позвонил Ройсу и получил разрешение меня впустить. Я предполагал, что так и будет, несмотря на то, что я приехал раньше. Ройс очень правильный, когда дело доходит до соблюдения правил этикета, но только с другими людьми. Со мной он не такой. Если мы только вдвоем, формальности отложены. Мы провели вместе четыре года в колледже и видели друг друга в худшем состоянии. Много пьяных ночей. Много девушек. Много чего, что мы не должны были делать, но все равно делали. Мы знаем множество секретов друг друга, и я думаю, это делает нас друзьями, хотя я бы не хотел иметь таких друзей, как он. Он друг, когда ему выгодно. А он всегда чего-то хочет, поэтому я стараюсь его избегать.

— Ты рано, — говорит Ройс, открывая дверь.

— Не хотел ждать до семи. — Я захожу в таунхаус. Помещение четыре тысячи квадратных футов, больше похоже на дом. Слишком помпезно для моего вкуса, с мрамором повсюду и белыми колоннами, отделяющими вход от гостиной. Гобеленовые ковры на полу, дорогие картины на стенах, а длинные струящиеся шторы скрывают окна. Декор соответствует индивидуальности Ройса. Чванливый. Сплошное излишество. Переполнен предметами, демонстрирующими его богатство и статус.

Мой лофт гораздо более уютный. Полы покрыты панелями из темного дерева, а на окнах, простые, без изысков, шторы. У меня есть парочка обрамленных черно-белых фотографий на стенах, а стены в таунхаусе Ройса увешаны картинами маслом в витиеватых, старинных рамах.

— Расскажи мне о своей новой девушке. — Он садится на белый диван, положив ноги на стеклянный журнальный столик. На нем халат на голое тело, и я смотрю куда угодно, только не на Ройса.

— Не мог бы ты надеть что-нибудь поприличнее? В любом случае, почему ты носишь халат в такое время?

Ройс похабно улыбается.

— Я был не один.

— С Викторией?

Он раздраженно закатывает глаза.

— Боже, нет. Эта женщина ужасна в постели. У нее вполне приличное тело, но она не знает, что с ним делать.

— Но ты все еще собираешься на ней жениться?

— Конечно. — Он затягивает пояс вокруг талии. — Она была для меня выбрана. Моего мнения никто не спрашивал.

— Ее выбрал твой отец?

— Нет. Он ненавидит Викторию. Как и мама. Но учитывая, какое у меня будет политическое будущее, Виктория была самой подходящей кандидатурой. Ее выбрали высшие члены. Моим родителям запретили вмешиваться.

Этих самых высших членов мы никогда не видели. Они встречаются отдельно от всех нас и принимают окончательное решение. Поскольку у них планы на будущее Ройса, они должны были выбрать для него самую подходящую жену. Таковую, которая будет работать на их благо в политической среде. Они не стали бы доверять суждениям других членов организации, и поэтому сами выбрали жену Ройса.

— Итак, вернемся к делу, — напоминает он, и полы его халата распахиваются, обнажая часть ноги.

— Ройс, пожалуйста, оденься. Я не могу с тобой разговаривать, когда ты в таком виде.

— Ладно. — Он резко встает. — Вернусь через минуту.

Пока его нет, я иду по коридору в туалет. Когда выхожу, то, проходя мимо одной из гостевых спален, замечаю что-то на полу. Дверь наполовину закрыта, но я открываю

ее и вижу веревки, разбросанные по мягкому бежевому ковру. В середине комнаты находится кровать с балдахином.

Я захожу внутрь и поднимаю веревку. Она такой же ширины, как и красные следы на запястьях Шелби. Я знал, что это был он. Я знал это.

Схватив веревку, чуть ли не врываюсь обратно в гостиную. Ройс ждет в баре, он надел брюки и белую рубашку на пуговицах. Ничего повседневного. Он носит только костюмы.

— Где ты был? — спрашивает Синклер, наливая себе выпить.

— Что это такое? — Я со злостью бросаю в него веревку.

Он довольно улыбается.

— А что? Думаешь связать свою девушку? Я бы очень рекомендовал. У меня есть лишняя веревка, если понадобится.

Я подхожу к нему вплотную.

— Я никого не связываю, по крайней мере, не против ее воли.

— О чем ты говоришь?

— Ты связал одну из наших коллег и не позволял ей уйти.

— И каким образом тебя это колышет? — Ройс берет свой напиток, возвращается в гостиную и садится на диван.

Я иду вслед за ним, но остаюсь стоять.

— Это против правил, и ты это знаешь. Они делают свою работу и уходят. Им даже нельзя остаться на ночь, не говоря уже о том, чтобы проводить с нами весь день.

— Кого это волнует? Они проститутки. Мы можем делать с ними все, что захотим. Я не знаю, почему это долбанное правило еще существует.

— Ты причинил боль девушке. У нее остались следы на руках. Ты издевался над ней.

Он равнодушно пожимает плечами.

— Ну да, я был немного груб. Тоже мне, большое дело. Я уверен, что с ней бывало и хуже.

Я выхватываю стакан из его руки и опускаю на стол.

— К ним нельзя так относиться, ты понимаешь?

— погоди, а ты откуда все это знаешь? Она рассказывала обо мне?

— Нет. Я видел ее после того, как она была с тобой. И увидел ее руки и синяки. Она пыталась их скрывать, но я заметил. Она не сказала, кто это сделал, но у меня было подозрение, что это мог быть ты. И теперь, когда оно подтвердилось, ты никогда так снова не сделаешь. Ни с ней, ни с кем-либо другим.

— И ты действительно думаешь, что можешь так просто указывать, что мне делать? — Он забирает со стола свой стакан. — Я делаю то, что хочу, а не выполняю чьи-то приказы.

— Придется, когда остальные об этом узнают. Ты реально хочешь, чтобы они тебя наказали?

— Этого не будет, потому что они никогда не узнают. У меня есть способ успокоить тебя, Пирс. Я провел некоторые исследования о девушке, с которой ты был, и она еще хуже, чем я думал. Со Среднего Запада? Девочка с фермы? Серьезно? — Ройс громко смеется. — Я признаю, что она чертовски великолепна, но, если бы остальные выяснили, что ты встречался с ней, твое наказание было бы в тысячу раз хуже моего, за то, что я связал коллегу. Твой отец, я уверен, тебя приберет, прежде чем у организации даже шанс появится тебя наказать.

— Нет правила запрещающего мне с ней встречаться.

— Есть. Негласное. И мы все достаточно умны, чтобы знать его. Все, кроме тебя. Ты же не серьезно относишься к этой девушке?

Я не отвечаю.

Он садится ровно, с недоверием глядя на меня.

— Ты издеваешься надо мной, да?

Я медленно сажусь на диван, избегая смотреть на Ройса.

— Это твое предсмертное желание, Пирс?

— Они не собираются меня убивать за то, что я женюсь на девушке не из нашего круга.

— Женишься? — Синклер подсакивает на диване, проливая свой напиток. — Ты свой гребаный ум потерял? Ты не можешь жениться на этой девушке.

— Могу, если никто не узнает.

— О чем ты говоришь? Намереваешься сбежать? Значит, ты уже сделал ей предложение?

— Нет. Но собираюсь.

Я не планировал ничего рассказывать Ройсу, и теперь сожалею. Почему я сказал ему об этом? О чем я только думал?

— Как давно ты с ней знаком?

— С начала сентября. Но я люблю ее, и не хочу ждать, чтобы жениться на ней. Я не могу. Каждая минута промедления — риск для меня, что они узнают и попытаются меня остановить.

Он начинает вышагивать по полу, потирая ладонью лицо.

— Я всегда думал, что из всех нас, я самый рискованный, но ты меня переплюнул. Даже я не настолько глуп, чтобы выкинуть что-то подобное.

— Я уже был женат на женщине, которую выбрали они, и не сделаю этого снова. Я никогда даже не надеялся, что встречу такую женщину, как Рэйчел, и теперь, когда она у меня есть, я ее не отпущу.

Ройс останавливается, будто споткнувшись, и смотрит мне в глаза.

— Дерьмо. Ты действительно любишь эту женщину.

— Это так очевидно?

— Да. Что означает, скрыть все будет очень трудно.

— Что ты имеешь в виду? Ты сохранишь мою тайну?

— Я не знаю. — Он возвращается на свое место на диване, опуская ноги на стол. — Должен сказать, меня заинтриговала опасность всего этого. Я получаю бешенный прилив адреналина, просто думая о том, что они могут с тобой сделать, когда узнают. Поэтому, чисто из любопытства, я сохраню твой секрет, чтобы узнать, что же они будут делать с тобой после того, как ты женишься против их воли.

Я изумленно качаю головой.

— Большое спасибо, Ройс. Ты настоящий друг.

— Я предупредил тебя. Но ты меня не слушал, так что теперь мне интересно, что будет дальше. Никто и никогда прежде не совершал подобные поступки. Так какой у тебя план?

Я не хочу рассказывать ему о причастности Джека, потому что это поставит того под удар. Существует шанс, что Ройс разболтает мой секрет другим, а затем у Джека возникнут проблемы, и его сместят с должности моего наставника.

— Я все еще над ним работаю, — признаюсь я ему.

Он залпом выпивает свой напиток, затем ставит стакан на стол.

— Я знаю, что делать.

— И что?

— Увози девушку в Вегас и там женись на ней. Отправь объявление о своей помолвке во все крупные газеты, в новостные каналы. Пусть все знают. Затем начни планировать свадьбу. Большую, тщательно разработанную, весеннюю свадьбу. Пригласи СМИ и, возможно, несколько знаменитостей.

— Зачем мне устраивать такую шумиху?

— Потому что публика с огромным удовольствием это съест. Миллиардер женится на обычной девушке? История, прямо как в сказке. Кроме того, вы оба раздражающе привлекательны, и в СМИ на фотографиях будете выглядеть как монаршие особы. Суть в том, что, если вы популярны среди общественности, организация не может тебе навредить. Или твоей девушке. Они не рискуют, по крайней мере, спонтанно. Пока вы в центре внимания, нет. И к тому времени, когда пресса уймется, возможно, они примут твою женщину. Это маловероятно, но здесь я стараюсь быть позитивным.

— Но члены общества могут легко узнать, что я женился в Вегасе. Это публичная запись.

— Пирс, ты вообще не соображаешь, да? — Он поднимает руку и держит два пальца в воздухе. — Две вещи. Во-первых, ты можешь легко скрыть общедоступные записи. Мы делаем так все время. И, во-вторых, не важно, узнают ли они правду. Потому что к тому времени, как они узнают, ты уже предупредил СМИ о своей женитьбе, и будет слишком поздно, чтобы они смогли тебя остановить. Учитывая, что ты уже был женат и разведен, тебе не позволят разорвать помолвку, это плохо отразится на имидже. Ты будешь выглядеть безответственным, неспособным принимать решения и придерживаться их. У твоего отца не может быть такого сына, которому, к тому же, предстоит возглавить многомиллионную корпорацию. Он нуждается в тебе, чтобы выглядеть стабильным и надежным. Поэтому он будет вынужден согласиться с твоим обручением и притвориться счастливым на свадьбе. — Ройс довольно улыбается. — Чем больше я думаю об этом, тем больше мне все это нравится. Теперь мне хочется быть на твоём месте, но мой отец не такой тиран, как твой, так что никого веселья. — Он встает и возвращается к бару. — Ты ничего не сказал, Пирс. Что думаешь?

Я молчал, раздумывая о его плане. Ройс в школе не был отличником, но, когда дело доходит до интриг, ему нет равных. Его план совершенен. Блестящий, на самом деле. Он заставил бы членов группы разрешить мой брак с Рэйчел. И они не посмели бы причинить ей вред, не со всем тем вниманием средств массовой информации, которое она получит. Даже после того, как пресса утихнет, было бы безрассудно даже пытаться избавиться от нее. Если с ней что-нибудь случится, у журналистов возникнут подозрения, они начнут задавать вопросы и проведут расследование, что подтолкнет их к узнаванию о нас. Организация не подвергнет себя такому риску.

— Я думаю, что это может сработать, — признаю я, подходя к нему.

— Конечно, это сработает. Но тебе понадобится моя помощь. Кто-то должен прикрывать тебя, пока ты не женишься. — Ройс делает глоток скотча.

— Ты сделаешь это для меня?

— Сделаю, если ты держишь рот на замке касательно моих игр с коллегой.

Я могу подумать об этом. Я бы очень хотел сообщить о том, что он нарушил правила, но, честно говоря, организация может даже не наказать его. Они решат, что это того не стоит. И тогда Ройс станет моим врагом. Он уничтожит мое будущее с Рэйчел.

— Ты не можешь повторять свои подвиги, — предупреждаю я Ройса. — Если ты связываешь девушку, она должна дать свое согласие. Ты не имеешь права удерживать ее против воли.

— Я не смог бы, даже если бы и захотел. Теперь у меня есть Виктория. Она постоянно меня проверяет, и у нее есть ключ от моей квартиры. Мне крупно повезет, если я смогу урвать хотя бы час с коллегой.

Я пытаюсь скрыть свою улыбку. Уильям прав. Виктория идеально подходит для Ройса. Она будет держать его в ежовых рукавицах, или она, по крайней мере, попытается. Она знает о коллегах, но не хочет, чтобы он их использовал. Ей нравится все контролировать, так же, как и ему, и, похоже, что она уже пытается контролировать

самого Ройса, что меня несказанно радует. Ему это полезно.

— Значит, ты действительно собираешься мне помочь? — уточняю я.

Он хлопает меня по спине.

— Конечно. Почему нет? Как ты сказал прошлой ночью, ты много раз прикрывал мою спину. Я у тебя в долгу. И до тех пор, пока ты молчишь о коллеге, у нас не должно быть никаких проблем. — Налив немного скотча в стакан, Ройс снова смотрит на меня. — Итак, когда свершится сей секретный брак?

— Я еще не знаю. Мне нужно дать Рэйчел больше времени. Если бы я предложил ей сегодня, не думаю, что она скажет «да».

— Ты не можешь с этим затягивать.

— Да, я в курсе. Может быть, через пару недель.

Он вручает мне стакан.

— Выпей.

— Нет, спасибо. Мне нужно идти.

Ройс ставит стакан обратно.

— Ты должен мне бутылку виски. Уговор дороже денег.

— Да. Извини, я забыл. — Я направился к двери. — Отправлю тебе бутылку. До свидания, Ройс.

Я выхожу и сажусь в свою машину. Сегодняшний день прошел намного лучше, чем я ожидал. Когда утром я оставил Рэйчел, то готовился получить заказ на убийство, но оказалось, что это было простое прикрытие. Затем я был готов сразиться с Ройсом, но вместо этого услышал от него предложение жениться на Рэйчел, с обещанием помочь мне в реализации плана, кстати, придуманного им самим. Определённо, сегодня очень хороший день.

Неделя тоже выдается замечательной. В понедельник утром мой отец вернулся в город, но говорит, что снова должен уехать. Некоторые из потенциальных клиентов, с которыми он встречался, согласились вести с нами дела, поэтому он возвращается в Европу для разработки сделок. Обычно мне тоже нужно ехать с ним, но он нуждается во мне здесь, а это значит, что у меня есть еще несколько недель свободы. Больше времени, чтобы провести его с Рэйчел. Что я и делаю. Я провожу с ней каждую ночь и остаюсь у нее на выходных. Мы снова ходим за покупками в торговый центр. Я даже начинаю любить джинсы, поэтому у меня появляется еще одна пара, и Рэйчел выбрала для меня повседневные рубашки с кнопочными пуговицами, потому что мои классические рубашки для костюмов не сочетаются с джинсами. Если бы мои родители увидели, во что я одет, они были бы в ужасе. Но они никогда не узнают, что я ношу. Обычно я так одеваюсь, когда дома или в квартире Рэйчел.

Я чувствую, что живу двойной жизнью, и мне интересно, как долго это продлится. Ройс и Джек — единственные, кто знают о Рэйчел, и до сих пор они сохранили мою тайну. Джек разъезжал по делам, и я не смог с ним встретиться. Ройс также был за городом, поэтому и с ним я тоже не разговаривал.

Когда мой отец возвращается, он так занят на работе, что у него нет времени спрашивать меня о том, чем я занимался в его отсутствие. И что удивительно, он не критикует работу, которую я сделал, пока он был в отъезде. У него нет на это причин. Я справлялся лучше без него, хотя и работал меньше. Фактически, все сотрудники стали более продуктивными без надзора моего отца. Это доказывает, что его авторитарный стиль управления препятствует производительности и вредит компании. Конечно, я никогда не смогу ему об этом сказать.

После возвращения отца, мне пришлось снова работать допоздна. Несколько ночей я уходил почти в полночь, из-за чего не смог увидеться с Рэйчел, потому что она к этому моменту уже спала. Я скучаю по ней. Уже привык работать нормировано и тратить оставшуюся часть времени на Рэйчел, и я хочу все вернуть. Я просто еще не

понял, как мне это сделать.

Уже середина ноября. Время слишком быстро летит. Всего через несколько коротких недель Рэйчел закончит учебу, и после этого я не знаю, что она планирует дальше делать. Я в курсе, что она ищет работу, но, насколько знаю, еще никуда не подала заявку.

Нам нужно обсудить наше будущее. Я определенно хочу жениться на ней, и думаю, она тоже этого хочет, но я беспокоюсь, что ей потребуется долгая помолвка, по крайней мере, год, а может и больше. Но у нас нет такой роскоши, как время. Мне нужно жениться на ней, прежде чем «Дюнамис» создаст запрещающее правило.

Еще одна моя забота заключается в том, что Рэйчел будет настаивать на знакомстве с моими родителями, прежде чем согласится выйти за меня. Она продолжает спрашивать, когда я собираюсь представить ее им, но я еще не готов. Я уверен, они будут в ярости, поэтому тяну время. Если бы я мог избежать этого навсегда, я бы так и сделал, но это невозможно. Мне нужно начать противостоять реальности и прекратить жить тайной жизнью с Рэйчел. Мне нужно принять очень важные решения, причем скоро.

ГЛАВА 27 РЭЙЧЕЛ

Сегодня четверг, и я в лофте Пирса. Мои дневные занятия отменили, поэтому я приехала сюда, чтобы поработать над уроками. Я гораздо больше учусь здесь, чем в собственной квартире. У Пирса очень тихо и тепло. В моей квартире шумно и жутко холодно, потому что обогреватель едва дышит.

Уже шесть, и я подумала, что Пирс скоро будет дома, но это не так. Он только что позвонил и предупредил, что опаздывает, и что мы сходим поужинать, как он закончит в офисе.

Отец Пирса вернулся в город на прошлой неделе, и забирает все его время. Когда его отец уезжал, он стал работать меньше, и мне это нравилось. Но теперь он вернулся к долгому рабочему дню, как тогда, когда мы познакомились, и я почти не видела его. Фактически, на прошлой неделе мы встретились только один раз, и это было всего лишь на пару часов поздно вечером во вторник.

Пока я жду Пирса, собираюсь посмотреть телевизор. Сажусь на диван и беру пульт, но потом замечаю, как открывается дверь лифта. Подпрыгиваю от нетерпения, чтобы приветствовать Пирса, но это не он. Вижу мужчину, выглядевшего как более старшая версия Пирса, вместе с пожилой женщиной. Они оба высокие, худые и очень хорошо одеты. Мужчина в черном костюме и галстуке, а женщина в черном платье, с накинутым на плечи черным шерстяным пальто.

Я останавливаюсь перед лифтом.

— Здравствуйте. Я могу вам помочь?

Лифт открывается прямо в лофт Пирса, но нужно набрать защитный код, чтобы получить доступ, и Пирс никогда не говорил, у кого еще есть код, кроме него и меня. Он, очевидно, знает этих людей, и, учитывая, как этот мужчина похож на Пирса, я предполагаю, что это его родители. Стоп. Его родители? Я не готова встретиться с его родителями! Я даже не одета подобающе. На мне джинсы и свитер, а волосы собраны в хвост.

Они проходят мимо в гостиную, мельком оглядев меня с головы до ног.

Мужчина обращается ко мне.

— Я думаю, что лучший вопрос: кто ты и почему ты здесь?

— Она служанка, дорогой, — отвечает женщина, направив свое внимание на меня. — Сколько еще времени вам нужно? Мы могли бы подождать где-нибудь еще, пока вы не закончите.

— Хм, нет, я не ...

— Пирс здесь? — мужчина прерывает меня, оглядываясь по сторонам.

— Нет. Он скоро будет. Вы его семья?

Мужчина вальяжно подходит к бару.

— Я не понимаю, каким образом это тебя касается, но да. Мы его родители.

Как неловко. Они думают, что я уборщица? Я похожа на уборщицу? Почему они не знают, кто я? Я понимаю, мы раньше не встречались, но я думала, что Пирс хотя бы сказал им обо мне.

Я подхожу к его матери.

— Приятно, наконец, встретиться с вами. Я Рэйчел. Девушка Пирса.

— Пирса кто?! — Мужчина выпускает стакан из рук, и тот падает на паркетный пол, разбиваясь.

— Его подруга, — нерешительно говорю я. Очевидно, Пирс им обо мне не рассказывал.

— У Пирса нет подруги, — отрезает мужчина, когда подходит ко мне. — А если бы и была, то уж точно не ты. — Он смотрит на меня вверх-вниз, словно моя внешность

вызывает у него тошноту.

Я стараюсь быть вежливой, но мне уже не нравится этот человек. И я не думаю, что мне нравится и его жена. Она тоже выглядит раздраженной. Я не понимаю. Я не одета, как они, но я и не выгляжу бездомной. Я надела красный свитер и мои лучшие джинсы, но они смотрят на меня, как будто я в рваных и грязных лохмотьях.

— Как давно вы видитеесь? — интересуется женщина.

— Несколько месяцев, — мой голос понижается до шепота. Я боюсь разговаривать с ними. Они очень пугающие.

— Месяцев? — Мужчина почти кричит. — Это невозможно. Если бы Пирс с кем-то встречался, я бы знал об этом. Я за ним... — Он внезапно успокаивается и прочищает горло. — Я знаю все, что делает Пирс, и если бы он с кем-то встречался, повторяю, я был бы первым, кто об этом знал.

Я ничего не говорю, полагая, что лучше промолчать.

Женщина выпрямляется и вздергивает подбородок, ее глаза пристально смотрят на меня.

— Как тебя зовут, дорогая?

— Рэйчел.

— Фамилия, — чуть ли не выплевывает ее муж. — Никого не заботит твое имя.

Я нервно сглатываю.

— Эванс. Рэйчел Эванс.

— Откуда ты? — лает он. — И чем занимают твои родители?

— Я из маленького городка в Индиане. У моих родителей своя ферма.

Мужчина раздраженно фыркает и отходит в сторону.

— Ты, должно быть, шутишь. Это какая-то шутка? — Он направляется к кухне. — Пирс, ты здесь? — Затем проверяет спальню. — У нас нет времени на твои шутки, и я не нахожу твой юмор забавным.

— Его здесь нет, — снова повторяю я. — Он сказал, что будет дома около семи или, может быть, раньше, если успеет закончить свои дела в офисе.

Мужчина возвращается и встает рядом с женой.

— Пирс в офисе?

— Да, — киваю я.

— Когда я ушел, его дверь была закрыта, и свет не горел. Я предположил, что он уже дома.

— Я понимаю, но, когда я разговаривала с ним, он был в офисе.

Мужчина берет руку своей жены.

— Элеонора, пойдём. — Пальцем указывает на меня. — Тебе я тоже предлагаю уйти. Тебя здесь быть не должно.

— Но я... — Меня прерывает звук открывающихся дверей лифта. Я поворачиваюсь и вижу, что Пирс стоит там, держа букет красных роз. Он улыбается, как всегда, когда меня видит.

— Пирс! — Мужчина чуть ли не накидывается на него. — Почему эта женщина в твоей квартире?

Пирс опускает цветы, выражение его лица — смесь паники и шока.

— Отец, что ты здесь делаешь?

— Мы с твоей матерью пошли... неважно. У нас есть другие вопросы для обсуждения, например, кто эта женщина, и почему она здесь, в твоей квартире.

Я жду, чтобы увидеть, что скажет Пирс. Но он стоит, все еще в шоке, и ничего не говорит.

А вот его отец и не думает молчать.

— Она утверждает, что встречается с тобой. Это правда?

Пирс смотрит на меня. Он видит, как сильно я нервничаю, и насколько напряжен-

ными становятся его родители. Идет мимо своего отца и встает так, чтобы я была за его спиной.

— Это Рэйчел Эванс. И да, мы встречаемся в течение нескольких месяцев. — Пирс мягко гладит мою руку, пытаюсь помочь мне расслабиться. — Рэйчел, это мои родители, Холтон и Элеонора Кенсингтон.

Я робко киваю.

— Да. Мы уже почти познакомились.

Мужчина, которого я теперь знаю, зовут Холтон, недоверчиво смотрит на Пирса.

— Ты думаешь, это смешно?

— Это не шутка, отец. Я говорю тебе правду. Рэйчел — моя девушка.

— Почему ты не рассказал нам о ней? — спрашивает его мать.

Он прямо смотрит на отца.

— Я думаю, мы оба знаем ответ на этот вопрос.

Я начинаю понимать, почему Пирс никогда не представлял меня своим родителям. Они не хорошие люди. Нисколько. Они даже своего сына не любят. Оба выглядят так, будто собираются его задушить. Я не понимаю. Ему двадцать пять. Он взрослый мужчина. И его родители не должны быть в бешенстве из-за того, с кем он встречается.

— Убирайся отсюда, — приказывает Холтон. — А мы поговорим с сыном.

Пирс крепко прижимает меня к себе.

— Она останется здесь. Если кто-то и уйдет, это будешь ты.

Я чувствую, как тяжело Пирс дышит, и его тело напряжено. Он нервничает или злится, или и то, и другое.

— Холтон. — Элеонора поворачивается к нему. — Возможно, мы должны остаться. Я хотела бы узнать больше о Рэйчел.

Я не могу сказать, хорошо это или плохо. Я чувствую что-то неладное. Возможно, ее решение остаться и узнать больше обо мне лишь для того, чтобы потом использовать полученную информацию против меня.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — медленно цедит Пирс. — Я думаю, вам лучше уйти.

— Элеонора права. — Холтон усмехается, но не дружески, а самодовольно, будто он намерен сделать противоположное тому, что хочет Пирс. — Нам нужно больше узнать об этой девушке. Мы собираемся поужинать.

Его мать улыбается.

— Я предполагаю, что тебе захочется переодеться и немного освежиться.

Пирс берет меня за руку.

— Мы сейчас вернемся.

Мы идем в его спальню, и он закрывает дверь.

— Рэйчел, прости меня за их поведение. Им никогда не следовало разговаривать с тобой таким тоном.

— Почему ты не рассказал им обо мне? — прошептала я, хотя и была уверена, что они не могут нас услышать.

— Потому что я знал, что они отреагируют таким образом. Они очень субъективны, властные и совершенно неблагоразумны в своих суждениях. Я знал, что они тебя не одобряют. Я же говорил тебе.

— Я знаю, но я надеялась ... Я просто не думала, что они будут такими... грубыми. Прости. Я не имею права так говорить о них.

— Нет, имеешь. Они грубые и жестокие. Они просто не видят этого, и всегда ведут себя так с теми, кто не вписывается в наш мир. Как я говорил, посторонним вход воспрещен.

— Что теперь делать? Должны ли мы пойти с ними на ужин?

— Нет. Я просто скажу им, чтобы они уходили.

Он разворачивается, но я удерживаю его.

— Подожди. Может, нам стоит пойти. Может быть, все станет лучше, если мы сядем и поговорим.

— Не станет. Но, во всяком случае, хуже уже не будет. Если ты хочешь пойти, мы пойдем.

— Возможно, мы и не должны. Теперь я не думаю, что это хорошая идея. Они действительно меня ненавидят. Я уверена, что они не захотят со мной ужинать.

— В конце концов, они заставят нас. Мы справимся. Я выйду и побуду с ними, пока ты закончишь готовиться.

Пока я переодеваюсь, Пирс возвращается в гостиную. Я остаюсь у него так часто, что в его шкафу есть моя одежда. К счастью, я как-то привезла с собой платье. Оно не вычурное, но куда лучше, чем джинсы.

Я слышу голос Холтона в другой комнате, он отчитывает Пирса, словно тот маленький ребенок. Я не могу слышать все, что он говорит, но его тон суровый и одновременно снисходительный. Неудивительно, что Пирс избегает свою семью. Я не знаю, как он с ними справляется. Может быть, его родители не всегда такие. Может быть, они ведут себя так только потому, что здесь я.

Я иду в ванную и накладываю макияж. Затем снимаю резинку с волос и позволяю моим естественным локонам упасть на плечи и спину. Слегка причесываюсь и распыляю немного лака. Этого достаточно. Не хочу, чтобы они ждали, когда я буду готова.

Когда я выхожу из спальни, то вижу, что они, все трое, сидят на диване. И сразу же встают, когда я приближаюсь.

Пирс улыбается и подходит ко мне.

— Ты выглядишь прекрасно.

— Спасибо, — тихо отвечаю я, благодарная за его поддержку.

Его родители ничего не говорят. Они просто смотрят на меня с отвращением. Когда Пирс сказал, что люди в его мире меня не одобряют, я не ожидала что настолько. Думала, что они либо будут игнорировать меня, либо притворяться, что рады знакомству. Но даже не предполагала, что они так открыто будут высказывать свое неодобрение.

Холтон настаивает, чтобы мы поехали на его черном «мерседесе». Пирс и я сидим на заднем сиденье, и он всю дорогу держит меня за руку. Отец продолжает сверлить нас глазами в зеркало заднего вида и бормотать что-то себе под нос.

Он везет нас в очень причудливый ресторан морепродуктов. Хозяйка говорит, что все столы заняты, но, когда Холтон называет свое имя, мы сразу же садимся.

Пока ждем нашу еду, Пирс говорит с Холтоном о работе, вероятно, надеясь отвлечь внимание своего отца от гнева по отношению ко мне. Но это не срабатывает. Он все время косится на меня, угрожающе, а Элеонора пытается вообще не смотреть в мою сторону.

— Ты закончил с финансовыми отчетами? — спрашивает Холтон Пирса.

— Нет. Но завтра с утра я приеду и доделаю.

— Ты поедешь сегодня. До утра еще куча времени.

— Ты приезжаешь в офис только после шести. К тому времени я их подготовлю.

— Ты подготовишь их тогда, когда я тебе скажу. И я хочу, чтобы они были доделаны сегодня вечером. — Холтон указывает Пирсу что делать, с тех пор как мы приехали в ресторан. А еще либо оскорбляет его, либо критикует.

Челюсть Пирса напрягается, когда он делает короткие прерывистые вдохи. Я ненавижу видеть его настолько напряженным. Неудивительно, что его мышцы всегда так сильно скованны. Я нахожу руку Пирса под столом, и сжимаю, надеюсь, что это

его успокоит.

Пирс и его отец продолжают говорить о работе, а когда возникает короткий перерыв, Элеонора спрашивает меня о колледже. Я рассказываю ей немного о Хиршфилде, но ее глаза блуждают по залу за моей спиной, будто ей абсолютно не интересно, о чем я говорю.

— Рэйчел - эксперт в американской истории, — говорит Пирс, пытаясь привлечь внимание матери. — Она работает в музее и проводит экскурсии. Адаптирует каждую к своей аудитории. Я ходил на одну из них, и она была весьма интересной.

— Говоря о музеях, — усмехается Холтон. — На прошлой неделе твоя мама столкнулась с Риэль на сборе средств для художественного музея. Она спрашивала о тебе.

— Отец, мы говорим о работе Рэйчел. Возможно, ты хотел бы проявить чуть больше вежливости и интереса.

Я готовлюсь к вопросу Холтона, но вместо того, чтобы спросить меня о моей работе, он говорит:

— Мой сын встречался с Риэль и, вероятно, они все еще продолжают видеться. — Он злобно ухмыляется. — Надеюсь, ты не думала, что ты единственная женщина в его жизни.

— Отец, достаточно! — Пирс отпускает мою руку. — Выйдем на улицу. Я хотел бы поговорить с тобой наедине.

Но в это время приносят наш заказ, поэтому Пирс и его отец остаются сидеть за столом. Моя еда выглядит восхитительно, но у меня нет аппетита. Холтон и Элеонора так сильно разозлились, что у меня начал болеть живот от нервов. Я ем, что могу, между вопросами Элеоноры.

— Кто твой стилист? — спрашивает она, промокая край губ своей салфеткой.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Твоя одежда. Кто тебе ее подбирает?

Она же знает, что у меня нет стилиста, так почему спрашивает? Просто чтобы доказать, насколько я не подхожу ее сыну? Как я не вписываюсь в его мир?

— Я и есть мой собственный стилист, — отвечаю с небывалой уверенностью. У меня уже нет ни сил, ни желания бороться с ними. Они мне уже не нравятся, так что я теряю, если перестану лебезить?

— В какой салон ты ходишь?

— В университетском городке. Он очень маленький. Я уверена, что вы никогда о нем не слышали. — Я вежливо улыбаюсь ей, и буду продолжать улыбаться весь ужин. Может быть, я смогу убить их своей добротой. — Мне нравятся ваши серьги, — делаю комплимент Элеоноре. — Они очень красивые.

Она касается крупного квадратного алмаза на левой мочке уха.

— Холтон купил их для меня на нашу двадцатую годовщину свадьбы.

— Так тебе нравятся дорогие украшения? — встревает в наш разговор Холтон, протыкая вилкой лосось на своей тарелке. — Вот почему ты преследуешь Пирса?

— Отец, прекрати!

Я касаюсь руки Пирса и шепчу ему.

— Все в порядке. — Смотрю на его отца. — Ответ на ваш вопрос, мистер Кенсингтон, нет, меня не интересуют дорогие украшения. Я встречаюсь с вашим сыном, потому что думаю, что он самый добрый и заботливый мужчина, и мне нравится проводить с ним время. Вам очень повезло, что вас такой сын.

Холтон от смеха едва не задыхается.

— Ты, очевидно, его совсем не знаешь. — Искоса глядит на Пирса. — Он — полное разочарование, как сын.

Я хочу добраться до него и ударить. Как он смеет такое говорить? Как он вообще может даже думать так?

Комментарий отца оставляет Пирса равнодушным, как будто он привык к подобному жестокому обращению. Но я не привыкла, и меня это раздражает.

— Ваш сын окончил Гарвард и Йель. Вы не можете утверждать, что не гордитесь им.

— Рэйчел, — тихо обращается ко мне Пирс, словно призывая не ввязываться в ссору.

— Он был принят только из-за моих связей, — хвастается Холтон. — И из-за имени Кенсингтона, которое он унижает, когда отказывается работать и прикладывает массу времени и усилий, необходимых для роста нашей компании.

Я не могу поверить, что он только что сказал. Он действительно думает, что Пирс не работает? Он серьезно? Я знаю, что должна промолчать, но не могу.

— Ваш сын работает дольше всех, кого я знаю. Как вы можете... — Я останавливаюсь, когда Элеонора меня прерывает.

— Когда ты выпускаешься? — спрашивает она.

Я беру минутку, чтобы прийти в себя.

— В декабре.

— И каковы твои дальнейшие планы?

— Я надеюсь получить работу в музее в Нью-Йорке.

— Тебя там никто не знает, — говорит Холтон. — Музеи Манхэттена нанимают только лучших. Есть кандидаты, гораздо более квалифицированные, чем ты. Которые посещали школу Лиги Плюща.

Пирс бросает вилку.

— Если ты продолжишь в том же духе, отец, Рэйчел и я уедем. Мы пришли сюда, чтобы вы познакомились с ней, а не оскорбляли ее весь вечер.

— Я делаю все, что хочу. — Лениво машет рукой его отец. — И ты не будешь высказывать неуважение по отношению ко мне, разговаривая таким тоном.

Пирс поворачивается ко мне.

— Рэйчел, ты бы хотела уйти?

Он говорит спокойно, но его лицо покраснело от гнева. Мы съели только половину наших заказов, но, вероятно, было бы неплохо отсюда поскорее выбраться. Настроение Пирса продолжает падать, чем дольше мы здесь находимся.

— Может быть, так будет лучше. — Я обращаюсь к его матери. — Если вы не хотите, чтобы мы остались, миссис Кенсингтон.

— Нет. Идите. — Равнодушно отмахивается Холтон. — С меня достаточно неподчинения моего сына. И, Пирс, тебе нужно вернуться в офис и доделать отчеты.

Пирс игнорирует его слова и встает, вытаскивая для меня мой стул.

Я улыбаюсь его родителям.

— Было очень приятно познакомиться с вами обоими. — В действительности все наоборот, но я воспитана быть вежливой, даже по отношению к столь ужасным людям.

Элеонора кивает, пока Холтон продолжает есть. Когда мы выходим из-за стола, Пирс внезапно останавливается. Я поворачиваюсь назад и вижу, как Холтон крепко держит его руку.

— Покончи со всем этим, — цедит он сквозь зубы. — Немедленно.

Пирс вырывает руку из захвата отца, опускает ее на мою талию и ведет нас к гардеробной. Он тяжело дышит, выглядя безумным, поэтому я молчу, пока женщина приносит наши пальто. Хозяйка вызывает нам такси, и мы ждем в баре, когда придет машина. Пирс тихий и напряженный и все еще очень зол, поэтому я просто сижу рядом с ним и держу его за руку.

Через несколько минут прибывает такси, и мы возвращаемся в лофт. Когда заходим внутрь, Пирс снимает мое пальто, затем свое, и ведет меня на диван, чтобы

сесть.

— Мне очень жаль за сегодняшний вечер, — с печалью в голосе признается он.

— Мне тоже жаль. Я не знала, что твой отец так ужасно к тебе относится. Мне было больно слышать его слова.

— Я не о себе переживаю. Я уже привык. Но его поведение по отношению к тебе терпеть не стану, впрочем, как и мамино.

— Ну, ты меня предупреждал. Я просто не поверила тебе. Никогда еще не встречала таких людей, как они.

— Все, кого я знаю, похожи на них, как две капли воды. Вот почему я так старался удержать тебя от этой стороны моей жизни.

— Но, если мы собираемся быть вместе, я должна буду с ней столкнуться. У меня нет выбора.

— Я знаю, — он снова тяжело вздыхает, будто сомневается в нашем совместном будущем. Из-за меня? Думает ли он, что я не хочу с ним быть из-за его родителей? Если это так, то Пирс глубоко ошибается.

Я приближаюсь к нему.

— Пирс, то, что сегодня произошло, ничего не меняет. Я люблю тебя, и я хочу быть с тобой. Мне все равно, что думают твои родители или кто-либо еще.

— Рэйчел. — Он делает паузу, как будто не уверен, что хочет сказать все, о чем думает.

Так, стоп. Он передумал? И собирается расстаться со мной? Неужели поэтому Пирс был так молчалив, пока мы ждали такси? И поэтому не сказал ни слова за всю поездку? Была ли реакция его родителей на меня настолько убедительной, что он решил прекратить наши отношения?

Я не была готова к такому. Я даже не думала об этом. Я надеялась, он будет бороться за нас, а не идти на поводу у своих родителей. Но теперь мне кажется, что между нами все действительно подходит к концу.

ГЛАВА 28 РЭЙЧЕЛ

— Пирс, в чем дело?

Он крепко держит меня за руку.

— Я думал о тебе, и о том, что ждет нас в будущем.

Снова продолжительная пауза, вынуждающая меня нервничать.

— И? — я еле слышно спрашиваю, от страха мое сердце начинает биться сильнее.

— Мне нужно знать, думаем ли мы об одном и том же.

— Хорошо. Так, о чем думаешь ты?

— Я хочу быть с тобой. Сегодня, завтра, навсегда. — Пирс смотрит прямо на меня. — И мне нужно знать, чувствуешь ли ты то же самое.

Он не расстается со мной. Он делает все наоборот. Говорит, что хочет быть со мной. В настоящем и будущем. Как в браке?

— Подожди, ты не ...

— Нет. — Я, должно быть, выгляжу растерянной, потому что Пирс улыбается и говорит: — У меня нет с собой кольца. Но да, когда я сказал про навсегда, я имел в виду брак. Что ты думаешь об этом?

Я не отвечаю сразу. Потому что мои мысли мечутся, как птицы в запертой клетке. Я люблю Пирса, и хочу быть с ним, но я не готова выйти за него замуж. По крайней мере, пока.

— Рэйчел? — Он сжимает мою руку, устремив на меня обеспокоенный взгляд. — Так что ты думаешь?

Мне нужно ему ответить. Это же не сложно. Пирс не просит меня выйти за него прямо сейчас. Просто, когда-нибудь в будущем.

— Я чувствую то же самое, — признаюсь я, все еще шокированная, что мы даже разговариваем о свадьбе. Откуда это взялось? Почему он спрашивает? И сегодня?

— Я надеялся услышать именно это. — Он обнимает меня, прижимая к своей груди. Я чувствую, как его тело моментально расслабляется, и задаюсь вопросом, это потому, что он далеко от отца или потому, что я ответила на вопрос о нашем будущем? Мы впервые его обсуждали, и мне кажется, Пирс беспокоился, что я не разделяю его чувства. Что я не захочу иметь с ним ничего общего, особенно после встречи с его родителями.

— Безумие какое-то.

Пирс отстраняется и смотрит на меня.

— Почему?

— Потому что мы чуть ли не вчера познакомились.

— Я люблю тебя, Рэйчел. И ты любишь меня. Так какое имеет значение, как долго мы встречаемся?

— Наверное, никакого.

— Когда я знаю, чего хочу, я не жду. Я иду и беру. И думаю, что ясно дал понять, что хочу тебя в своей жизни.

Его слова подсказывают мне, что именно он имеет в виду. Сделает ли Пирс мне предложение? Как скоро? Я готова к этому? Не то, чтобы я не думала об этом или не хотела. Я просто не уверена, что готова. Помолвка не входила в мои планы. Я должна была окончить колледж и переехать в Нью-Йорк, а не выходить замуж и оставаться в Коннектикуте. Я стала бы женой миллиардера, поэтому не нуждалась бы в деньгах. Но это не то, чего я хотела. Я бы не смогла сидеть без дела весь день.

— Рэйчел. — Пирс наблюдает за мной. — Почему ты притихла?

— Прости. Я не хотела тебя расстраивать. — Встаю с дивана. — Думаю, мне лучше поехать домой.

Как бы мне не хотелось провести с ним ночь, мне необходимо вернуться в свою квартиру и подумать. Я не знала, что сегодня мы будем говорить о браке, и внезапно чувствую себя встревоженной. И немного взволнованной. И счастливой. Но одновременно испуганной до икоты. Мои эмоции сбивают меня с ног.

Пирс мгновенно вскакивает.

— Что-то не так? Ты все еще расстроена из-за моих родителей?

— Нет. Мне просто нужно вернуться в свою квартиру и кое-что доделать по учебе. — Я отворачиваюсь, но он ловит мое запястье.

— Ты уверена, что все в порядке?

— Все нормально. — Я целую его. — Мне просто нужно домой. — Возвращаюсь в спальню и, забрав свою сумку со сменной одеждой, сталкиваюсь с Пирсом у лифта. На его лице отражается такая паника, что я бросаю сумку на пол и крепко его обнимаю. — Я люблю тебя. — Шепчу, прижавшись к его губам своими. — Но, прежде чем я уйду, я кое-что тебе скажу, и слушай меня очень внимательно.

Он осторожно кивает.

— Говори.

Я с нежностью смотрю ему в глаза.

— Никогда не слушай своего отца. Ты самый умный, самый упорный человек, которого я знаю. Ты также добрый, щедрый, заботливый и в тебе так много других замечательных качеств. И если твой отец не замечает этого, тогда он абсолютно слепой. И он должен светиться от гордости, имея такого сына, как ты.

Пирс молчит. Я не знаю, о чем он думает. Возможно, ему неприятен разговор об отце, но я должна была ему все это сказать. Я не хочу, чтобы Пирс когда-либо поверил словам отца, пропитанным ненавистью.

Его руки поднимаются, и мое лицо оказывается в плену его ладоней. Пирс наклоняется и прижимает свои губы к моему лбу. — Я люблю тебя, — выдыхает он. — Так сильно.

Мы стоим еще несколько минут, затем он целует меня в губы.

— Позвони мне, когда вернешься домой, чтобы я знал, что ты в безопасности.

— Хорошо. — Я обнимаю его напоследок, а затем спускаюсь к своей машине. Пока еду домой, безостановочно вспоминаю ужин, и как Холтон обращался с Пирсом. И сколько всего ужасного ему наговорил. Мои родители никогда не говорили мне ничего подобного. Они не сказали бы такого даже своему злейшему врагу.

По возвращении я звоню Пирсу, чтобы сообщить, что благополучно добралась домой. Затем я снова говорю ему, как сильно его люблю. Не думаю, что он мог часто слышать эти слова. Имея таких родителей, как Холтон и Элеонора, Пирсу нужно знать, что значит быть любимым, и я собираюсь показать ему, каково это.

После сцены в ресторане я чувствую, что лучше понимаю Пирса. Теперь я знаю, почему у него так много печали в глазах. Почему он всегда нервничает и напряжен. И почему он выглядел таким удивленным, когда я впервые сказала ему, что люблю его. Даже сейчас он до сих пор поражается, будто не может понять, за что его можно любить. И это разбивает мне сердце.

Почти всю ночь я думаю о Пирсе и о том, что было бы, выйди я за него замуж. И правда в том, что я не знаю, как мы справимся. Я ничего не знаю о его мире и о том, как он в нем живет. Но не это главное. Важно то, что я люблю его. И что он любит меня. Он относится ко мне лучше, чем кто-либо. Он нежный, ласковый и внимательный, защищает меня и заботится обо мне. Когда я закрываю глаза и думаю о нем, я могу видеть нас вместе спустя годы. Я вижу, что мы женаты, живем в большом доме и, возможно, у нас есть ребенок. Несмотря на то, что сказал мой врач, я все еще надеюсь, что, может быть, он ошибся, и что на самом деле я могу иметь детей. И я хотела бы, чтобы они были от Пирса.

Чем больше я думаю о будущем с ним, тем больше я хочу его. И, возможно, это самое будущее наступит скорее, чем могло бы. Как сказал Пирс, если мы любим друг друга, зачем ждать?

Прежде чем лечь спать, я звоню Пирсу еще раз, чтобы пожелать спокойной ночи. Уже полночь, но я знаю, он все еще бодрствует. Он спит только несколько часов в сутки, если я не с ним. Может быть, я должна был остаться сегодня вечером. Ему нужно поспать. Он так устал с тех пор, как вернулся его отец и снова заставил его работать по шестнадцать часов в сутки.

Телефон Пирса звонит и звонит, но он не отвечает. Я не могу представить, чтобы он спал и не слышал звонка. Надеюсь, он не в офисе. Я звоню туда, чтобы проверить.

— Я слушаю, — отвечает он.

— Пирс, это Рэйчел. Что ты делаешь на работе? Уже за полночь.

— Я должен доделать отчеты для отца.

— Они могут и подождать. Ты должен отдохнуть.

— Мне не потребуется много времени, чтобы их закончить. Еще пару часов.

— Пару часов? Пирс, к тому моменту, когда ты вернешься домой, у тебя останется два часа, прежде чем опять придется вернуться на работу.

— Все нормально. Я привык. — До меня доносится шорох переключаемых бумаг. — Что-то случилось? Почему ты так поздно звонишь?

— Ничего не случилось. Я просто хотела пожелать тебе доброй ночи. И сказать, что я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Я молчу, и он негромко смеется. — Еще что-нибудь? Не то чтобы я не радовался твоему звонку, просто уже поздно, и тебе тоже нужно поспать.

— Да, но я, эм, хочу еще кое-что сказать тебе.

— Давай.

— Мне было очень плохо, когда я чуть ли не сбежала от тебя. Ты, наверное, подумал, что это означает что-то плохое, и я хочу, чтобы ты знал, ты ошибаешься. Мне просто нужно было подумать.

— Рэйчел, все в порядке. Я понимаю. Я застал тебя врасплох, и знаю, что это было неожиданно. Но это то, что я чувствую, и я хотел, чтобы ты знала. Надеюсь, ты не думаешь, что я на тебя давлу.

— Нет. Ни за что. Я рада, что мы поговорили. — Я делаю паузу и продолжаю. — Я поразмыслила о том, что ты сказал сегодня вечером и... — Я не уверена, как сказать, о чем именно я думала, но решаю выложить все начистоту. — Пирс, ты когда-нибудь представлял нас в будущем? Я имею в виду, ты когда-нибудь видел нас в своих мыслях, через несколько лет?

— Да. Постоянно.

Я невольно улыбаюсь.

— Я тоже. Я имею в виду, сегодня вечером. Я представила будущее. Нас. Вместе.

В трубке очень тихо, но потом я снова слышу дрожащий голос Пирса.

— О чем ты говоришь, Рэйчел?

— Я говорю, что хочу все то, о чем мы сегодня разговаривали. Я хочу жить с тобой, Пирс. Я знаю, мне многое предстоит решить, например, что я буду делать после окончания колледжа, и где буду работать. Но сейчас я ни о чем не беспокоюсь. Мы выясним вместе, позже. Прямо сейчас я нуждаюсь в тебе, и знай, что я не хочу потерять тебя. Я люблю тебя, и я не хочу быть с кем-то еще. Когда-либо.

На его конце телефона настолько тихо, что я начинаю волноваться, что наговорила лишнего. Я не требовала, чтобы он сделал мне предложение в ближайшее время. Я просто намеревалась сообщить ему, что хочу быть с ним. Мне не нужно, чтобы он сомневался. А он имел на это полное право после того, как я поспешно уехала домой.

Наконец, Пирс говорит.

— Не возражаешь, если я приеду?

— Прямо сейчас?

— Я знаю, что уже поздно, но я должен тебя увидеть.

— Но как насчет работы?

— Я вернусь сюда через пару часов. У меня все еще будет время, чтобы выполнить требование отца.

— Я могла бы просто приехать к тебе в лофт.

— Я не хочу, чтобы ты каталась по городу так поздно. Это небезопасно.

Я широко улыбаюсь. Мне начинает нравиться, как он беспокоится обо мне. Это доказывает, насколько сильно Пирс меня любит.

— Приезжай, я жду.

За рекордно короткий срок он уже у моей двери, с огромной, счастливой улыбкой на лице. Войдя внутрь, он крепко обнимает меня, но не слишком, в точности, как я его учила.

Я обнимаю Пирса в ответ, опустив голову ему на грудь, и слушая его сильное, учащенное сердцебиение.

— Боже, я люблю тебя, — признается он, не размыкая рук. — Я люблю тебя так сильно, что меня это пугает.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

— Почему?

— Потому что я не хочу тебя потерять. — Его голос тихий, а рука мягко прижимает мою голову к груди. — Я боюсь тебя потерять, — говорит он почти шепотом.

— Ты не потеряешь меня, Пирс. Я сказала тебе, что хочу быть с тобой.

— Я знаю. Я просто... — Он запинается.

— Ты просто что?

— Ничего, — отвечает Пирс, и закрывает глаза, чуть крепче сжимая меня в своих объятьях.

Мы пробираемся в спальню и просто лежим на кровати. Он держит меня за руку, как всегда, но на этот раз все по-другому. Пирс чувствует себя более оберегающим, как будто он не допустит, чтобы мне причинили вред. Я не знаю почему, но он всегда действует так, будто всерьез беспокоится, что со мной может случиться что-то плохое. Может быть, это просто потому, что он богат, а деньги склонны привлекать плохих людей. Может быть, у него были проблемы в прошлом. Это еще одна часть его мира, с которой я еще не сталкивалась. И хотя я понимаю, что существует риск, связанный с чем-то или кем-то в его жизни, я не беспокоюсь, потому что знаю, он пойдет на все, лишь бы я была в безопасности. Он сделает все для меня. Я знаю, что сделает. И я сделаю для него все.

Я чувствую, как его рука движется по моей руке. Смотрю на него, и он меня целует. Мягкие, сладкие поцелуи. Я чувствую его любовь в каждом из них. Когда мы познакомились, наше притяжение было настолько сильным, что я беспокоилась, как бы наши отношения не строились только на сексе. У нас все еще есть интенсивное и мощное влечение друг к другу, но наши отношения намного больше, чем просто физические. Я думаю, что так было и будет всегда. Между нами сразу что-то возникло, когда мы встретились. Связь, которую я не могу объяснить. И мне нравилось, как он смотрел на меня и слушал, уделяя мне все свое внимание, как будто я чрезвычайно важна для него, несмотря на то, что мы только познакомились. В отличие от своих родителей, Пирс никогда не осуждал меня за то, что у меня нет денег, и это много говорит о нем как о человеке.

Я никогда не верила в любовь с первого взгляда, но теперь я чувствую ее по отношению к Пирсу. Я думаю, что часть меня влюбилась в него в тот первый день, когда мы встретились. В то время я просто не знала об этом.

Его поцелуи и ласки в конечном итоге приводят к сексу, а затем мы засыпаем. Пирс установил будильник, чтобы уйти в три часа ночи и вернуться в офис. Мне жаль, что ему придется уйти. Он так устал. Ему нужен отдых. Но он не хочет ругаться со своим отцом, а придется, если работа не будет выполнена.

Утром я просыпаюсь, а его уже нет. Я даже не слышала, когда он ушел. Поворачиваюсь, чтобы проверить время, и вижу записку, лежащую на тумбочке. Она от Пирса, и я читаю ее с улыбкой:

«У меня сегодня будет замечательный день благодаря тебе. Я приеду после работы и принесу ужин. Скоро увидимся. Я люблю тебя.

— Пирс».

Я снова перечитываю записку, не переставая улыбаться. Даже когда встаю, одеваюсь и привожу себя в порядок.

Когда завтракаю, проверяю автоответчик и замечаю сообщение от моей мамы. Перезваниваю ей.

— Эй, мама, это я.

— Привет милая. Я не могла дозвониться до тебя прошлой ночью, а потом вспомнила, ты говорила, что будешь с Пирсом.

— Да, я вернулась, но было уже поздно. Я не хотела звонить и тебя будить.

— Вечер прошел хорошо?

— Я, наконец, познакомилась с родителями Пирса. Вчера они заезжали, и мы все вместе пошли на ужин.

— И как все прошло?

— Не очень. Они меня не одобряют.

— Неудивительно.

— Мама! И что это означает?

— Милая, я не имею в виду тебя лично. Все дело в том, что мы не богаты. Я уверена, его семья ожидает, что он будет с кем-то, кто с ним на одном социальном уровне.

— Ну, им придется смириться, потому что мы с Пирсом очень счастливы, и не планируем расставаться. — Я слегка нервничаю, прежде чем сказать. — На самом деле, мы говорили о нашем будущем.

— Рэйчел, о чем ты говоришь? Вы обручились?

— Нет. — Я улыбаюсь. — Еще нет, но скоро.

— Как скоро?

— Я не уверена. Просто знаю, что Пирс думает об этом.

— Дорогая, ты не готова. Вы встречаетесь несколько месяцев.

— Ты знала папу двенадцать дней.

— И этого было недостаточно. Мы не должны были торопиться со свадьбой.

— Почему? Какая разница? Вы счастливо женаты тридцать лет.

— Да, но мы с отцом женились в другие времена. В наши дни люди встречаются год или два, а затем только начинают задумываться о браке. Долгая помолвка дает им возможность лучше познакомиться друг с другом.

— Мне не нужно столько времени. Я уже знаю Пирса.

— Сомневаюсь, что ты знаешь о нем все.

— Возможно, нет, но я чувствую, что люблю его, и только это важно.

— Ты говорила, что любишь Адама, и вспомни, чем все закончилось.

— Я не была влюблена в него. Я не знала, что такое любовь, но теперь я ее чувствую. Мама, я действительно люблю Пирса, и не хочу ждать, когда мы сможем быть вместе.

— Вам нужно притормозить и дать себе время подумать. Я не хочу, чтобы ты решила все впопыхах.

— Давай не будем больше разговаривать на эту тему. Мы явно не согласны, и я не

хочу ругаться.

— Милая, я не хотела...

— Пожалуйста. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Она медленно вздыхает.

— Я хотела спросить, ты придешь на День благодарения?

— Я еще не уверена.

— Рэйчел, он уже на следующей неделе. Тебе нужно успеть купить билет на самолет.

— Я знаю, мам. Но сначала мне нужно поговорить с Пирсом.

— Зачем?

— Потому что я... — Я не хочу ничего говорить, так как мама будет расстроена, но ей нужно понять, я не могу всегда проводить праздники только с ней. — Мама, я думала, что останусь здесь.

— О, — в ее голосе различима грусть. — Значит, ты не приедешь домой?

— Не совсем так. Я лучше приеду на Рождество, а то очень дорого летать домой всего на несколько дней.

— Рэйчел, ты же знаешь своего отца, мы заплатим за билеты. Просто скажи мне точную дату.

Мне нужно набраться смелости и сказать ей истинную причину, по которой я хочу остаться.

— Мама, я знаю, что ты хочешь, чтобы я приехала домой... Но я хочу провести День благодарения здесь. С Пирсом. Я не хочу оставлять его одного со своими родителями. Они ужасные люди. Постоянно его оскорбляют, и я не хочу, чтобы для Пирса праздник был разрушен.

— Я не знала, что для него все так плохо. Мне жаль.

— Я и сама не подозревала, насколько все плохо, пока не познакомилась с его родителями. Ты не поверишь, как они с ним разговаривают. Они не сказали ничего хорошего за весь вечер. И его отец... все, что он делал, постоянно критиковал Пирса. Ему не стоит портить себе День благодарения, проведя его с родителями.

— Ты говорила с ним об этом? О его планах на праздник?

— Нет. Я предполагаю, что он собирается быть со своей семьей, поэтому, я думаю, мне нужно поговорить с ним, прежде чем я что-нибудь решу.

— Почему бы тебе не привести его к нам? Мы будем рады с ним познакомиться поближе.

— В самом деле? Ты не возражаешь, если я приведу его домой на День благодарения?

— Конечно, нет. Милая, почему ты так думаешь?

— Потому что ты ведешь себя так, словно не одобряешь Пирса.

— Ничего подобного. Я просто хотела, чтобы ты была осторожна и не пострадала. Но я могу понять, как сильно ты его любишь. Ты говорила о нем без остановки в течение нескольких месяцев, поэтому пришло время, чтобы мы с отцом с ним познакомились.

— Спасибо, мама. Я поговорю с Пирсом и перезвоню. А теперь мне пора бежать на занятия. Позже поговорим.

Я счастлива, что мама не приняла в штыки мое нежелание ехать домой. И она хочет, чтобы Пирс поехал со мной, если я передумаю. Не могу дождаться их встречи с ним. Я знаю, что они любят его так же, как и я.

ГЛАВА 29

ПИРС

Сегодня утром я вернулся в офис в 3:45 и только что закончил отчеты. Уже 5:50, а мой отец обычно приезжает к шести. Я оставляю документы в его кабинете, возвращаюсь к себе и звоню Ройсу. Пришло время воплотить в жизнь план, который мы обсуждали. Мы не согласовывали сроки, но я не могу больше ждать. Теперь, когда мой отец узнал о Рэйчел, он сделает все, чтобы нас разлучить.

Я просто надеюсь, что Ройс не даст задний ход. Он единственный, из тех, кого я знаю, кто может мне помочь. Джек не знает об участии Ройса, и даже если бы знал, мне кажется, он бы мне не помог. Слишком рискованно, и, хотя ему нравится риск, я не думаю, что он пойдет до конца. На карту поставлено слишком много. Но Ройс? Он тоже любит рисковать. Чем больше, тем лучше. Он безрассудный и всегда таким был. Жаждет возбуждения, приходящего с тем, что он не должен делать, поэтому я знаю, он мне поможет.

Его телефон звонит несколько раз, пока он, наконец, не берет трубку.

— Привет? — Его голос звучит неуверенно. Думаю, я разбудил его. Ройс не работает, поэтому он может позволить себе спать чуть ли не до полудня.

— Ройс, это Пирс.

— Пирс? — Я слышу громкий шум, будто он шарит в поисках часов. — Еще даже шести нет. Почему, черт возьми, ты звонишь мне в такую рань?

— Что ты сегодня делаешь?

— Ты позвонил, чтобы узнать мои планы? Нужно ли мне напомнить, который сейчас час?

— Мне нужна твоя помощь. Я объясню позже, но сейчас мне нужно знать, можешь ли ты пойти со мной в город.

Он громко стонет, а потом я слышу, как он зевает.

— Зачем?

— Я объясню тебе, когда доберусь до твоей квартиры. Ты можешь или нет?

Ройс вздыхает.

— Да. Мне все равно нужно в два встретиться с моим инструктором по публичным выступлениям.

Ройс уже обучается своему будущему, как политик. Это его «работа», если ее можно так назвать. Часть его обучения включает в себя тренинг, как правильно выступать перед электоратом. Он также учится тому, как выступать на дебатах и отвечать на вопросы прессы.

— Отлично. Хороший повод.

— Извини, для чего? — спрашивает он, громко зевнув в телефон.

— Почему мне нужно в город. Я буду присутствовать на твоей речевой практике. Ты хотел узнать мое мнение, и именно поэтому я с тобой еду.

— Что, черт подери, ты несешь? Это сон? Я что, еще не проснулся?

— Послушай меня. Если мой отец спросит, скажи ему, что ты попросил меня поехать на Манхэттен с тобой, дабы оценить твое выступление. После мы собираемся поужинать и пропустить по стаканчику.

— Почему я...

— Ройс! Просто сделай это для меня. Ты сказал, что сможешь.

— Все из-за той девушки, не так ли? — Ройс снова зевает.

— Мы поговорим об этом позже. Так ты согласен или нет?

— Да не вопрос. Ты действительно думаешь, что твой отец позвонит, чтобы проверить твою историю?

— Я знаю, он так и сделает.

Синклер смеется.

— Он относится к тебе, как к пятилетнему ребенку. Интересно, позволит ли он когда-нибудь тебе вырасти?

— Вставай и одевайся. Я буду у тебя в восемь. — Вешаю трубку, прежде чем начнется новый шквал вопросов. Я не могу свободно разговаривать в офисе, тем более, мой отец может появиться в любую секунду.

— Пирс.

Поднимаю голову, а вот и он, стоит в дверях моего кабинета. Сейчас будет орать на меня из-за Рэйчел. Я удивлен, что прошлой ночью отец не звонил в воспитательных целях.

— Доброе утро, отец. Я оставил отчеты на твоём столе.

— Да. Я их видел. На этот раз ты действительно проделал отличную работу.

Я киваю, принимая его слова за комплимент. Для большинства людей такая похвала — мелочи, но не для него. И это странно. Почему он хвалит меня, вместо того, чтобы кричать и бесноваться?

Отец подходит ко мне.

— Разве не в этой одежде ты был вчера на ужине?

И вот оно. Он собирается обвинить меня в том, что я провел ночь с Рэйчел, а затем прикажет, чтобы я больше никогда ее не видел.

Оглядываю свою белую рубашку и серый полосатый галстук.

— У меня не было времени вернуться домой и переодеться. Отчеты заняли всю ночь.

— Хорошо. Я рад, что ты, наконец, приложил некоторые усилия для выполнения своих обязанностей вместо развлечений.

Я игнорирую его оскорбление и сосредотачиваюсь на том факте, что он все еще не спрашивал меня о Рэйчел. Это заставляет меня нервничать. Почему он ничего не сказал о ней?

— Вчера вечером я разговаривал с Джеком, — сообщает отец.

С Джеком? Зачем он звонил Джеку? Он же его ненавидит.

Отец продолжает.

— Джек сказал, что женщина, с которой ты был, — всего лишь развлечение. Некая встряска. Новизна, потому что тебе наскучили коллеги.

Я ничего не говорю. Я понятия не имею, что еще Джек сказал ему, поэтому лучше, если я буду молчать.

— Так это для тебя игра? — Отец злится. — Притвориться, что ты на самом деле с ней встречаешься, просто для того, чтобы расстроить свою мать и меня?

— Я не ожидал, что ты увидишь ее. Это застало меня врасплох, и я не знал, как объяснить.

Он наблюдает за моей реакцией, ища какие-то подсказки, что я лгу.

— Что ж, я больше не намерен такого терпеть. Ты должен был отправить эту женщину домой.

Я беру одну папку из кучи на моем столе.

— Мне нужно кое-что закончить, поэтому, если ты не против, я ...

— Я понимаю, что ты хочешь разнообразия, Пирс. Ты молод, и мир полон красивых женщин. Даже человек моего возраста иногда такое испытывает. Но тебе нужно прикрывать тылы. Держи свое разнообразие в тайне.

Как человек, занимающийся сексом со своими секретарями в офисе, может давать мне советы? Но я играю по его правилам.

— Да, отец. Я постараюсь быть более осторожным.

Он оглядывается, чтобы убедиться, не подслушивает ли нас кто-нибудь.

— На встрече в конце года будет голосование.

Организация. В конце года мы всегда проводим недельную встречу, на которой обсуждается прошедшее за год и новые законы, требующие голосования.

— И что на повестке?

— Мы предложили правило, согласно которому, участники группы могут встречаться с женщинами, предварительно утвержденными высшим руководством. Я не говорю о сексе без обязательств, подобных тому, что у тебя с той девчонкой, хотя это тоже плохо. То, что я имел в виду, — это настоящие отношения. В предлагаемом правиле будут разрешены только женщины, прошедшие строгий отбор и одобренные обществом.

Мой пульс ускоряется, но я даже не моргаю, мое лицо не выражает никаких эмоций.

— Вряд ли это необходимо, — говорю я. — Ни один из участников никогда не проявлял интереса к женщине, которая не соответствовала критериям.

— На самом деле сын Рэндольфа, Эзра, встречался летом с официанткой, а его отец был не в курсе. Узнал только через несколько месяцев.

— И что?

— Эзре уже подобрали жену, когда его отец узнал об интрижке с официанткой. Конечно, это ничего не меняло, он все равно был наказан.

— Почему? Нет никакого запрета против того, что он сделал.

Дерьмо. Зачем я это сказал? Я знаю, почему он был наказан. Проклятье! Пытаюсь сгладить свои слова.

— Я имею в виду, что, возможно, Эзра не знал такого правила, поскольку оно не является официальным.

Отец раздраженно кривит губы.

— Все знают это проклятое правило, а Эзра просто решил ему не следовать. Вот почему мы должны сделать все официально. Теперь он и все остальные будут вынуждены подчиняться. На самом деле, я предложил сразу выдвинуть этот запрет на голосовании на следующем заседании, а не ждать до конца года. Все согласны, так что нет необходимости в обсуждении.

Я молча киваю, изо всех сил пытаюсь скрыть растущую внутри меня тревогу. Теперь я определенно должен ускорить реализацию своего плана жениться на Рэйчел. Если я этого не сделаю, то потеряю ее навсегда. Но что произойдет, когда они узнают, что я сделал? Мои родители, вероятно, отрекутся от меня. Лишат наследства. Но меня беспокоит куда больше, что другие члены организации могут со мной сделать. Если накажут меня, то как?

— Иди домой и переоденься, Пирс. Ты выглядишь ужасно.

— Так и сделаю. Позже. Мне еще нужно сначала закончить несколько дел.

— Немедленно. Скоро все сотрудники будут здесь, и я не хочу, чтобы они видели тебя в не глаженной рубашке.

— Ладно. — Я встаю. — Но на сегодня тогда все. Ройс позвонил мне вчера вечером и спросил, смогу ли я присутствовать на его спич-тренинге. Он хочет услышать непредвзятое мнение о своих навыках публичного выступления, и я согласился.

Отец скрестил руки на груди, его глаза сузились.

— Ты должен был сначала спросить меня.

— Я не думал, что в этом есть необходимость. Мы оба знаем, что Ройс играет важную роль в наших планах на будущее. Поэтому я предположил, что ты одобришь, и, возможно, даже заставишь меня ему помочь.

Мой отец соглашается. Он ценит организацию едва ли не больше, чем нашу компанию. Из кожи вон вылезет, чтобы помочь им достичь своих целей. Ройс, избранный в Сенат через несколько лет, является одной из их целей, поэтому я знаю, что мой отец особо противоречить не будет. Но поскольку предложение исходило не от

него, он будет делать вид, что обдумывает и делает мне одолжение, согласившись на просьбу Ройса.

— Значит, ты едешь в город? — Его вопрос — это и есть его ответ. Он отпускает меня, но прямо никогда не признается.

— Да. Мы проведем там день, и после тренинга собираемся на ужин.

— Отлично. Я рад, что ты возобновляешь свою дружбу с Ройсом. У него очень перспективное будущее в политике, и было бы хорошо, если бы наши связи стали только крепче.

Я знал, что Ройс был самым подходящим человеком, чтобы мне помочь. На самом деле — идеальной кандидатурой. Мой отец рассматривает его как человека, который способен поднять имя Кенсингтона еще выше, что для него самого чрезвычайно важно. Когда я учился в Йельском университете, отец заставил меня дружить с Ройсом, потому что даже тогда организация рассматривала его как возможного политического кандидата. Он также хотел, чтобы и я пошел в политику, но меня не выбрали, в связи с чем я должен был хотя бы дружить с кем-то, кто пошел по политической стезе. Все просто — у политиков есть власть и престиж — две вещи, которые мой отец уже имеет, но всегда хочет больше.

Я хватаю пальто, и, подойдя к двери, останавливаюсь рядом с отцом.

— Я свяжусь с тобой позже, чтобы узнать, есть ли у тебя какие-либо вопросы относительно отчетов.

— Передавай Ройсу привет.

— Передам. До свидания, отец. — Я прохожу мимо него в коридор и спускаюсь в гараж.

Когда я уезжаю из офиса, то чувствую легкое волнение. Я запросто солгал своему отцу, и он мне поверил. Он всегда знает, когда я лгу, но сегодня все изменилось. Думаю, это связано с тренировками моего наставника по языку тела. Если я смог одурачить отца, я могу обмануть кого угодно.

Джек тоже солгал ему. И я удивлен, что он это сделал. Я даже не рассматривал вариант, что мой отец ему позвонит. Но он знает, что Джек внимательно следит за всем вокруг, в том числе за другими членами группы. Я уверен, что мой отец предположил, что Джек и за мной шпионил. Или, может, отец просил его о слежке. От него такого стоит ожидать. К счастью, Джек не сказал ему правду. Интересно, а сейчас за мной шпионят? Я смотрю в зеркало заднего вида, но никто, кажется, не следует за мной по пятам. Если бы Джек знал, что я задумал, я уверен, он попытался бы меня остановить. Но он не знает, так что можно вздохнуть спокойно.

Итак, теперь мой план начинает действовать. Я не знаю, сработает ли он. Я понятия не имею, согласится ли Рэйчел. Но я попытаюсь. По правде говоря, я собираюсь сделать больше, чем просто попытаться. Я собираюсь убедить ее принять мое предложение. Потому что, если не сейчас, то у нас никогда не будет другого шанса. Группа голосует через несколько недель или, может быть, даже раньше, если мой отец настаит. И если они проголосуют «да», мне не разрешат быть с Рэйчел. Возникнет официальное правило, и я не хочу даже знать наказание за его нарушение. Но на сегодняшний день нет запрета, по крайней мере, официального. Так что это мой единственный шанс. Мы должны пожениться. И в ближайшее время.

Когда я приезжаю в таунхаус Ройса, он сообщает, что мой отец уже звонил, чтобы проверить мою историю. Меня бесит, как он пытается держать меня на коротком поводке. Но я пропускаю звонок отца мимо ушей, отказываясь портить себе настроение. Я знал, что он позвонит Ройсу. Никакого сюрприза, я был уверен, что отец так и сделает.

Объясняю Ройсу, почему план, который мы обсуждали, должен быть реализован сейчас, а не позже. Затем мы обсуждаем детали.

— Они все равно тебя накажут, — предупреждает он, повязывая галстук. Когда я приехал, Ройс уже встал, но все еще был в халате. Он слишком долго собирается. Всегда был таким. Я не знаю, что, черт возьми, можно так долго делать.

— Не успеют, — отвечаю я. — Вот почему мне нужно поторопиться. На данный момент еще нет запрещающего правила.

— И когда это их останавливало? — Он разглаживает галстук перед большим зеркалом в раме, висящим над стойкой. — Если они хотят наказать тебя, они это сделают.

— Тогда я приму наказание. Они могут делать все, что захотят, мне все равно. Я забочусь лишь о Рэйчел.

Ройс берет пиджак с кушетки и набрасывает себе на плечи.

— Они могут уничтожить вашу компанию. Твой отец убьет тебя, если так и произойдет.

— Ройс, я не буду беспокоиться о сценариях «если». Мы это сделаем, что бы ни случилось. А позже уже разберемся с последствиями.

Он усмехается, и смотрит на меня исподлобья.

— А что на счет меня? У меня на кону все.

— Ты тот, кто хотел рискнуть. Передумал? Теперь боишься?

Резко расправив спину, Ройс машет рукой.

— Нет, конечно, нет. Я никого не боюсь, а особенно их.

Ложь. Он пытается притвориться, что ему все равно, но я знаю, что их он таки боится. Будь иначе, Ройс не стал бы спешить с планом, что сам же предложил. Его страх перед тем, что они сделают, если узнают правду, вызывает у него большой прилив адреналина.

— Я сделаю все возможное, чтобы свести к минимуму любой ущерб, который может возникнуть, когда все закончится, — обещаю я. — Но, если мы будем придерживаться плана, у них не будет причин тебя подозревать. Насколько тебе известно, мы просто проведем выходные у знакомого в Вегасе. Ты постоянно так делаешь. Они ничего другого и не подумают.

— Полагаю, ты прав, — улыбается он. — К тому же, я получаю халявную поездку в Вегас. Может быть, я там останусь и на День благодарения. Иначе меня ждет ужин в доме Виктории. Укрепление уз с будущими родственниками. Дерьмо. — Ройс раздосадовано качает головой.

— Ты уже устал от Виктории?

Он пожимает плечами.

— Могло быть и хуже. Она адекватная жена. Я ясно дал понять, что не буду хранить ей верность, и она это принимает. Мне нужно будет завести с ней детей, чтобы соответствовать облику семейного политика, но я планировал иметь наследника в любом случае. Мне все равно, кто его мать.

Я усмехнулся, хлопая его по спине.

— Ты такой сентиментальный.

Ройс идет к бару, чтобы налить себе выпить.

— Некоторые из нас достаточно умны, чтобы не влюбиться в женщину.

— Поверь мне, я этого не планировал.

Только восемь утра, но он уже наливает себе скотч.

— Так какво это?

— Что именно?

— Быть влюбленным. — Ройс хихикает. — Потому что я гарантирую, со мной ничего подобного не случится. Я об этом позабочусь.

Я мягко улыбаюсь, как только образ Рэйчел появляется в моей голове.

— Я не могу описать словами. Все, что могу сказать, она делает меня счастливее,

чем я когда-либо был. И она такая чертовски красивая. Не только внешне, но и внутренне она самый прекрасный человек в мире. Милая, добрая, заботливая. Я никогда не встречал таких, как она, и я уверен, что никогда и не встречу. Всякий раз, когда я рядом с ней, я ...

Ройс прерывает меня, едва ли не кашляя в свой стакан и поднимая руку.

— Достаточно. Я больше не могу тебя слушать. Ты себя слышал вообще? И ты должен увидеть свое лицо. Оно похоже на лица тех влюбленных идиотов в фильмах. Только хуже, потому что ты не играешь. Для тебя все реально. Я никогда не видел тебя таким, Пирс. Ты похож на сопливую бабу. — Он допивает свой скотч одним глотком. — Нам нужно убраться отсюда, прежде чем ты начнешь рыдать навзрыд или шлепнешься в обморок.

Я громко смеюсь.

— Тебе нужно влюбиться, Ройс. Пошло бы на пользу.

Он берет пальто со стойки, и идет к выходу.

— Если я когда-нибудь влюблюсь, просто убей меня. Моя жизнь будет кончена.

Я догоняю его у двери, готовясь сказать, что он не прав. Влюбленность заставляет чувствовать, что ваша жизнь, наоборот, только начинается. Но потом я передумал. Он все равно не поймет. Ройс не заинтересован, чтобы влюбиться или полюбить. Его любовь состоит из секса каждую ночь с новой женщиной. Мне тоже это нравилось, когда я был моложе. Но потом стало утомительным. Я хотел большего, чем просто секс. Но я принял это как свою жизнь и никогда не думал, что все может быть по-другому. Я даже не задумывался, что существует настоящая любовь, пока не встретил Рэйчел. Женщину, научившую меня любить. Женщину, прочно заполнившую все мои мысли. Мое сердце. Она заставляет меня хотеть стать лучше. Быть человеком. И, надеюсь, она скоро станет моей женой.

Когда мы добираемся до города, то направляемся в квартиру Ройса, расположенную на верхней западной части Манхэттена. Он делит ее со своим братом, Уильямом. Они используют квартиру, когда оба находятся в городе. Но поскольку Уильям в Гарварде, и не часто приезжает, Ройс переделал обстановку под свой вкус.

После того, как я оставил Синклера в квартире, я направляюсь в квартал ювелирных магазинов. Хочу найти для Рэйчел самое красивое кольцо, и поиски могут занять весь день. Но когда я его увижу, то сразу пойму — вот оно, самое идеальное. Мы с Рэйчел никогда не говорили об обручальных кольцах, но я знаю, какое она бы хотела. Или, по крайней мере, думаю, что знаю. На самом деле, она выбрала бы самый маленький камень. А жена Пирса Кенсингтона не может иметь небольшой бриллиант в кольце. Это неприемлемо, и разговоров потом не оберешься. Кроме того, я хочу, чтобы у нее было красивое кольцо с большим бриллиантом, мерцающим и сияющим так же, как она. Рэйчел приносит столько света в мою жизнь, что я чувствую, как она излучает его, когда рядом. И я хочу, чтобы это сияние с гордостью отображалось на ее пальце, как моей жены.

Моя жена. Дерьмо. Что, если она скажет «нет»? Что, если она скажет, что она не готова? Что ей нужно больше времени? У нас нет времени! Мы должны пожениться немедленно. Мы не можем ждать. Но если я не могу сказать ей, почему, так как я смогу убедить ее поспешить?

Через три часа я нахожу кольцо. Я также покупаю ей бриллиантовые серьги и ожерелье. Затем иду на Пятую авеню, чтобы приобрести еще кое-что. Сегодня утром, до поездки в город, я позвонил своему личному ассистенту и договорился встретиться с ней здесь. Когда я захожу в каждый магазин, у нее уже есть наготове несколько комплектов одежды для Рэйчел. Повседневная, которая немного изменится, когда мы вернемся. Прекрасный ассортимент нижнего белья для наших совместных ночей. И, наконец, платье. Есть несколько вариантов, и я выбираю тот, который, как я знаю,

Рэйчел точно понравится.

К концу дня я вымотан. Все мои покупки, за исключением кольца, упакованы в самолете Синклера, на котором Рэйчел, я и Ройс полетим в Вегас. Он едет с нами, чтобы все поверили в наши выходные. Мы не будем никому ничего рассказывать, пока не прилетим. И когда позвоним нашим семьям, то прикинемся пьяными. Сидели, выпивали в Нью-Йорке, и вдруг решили взять самолет Ройса и махнуть в Лас-Вегас. Для меня это непривычно, а вот для Ройса в порядке вещей. Обычно я себя так не веду, но Синклер обладает даром убеждения раздвигать границы, поэтому я думаю, мой отец действительно может поверить в эту историю. И он не должен слишком расстраиваться. В конце концов, он сам хотел, чтобы мы с Ройсом стали лучшими друзьями, и это именно то, что я делаю, или то, что он думает, что я делаю.

Я переговорил с Ройсом сегодня днем, и он сказал, что у него уже есть люди, работающие над пресс-релизом. Его разошлют после того, как мы с Рэйчел поженимся. Объявление появится во всех СМИ, прежде чем мы вернемся в Коннектикут.

В пресс-релизе будет объявлено, что мы с Рэйчел обручились, и наша свадьба запланирована на весну. Только наши семьи и организация будут знать правду. Я говорю об организации, потому что, если я уже законно женат, они не смогут ничего сделать. Слишком поздно. И, как заметил Ройс, мой отец не станет бойкотировать мою фальшивую свадьбу весной, потому что это плохо отразится на мне. Мне же нужно стать зрелым и ответственным, и разрыв помолвки заставит меня выглядеть так, будто я еще несмышлёное дитя, и не знаю, чего хочу. Мой брак с Кристиной уже оставил обо мне негатив в прессе. И мой отец не может позволить себе повторения истории.

Около четырех я возвращаюсь в Коннектикут. Ройс остается в Нью-Йорке. Согласно плану, сегодня вечером мы встречаемся в аэропорту и летим в Вегас.

Я возвращаюсь в свой лофт и упаковываю сумку. Затем принимаю душ, бреюсь и надеваю костюм. Если бы у меня было больше времени, я бы придумал целую речь касательно предложения руки и сердца, но теперь это невозможно, и, честно говоря, я не думаю, что Рэйчел захочет чего-то помпезного. Она предпочла бы что-то более простое, и, надеюсь, это я в костюме и с кольцом, потому что на большее у нас нет времени.

В 5:45 я стучусь в ее дверь, мое сердце бешено колотится. Я нервничаю. Чрезвычайно. Не из-за женитьбы на Рэйчел, а из-за ее ответа. Потому что, если она скажет «нет», для нас наступит конец. А этого не может быть. Мне нужна она, в моей жизни. У меня даже ее не будет, если Рэйчел в ней нет.

Сегодня ей не нужно было работать в музее, поэтому она приехала домой на пару часов раньше. Я позвонил ей и сказал, что еду. Она думает, что мы просто собираемся на свидание. На ужин и, возможно, в кино.

Когда Рэйчел открывает дверь, я чувствую, что улыбаюсь. Одна из тех больших, идиотских улыбок, возникающих автоматически каждый раз, когда я вижу ее. Это просто подтверждает, насколько я люблю Рэйчел. Насколько она освещает мой темный, одинокий мир. Насколько она наполняет меня счастьем.

— Пирс. — Она тоже улыбается и втягивает меня в свою квартиру. Помещение заполнено тюльпанами в вазах, расставленных по комнате. Я заказал пятнадцать десятков разных цветов и доставку на сегодня.

Рэйчел выглядит красивой, как всегда. Ее длинные, распущенные волосы, мягкими волнами лежат на плечах, и она одета в синее платье, которое носила на нашем первом свидании. Это скорее летнее платье, без рукавов, поэтому она надевает поверх него белый кардиган, чтобы закрыть руки. У нее не много одежды, но скоро все изменится. Когда она станет моей женой, у нее будет вся одежда, которую она только захочет.

Я притягиваю ее в объятия и целую. Рэйчел пахнет лавандой, из-за мыла, которым пользуется. Мне нравится ее аромат. Я нахожу его успокаивающим, возможно потому, что связываю его с ней.

— Я вижу, ты получила цветы, — говорю я.

— Да. Спасибо тебе, они великолепны. Но почему их так много? Похоже, теперь здесь цветочный магазин.

— Тебе нравятся тюльпаны.

Она улыбается мне. Ей не нужно, чтобы я объяснял. Она знает, что я ничего не делаю вполсилы. И, надеюсь, Рэйчел об этом вспомнит, когда я вытащу кольцо.

— Почему ты так одет?

Я нежно целую ее.

— Как так? Я всегда ношу костюм.

— Не тогда, когда у нас свидание. Ты пришел прямо с работы?

— Нет, сегодня я взял выходной.

— Что?

— Да. Вместо того чтобы работать, я ходил по магазинам и делал покупки.

— Покупки? — Она удивленно смеется. Я люблю ее смех. — Ты ненавидишь делать покупки.

— Ты права. Но сегодня это того стоило.

— И что ты купил?

— Расскажу через минуту. Во-первых, я должен кое-что спросить.

— Хорошо. Давай.

Мое сердце словно взбесилось. Я пытаюсь контролировать свое дыхание, но Рэйчел замечает, как порывисто двигается моя грудная клетка.

Она с тревогой берет меня за руку.

— Пирс, ты в порядке?

— Да. — Я вздохнул, стараясь успокоить нервы. Мне просто нужно задать один вопрос, и все. И если услышу «нет» от Рэйчел, я всю ночь буду пытаться ее переубедить. А вдруг не получится? Дерьмо. Она не может сказать «нет».

— Пирс, говори уже. — Она выглядит обеспокоенной, а я не хочу, чтобы она волновалась. Я хочу, чтобы она была счастлива.

Я беру обе ее руки в свои, и только ощущение наших рук, соединенных вместе, расслабляет меня, и я могу говорить.

— Рэйчел. С первого момента, когда я увидел тебя, знал, что должен узнать твое имя. И как только узнал, я понял, что должен снова с тобой встретиться. И как только мы встретились, я почувствовал, что не могу отпустить тебя. Потому что я знал, что люблю тебя. Я давно это знал. — Выдохнув, пристально смотрю на нее. — Я даже не могу рассказать тебе, насколько ты важна для меня. Ты изменила мою жизнь. Ты принесла свет в мою темноту. Ты первая заставила меня испытывать счастье.

Слезы бегут по ее щекам, но она улыбается. Надеюсь, это хороший знак.

— Я люблю тебя, Рэйчел, больше, чем могу описать. Я не знал, что такая любовь существует, пока не встретил тебя. Вот почему я, без сомнения, знаю, что ты та самая. Та, с которой я должен быть. Женщина, которую я хочу рядом со мной на всю оставшуюся жизнь. — Я отпустил ее руку и потянулся к карману пиджака. Слезы продолжают скользить по щекам Рэйчел, когда она наблюдает, как я достаю коробочку и держу ее перед собой, опускаясь на одно колено.

— Рэйчел. — Я медленно открываю крышку. — Ты выйдешь за меня?

Она даже не смотрит на мои руки. Любая другая женщина кинулась бы рассматривать кольцо. Но не Рэйчел. Речь не о нем. А о ней и обо мне, поэтому ее глаза ищут мои.

— Пирс. — Она плачет, и я не уверен, что это значит. Слезы грусти и печали, пото-

му что она собирается меня оттолкнуть?

Кажется, проходит вечность, пока я жду ответа.

Затем я вижу, как она медленно кивает, ее улыбка становится шире.

— Да, Пирс. Я хотела бы выйти за тебя замуж.

Я вскакиваю и, притянув Рэйчел к себе, обнимаю, крепче, чем ей нравится, но я не могу с собой ничего поделаться. Она сказала «да»! Эта прекрасная, любящая, заботливая, умная, удивительная женщина согласилась выйти за меня замуж.

Когда я, наконец, отпустил ее, то снова вручил ей кольцо. На этот раз она смотрит прямо на него.

Ее глаза испуганно расширяются.

— Боже мой. Это самый большой бриллиант, который я когда-либо видела!

Я достаю кольцо из коробочки.

— Не такой уж и большой, всего четыре карата. Я бы купил большее, но у тебя тонкие, изящные пальцы, и я не думаю, что огромный камень будет выглядеть красиво. — Надеваю кольцо на ее пальчик. Идеально подходит. Рэйчел как-то забыла одно из своих колец у меня в лофте на прошлой неделе, поэтому я захватил его в ювелирный, чтобы купить необходимый размер.

Она протягивает руку, любуясь игрой света в камне.

— Оно прекрасно.

Я ласково улыбаюсь.

— Неплохо для кого-то, кто не знает, как делать покупки.

Рэйчел обнимает меня и целует.

— Кольцо отличное. Но любое кольцо, которое ты выбрал бы, было бы идеальным, потому что оно от тебя. Я люблю тебя, Пирс. Я так сильно люблю тебя.

Каждый раз, когда она говорит о своих чувствах, я ощущаю тепло в груди. Рэйчел единственная, кто когда-либо говорил мне о любви, и она повторяет это постоянно. Похоже на то, что она пытается компенсировать мне все годы, когда никто мне не говорил подобного. Я люблю ее за это. Мне нравится, как она обо мне заботится. Настоящий я, а не тот, кого я изображаю перед остальными. Мне нравится, что ей не нужны деньги, статус или мое имя. Ничего из этого для нее не важно. Она даже не знает этой стороны моей жизни. Она знает только ту сторону, которую я разделяю только с ней.

Ее любовь ко мне настоящая, искренняя, сильная. Старый я сомневался бы в ее чувствах, но новый я об этом не думает. Я не сомневаюсь, когда дело доходит до нее. То, что между нами, — реально. Я чувствую все так глубоко в моей душе, и не хочу, чтобы эти чувства уходили. Вот почему я не знаю, что бы сделал, если бы Рэйчел мне отказала. Я не могу потерять ее. Я никогда не смогу без нее даже дышать.

Она мягко улыбается мне.

— Я не могу поверить, что мы это делаем. Но я так счастлива. Не могу дождаться, чтобы провести остаток своей жизни с тобой.

Мое сердце снова начинает колотиться.

— Я рад, потому что я чувствую то же самое. Вот почему у меня есть еще один вопрос.

— Слушаю.

Я беру ее за руку.

— Пойдем, сядем.

— Почему? — Она снова встревожена. — Что-то не так?

— Нет, все в порядке. — Я веду Рэйчел к дивану и усаживаю. Когда мы садимся, она спрашивает: — Пирс, просто скажи все, о чем думаешь. Ты вынуждаешь меня нервничать.

Я смотрю на наши соединенные руки, а затем снова на нее.

— Помнишь, мы говорили, что если любим друг друга, нет причин ждать, чтобы пожениться?

Она осторожно кивает.

— Да.

— Ты все еще так думаешь?

— Хм, не знаю. Наверно да.

— Значит, если бы я сказал, что хочу жениться на тебе завтра, ты согласишься?

Рэйчел неожиданно смеется, полагая, что я шучу.

— Конечно. Почему нет? Я люблю тебя, и хочу стать твоей женой.

— Хорошо. Потому что я хочу, чтобы мы поженились завтра.

ГЛАВА 30 ПИРС

Тридцать шесть часов спустя

Я просыпаюсь с Рэйчел, она в моих объятиях, ее голова лежит на моей груди. Все еще спит, а я хочу взглянуть на нее. Она такая невероятно красивая.

Целую ее в макушку, тем самым разбудив.

— Доброе утро.

Открыв глаза и подняв голову, Рэйчел мне улыбается.

— Доброе.

Я снова ее целую, на этот раз в губы.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Она целует меня в ответ, а затем опускает голову мне на плечо.

— Чем бы ты хотела сегодня заняться?

— Остаться здесь. С тобой.

— Мы могли бы прогуляться сегодня вечером. Поужинать. Может быть, посмотреть шоу.

— Или мы могли бы остаться в постели. — Рэйчел снова целует меня, проводя рукой по моей груди. — Заказать обслуживание в номер. И устроить собственное шоу.

— Звучит прекрасно. — Я скольжу рукой по ее изгибам, чувствуя мягкость ее кожи. — Но я думал, что должен, по крайней мере, предложить тебе прогуляться, потому что ты никогда раньше здесь не была.

— Казино меня не интересуют. И мы можем увидеть шоу в другой раз. — Она счастливо вздыхает. — Прямо сейчас я просто хочу тебя.

— И я полностью твой. — Прокладываю цепочку поцелуев по ее щеке и шее. — На- всегда.

Улыбка освещает ее лицо, доходя до ярких голубых глаз.

— Это меня очень радует.

Я поцеловал ее руку, чуть ниже сверкающего бриллиантового кольца с четырьмя каратами, расположенного на ее пальце.

— Это все, чего я хочу. Чтобы ты была счастлива. И я обещаю, что сделаю для этого все возможное.

— Тебе не нужно ничего делать, Пирс. Пока мы вместе, я уже счастлива. — Она закрывает глаза, но не перестает улыбаться.

Рэйчел действительно имеет в виду то, что сказала. Она счастлива только со мной. Ей не нужна дизайнерская одежда, дорогие украшения или особняк, чтобы быть счастливой. Она просто нуждается в нас.

— Завтракать будем? — спрашиваю я ее.

Рэйчел игриво смотрит на меня, ее рука блуждает под простыней.

— Я предпочла бы сделать нечто иное в первую очередь. С моим мужем.

— Хорошо, миссис Кенсингтон. — Я переворачиваю Рэйчел на спину. — Ваше желание для меня закон.

Мы проводим остаток дня в постели. После церемонии мы еще ни разу не выходили из номера. Свадьба состоялась вчера в маленькой часовне возле Вегаса. Ройс присутствовал вместе с девушкой, с которой познакомился в тот же день. Она все еще была одета в костюм из шоу, с ярко-голубыми перьями.

Это была настоящая свадьба в Вегасе. Не думал я, что когда-нибудь смогу пойти на такое. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Это была не та свадьба, которую я хотел для Рэйчел. Я хотел, чтобы воплотилась ее мечта о церемонии в прекрас-

ной обстановке, с цветами, свечами и всем остальным, что она только себе намечтала. И она получит все это весной, когда мы снова сыграем свадьбу.

Я рассказал ей о своих планах на вторую свадьбу в прошлую пятницу, объяснив, что, учитывая, кто я, у меня нет выбора. Я сказал ей, что это будет помпезное событие в высшем обществе, и не обойдется без внимания со стороны средств массовой информации. Что касается планов на этот уик-энд, я пояснил, почему нам нужно торопиться и сыграть тайную свадьбу. Нельзя было сказать всю правду, потому что это означало бы рассказать ей об организации. А я не могу. Поэтому использовал своих родителей в качестве причины, по которой нам пришлось сбежать. Я был совершенно честен с ней и признался, что они не одобряют ее и, вероятно, никогда не будут. Ей нужно это знать, потому что мои родители не изменят своего мнения, а Рэйчел не должно это заботить. Встретив их, она узнала, что они не заинтересованы в моем счастье. В отличие от нее. Рэйчел — единственный человек в моей жизни, который хочет, чтобы я был счастлив. Поэтому, когда я сказал ей, что мои родители сделают все возможное, чтобы не дать нам пожениться, она согласилась сбежать со мной. Она не хотела, чтобы они мешали нашему будущему.

Что касается ее собственных родителей, она считала, что должна рассказать им, но потом передумала. Рэйчел знала, что они будут разочарованы, и не хотела, чтобы они пытались ее отговорить. Она любит своих родителей и испытывает сильную потребность им угодить, но также хочет быть независимой, а они пытаются ей противостоять. В некотором роде наши ситуации схожи. Мой отец пытается контролировать меня, и ее мать делает то же самое, но по-разному. Мы оба боремся с их контролем, желая следовать своему собственному пути. Именно эта общая цель помогла сделать нашу тайную свадьбу возможной. Рэйчел хочет быть со мной так же сильно, как я хочу быть с ней, и мы против, чтобы наши семьи вмешивались.

Ни один из нас даже не упоминал о наших родных после церемонии. Прямо сейчас мы пытаемся сохранить наше состояние блаженства, оставаясь в роскошном люксе на верхнем этаже пятизвездочного отеля. Все наши потребности удовлетворяются, поэтому мы можем просто расслабиться и смаковать последние несколько часов вместе, прежде чем вернемся к реальной жизни.

Когда это произойдет, развернется ад. Я знал о последствиях, но не особо беспокоился. Но сейчас, когда пришло время возвращаться, я начинаю паниковать. Я абсолютно не знаю, что произойдет. Будет плохо, но я не знаю насколько. Родители Рэйчел будут расстроены, но мои будут в ярости. И это помимо возмущения. Я даже не могу представить, что сделает мой отец. Если бы он мог убить меня, он, вероятно, так бы и сделал, но я его единственный сын, и ему нужно кому-то передать компанию, так что это не вариант. Но он может заставить меня пожалеть, что я жив.

Когда в комнате темнеет, и наступает вечер, я обнимаю Рэйчел, и она прижимается ко мне, а ее рука мягко ласкает мою грудь.

— Пирс, расслабься, — просит она, чувствуя мое беспокойство. Как будто может читать мои мысли. Рэйчел ощущает мой стресс и знает, что я думаю о своем отце. — Все будет хорошо.

Если бы только ее слова оказались правдой. Она всегда пытается увидеть положительную сторону, и мне это нравится. Но Рэйчел не была бы такой оптимисткой, если бы знала все о моей жизни. Она не в курсе всей истории, и не знает реальной причины, почему мы не должны быть вместе. Не подозревает об организации. О правилах и запретах, и что может произойти, если их нарушают.

Хуже всего, она не знает меня. Она понятия не имеет, что я сделал или что я буду вынужден делать в будущем. Я должен оградить ее от той стороны меня. Мне не нравится лгать ей, но я не могу сказать правду. Я никогда не могу сказать ей все.

Итак, моя жизнь останется тайной, как всегда.

Но, по крайней мере, сейчас у меня есть счастье.

По крайней мере, сейчас у меня есть любовь.

По крайней мере, сейчас у меня есть Рэйчел.

Заметки

◆1

МВА - степень в бизнесе. Квалификация МВА подразумевает способность выполнять работу руководителя среднего и высшего звена

◆2

Диплом об общем (среднем) образовании; выдаётся сдавшим тесты по программе средней школы

◆3

Рак крови; то же, что лейкемия

◆4

прим. Лофт - верхняя часть здания промышленного назначения (фабрики, завода), переоборудованная под жильё

◆5

прим. Схема Понци - финансовая пирамида, наз. в честь основателя Чарльза Понци. Ее главный принцип - проценты по инвестициям выплачивались за счет притока новых клиентов

◆6

Прим. - Свинг (swing) - основное движение удара всеми клюшками кроме паттера. Свинг состоит из отведения клюшки (замаха), движения вниз, непосредственно удара и завершения.

◆7

Гар (Гэп) – американский бренд выпускающий одежду, обувь, нижнее белье, куртки, аксессуары для мужчин, женщин и детей. Относится к среднему ценовому сегменту

◆8

Поло - трикотажный предмет одежды, имеющий короткую застёжку со стояче-отложным воротником.)

◆9

прим. роман американской писательницы Луизы Мэй Олкот

◆10

игра слов. В англ. варианте фамилия Виктории пишется как Lissfeld, а прозвище

